UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00008939 1

Островскій

ПЕРЕПЛЕТНАЯ М. МЕНДЕЛЬ
ОДЕССА
д. № 46.
НѢЖИНСК. ДВОРЯНСК.

Ostrovskiĭ, Aleksandr Nikolaevich
III

СОЧИНЕНІЯ

Sochineniia

А. Н. ОСТРОВСКАГО

10. izd.

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ

v. 5=6

ТОМЪ ПЯТЫЙ

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ КНИЖН. МАГ. В. ДУМНОВА, ПОДЪ ФИРМОЮ «НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ».
1896.

PG
3337
D8
1896
v.5-6
696599
7.3.59

Гипо-Литографія О. И. Лашкевичъ и К°, Петровка, д. Обидиной.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГОДЫ.		СТРАН.
1866.	Пучина.	1
1865.	На бойкомъ мѣстѣ.	73
1867.	Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій.	134

ПУЧИНА.

СЦЕНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Кириллъ Филиппычъ Кисельниковъ, молодой человѣкъ, 22-хъ лѣтъ
Антонъ Антонычъ Погуляевъ, студентъ, кончившій курсъ, 21-го года.
Пудъ Кузьмичъ Боровцовъ, купецъ, 40-ка лѣтъ.
Дарья Ивановна, жена его.
Глафира Пудовна, ихъ дочь, 18-ти лѣтъ.
Лупъ Лукичъ Переярковъ, чиновникъ.
Іона Іонычъ Турунтаевъ, военный въ отставкѣ.
Гуляющіе обоего пола.

Нескучный садъ. Лугъ между деревьями; впереди дорожка и скамья въ глубинѣ дорожка, за дорожкой деревья и видъ на Москву-рѣку.— Около 30 лѣтъ назадъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПРОХОДЯТЪ КУПЦЫ СЪ ЖЕНАМИ.

Купецъ.

Ай да Мочалóвъ! Уважилъ!

Жена.

Только ужъ эти представленія смотрѣть ужъ очень жалостно, такъ что ужъ даже черезчуръ.

Купецъ.

Ну да, много ты понимаешь!

Жена.

Чего же тутъ не понимать-то! Извѣстное дѣло, все отъ пріятелевъ; это мы и прежде знали.

2-й купецъ.

Ужъ точно, что уважилъ. Не жаль деньги заплатить.

1-й купецъ.

Какъ написано, что „жизнь игрока", такъ онъ точно игрока и представилъ.

Жена.

Съ кѣмъ поведешься, таковъ и самъ будешь. Вотъ теперича Мочалòвъ связался съ этимъ... какъ его...

2-й купецъ.

Съ Валмиромъ.

Жена.

Ну, тамъ, какъ ни на есть. Связался съ нимъ, ну, и въ бѣдность пришелъ, и все такое.

2-й купецъ.

И даже въ уголовномъ дѣлѣ попался. Это вы вѣрно, что отъ пріятелевъ. Отъ кого мы занимаемся дурному чему-нибудь? Самому не выдумать; потому въ голову не придетъ. А все отъ другихъ.

1-й купецъ.

И все это вы пустяки говорите. Всякій себѣ самъ виноватъ. Коли я добрый человѣкъ да имѣю свой разумъ, такъ что̀ мнѣ пріятели? Все одно, что ничего. А коли я дуракъ, либо мошенникъ, да ежели началъ распутничать, такъ ужъ ничто дѣлать, что на пріятелей сворачивать.

2-й купецъ.

Но, однакожъ...

1-й купецъ.

Что „однакожъ?" Стой твердо, потому одинъ отвѣчать будешь! Отвѣтчика за себя не поставишь. Какъ жилъ, что̀ дѣлалъ? Такъ и такъ, молъ, пріятели. А у тебя есть своя голова на плечахъ? Законъ знаешь? Ну, и шабашъ, и конченъ разговоръ.

Жена.

А другой человѣкъ увлекательный?

1-й купецъ.

Ну, такъ что̀-жъ! Ну, туда ему и дорога! Не будь увлекательный.

Жена.

Да, вѣдь, жалко.

1-й купецъ.

Ничего не жалко. Знай край, да не падай. На то человѣку разумъ данъ. *(Проходятъ. Погуляевъ и нѣсколько студентовъ.*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Погуляевъ и нѣсколько студентовъ.

Погуляевъ.

А какъ хорошъ былъ сегодня Мочаловъ. Только жаль, что пьеса плоха.

1-й студентъ.

Сухая пьеса. Голая мораль.

2-й студентъ.

Всѣ эфекты, всѣ ужасы нарочно прибраны, какъ на подборъ. Вотъ, молъ, если ты возьмешь карты въ руки, такъ убьешь своего отца, потомъ сдѣлаешься разбойникомъ, да мало этого—убьешь своего сына.

1-й студентъ.

Какая это пьеса! Это вздоръ, о которомъ говорить не стоитъ. „Чортъ не такъ страшенъ, какъ его пишутъ". Чорта нарочно пишутъ страшнѣе, чтобъ его боялись. А если чорту нужно соблазнить кого-нибудь, такъ ему вовсе не расчетъ являться въ такомъ безобразномъ видѣ, чтобъ его сразу узнали.

Всѣ *(смѣются)*.

Ха, ха, ха! Да, это правда. *(Входитъ Кисельниковъ, щегольски одѣтый.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Погуляевъ, Кисельниковъ и студенты.

Погуляевъ.

А, другъ любезный! Какъ я тебя давно не видалъ!

1-й студентъ.

Гдѣ ты пропадалъ?

2-й студентъ.

Какой ты розовый, веселый! Я тебя два года не видалъ.

Погуляевъ.

Ты не кончилъ курса?

Кисельниковъ.

Не кончилъ.

Погуляевъ.

Отчего же?

Кисельниковъ.

Да такъ, не кончилъ, да и все тутъ. Впрочемъ, я занимаюсь, я много занимаюсь; а такъ, некогда было. Я буду держать на кандидата. Впрочемъ, я еще это все успѣю.

1-й студентъ.

Какой вечеръ. превосходный!..

Кисельниковъ.

Удивительный вечеръ! Воздухъ какой! Что за нѣга! Я теперь, когда сталъ свободнымъ человѣкомъ, весь отдаюсь природѣ, наслаждаюсь ею вполнѣ. Вы этой прелести не знаете, вы — люди ученые, занятые.

Погуляевъ.

Ты совсѣмъ перемѣнился, тебя и узнать трудно.

Кисельниковъ.

Что же, я лучше сталъ, или хуже?

Погуляевъ.

Не знаю, какъ сказать! Только жаль, что ты бросилъ университетъ.

Кисельниковъ.

Нельзя было оставаться. Вы послушайте, я вамъ все разскажу. Отецъ у меня былъ строгій, капризный старикъ, не пускалъ меня никуда изъ дому, не давалъ мнѣ ни копейки денегъ. По вечерамъ насильно заставлялъ меня сидѣть за лекціями. Все это мнѣ надоѣло и опротивѣло до нѣльзя. Въ прошломъ году онъ умеръ и оставилъ мнѣ порядочное состояніе. Вдругъ въ моемъ распоряженіи довольно денегъ, а главное — свобода; ну, разумѣется, я сейчасъ же захотѣлъ воспользоваться свободой, немного развлечься, погулять; такимъ образомъ я, мало-по-малу, отсталъ отъ университета. Впрочемъ, я догоню, стоитъ только заняться... Стихи пишу отъ скуки, выходитъ недурно.

2-й студентъ.

Что же ты думаешь съ собой дѣлать?

Кисельниковъ.

Вотъ выдержу на кандидата, поѣду въ Петербургъ, поступлю на службу. А пріятно пожить на свободѣ!

1-й студентъ.

Свобода свободой, а все же надо дѣлать что-нибудь; безъ этого нельзя.

Кисельниковъ.

Разумѣется. Я непремѣнно займусь дѣломъ; теперь у меня голова занята.

Погуляевъ.

Чѣмъ это?

Кисельниковъ.

Какъ бы тебѣ это сказать? Ну, просто, я влюбленъ безъ памяти.

2-й студентъ.

Вотъ какъ! Ну, что же, и счастливо?

Кисельниковъ.

Да, конечно.

Погуляевъ.

О, братъ, твоя жизнь завидная!

Кисельниковъ.

Да, именно, мнѣ можно позавидовать. Дня черезъ два и свадьба.

Погуляевъ.

Такъ скоро?

Кисельниковъ.

Что-жъ ждать-то! Теперь и жить, пока молоды.

1-й студентъ.

Да, вѣдь, ты еще не доучился, ты самъ сознаешься. По-моему, нужно сначала доучиться, да потомъ себѣ опредѣленное положеніе найти, тогда ужъ и жениться. А главное-то — нужно средства имѣть.

Кисельниковъ.

У меня средства есть.

2-й студентъ.

А позволь спросить, какія?

Кисельниковъ.

Свой домикъ есть, тысячъ семь денегъ.

Погуляевъ.

Долго ли же ихъ прожить, ничего-то не пріобрѣтая?

Кисельниковъ.

За женой возьму; тесть обѣщалъ шесть тысячъ.

1-й студентъ.

Во-первыхъ, обѣщанія не всегда исполняются, а во-вторыхъ, съ деньгами нужно обращаться умѣючи: или онѣ у тебя будутъ лежать безъ всякой пользы, или ты ихъ прожившь скоро.

Кисельниковъ.

У меня есть дѣловой человѣкъ, я отдамъ ему деньги на его обороты, онъ мнѣ будетъ проценты платить.

Погуляевъ.

А его обороты лопнутъ, что тогда?

Кисельниковъ.

Этого быть не можетъ... онъ — купецъ извѣстный.

2-й студентъ.

А по-моему, нѣтъ ничего лучше, какъ жить на свои трудовыя.

Кисельниковъ.

И я буду трудиться, буду служить.

Погуляевъ.

А много ли ты получишь, не конча-то курса, не имѣя чина? Сто, двѣсти рублей, не больше. Заведутся дѣти, будетъ нужда-то подталкивать, сдѣлаешься неразборчивъ въ средствахъ, руку крючкомъ согнешь. Ахъ, скверно!

Кисельниковъ.

Ну, вотъ какія мрачныя картины! Главное, что мнѣ нравится въ семействѣ моего тестя — это патріархальность. Самъ я человѣкъ смирный...

1-й студентъ.

Да, вѣдь, патріархальность — добродѣтель первобытныхъ народовъ. Въ наше время нужно дѣло дѣлать, нужны и другія достоинства, кромѣ патріархальности.

2-й студентъ.

Патріархальность-то хороша подъ кущами, а въ городахъ нужно пожинать плоды цивилизаціи.

Кисельниковъ.

Ну, да во всякомъ случаѣ я ужъ рѣшился; что сдѣлано, того не воротишь. *(Погуляеву.)* А ты что думаешь съ собой дѣлать?

Погуляевъ.

Я ѣду въ Петербургъ. Я нашелъ частную должность, да займусь журнальною работой, коли гожусь на это дѣло, такъ ладно, а то другой работы поищу.

Студенты.

Прощай, Погуляевъ! Прощай, Кисельниковъ!

2-й и 3-й студенты.

Желаемъ тебѣ счастья! *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Погуляевъ и Кисельниковъ.

Кисельниковъ.

Погуляевъ, ты добрѣе ихъ; пойдемъ, я тебѣ покажу свою невѣсту.

Погуляевъ.

Покажи.

Кисельниковъ.

Вонъ она идетъ съ своимъ семействомъ.

Погуляевъ.

А еще-то съ ними кто же?

Кисельниковъ.

О, это все милѣйшіе и самые простые люди! *(Входятъ Боровцовъ, Боровцова, Глафира, Переярковъ въ форменномъ фракѣ, тростью съ золотымъ набалдашникомъ, и Турунтаевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Погуляевъ, Кисельниковъ, Боровцовъ, Боровцова, Глафира, Переярковъ и Турунтаевъ.

Переярковъ.

Посмотрите, посмотрите, что̀ за картина! *(Показываетъ тростью на западъ.)* Солнце склоняется къ западу, мирные поселяне возвращаются въ свои хижины, и свирѣль пастуха... *(Обращаясь къ проходящему.)* Потише, милостивый государь! Потише, говорю я вамъ!

Проходящій.

Извините!

Переярковъ.

Надо различать людей. *(Показывая на свой орденъ.)* Видите, милостивый государь.

Прогуляевъ.

Про какую онъ тамъ свирѣль говоритъ? Никакой свирѣли не слышно.

Кисельниковъ.

Ну, ужъ это нужно ему извинить. Зачѣмъ къ такимъ мелочамъ привязываться? Онъ — человѣкъ отличный. Люди семинарскаго образованія всегда склонны къ реторикѣ.

Переярковъ *(указывая тростью).*

Солнце склоняется къ западу...

Боровцова.

Отчего же это оно къ западу? Развѣ ужъ ему такой предѣлъ положенъ?

Боровцовъ.

Извѣстное дѣло—предѣлъ, а то еще что же!

Боровцова.

А какъ въ чужихъ земляхъ? И тамъ тоже солнце на западъ садится?

Переярковъ.

Навѣрное-то сказать трудно, потому что во многихъ земляхъ, гдѣ у насъ западъ, тамъ у нихъ востокъ приходится. Да вотъ Іона много походовъ сломалъ, онъ намъ скажетъ. Ну, какъ въ Турціи, гдѣ солнце садится?

Турунтаевъ.

Постойте, постойте! Вотъ такъ Шумла *(показываетъ руками)*, вотъ такъ нашъ лагерь, а солнце садилось вотъ такъ, въ эту сторону.

Боровцова.

Хорошо бы побывать въ разныхъ земляхъ, чтобы знать, какъ у нихъ тамъ: какъ солнце садится, какъ другое что.

Боровцовъ.

Все это—суемудріе, мечта. Мы на этомъ свѣтѣ все равно, что въ гостинницѣ; тамъ ужъ гдѣ ты ни живи, все одинъ конецъ. Семейный человѣкъ живи въ своей семьѣ, потому онъ—глава. Куда я, семейный человѣкъ, поѣду? Конечно, кто праздношатающій...

Переярковъ.

Или по службѣ...

Турунтаевъ.

Пошлютъ, пойдешь.

Боровцовъ.

Про службу что̀ и говорить! Служба особь-статья. Если ты по службѣ куда идешь, такъ ужъ это, значитъ, твое должное.

Переярковъ.

Какой тутъ разговоръ.

Турунтаевъ.

Намъ вездѣ свой домъ.

Боровцовъ.

И опять же ваша пѣшая служба супротивъ морской много легче. Вы то̀ возьмите: другой разъ пошлютъ съ кора блемъ-то отыскивать, гдѣ конецъ свѣту; ну, и плывутъ. Видятъ моря такія, совсѣмъ невѣдомыя, морскія чудища кругъ корабля подымаются, дорогу загораживаютъ, вопятъ разными голосами; птица-сиренъ поетъ; и нѣтъ такой души на кораблѣ, говорятъ, которая бы не ужасалась отъ страха, въ онѣмѣніе даже приходятъ. Вотъ это—служба!

Погуляевъ.

Что̀ они говорятъ?

Кисельниковъ.

Добрые люди, другъ мой, добрые люди! Ты критику-то оставь. Они — люди неученые, это правда; за то сердце у нихъ лучше нашего. Подойдемъ къ нимъ, я тебя познакомлю. *(Подходятъ.)*

Боровцовъ.

Вотъ и женихъ. Гдѣ это ты запропалъ? Посмотри, невѣста-то ужъ плачетъ, что давно не видала.

Глафира.

Ахъ, что̀ вы, тятенька! Даже совсѣмъ напротивъ.

Боровцовъ.

А ты, дура, нарочно заплачь, чтобъ ему было чувствительнѣе.

Кисельниковъ.

Вотъ позвольте познакомить васъ съ моимъ товарищемъ.

Боровцовъ.

Оно, конечно, безъ товарищевъ нельзя; только ужъ женатому-то надо будетъ отъ нихъ отставать, потому отъ нихъ добра мало. А какъ ваше имя и отчество.

Погуляевъ.

Антонъ Антонычъ Погуляевъ.

Боровцовъ.

Такъ-съ. Состояніе имѣете?

Погуляевъ.

Нѣтъ.

Боровцовъ.

Плохо. Значитъ, вы моему зятю не компанія.

Кисельниковъ.

Это все равно, мы съ нимъ съ дѣтства друзья.

Переярковъ.

Вы кончалой?

Погуляевъ.

Да; то-есть, я кончилъ курсъ.

Переярковъ.

Ну, я про то-то и спрашиваю. Изъ разночинцевъ?

Погуляевъ.

Изъ разночинцевъ.

Переярковъ.

Изъ мѣщанъ или изъ приказныхъ дѣтей?

Погуляевъ.

Мой отецъ былъ учитель.

Переярковъ.

Ну, все одно, что изъ приказныхъ. Теперь разночинцамъ дорога, кто кончитъ въ университетѣ.

Турунтаевъ.

Вы въ военную! Черезъ полгода офицеръ; дворянинъ, значитъ; вы грамотей, такъ, пожалуй, казначеемъ сдѣлаютъ, послужите, роту дадутъ; наживите денегъ, да крестьянъ купите — свои рабы будутъ. Вы, вѣдь, не изъ дворянъ, такъ это вамъ лестно.

Переярковъ.

Хорошо и въ штатскую. Я до титулярнаго-то двадцать-пять лѣтъ служилъ, а васъ, гляди, года черезъ четыре произведутъ.

Погуляевъ.

Я не думаю служить.

Переярковъ.

Не одобряю.

Погуляевъ.

Въ учителя хочу.

Переярковъ.

Ребятишекъ сѣчь? Дѣло! Та же служба. Только какъ вы характеромъ? Строгость имѣете ли?

Турунтаевъ.

Пороть ихъ, канальевъ! Вы какъ будете: по субботамъ, или какъ вздумается, дня положеннаго не будетъ? Вѣдь, методы воспитанія разныя. Насъ, бывало, все по субботамъ.

Погуляевъ.

Ужъ я, право, не знаю.

Турунтаевъ.

Нѣтъ, вы не годитесь въ учителя, и въ военную не годитесь—я по глазамъ вижу. Вы лучше въ штатскую.

Кисельниковъ.

Погулять бы теперь.

Боровцовъ.

Нѣтъ, ужъ мы, братъ, нагулялись. Гуляйте вотъ съ женой, съ дочерью, а мы пойдемъ посидимъ, отдохнемъ. *(Боровцовъ, Переярковъ и Турунтаевъ уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Боровцова, Глафира, Погуляевъ *и* Кисельниковъ.

Боровцова.

Куда еще гулять! Я ужъ и такъ ноги отходила.

Кисельниковъ.

Сядьте, маменька, тутъ вотъ на скамеечку, мы подлѣ васъ будемъ.

Погуляевъ *(Глафирѣ)*.

Вы очень любите своего жениха? *(Глафира молчитъ.)* Что же вы мнѣ не отвѣчаете?

Боровцова.

А ты скажи: „Столько, молъ, люблю, сколько мнѣ слѣдуетъ".

Глафира.

Какъ же я могу про свои чувства говорить постороннимъ? Я могу ихъ выражать только для одного своего жениха.

Кисельниковъ.

Какова скромность!

Боровцова.

Вы про любовь-то напрасно. Она этого ничего понимать не можетъ, потому что было мое такое воспитаніе.

Погуляевъ.

А какъ же замужъ выходить безъ любви? Развѣ можно?

Боровцова.

Такъ какъ было согласіе мое и родителя ея, вотъ и выходитъ.

Погуляевъ.

Вы чѣмъ изволите заниматься?

Глафира.

Вы, можетъ быть, это въ насмѣшку спрашиваете?

Погуляевъ.

Какъ же я смѣю въ насмѣшку?

Боровцова.

Нынче все больше стараются, какъ на смѣхъ поднять. Хоть не говори ни съ кѣмъ.

Глафира.

Обыкновенно чѣмъ барышни занимаются. Я вышиваньемъ занимаюсь.

Погуляевъ.

Что-жъ вы вышиваете?

Глафира.

Что-на узорѣ нарисовано; два голубя.

Погуляевъ.

А еще чѣмъ? Неужели только однимъ вышиваньемъ?

Глафира.

Маменька, что же мнѣ еще ему говорить?

Кисельниковъ.

Ну, что ты пристала! Этакъ, конечно, сконфузить можно.

Погуляевъ.

Я и не думалъ конфузить; я самъ всегда конфужусь.

Глафира.

Вы къ намъ будете съ Кирилой Филиппычемъ приходить, или такъ только?

Погуляевъ.

Если позволите.

Кисельниковъ.

Придемъ непремѣнно, завтра же.

Глафира.

Мы будемъ въ фанты играть.

Боровцова.

Да, приходите съ дѣвушками поиграть, а то у насъ молодыхъ-то парней мало; молодцовъ зовемъ, такъ тѣ при хозяевахъ-то не смѣютъ.

Погуляевъ.

Да я въ фанты играть не умѣю.

Глафира.

Мы выучимъ. Въ фантахъ можно съ дѣвушками цѣловаться

Боровцова.

Да, у насъ запросто.

Кисельниковъ.

Ты только побывай разъ, потомъ самъ проситься будешь. Ты что ни говори, лучше этихъ тихихъ, семейныхъ удовольствій ничего быть не можетъ.

Погуляевъ.

Ну нѣтъ, есть кой-что и лучше этого.

Боровцова.

Это танцы-то, что-ли? Такъ ну ихъ. Мужъ терпѣть не можетъ.

Глафира.

Теперь я васъ не буду бояться, потому что вы будете къ намъ вхожи въ домъ; а то я думала, что вы только посмѣяться хотите. Я думала, что вы гордые.

Погуляевъ.

Отчего же вы такъ думали?

Глафира.

Ученые всѣ гордые. Вотъ у насъ ядомъ студентъ живетъ, такъ ни съ кѣмъ изъ сосѣдей незнакомъ и никому не кланяется.

Погуляевъ.

Должно быть, у него занятій много, времени нѣтъ для знакомствъ.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, такъ дикарь какой-то.

Глафира.

Какъ времени не быть! Вѣдь, съ портнихами знакомъ же, къ нимъ ходитъ часто. Его спрашивали, отчего онъ не хочетъ съ хорошими барышнями познакомиться.

Погуляевъ.

Что же онъ?

Глафира.

„Онѣ, говоритъ, глупы очень, мнѣ съ ними скучно". И выходитъ, что онъ — невѣжа и гордый.

Погуляевъ.

Ну, конечно, невѣжа.

Боровцова.

Да ты самъ-то, батюшка, не таковъ ли?

Кисельниковъ.

Нѣтъ, маменька, что вы!

Боровцова.

Охъ, трудно вамъ вѣрить-то!

Кисельниковъ.

Какая простота! Какая невинность!

Боровцова.

Ну, пойдемъ, Глаша!

Глафира.

Пойдемте, маменька.

Кисельниковъ *(подходя къ Боровцовой)*.

Прощайте, маменька. Я къ вамъ завтра часовъ съ пяти.

Глафира *(Погуляеву)*.

Прощайте! Приходите завтра, не обманите. *(Тихо.)* У меня есть подруга, очень хороша собой; у ней теперь никого нѣтъ въ предметѣ; я васъ завтра познакомлю, только чтобы секретъ. Вы смѣлѣй, не конфузьтесь. *(Отходитъ къ Боровцовой).*

Боровцова

Ты и пріятеля-то приводи.

Кисельниковъ.

Хорошо, маменька, придемъ вмѣстѣ. (*Боровцова и Глафира уходятъ.*)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Кисельниковъ и Погуляевъ.

Кисельниковъ.

Ну, что скажешь?

Погуляевъ.

Ха, ха, ха! Да это чортъ знаетъ, что такое! Это—безобразіе въ высшей степени!

Кисельниковъ.

Это тебѣ потому кажется безобразіемъ, что ты совсѣмъ отвыкъ отъ семейной жизни.

Погуляевъ.

Да какая-жъ это семейная жизнь? Это — невѣжество, и больше ничего.

Кисельниковъ.

Такъ вдругъ тебѣ показалось, а ты вглядись хорошенько.

Погуляевъ.

Не вглядѣться, а втянуться нужно; я понимаю, что можно втянуться, только потомъ ужъ и не вылѣзешь. Если ужъ тебѣ пришла охота жениться, такъ бери дѣвушку, хотя не богатую, да только изъ образованнаго семейства. Невѣжество, вѣдь, это—болото, которое засосетъ тебя! Ты же человѣкъ нетвердый. Хоть на карачкахъ ползи, хоть царапайся, да только старайся попасть наверхъ, а то свалишься въ пучину, и она тебя поглотитъ.

Кисельниковъ.

Что за фантазія!

Погуляевъ.

Послушай, вотъ тебѣ мой совѣтъ: загуляй лучше—можетъ быть, и позабудешь о невѣстѣ, либо пріѣдешь туда пьяный, и тебя прогонятъ, откажутъ тебѣ—это еще можетъ тебя спасти. Напьешься—проспишься, а женишься, ужъ не воротишь!

Кисельниковъ.

Что ты ни говори, я ужъ рѣшился — это дѣло кончено. Прощай!

Погуляевъ.

Прощай! Я первый буду радъ, если мои слова не сбудутся.

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Кисельниковъ, 29-ти лѣтъ.
Глафира, 25-ти лѣтъ.
Лизанька, дочь ихъ, 6-ти лѣтъ.
Боровцовъ, 47-ми лѣтъ.
Боровцова.
Анна Устиновна, мать Кисельникова.
Персярковъ.
Турунтаевъ.
Погуляевъ.
Анисья, кухарка Кисельникова.

Небогатая комната въ квартирѣ Кисельникова. Между 1-й сценой и 2-й проходитъ 7 лѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глафира, Кисельниковъ и дочь.

Кисельниковъ.

Убери дочь-то! Что она здѣсь толчется! Нѣтъ у нихъ дѣтской, что ли? Ужъ и такъ всѣ ушп прожужжали; а тутъ, того гляди, гости пріѣдутъ.

Глафира.

Твои, вѣдь, дѣти-то!

Кисельниковъ.

Такъ что-жъ, что мои?

Глафира.

Ну, такъ и нянчайся съ ними.

Кисельниковъ.

А ты-то на что? У меня есть дѣла-то поважнѣе.

Глафира.

Я твоихъ важныхъ дѣлъ знать не хочу; а ты не смѣй обижать дѣтей, вотъ что!

Кисельниковъ.

Кто ихъ обижаетъ?

Глафира.

Лизанька, плюнь на отца. (*Лизанька плюетъ*). Скажи: папка дуракъ.

Лизанька.

Папка дуракъ.

Кисельниковъ.

Что ты это! Чему ты ее учишь?

Глафира.

Да дуракъ и есть. Ты какъ объ дѣтяхъ-то понимаешь? Ангельскія это душки, или нѣтъ?

Кисельниковъ.

Ну, такъ что-жъ!

Глафира.

Ну, и значитъ, что ты дуракъ. Заплачь, Лизанька, заплачь. (*Лизанька плачетъ.*) Громче плачь, душенька! Пусть всѣ услышатъ, какъ отецъ надъ вами тиранствуетъ.

Кисельниковъ (*зажимая уши, кричитъ*).

Вы мои тираны, вы!

Глафира.

Кричи еще шибче, чтобъ сосѣди услыхали, коли стыда въ тебѣ нѣтъ. Пойдемъ, Лизанька. (*Мужу.*) Ты погоди, я тебѣ это припомню! (*Дочери.*) Да что же ты нейдешь, мерзкая дѣвчонка! Какъ примусь я тебя колотить!

Кисельниковъ.

Это ангельскую-то душку?

Глафира.

А тебѣ что за дѣло? Моя дочь, я ее выходила, а не ты. Вотъ на зло же тебѣ прибью въ дѣтской. Вотъ ты и знай! (*Уходитъ съ дочерью.*)

Кисельниковъ.

Пшь, ты какая! Пшь, вѣдь, какая взбалмошная! Охъ, ругать бы ее да ругать хорошенько! Сегодня нельзя браниться-то съ ней, грѣхъ — день ея ангела. Ужъ сегодня пусть приведничаетъ — ея день. Сегодня можно и стерпѣть! Что-жъ не стерпѣть. Не великъ баринъ-то, чтобъ не стерпѣть! Эхъ, дѣла, дѣла! (*Долго стоитъ задумавшись. Потихоньку запѣваетъ:*)

Во саду ли, въ огородѣ
Дѣвушка гуляла. (*Входитъ Глафира.*)

Глафира.

Обидѣлъ жену, а самъ пѣсни поетъ; хорошъ мужъ!

Кисельниковъ *(громче)*.

Она ростомъ невеличка,
Лицомъ круглоличка.

Глафира.

Что-жъ ты, на смѣхъ, что ли? Ишь, какую моду выдумалъ!

Кисельниковъ.

Да ужъ мнѣ только и осталось: либо взвыть голосомъ отъ васъ, либо пѣсни пѣть.

Глафира.

А мнѣ что дѣлать? Я вотъ нынче именинница, а ты мнѣ что подаришь?

Кисельниковъ.

А гдѣ деньги-то?

Глафира.

А мнѣ какое дѣло! Зачѣмъ же ты меня бралъ изъ богатаго дома, коли у тебя денегъ нѣтъ? Я къ такой жизни не привыкла.

Кисельниковъ.

У меня деньги были, твой же отецъ взялъ.

Глафира.

И преотлично сдѣлалъ, а то бы ты ихъ давно промоталъ.

Кисельниковъ.

А ему какое дѣло? Деньги-то мои, что хочу, то съ ними и дѣлаю. А онъ, не то, что денегъ, и процентовъ-то не платитъ. Насилу выпросишь рублей пятнадцать или двадцать, да еще послѣ попрекаетъ да ломается. Я, говоритъ, тебѣ въ твоей бѣдности помогаю.

Глафира.

Такъ тебѣ и надо! Отдай тебѣ деньги-то, такъ ты, пожалуй, и жену-то бросишь.

Кисельниковъ.

Гдѣ ужъ бросить, когда пятеро дѣтей! Нѣтъ ужъ, надѣлъ петлю да и концы вамъ отдалъ, тяните теперь, пока совсѣмъ не задушите. Ты говоришь, что ты изъ богатаго дому; а много-ль за тобой дали-то? Обѣщали шесть тысячъ, а много ли дали?

Глафира.

Ты за счастье считай, что я за тебя пошла-то: съ тысячами-то я бы въ десять разъ лучше тебя нашла. За меня какой полковникъ-то сватался! Какъ я была влюблена-то! До самой страсти! Да не отдали, оттого что очень въ карты играетъ.

Кисельниковъ.

Зачѣмъ же ты шла за меня?

Глафира.

Выдали, такъ и пошла. Извѣстно, глупа была. Тятенька-то думалъ, что ты дѣловой, что ты себѣ на прожитіе достанешь.

Кисельниковъ.

Гдѣ-жъ я достану? На нашей службѣ не много добудешь. Что-жъ мнѣ, воровать, что ли?

Глафира.

А мнѣ какое дѣло! Я съ тобой и говорить-то не хочу. Ты еще у меня долженъ прощенья просить, а то я съ тобою двѣ недѣли слова не скажу. При гостяхъ нарочно буду отъ тебя отворачиваться, пусть тятенька съ маменькой посмотрятъ.

Кисельниковъ.

Ну, ужъ ты этого-то, пожалуйста, не дѣлай...

Глафира.

А! Тебѣ это не нравится! Такъ вотъ нарочно-жъ буду, нарочно!

Кисельниковъ.

Глаша, ну, я прошу тебя! Что хорошаго! разговоръ пойдетъ.

Глафира.

Такъ проси прощенья.

Кисельниковъ.

Ну, прости меня.

Глафира.

Цѣлуй ручку, да впередъ не смѣй со мной спорить никогда.

Кисельниковъ.

Ну, не буду.

Глафира.

Гдѣ-жъ тебѣ со мной спорить! Ты помни, что я въ тысячу разъ тебя умнѣе и больше тебя понимаю. Мной только и домъ-то держится.

Кисельниковъ.

Ну, хорошо, хорошо! А гдѣ маменька?

Глафира.

Извѣстно, въ дѣтской. Гдѣ-жъ твоей маменькѣ быть! Пусть хоть дѣтей нянчитъ, все-таки не даромъ хлѣбъ ѣстъ.

Кисельниковъ.

Какъ же даромъ? вѣдь, мы въ ея домѣ-то живемъ.

Глафира.

Вотъ опять съ тобой ругаться надо. Сколько разъ я тебѣ говорила, чтобъ ты домъ на мое имя переписалъ. Вотъ и выходитъ, что ты меня не любишь, а все только словами обманываешь, какъ сначала, такъ и теперь. Для матери все, а для жены ничего.

Кисельниковъ.

Да что все-то? Вѣдь, это — ея домъ-то, собственный!

Глафира.

Такъ что-жъ, что ея? Я вотъ ей свои старыя платья дарю, не жалѣю для нея, а ты этого не хочешь чувствовать, точно какъ я обязана. Да молчи ты, не разстроивай меня! Вонъ тятенька съ маменькой пріѣхали. И зачѣмъ это я связалась съ тобой говорить! Очень интересно твои глупости слушать. *(Уходитъ.)*

Кисельниковъ *(задумавшись, осматриваетъ комнату).*

Ишь ты, пыли-то сколько на диванѣ! Аксинья! *(Входитъ Аксинья.)* Ишь ты, пыли-то сколько!

Аксинья.

Да, какъ же! Есть мнѣ время! Не разорваться-жъ въ самомъ дѣлѣ!

Кисельниковъ.

Такъ давай тряпку, я самъ сотру.

Аксинья *(подаетъ тряпку).*

Давно бы вамъ догадаться-то. *(Уходитъ.)*

Кисельниковъ *(стирая пыль).*

Ну, вотъ и чисто. При большой-то семьѣ, какъ за порядкомъ усмотришь. Сколько людей-то нужно! А вотъ взялъ самъ да и стеръ, взялъ да и стеръ, не великъ баринъ-то! На тряпку-то.

Аксинья *(за сценой).*

Бросьте гдѣ-нибудь. Стряпня одолѣла. *(Кисельниковъ бросаетъ въ дверь тряпку. Входятъ Боровцовъ, Боровцова и Глафира.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Боровцовъ, Боровцова, Глафира и Кисельниковъ.

Глафира *(тихо Боровцовой)*

Вчера мои серьги заложилъ.

Боровцовъ.

Здравствуй, Кирюша! Съ именинницей! Радъ ли гостямъ то?

Кисельниковъ.

Здравствуйте, папенька! Здравствуйте, маменька! Какъ же, помилуйте! И васъ также съ именинницей

Боровцовъ *(ероша ему волосы)*

Эхъ, ты простота, простота! Любишь жену то?

Кисельниковъ.

Какъ, папенька, не любить.

Боровцовъ.

Люби, Кирюша, люби. Поцѣлуй ее, сейчасъ поцѣлуй, чтобъ я видѣлъ. *(Кисельниковъ цѣлуетъ)*. Вотъ такъ. Вотъ теперь вижу, что любишь.

Боровцова.

Да, какъ же! Любитъ онъ ее! Поцѣловать то всякій сумѣетъ; а ты спроси, куда онъ ея серьги дѣлъ.

Боровцовъ.

Какія серьги?

Боровцова.

Да наши серьги, что мы за ней дали. Заложилъ, вѣдь.

Боровцовъ.

Ужъ ты до женинаго приданаго добрался? Выкупи. Съ себя хоть все заложи, а приданаго не смѣй трогать.

Кисельниковъ.

При первыхъ деньгахъ, папенька, выкуплю.

Боровцовъ.

У кого заложены?

Глафира.

У Турунтаева.

Кисельниковъ.

Десять процентовъ въ мѣсяцъ беретъ.

Боровцовъ.

А что-жъ не брать, коли даютъ. По его вѣкъ дураковъ хватитъ. Эхъ, зятёкъ! Я думалъ, что изъ тебя баринъ выйдетъ, анъ вышла-то грязь.

Кисельниковъ.

За что же, папенька...

Боровцовъ.

За то же, что ты для семейства ничего не стараешься. Ты въ какомъ судѣ служишь? Кто у васъ просители?

Кисельниковъ.

Купцы.

Боровцовъ.

То-то, „купцы“! Ну, стало-быть, ихъ грабить надо. Потому не попадайся, не заводи дѣловъ. А завелъ дѣла, такъ платись. Я тебѣ говорю, я самъ купецъ. Я попадусь—и съ меня тяни. „Молъ, тятенька, родство — родствомъ, а дѣло—дѣломъ; надо же, молъ, и намъ жить чѣмъ нибудь“ Боишься, что-ль, что ругать станутъ? Такъ ты этого не бойся. Кому надо въ судъ итти, тотъ деньги готовитъ; ты не возьмешь, такъ другой съ него возьметъ. Опять же и физіономію надо имѣть совсѣмъ другую. Ты вотъ глядишь, словно мокрая курица, а ты гляди строже. Вотъ какъ гляди. Такъ всякій тебя опасаться будетъ. Потому кто въ судъ пришелъ, онъ хоть и невиноватъ, а все ему кажется, что его засудить могутъ; а взглянулъ ты на него строго, у него и душа въ пятки; ну, и пошелъ всѣмъ совать по карманамъ—перво-наперво, чтобъ на него только ласково глядѣли, не пужали его, а потомъ, какъ до дѣла разговоръ дойдетъ, такъ опять за мошну, въ другой разъ.

Глафира.

Охота вамъ, тятенька, съ нимъ слова терять.

Боровцова.

Молчи, Глаша. Можетъ, онъ, Богъ дастъ, и въ разумъ придетъ. Откроется въ немъ такое понятіе, что отецъ его добру учитъ. Слушай, Кирюша, слушай, это тебѣ на пользу.

Боровцовъ.

Да и жить-то надо не такъ. Ты съ разу поставь себя бариномъ, тогда тебѣ и честь другая, и доходъ другой. Заломилъ ты много съ купца, онъ упирается; ты его къ себѣ

позови, да угости хорошенько; выйдетъ жена твоя въ шелку да въ бархатѣ; такъ онъ сейчасъ и догадается, что тебѣ мало взять нельзя. И не жаль ему дать-то будетъ, потому онъ видитъ, что на дѣло. Всякій пойметъ, что ты баринъ обстоятельный, солидный, что тебѣ на прожитіе много нужно.

Кисельниковъ.

Я, тятенька, не такъ былъ воспитанъ: оно, знаете ли, какъ-то совѣстно. Думаешь: „что хорошаго!“ Грабителемъ будутъ звать.

Боровцовъ.

Грабителемъ! А тебѣ что за дѣло! Пущай зовутъ! Ты живи для семьи — вотъ здѣсь ты будь хорошъ и честенъ, а съ другими прочими воюй, какъ на войнѣ. Что удалось схватить, и тащи домой, наполняй да укрывай свою хижину. По крайности, ты душой покоенъ; у тебя семья сыта, ты бѣдному можешь помочь отъ своихъ доходовъ; онъ за тебя Бога умолитъ. А теперь ты что? Мотаешься ты на бѣломъ свѣтѣ безъ толку, да женино приданое закладываешь. То тебѣ совѣстно, а это не совѣстно? Тамъ ты чужія бы деньги проживалъ, а теперь женины да дѣтскія. Какая же это совѣсть такая, я ужъ не понимаю.

Глафира.

„Женины да дѣтскія“, слышишь. Какъ же вотъ мнѣ не плакать-то.

Боровцова.

Молчи, молчи! Ты вотъ запомни, что отецъ-то говоритъ, да и тверди ему почаще, а то онъ засуется въ дѣлахъ, изъ головы-то у него и выходитъ, онъ и не помнитъ.

Кисельниковъ.

Маменька, я помню, да только...

Боровцова.

Ну, гдѣ помнить! Ты и по лицу-то такой растерянный. А вотъ, какъ ты въ судъ-то пойдешь, она тебѣ и напомнитъ, да дорогой то идя, все тверди.

Кисельниковъ.

Что мнѣ твердить. Это смѣшно даже. Понятія у меня, маменька, другія.

Боровцова.

Какія же это могутъ быть понятія, что женины серьги закладывать.

Боровцовъ.

Дуракъ ты, братецъ. Никакихъ у тебя понятій нѣтъ. Кабы у тебя были такія понятія, такъ ты бы не женился, да не развелъ семьи. Я не глупѣй тебя, я, можетъ быть, не одинъ разъ видалъ такихъ-то людей, что не берутъ взятокъ, и разговаривать какъ-то разъ привелъ Богъ, такъ ужъ они и живутъ, какъ монахи. Далеко тебѣ до нихъ! Что ты насъ обманываешь! Тѣ люди, почитай, что святые. А вотъ еще масоны есть. Ты ужъ живи хоть такъ, какъ всѣ мы, грѣшные. Ты развѣ бы не бралъ, да не умѣешь,—вотъ что надо сказать.

Кисельниковъ.

Я ужъ теперь и самъ понимаю, что я ничѣмъ не лучше другихъ, а вѣдь, мнѣ хотѣлось-то быть лучше!

Боровцовъ.

Ну, мало ль, что хотѣлось.

Кисельниковъ.

Какъ вспомню я свои старыя-то понятія, меня вдругъ словно кто варомъ обдастъ. Нѣтъ, стыдно мнѣ взятки брать.

Боровцовъ.

Конечно, стыдно брать по мелочи да съ кислой рожей, точно ты милостыню выпрашиваешь; а ты бери съ гордымъ видомъ да помногу, такъ ничего не стыдно будетъ.

Боровцова.

И что это за стыдъ такой! Нѣшто у васъ другіе-то въ судѣ не берутъ?

Кисельниковъ.

Всѣ берутъ, маменька.

Боровцова.

Такъ кого-жъ тебѣ стыдно? Насъ, что ли, или сосѣдей? Такъ у насъ по всему околотку, хоть на версту возьми, никто объ этомъ и понимать-то не можетъ. Берутъ взятки, ну, значитъ, такое заведеніе, такъ изстари пошло, ни у кого объ этомъ и сумлѣнія нѣтъ. Это ты только одинъ, по своей глупости, сумлѣваешься.

Боровцовъ.

Что ты толкуешь: „стыдно"! Вѣдь, я тебѣ не говорю: „возьми дубину, да на большую дорогу иди". А ты подумай-ка хорошенько, да брось свой стыдъ-то.

Кисельниковъ.

И то, папенька, надо бросить. (*Аксинья входитъ*).

Аксинья.

Гости идутъ, офицеръ да баринъ.

Глафира.

Это Лупъ Лукичъ съ Іономъ Іонычемъ. Скажи маменькѣ, чтобъ чай наливала, да не очень тамъ съ ней конайтесь, а то васъ не дождешься. (*Аксинья уходитъ. Входятъ Переярковъ и Турунтаевъ*).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Кисельниковъ, Глафира, Боровцовъ, Боровцова, Переярковъ и Турунтаевъ.

Переярковъ и Турунтаевъ (*Глафирѣ*).

Съ ангеломъ! (*Турунтаевъ расшаркивается и цѣлуетъ руку.—Кисельникову.*) Съ именинницей!

Кисельниковъ и Глафира.

Покорно благодаримъ.

Боровцовъ.

Садитесь, пріятели, садитесь! Вотъ теперь вся наша компанія въ сборѣ.

Переярковъ.

А мы вотъ съ полковникомъ шли да спорили.

Турунтаевъ.

Да, ну вотъ разскажи, вотъ всѣ теперь и разсудимъ.

Переярковъ.

Какъ правильнѣе судить дѣло, по закону или по человѣчеству?

Боровцовъ.

Да какое дѣло-то?

Переярковъ.

Ну, да какое бы тамъ ни было. Я говорю, что по закону, а онъ говоритъ, что по человѣчеству.

Боровцовъ.

Да къ чему же это клонитъ? ты хоть намекни.

Кисельниковъ.

Ежели вы насчетъ уголовныхъ дѣлъ.

Переярковъ.

Ну вотъ, очень нужно! Кто виноватъ, тотъ виноватъ, какъ его ни суди.

Турунтаевъ.

И пори его, анаѳему; а не виноватъ, ну, и отпустить можно.

Переярковъ *(Боровцову)*.

Ну, какъ же по-твоему?

Боровцовъ.

Да ты примѣръ скажи

Переярковъ.

Вотъ тебѣ примѣръ: положимъ, у тебя на опекѣ племянники; ты — человѣкъ хорошій, состоятельный, торговыя дѣла знаешь, а они вышли ребята такъ себѣ, ни то, ни сё, къ торговлѣ склонности не имѣютъ, а готовое проживать охота большая; ну, ты и попользовался отъ нихъ, сколько могъ, видимо попользовался: и отчеты представлялъ безобразные, и все такое; то-есть, не то, что ограбилъ, а себя не забылъ. Виноватъ ты, или нѣтъ? Вотъ тебѣ и задача. По закону ты виноватъ?

Турунтаевъ.

А по человѣчеству — нѣтъ.

Боровцовъ.

Разсудить васъ, или нѣтъ?

Переярковъ.

Разсуди.

Боровцовъ.

Ты говоришь, что я — хорошій человѣкъ, обстоятельный, такъ за что-жъ меня судья подъ законъ подведетъ? Ну, и значитъ, я буду правъ. Настоящій-то судья долженъ знать, кого подвести подъ законъ, кого нѣтъ. Если всѣхъ насъ подъ законъ подводить, такъ никто правъ не будетъ, потому мы на каждомъ шагу законъ переступаемъ. И тебя, и меня, и его, всѣхъ надо въ Сибирь сослать. Выходитъ, что подъ законъ-то всякаго подводить нельзя, а надо знать кого.

Такъ и этотъ опекунъ. Какъ ты его осудишь? Какимъ манеромъ? За что?

Переярковъ.

Осудить не за что, и я бы не осудилъ; я только говорю про законъ.

Боровцовъ.

Да что ты наладилъ: „законъ, законъ!"

Переярковъ.

Такъ для чего же они писаны?

Боровцовъ.

Извѣстно, для чего — для страха, чтобъ не очень забывались. А то нѣшто мы такъ живемъ, какъ въ законѣ написано? Нѣшто написано, что на улицѣ трубку курить, а ты за воротами сидишь съ трубкой. Нѣшто писано, что по десяти процентовъ въ мѣсяцъ брать, а онъ беретъ же.

Турунтаевъ.

Нѣшто писано, что гнилымъ товаромъ торговать, а ты торгуешь же.

Боровцовъ.

Да, и торгуемъ.

Боровцова.

Нѣшто писано, что по пятницамъ скоромное ѣсть, а, вѣдь, люди ѣдятъ же. Ужь коли судить, такъ всѣхъ судить, васъ судить за товаръ, и ихъ судить за молоко.

Переярковъ *(Боровцову)*.

Экая у тебя голова-то на плечахъ золотая! какъ разъ дѣло разсудилъ..

Боровцовъ.

А не такъ, что ль?

Переярковъ.

Такъ, вѣрно.

Боровцовъ.

Зятёкъ, Кирюша! Такъ, вѣдь?

Кисельниковъ.

Должно быть, паненька, такъ-съ. По практическому-то смыслу оно такъ выходитъ.

Переярковъ.

Да вотъ мы еще съ полковникомъ спорили, что лучше: умъ или практика. Ну, да это послѣ, а теперь бы въ карточки.

Турунтаевъ.

Сразиться не мѣшаетъ.

Боровцовъ.

Есть, что ли, карты-то, какія-нибудь старенькія, а коли нѣтъ, такъ къ намъ послать.

Кисельниковъ *(приготовляя столъ).*

Есть, папенька, садитесь. *(Садятся Боровцовъ, Переярковъ и Турунтаевъ. Входитъ Анна Устиновна съ чаемъ на подносѣ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кисельниковъ, Глафира, Боровцовъ, Боровцова, Переярковъ, Турунтаевъ и Анна Устиновна.

Глафира.

Что вы тамъ провалились съ чаемъ-то! Ждешь васъ, не дождешься.

Анна Устиновна.

Не торопись, матушка, поспѣешь.

Глафира.

Топчетесь только въ домѣ, а толку нѣтъ.

Боровцова.

Ну, ты потише, потише! А ты при людяхъ-то не кричи! Нехорошо. Здравствуйте, сватьюшка!

Анна Устиновна.

Здравствуйте, матушка! *(Подаетъ чай.)* Кирюша, бери чай-то. Гости дорогіе, пожалуйте!

Боровцовъ.

А, старушка Божья! На свѣтъ выползла? Погоди, мы тебѣ жениха найдемъ.

Переярковъ.

Да вотъ Іонъ Іонычъ холостъ гуляетъ.

Анна Устиновна.

И на томъ спасибо, Пудъ Кузьмичъ.

Глафира.

Что-жъ вы, маменька, тутъ встали, какъ будто вамъ дѣла нѣтъ.

Анна Устиновна.

Пойду, матушка, пойду! Ахъ, я и забыла! Кирюша, тебя какой-то человѣкъ спрашиваетъ. Знаю, что товарищъ твой, и видала его, а какъ звать, забыла. *(Уходитъ.)*

Глафира.

Поди! Кого тамъ еще къ тебѣ принесло? Если изъ вашихъ служащихъ, такъ ты знай, что ему съ моимъ тятенькой не компанія. *(Кисельниковъ уходитъ.)* Очень у меня мужъ непризнательный.

Боровцовъ.

Что-жъ такъ?

Глафира

Видимое дѣло, что онъ глупѣе меня, а признаться никакъ не хочетъ. *(Входятъ Кисельниковъ и Погуляевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Боровцовъ, Боровцова, Глафира, Переярковъ, Турунтаевъ и Погуляевъ.

Кисельниковъ.

Гостя веду, гостя!

Глафира.

Что́ это ты ужъ очень обрадовался?

Кисельниковъ.

Шесть лѣтъ не видались. Поздравь жену-то, братецъ, сегодня она именинница.

Погуляевъ *(Глафирѣ)*.

Честь имѣю васъ поздравить. *(Кланяется всѣмъ.)*

Глафира.

Благодарю покорно. Только нынче мы чужихъ не ждали, промежду своихъ хотимъ время провести.

Кисельниковъ.

Садись, братецъ, садись, потолкуемъ.

Погуляевъ.

Ну, какъ же ты живешь? Семья велика?

Кисельниковъ.

Порядочная; трое дѣтей теперь живыхъ, да двоихъ, слава Богу, схоронилъ.

Погуляевъ.

Какъ „слава Богу“? Развѣ тебѣ ихъ не жаль?

Кисельниковъ.

Ужъ очень, братъ, тягостно.

Погуляевъ.

Да ты служишь?

Кисельниковъ.

Какая моя служба! Неспособенъ оказался, совсѣмъ неспособенъ. И туда совался, и сюда, и въ надворномъ служилъ, и въ сиротскомъ, теперь въ магистратѣ. До столоначальниковъ не добьюсь никакъ, глядишь, семинаристъ какой-нибудь и перебьетъ; дѣльнѣй насъ оказываются, много дѣльнѣе.

Погуляевъ.

А жалованья много ли?

Кисельниковъ.

У насъ, вѣдь, не изъ жалованья служатъ. Самое большое жалованье пятнадцать рублей въ мѣсяцъ. У насъ штату нѣтъ, по трудамъ и заслугамъ получаемъ; въ прошломъ году получалъ я четыре рубля въ мѣсяцъ, а нынче три съ полтиной положили. Съ дому сто рублей получаю. Кабы не дѣлежка, нечѣмъ бы жить.

Погуляевъ.

Какая дѣлежка?

Кисельниковъ.

По субботамъ столоначальникъ дѣлитъ доходы съ просителей, да я посмирнѣе, такъ обдѣляетъ.

Погуляевъ.

Вотъ какъ! *(Задумывается.)*

Переярковъ *(за столомъ)*.

Проходимецъ какой-нибудь; вижу, насквозь его вижу.

Турунтаевъ.

Мошенникъ!

Погуляевъ *(кивая головой на играющихъ)*.

Что жъ, это все тѣ же гуси-то?

Кисельниковъ.

Да, мы все своимъ кружкомъ, такъ смирненько, ладненько, слава Богу.

Погуляевъ.

Ну, а деньги твои?

Кисельниковъ.

Ты потише. Тысячи двѣ прожилъ сначала-то, а остальныя у тестя.

Погуляевъ.

Отчего же тише? Развѣ не отдастъ, или процентовъ не платитъ?

Кисельниковъ.

Да не то, чтобы онъ совсѣмъ, а все какъ-то, знаешь, туго, съ большимъ трудомъ. Вотъ и домъ нашъ онъ тоже въ залогѣ представилъ. Онъ мнѣ за это пятьдесятъ рублей заплатилъ. Нельзя отказать,— родня.

Погуляевъ.

Охъ, ужъ эта родня!

Боровцовъ *(за столомъ)*.

Надо быть, отъ семьи отбиваетъ.

Турунтаевъ.

Гляди, онъ его въ трактиръ уведетъ да напоитъ.

Переярковъ.

А вотъ, дайте мнѣ срокъ, я съ нимъ поговорю. Я съ нимъ по-своему поговорю.

Кисельниковъ.

Ну, а ты какъ?

Погуляевъ.

Я тоже, братъ, плохо, и безъ денегъ, и безъ мѣста.

Турунтаевъ *(за столомъ)*.

Говорю, что мошенникъ.

Погуляевъ.

Теперь уроковъ ищу. За границей былъ три года.

Переярковъ.

Вонъ куда пошло!

Погуляевъ.

Ѣздилъ съ однимъ богатымъ семействомъ въ учителяхъ. Мальчикъ-то въ университетъ поступилъ, я и остался безъ мѣста.

Кисельниковъ.

Что-жъ, хорошо за границей-то?

Погуляевъ.

Еще бы! И жить хорошо, а учиться, такъ раздолье; просто, кабы деньги, опять бы поѣхалъ.

Переярковъ.

Сейчасъ я его. *(Погуляеву.)* Да-съ! За границей! Что же тамъ, рѣки сытовыя, берега кисельные?

Погуляевъ.

Нѣтъ, этого нѣту. И птицы сиренъ не видалъ.

Переярковъ.

Вы говорите, что тамъ хорошо; значитъ, намъ надобно ѣхать туда. Поѣдемте, господа.

Боровцовъ.

Поѣдемъ; и я съ женой поѣду.

Глафира *(Погуляеву).*

Это должно къ стыду къ вашему приписать, что вы семейныхъ людей, обязанныхъ, смущаете.

Переярковъ.

Да-съ, а мы вотъ не поѣдемъ.

Погуляевъ.

И прекрасно сдѣлаете.

Переярковъ.

И почему не поѣдемъ, вамъ этого не понять-съ. Вотъ почему-съ: во-первыхъ. Замоскворѣчье—моя родина, а во-вторыхъ, у насъ промежду собой нѣжность есть; всѣ мы всегда вмѣстѣ, вотъ и теперь — сидимъ, играемъ, чаекъ пьемъ, а можетъ быть и ромцу подадутъ, дружески, пріятельски. Вотъ гдѣ рай-то! а не за границей. Тихо, смирно благодушно, душа въ душу.

Турунтаевъ.

А ты что къ нему въ карты-то смотришь! Вы и такъ прошлый разъ меня ограбили, восемь гривенъ кровныхъ отняли. Ты что ему больно подслуживаешься, ужъ не банкротиться-ль онъ задумываетъ?

Боровцовъ.

Ты очнись. Типунъ бы тебѣ на языкъ-то. Я съ тебя за эти слова безчестье потребую.

Турунтаевъ.

Держи карманъ-то! Велико тебѣ безчестье! Вамъ, аршинникамъ, обанкрутиться-то, что нашему брату рюмку водки выпить.

Переярковъ.

Говорилъ бы кто, да не ты. Кащей безсмертный! Ты сиротъ грабишь, закладами только и живешь; по десяти процентовъ въ мѣсяцъ беретъ. У тебя и квартиры-то нѣтъ, чуланъ одинъ для складу вещей; ни ложки, ни плошки нѣтъ; ты по должникамъ пить-ѣсть ходишь.

Турунтаевъ.

Хожу. А ты конкурсами только и живешь,—день-то плутничаешь да фальшивые документы составляешь, а вечеромъ собираешь къ себѣ несостоятельныхъ да садишься съ ними по большой въ карты играть; они тебѣ нарочно проигрываютъ, чтобъ только въ Сибирь нейти. Тѣмъ ты и состояніе-то нажилъ.

Переярковъ.

Ужъ ты судился за лихвенные-то проценты.

Турунтаевъ.

А ты отъ своего имени прошеній не смѣешь писать—всѣмъ сенатомъ ябедникомъ признанъ, и въ газетахъ публиковано.

Переярковъ.

Процентщикъ! Кащей! Іуда!

Турунтаевъ.

Воръ, денной воръ!

Боровцовъ.

Что жъ ты лаешься-то!

Турунтаевъ.

А ты что, аршинникъ!

Погуляевъ.

Вотъ тебѣ и душа въ душу!

Кисельниковъ.

Папенька, господа, что же вы это! Оставьте, пожалуйста! Играйте!

Турунтаевъ.

Не хочу я съ мошенниками играть.

Кисельниковъ.

Ну, сдѣлайте милость, помиритесь!

Погуляевъ.

Прощай, братъ.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, постой, погоди! Ахъ, Боже мой! Ахъ, какое несчастіе! Папенька, какъ же это вы?...

Боровцовъ.

Ну, будетъ! Пошутили, да и будетъ. Садитесь играть.

Турунтаевъ.

Садитесь! Пересдать карты, тогда я сяду.

Переярковъ.

Ну, пересдать, такъ пересдать. *(Пересдаютъ.)*

Боровцовъ.

Кирюша, ты въ самомъ дѣлѣ насъ ромкомъ бы попотчевалъ.

Глафира *(подходя къ Кисельникову)*.

Гдѣ ромъ-то? Гдѣ ромъ-то? Да и деньги-то есть ли у тебя? Ахъ ты, мучитель! Вылетѣло у тебя изъ башки-то, что ромъ для тятеньки первое удовольствіе. Такъ-то ты объ моей роднѣ-то помнишь.

Кисельниковъ.

Гдѣ-жъ взять-то? Гдѣ-жъ взять-то? Эко горе-то! Вотъ какая бѣда-то! Братъ, нѣтъ ли?

Погуляевъ *(даетъ ему деньги)*.

На, вотъ, послѣднія; я-то какъ-нибудь добуду

Кисельниковъ.

Вотъ спасибо, вотъ, братъ, одолжилъ! Вѣкъ не забуду. *(Боровцову.)* Сейчасъ, папенька! *(Женѣ.)* Поди, пошли поскорѣй.

Глафира.

Помни ты это! *(Уходитъ.)*

Кисельниковъ.

Вотъ, братъ, вотъ, вотъ... совсѣмъ деньжонками поразстроился. А, вѣдь, будутъ, знаю, что будутъ... Я тебѣ отдамъ. У меня непремѣнно въ этомъ мѣсяцѣ будутъ. У меня есть примѣта вѣрная. Выхожу я вчера вечеромъ на крыльцо, въ рукѣ хлѣбъ, а мѣсяцъ прямо противъ меня; я въ кар-

манъ, тамъ серебро, мелочь; вотъ въ одной рукѣ хлѣбъ, въ другой серебро, а мѣсяцъ напротивъ,—значитъ, цѣлый мѣсяцъ *(сквозь слезы)* и съ хлѣбомъ, и съ деньгами.

Погуляевъ *(съ чувствомъ)*.

Что ты такое говоришь? Другъ мой, въ умѣ ли ты?

Кисельниковъ *(со слезами)*.

Оно, конечно, вѣдь, это предразсудокъ,—такъ, вѣдь, Погуляевъ, предразсудокъ? А все-таки, когда человѣкъ кругомъ въ недостаткахъ,—это утѣшаетъ, утѣшаетъ, братъ, право, утѣшаетъ.

Погуляевъ.

Ахъ ты, бѣдный! Прощай!

Кисельниковъ.

Увидаться бы... мнѣ бы тебѣ деньги-то...

Погуляевъ.

Да ужъ не знаю, придется ли. Ахъ, Кирюша! Подымайся какъ-нибудь. Бѣдность страшна не лишеніями, не недостатками, а тѣмъ, что сводитъ человѣка въ тотъ низкій кругъ, въ которомъ нѣтъ ни ума, ни чести, ни нравственности, а только пороки, предразсудки да суевѣрія. Прощай!

Кисельниковъ.

Спасибо, братъ, спасибо, вотъ одолжилъ! *(Погуляевъ уходитъ.)* Вотъ другъ-то, такъ ужъ другъ! Что тутъ дѣлать-то, кабы не онъ! Куда дѣваться? Это мнѣ его, за мою правду да кротость, Богъ послалъ. Вотъ этакихъ бы друзей-то побольше, такъ легче бы было на свѣтѣ жить! Не будь его, такъ совсѣмъ бы я передъ тестемъ осрамился.

Сцена 3-я.

ЛИЦА:

Кисельниковъ, 34-хъ лѣтъ.
Анна Устиновна.
Боровцовъ, 52-хъ лѣтъ.
Переярковъ.
Неизвѣстный.

Бѣдная комната; крашеный столъ и нѣсколько стульевъ; на столѣ сальная свѣча и кипа бумагъ; между 2-й и 3-й сценой 5 лѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Кисельниковъ *сидитъ за столомъ въ халатѣ и пишетъ:* Анна Устиновна *входитъ.*

Кисельниковъ.

Что̀ дѣти, маменька?

Анна Устиновна.

Что̀ мы безъ доктора-то знаемъ! Всѣ въ жару. Теперь уснули.

Кисельниковъ.

Эхъ, сиротки, сиротки! Вотъ и мать-то оттого умерла, что пропустили время за докторомъ послать. А какъ за докторомъ-то посылать, когда денегъ-то въ карманѣ двугривенный? Побѣжалъ тогда къ отцу, говорю: „батюшка, жена умираетъ, надо за докторомъ посылать, денегъ нѣтъ“.— „Не надо, говоритъ, все это—вздоръ“. И мать то же говоритъ. Дали какихъ-то травъ да еще поясокъ какой-то, да старуху-колдунью прислали; такъ и уморили у меня мою Глафиру.

Анна Устиновна.

Ну, Кирюша, надо правду сказать, тужить-то много не о чемъ.

Кисельниковъ.

Все-жъ-таки она любила меня.

Анна Устиновна.

Такъ ли любятъ-то! Полно, что ты! Мало-ль она тебя мучила своими капризами? А глупа-то какъ была, Богъ съ ней!

Кисельниковъ.

Эхъ, маменька! А я-то что! Я лучше-то и не стою. Знаете, маменька, загоняютъ почтовую лошадь, плетется она нога за ногу, повѣся голову, ни на что не смотритъ, только бы ей дотащиться кой-какъ до станціи: вотъ и я таковъ сталъ.

Анна Устиновна.

Зачѣмъ ты, Кирюша, такія мысли въ головѣ держишь! Грѣшно, другъ мой! Можетъ быть, мы какъ нибудь и поправимся.

Кисельниковъ.

Коли тесть дастъ денегъ, такъ оживитъ. Вотъ онъ теперь несостоятельнымъ объявился. А какой онъ несостоятельный! Ничего не бывало. Я вижу, что ему хочется сдѣлку сдѣлать. Я къ нему приставалъ; съ тобой, говоритъ, поплачусь. А что это такое: „поплачусь?...“ Всѣ ли онъ заплатитъ, или только часть? Да ужъ хоть бы половину далъ, или хоть и меньше, все бы мы сколько-нибудь времени безъ нужды пожили; можно бы и Лизанькѣ на приданое что-нибудь отложить.

Анна Устиновна.

Да, да! Ужъ такъ нужны деньги, такъ нужны!

Кисельниковъ.

Маменька, вы пишите, что нужно-то? Я васъ просилъ записывать, а при первыхъ деньгахъ мы все это и исполнимъ.

Анна Устиновна.

Записано, Кирюша. *(Вынимаетъ бумажку и читаетъ:)* „Во-первыхъ, за квартиру не заплачено за два мѣсяца по 6-ти рублей, да хорошо бы заплатить за полгода впередъ. Во-вторыхъ, чаю, сахару и свѣчъ сальныхъ хоть на мѣсяцъ запасти. Въ-третьихъ, купить въ эту комнату недорогой диванчикъ. Въ-четвертыхъ, въ лавочку пятнадцать рублей шестьдесятъ одна копейка — очень лавочникъ пристаетъ. Въ-пятыхъ, фрачную пару...“ Ужъ тебѣ безъ этого обойтись никакъ нельзя. „И въ-шестыхъ, ситчику Лизанькѣ на платье...“ Ей ужъ тринадцатый годъ, стыдиться начинаетъ лохмотьевъ-то.

Вотъ что̀ нужно-то. А пуще всего за квартиру, да еще дѣтямъ на лѣченіе. Денегъ-то у меня, Кирюша, не много осталось.

Кисельниковъ.

Изъ чего остаться-то! Три недѣли тому назадъ я вамъ далъ пять цѣлковыхъ.

Анна Устиновна.

Немножко-то есть — два двугривенныхъ да пятиалтынный, да что-то мѣдными. А все ладонь чешется, а все ладонь чешется — надо быть къ деньгамъ.

Кисельниковъ.

Завтра утромъ къ тестю зайду. Не отдастъ честью, просто за воротъ возьму.

Анна Устиновна.

Ну, гдѣ тебѣ! Ты лучше попроси хорошенько. Взять бы съ него, что̀ придется, да и развязаться съ нимъ. Много тебѣ писать-то?

Кисельниковъ.

Всю ночь пропишешь. Да вѣдь, это не свое дѣло, это за деньги. Слава Богу, что еще даютъ работу; вонъ сколько набралъ ее, рублей на шесть.

Анна Устиновна.

Никакъ кто-то калиткой стукнулъ? Не слыхалъ ты?

Кисельниковъ.

Кто-то стукнулъ. Кому-жъ бы это?

Анна Устиновна *(заглянувъ въ дверь).*

Тесть твой, тесть. Тереби его хорошенько! Я уйду.

Кисельниковъ.

Прежде я съ нимъ все лаской, а теперь грубить стану; право, маменька, грубить стану. *(Анна Устиновна уходитъ. Входитъ Боровцовъ, бѣдно одѣтый, и Переярковъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Кисельниковъ, Боровцовъ и Переярковъ.

Боровцовъ.

Помѣшали, что-ль, тебѣ?

Кисельниковъ.

Нѣтъ, ничего. Всего дѣла не передѣлаешь. Мнѣ всю ночь писать-то, такъ ужъ полчаса куда ни шло. Что̀ хорошенькаго скажете?

Боровцовъ *(садясь)*.

Дай присѣсть-то, потомъ и разговаривать начнемъ.

Переярковъ.

Надо тебѣ будетъ одну бумажку подписать.

Кисельниковъ.

Что вы мнѣ все носите бумаги подписывать; а деньги-то когда же? Хоть что̀-нибудь дайте!

Боровцовъ.

Что теперь съ меня взять! Въ упадокъ пришелъ; я теперь, братъ, невинно-упадшій, хоть въ работники къ тебѣ, такъ въ ту-жъ пору.

Кисельниковъ.

Да что-жъ вы, папенька, со мной дѣлаете! Вѣдь мы — нищіе совсѣмъ.

Боровцовъ.

Что-жъ, братъ, дѣлать-то? и я нищій, — Божья воля. Вѣдь, я не злостный, не умышленный, а несостоятельный, несчастный, невинно-упадшій.

Кисельниковъ.

Кто васъ несчастнымъ-то признавалъ — подставные кредиторы, которымъ вы дутыхъ векселей надавали. Что̀ у васъ за несчастіе! Ни пожара, ни пропажи не было. Зажали деньги-то, папенька. Пожалѣйте хоть внучатъ-то, вотъ они больные лежатъ.

Боровцовъ.

Тише ты, тише! Нѣшто такъ говорятъ со старшими? А ты по заповѣдямъ живи, старыхъ-то почитай.

Кисельниковъ.

Вѣдь, мнѣ съ дѣтьми-то по-міру приходится итти!

Боровцовъ.

Всѣ подъ Богомъ ходимъ. Я тебѣ помогалъ въ твоей бѣдности, пока былъ въ силахъ.

Кисельниковъ.

Вы меня приданымъ обманули, ничего денегъ не дали; ну, да ужъ я этого не ищу; а мои-то гдѣ, мои собственныя? домъ-то гдѣ?

Боровцовъ.

Что̀ ты кричишь-то! Вѣдь, я не взаймы у тебя бралъ, векселя тебѣ не давалъ, а расписку; ты мнѣ на оборотъ далъ, разжиться захотѣлъ. А оборотъ — дѣло обоюдное: либо наживешь, либо проживешь. Вотъ мы и прожили; съ кого-жъ теперь искать? Ищи на тѣхъ, за кѣмъ твои деньги пропали. А что домъ захрясъ въ залогахъ, я чѣмъ виноватъ? Твоя была воля отдавать. Подрядъ все одно, что лотерея,—на счастье пускается.

Кисельниковъ.

Папенька, отецъ-благодѣтель! У васъ деньги есть — вы припрятали, много припрятали; не дайте намъ умереть съ голоду!

Боровцовъ.

Да, что̀ говорить! Деньги есть, какъ безъ денегъ жить, я не дуракъ.

Кисельниковъ.

Вотъ вы сами говорите, что у васъ деньги остались. Вотъ сейчасъ, папенька, сказали, вѣдь, вы сами сказали. А у меня нѣтъ, ей-Богу, ничего нѣтъ!

Боровцовъ.

Да хоть и остались, все-таки, я тебѣ не дамъ; надо же намъ со старухой какъ-нибудь вѣкъ доживать. На нужду, коли ужъ тебѣ не въ мочь, да забѣжишь ты ко мнѣ,—ну, когда откажу, а когда и не откажу совсѣмъ-то, а умремъ — все ваше останется. Изъ вещей что-нибудь дадимъ; вотъ фортепьянишки есть старенькія; намъ теперь, при нашемъ несчастіи, держать ихъ не пристало.

Переярковъ.

Да что̀ вы за разговоры завели! За дѣломъ пришли, а не разговоры разводить; мнѣ время-то дорого, у меня другіе конкурсы есть. *(Смотритъ на часы.)* Вона, десятый часъ! Вотъ предложите зятю-то, коли въ немъ человѣческія чувства есть, пусть подпишетъ эту бумагу-то.

Боровцовъ.

Есть въ тебѣ чувство, Кирила? говори.

Переярковъ.

Заплачь! Что-жъ ты не плачешь? Твое теперь дѣло такое, сиротское. Вѣдь, передъ другими же кредиторами будешь плакать. Придется и въ ноги кланяться.

Боровцовъ.

Запла́чу, право, запла́чу. *(Со слезами.)* Кирюша! отецъ я тебѣ, или нѣтъ? Благодѣтель я тебѣ былъ?

Кисельниковъ.

Да что́ вы, папенька?

Боровцовъ *(подаетъ ему бумагу)*.

Читай бумагу!

Кисельниковъ *(читаетъ)*.

„Я, нижеподписавшійся, будучи убѣжденъ вполнѣ обстоятельствами дѣла, что несостоятельность бывшаго купца, а нынѣ мѣщанина, Пуда Кузьмина сына Боровцова, произошла отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ и отъ неплатежа и корыстной злонамѣренности его должниковъ; зная его всегдашнюю честность, преклонныя лѣта и затруднительное болѣзненное состояніе и удрученіе отъ трудовъ и семейства...“

Боровцовъ *(со слезами)*.

Видишь, видишь!

Кисельниковъ.

„Признаю его невинно-упадшимъ и искъ свой по распискѣ въ пять тысячъ рублей ассигнаціями и претензію о домѣ симъ совершенно и навсегда прекращаю“.

Боровцовъ.

Вотъ оно, Кирюша, какое дѣло-то!

Кисельниковъ.

Что-жъ теперь... я не знаю... Какъ же мнѣ быть-то?

Переярковъ.

Подпиши, да и все тутъ. Послѣ всякаго добраго дѣла на душѣ легче бываетъ, радость этакая.

Кисельниковъ.

Папенька, какъ же... такъ отъ всего и отказаться?

Боровцовъ.

Чужіе мы, что ли? Не родня мы? Что жъ, забуду я, что ль, такое твое благодѣяніе? Чай, мы христіане...

Переярковъ.

Вѣдь, тебѣ ужъ все равно, а намъ для формы нужно.

Кисельниковъ.

Значитъ, папенька, я долженъ буду теперь только вашимъ словамъ повѣрить, что вы меня не оставите.

Боровцовъ.

Да какъ же не повѣрить-то, чудакъ! Ужъ я тебя потомъ... Ужъ озолочу потомъ...

Кисельниковъ *(беретъ перо)*.

Вотъ, папенька... Ахъ, руки трясутся... Смотрите-жъ, папенька, я душѣ вашей вѣрю. *(Подписываетъ.)*

Переярковъ *(беретъ бумагу, складываетъ и кладетъ въ карманъ)*.

Ну, вотъ и конецъ, а ты сомнѣвался. Видишь, какой благородный зять-то у тебя; по скольку заразъ даритъ. А ты говорилъ: не уломаешь. Видишь, какъ скоро, да и безъ расходовъ.

Боровцовъ.

Да, теперь какъ гора съ плечъ. Ты, Кирюша, парень хорошій, право хорошій! А я думалъ было, что ты заломаешься. Вѣдь, и другіе то же пишутъ, что ты, да даромъ-то еще никто не подписалъ.

Кисельниковъ.

Какъ, развѣ вы платили?

Боровцовъ.

Да какъ же не платить-то, чудакъ! Кому половину, кому двадцать-пять, глядя по характеру. А ты вотъ молодецъ! Видно, что любишь тестя. Я думалъ, что и ты то-же заломишь, такъ приготовилъ было тысченки двѣ и съ собой захватилъ. Заткнуть, молъ, ему ротъ-то, чтобъ не шибко кричалъ.

Кисельниковъ.

Такъ онѣ съ вами? Дайте, папенька, дайте! Хоть тысячу дайте, я оживу!

Боровцовъ.

Ну, нѣтъ, братъ, другимъ годится, кто посердитѣй. Ишь ты, дай ему тысячу! Легко сказать! Ты, видно, счетъ въ деньгахъ-то позабылъ,—тысяча много денегъ.

Кисельниковъ.

Ужъ вы отложили; вы хотѣли дать. Что вамъ стоитъ?

Боровцовъ.

А ты трудись.

Кисельниковъ.

Тружусь, по ночамъ сижу, здоровье мое въ этой работѣ уходитъ. Грошъ я вырабатываю, грошъ. Дайте денегъ, папенька, дайте! Я докажу, я донесу; вы меня ограбили.

Боровцовъ.

Какихъ тебѣ денегъ? Мы съ тобой квиты. Если ты просишь теперича себѣ на бѣдность, такъ нѣшто такъ просятъ? Нѣшто грубіянить старшимъ ты можешь? Ты-бъ грубіянилъ давеча, какъ право имѣлъ, пока не подписалъ. Тогда я тебѣ кланялся, а теперь ты мнѣ кланяйся. Дураки-то и все такъ живутъ! Былъ я у тебя въ рукахъ, такъ не умѣлъ пользоваться. А теперь прощай. Никто тебя, дурака, не неволилъ, силой тебя не тянули подписывать-то! Что смотришь-то?

Переярковъ.

Да объ чемъ толковать-то! Дѣло покончили.

Кисельниковъ.

Ужъ я ничего не понимаю... Прежде голодалъ, такъ хоть впереди надежда была какая-нибудь... Бѣдныя дѣти! Вѣдь, они твои внуки!

Боровцовъ.

Внуковъ не забудемъ; будь и ты почтительнѣе, и тебѣ лучше будетъ. Форсомъ ничего не возьмешь.

Переярковъ.

Ну, съ Турунтаевымъ ты такъ дешево не отдѣлаешься.

Боровцовъ.

Турунтаеву ни копейки не дамъ; я теперь разсердился.

Переярковъ.

Не дай-ка ему, такъ онъ удавится, право удавится... его ужъ разъ изъ петли вынимали.

Боровцовъ.

Пущай давится—чорту баранъ... Пойдемъ! Прощай, Кирюша, спасибо тебѣ! Постой, такъ не уйду, не бойся; у меня тоже чувство-то есть; свои дѣти были. *(Вынимаетъ*

изъ кармана нѣсколько мелочи.) На вотъ! купи дѣтямъ чего-нибудь сладенькаго. Прощай!

Переярковъ.

Много ты тестю помогъ, много. Путалъ его этотъ долгъ, ты ему руки развязалъ. Ты послушай, что онъ говорилъ! Этотъ долгъ, Кирилинъ, не по документу, а по совѣсти, я заплатить долженъ. А ты ему простилъ; какой ты праздникъ для него сдѣлалъ!

Боровцовъ.

Какъ же не праздникъ-то, чудакъ! Больше пяти тысячъ подарилъ. Прощай! *(Переяркову.)* Ну, ужъ и бумагу-то ты ловко написалъ! Станешь читать, такъ слеза и прошибаетъ. *(Уходятъ.)*

Кисельниковъ.

Дѣтки мои, дѣтки! Что̀ я съ вами сдѣлалъ! Вы — больныя, вы — голодныя; васъ грабятъ, а отецъ помогаетъ. Пришли грабители, отняли послѣдній кусокъ хлѣба, а я не дрался съ ними, не рѣзался, не грызъ ихъ зубами; а самъ отдалъ, своими руками отдалъ послѣднюю вашу пищу! Мнѣ бы самому людей грабить да васъ кормить—меня бы и люди простили, и Богъ простилъ; а я вмѣстѣ, заодно съ грабителями, васъ же ограбилъ. Маменька, маменька! *(Анна Устиновна входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Кисельниковъ и Анна Устиновна.

Анна Устиновна.

Что ты, Кирюша?

Кисельниковъ.

Маменька, посидите со мной, не уходите отъ меня.

Анна Устиновна.

Да что̀ ты, что́ ты? Богъ съ тобой!

Кисельниковъ.

Приносилъ деньги-то.

Анна Устиновна.

Ну, такъ что же, Кирюша?

Кисельнико́въ.

Зачѣмъ вы меня на свѣтъ родили? Вѣдь, я не взялъ денегъ-то.

Анна Устиновна.

Что ты надѣлалъ? Варваръ! Что ты съ нами сдѣлалъ!

Кисельниковъ.

Принесли бумагу какую-то, сунули мнѣ, я и подписалъ.

Анна Устиновна.

Эки злодѣи, эки злодѣи! На кого напали-то! Кого обидѣть-то захотѣли! Бога они не боятся...

Кисельниковъ.

Да, маменька, пришли, ограбили, насмѣялись и ушли. Ахъ, маменька, какъ мнѣ трудно стало, грудь схватило! А работы много, вонъ сколько работы! Нищіе мы теперь, нищіе!

Анна Устиновна.

Не ропщи, Кирюша, не ропщи.

Кисельниковъ.

Охъ, умереть бы теперь!

Анна Устиновна.

А дѣти-то, дѣти-то!

Кисельниковъ.

Да, дѣти! Ну, что пропало, то пропало.

Анна Устиновна.

А ты посиди, отдохни; а за работу послѣ примешься.

Кисельниковъ.

Когда отдыхать-то! Дѣло-то не терпитъ. Ну, маменька, пусть они пользуются! Не разбогатѣютъ на наши деньги. Примусь я теперь трудиться. День и ночь работать буду. Ужъ вы посидите со мной! Не такъ мнѣ скучно будетъ, а то одного-то хуже тоска за сердце сосетъ. *(Принимается писать).*

Анна Устиновна.

Посижу, посижу, всю ночку просижу съ тобой.

Кисельниковъ *(про себя говоритъ и пишетъ).*

„А по справкѣ оказалось: при прошеніи, поданномъ въ калиновское городническое правленіе, калиновскій мѣщанинъ Гордѣй Яковлевъ сынъ Кудряевъ представилъ три векселя и съ протестами, писанные на имя калиновскаго купца Сидора

Сидорова Угрюмова: 1-й, на сумму 100 р., срокомъ..." Нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ такъ за сердце и ухватитъ—денегъ-то очень жалко.

Анна Устиновна.

Какъ же не жалко-то! При всей нашей бѣдности, да такую сумму...

Кисельниковъ.

Охъ, ужъ не говорите! *(Пишетъ сначала молча, потомъ говоритъ вслухъ).* Малиновскій купецъ Сидоръ Угрюмовъ, поданнымъ въ оное же городническое правленіе свѣдѣніемъ, въ коемъ объясняетъ...

Анна Устиновна.

Кирюша!

Кисельниковъ.

Что вамъ, маменька?

Анна Устиновна.

Я поговорить съ тобой хочу. Ты пиши, пиши.

Кисельниковъ.

Говорите, маменька. *(Пишетъ).*

Анна Устиновна.

Ты вотъ теперь обязанъ семействомъ, у тебя мать старуха...

Кисельниковъ.

Да-съ. *(Пишетъ).*

Анна Устиновна.

Ты ужъ очень совѣстливъ, какъ погляжу я на тебя. Нынче такъ жить нельзя.

Кисельниковъ.

Что-жъ съ этимъ дѣлать-то! *(Пишетъ).*

Анна Устиновна.

Вотъ что, Кирюша: ты меня послушай! Никакая мать своему сыну дурного не пожелаетъ. А коли посовѣтуетъ, такъ ужъ это грѣхъ на ней будетъ, а сыну Богъ проститъ. Вотъ теперь ночь, мы съ тобой одни... ты видишь нашу нужду... переломи, Кирюша, себя, бери взятки... я за тебя, Кирюша, Бога умолю—я каждый день буду ходить молиться за тебя. я—старуха...

Кисельниковъ

Что вы, маменька, говорите!

Анна Устиновна.

Конечно, мать-то должна добру учить; да ужъ ты, Кирюша, не брани меня. Видя-то нашу горькую бѣдность...

Кисельниковъ.

Маменька, маменька, не мучьте меня!

Анна Устиновна.

Прости меня, Кирюша! Душа-то у тебя какая чистая!

Кисельниковъ.

Ахъ, маменька! Нѣтъ, нѣтъ! Вы любите меня, вотъ вамъ и кажется, что у меня душа чистая...

Анна Устиновна.

Стыдишься ты брать-то?

Кисельниковъ.

Былъ у меня стыдъ, а теперь ужъ нѣтъ, давно нѣтъ.

Анна Устиновна.

Такъ отчего-жъ бы тебѣ...

Кисельниковъ.

Вы думаете, я не взялъ бы?...

Анна Устиновна.

Такъ чего-жъ ты боишься?

Кисельниковъ.

Взялъ бы я, маменька, взялъ бы!

Анна Устиновна.

Такъ бери! Вотъ тебѣ мое благословеніе!

Кисельниковъ.

Ахъ, маменька! Взялъ бы я... да не даютъ. *(Опускается головой на столъ).* За что мнѣ дать-то? Я не доучился, по службѣ далеко не пошелъ, дѣлъ у меня большихъ нѣтъ, за что мнѣ дать-то?

Анна Устиновна.

Экой ты у меня бѣдный! Экой ты у меня горькій! *(Обнимаетъ его).* Кирюша, Кирюша, кто-то стучитъ. Отпирать ли?

Кисельниковъ.

Не тесть ли воротился? Отоприте! (*Анна Устиновна уходитъ. Кисельниковъ прислушивается. Голосъ за сценой. „Здѣсь живетъ чиновникъ Кисельниковъ?“ Голосъ Анны Устиновны: „Здѣсь. Пожалуйте“. Входитъ Неизвѣстный*).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Кисельниковъ и Неизвѣстный.

Неизвѣстный.

Вы господинъ Кисельниковъ?

Кисельниковъ.

Точно такъ-съ.

Неизвѣстный (*садясь*).

Вы, должно быть, очень бѣдно живете?

Кисельниковъ.

Сами изволите видѣть.

Неизвѣстный.

Да. Ну, это можетъ поправиться. У меня много частныхъ порученій; если хотите, можете заниматься у меня. Вамъ тысячи рублей въ годъ будетъ?

Кисельниковъ.

Какъ вы изволили сказать?

Неизвѣстный.

Тысячу рублей.

Кисельниковъ.

Мнѣ тысячу рублей-съ!... Это благодѣяніе такое-съ... Я, помилуйте... такъ благодаренъ-съ... Мнѣ и во снѣ-то... Позвольте узнать, съ кѣмъ говорю-съ?

Неизвѣстный.

Это вамъ все равно; вы узнаете послѣ. Я повѣренный по многимъ большимъ дѣламъ.

Кисельниковъ.

Въ судѣ я васъ никогда не видалъ-съ.

Неизвѣстный

Я самъ не бываю, у меня есть агенты, которые за меня ходятъ по судамъ. Я только вчера пріѣхалъ; а впрочемъ, я все знаю, что у васъ въ судѣ дѣлается.

Кисельниковъ.

Кто-нибудь изъ нашихъ сообщаетъ-съ?

Неизвѣстный.

Да, ваши у меня бываютъ, забѣгаютъ частенько и, кажется, остаются мною довольны. Что это у васъ дѣлъ-то сколько?

Кисельниковъ.

Работа-съ; надо же чѣмъ-нибудь жить.

Неизвѣстный.

Оно такъ, а все-жъ-таки на домъ-то брать дѣла неловко, запрещено закономъ.

Кисельниковъ.

Коли вы повѣренный по дѣламъ-съ, такъ вы изволите знать, что не всякій законъ исполняется.

Неизвѣстный.

Ну, конечно. Вамъ вѣрятъ, вы человѣкъ честный, оттого вамъ и даютъ. Да тутъ все дѣла-то не важныя. А вотъ у васъ есть дѣло Черноярскаго.

Кисельниковъ.

Почемъ же вы знаете-съ? Я его только сегодня взялъ.

Неизвѣстный.

Я вамъ говорю, что мнѣ все извѣстно. Вотъ это дѣло, будь я вашъ секретарь или столоначальникъ, я бы вамъ не далъ.

Кисельниковъ.

Отчего же? Я его еще и не смотрѣлъ.

Неизвѣстный.

Оттого, что искушеніе велико. Покажите мнѣ его.

Кисельниковъ.

Да какъ-же-съ?

Неизвѣстный.

Покажите, я вамъ говорю. Чего вы боитесь! Вотъ оно у васъ въ платкѣ завязано.

Кисельниковъ *(развязывая платокъ)*.

Вотъ-съ дѣло Черноярскаго-съ.

Неизвѣстный.

Это дѣло слишкомъ во сто тысячъ. Какъ же его вамъ повѣрили?

Кисельниковъ.

Отчего же не повѣрить-съ? Я всегда-съ...

Неизвѣстный.

Оттого, что тутъ есть документъ; если его испортить, такъ и все дѣло пропало.

Кисельниковъ.

Какъ же это испортить-съ?

Неизвѣстный.

Ха, ха, ха! Вы не знаете? Ну, взять написать что-нибудь, да потомъ ножикомъ подчистить. Вотъ какія дѣла довѣряютъ! Ай, ай, ай! *(Качаетъ головой.)*

Кисельниковъ.

Какъ же это можно-съ! Такая фальшь-съ... Кто же рѣшится?

Неизвѣстный.

Кто рѣшится? Дадутъ тысячи три-четыре, такъ всякій рѣшится.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, ужъ вы не извольте безпокоиться, у меня будетъ сохранно, у меня и руки-то не подымутся.

Неизвѣстный.

Не подымутся. Такъ я вамъ и повѣрю. Такія же у васъ руки-то, какъ и у всѣхъ.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, меня еще Богъ миловалъ, я никогда...

Неизвѣстный *(отворотясь, считаетъ деньги).*

Вотъ вамъ три тысячи! Марайте документъ, пишите что-нибудь.

Кисельниковъ.

Какъ! Что вы-съ! Помилуйте-съ!

Неизвѣстный.

Садитесь! Вотъ деньги. Сосчитайте прежде.

Кисельниковъ.

Да зачѣмъ-съ?

Неизвѣстный.

Сосчитайте, я вамъ говорю. *(Кисельниковъ машинально считаетъ.)* Ну, сколько?

Кисельниковъ

Три тысячи-съ.

Неизвѣстный.

Ну, положите ихъ къ себѣ въ столъ.

Кисельниковъ *(смотритъ на него умоляющимъ взглядомъ).*

Нѣтъ, зачѣмъ-съ! Не нужно-бы-съ!

Неизвѣстный.

Ну, милый мой, ну, дорогой мой! Голякъ, вѣдь, ты! Бери, бери, послѣ спасибо скажешь.

Кисельниковъ.

Право, не нужно-бы-съ! *(Убираетъ деньги.)* Ей-Богу, не нужно-бы-съ! Господи! Что же это я дѣлаю! *(Плачетъ.)*

Неизвѣстный *(развертывая дѣло).*

Объ чемъ же ты плачешь, мой милый? Видно въ первый разъ. Ну, теперь бери перо. *(Кисельниковъ беретъ перо.)* Пиши что-нибудь. Что-нибудь пиши, все равно.

Кисельниковъ *(дрожа).*

Написалъ-съ.

Неизвѣстный.

Что ты пишешь-то? Вотъ потѣха! Ну, да все равно! Вотъ ножичекъ. Почисти, чтобы видно было, что тутъ была подпись. *(Кисельниковъ чиститъ ножомъ.)* Ну, вотъ такъ. Ну, довольно! *(Беретъ дѣло, складываетъ и кладетъ на столъ.)* Знаешь ли, что ты надѣлалъ?

Кисельниковъ.

Ничего не знаю-съ. Ужъ вы меня не погубите. Семейство-съ!

Неизвѣстный.

А то руки, видишь ты, у него не поднимутся! Охъ вы, горечь! Я и не такихъ, какъ ты, покупалъ. Любо съ вами дѣло дѣлать. Вашему брату ничего завѣтнаго нѣтъ, все продастъ! Вѣдь, ты, знаешь ли, ты мнѣ за три тысячи полтораста тысячъ продалъ! Теперь съ насъ по этому документу не много взыщутъ. А пойдетъ слѣдствіе о подлогѣ, такъ, опять-таки, намъ выгода та, что дѣло затянется, въ Сибирь-то пойдешь, все-таки, ты, а не мы. Ты хоть ужъ покути на эти деньги-то, чтобъ не даромъ отвѣчать. *(Хочетъ уйти.)*

Кисельниковъ.

Какъ же это-съ! Нѣтъ, вы позвольте-съ! Куда же вы-съ? Я еще въ себя не приду.

Неизвѣстный.

Что-жъ, мнѣ тутъ и сидѣть съ тобой! Утѣшать тебя! Да ты не бойся, мы за тобой будемъ слѣдить, до Сибири не допустимъ. А ты пока деньги-то не сори, чтобъ подозрѣнія не было. Прощай! *(Уходитъ.)*

Кисельниковъ.

Что я надѣлалъ! Что я надѣлалъ! *(Развертываетъ деньги и смотритъ.)* Ужъ теперь поправить ничѣмъ нельзя. А-а-хъ! Дрожь какая-то! Ужъ не подсылъ ли это? Сейчасъ могутъ наѣхать, накроютъ меня и съ деньгами. А можетъ быть, и нумера записаны? Вотъ когда лихорадка-то! Да хоть и не съ подсыломъ, такъ какъ же я дѣло въ судъ-то понесу! Столоначальникъ взглянетъ, сейчасъ меня и арестуютъ, не дадутъ и съ дѣтьми повидаться. А тамъ лишеніе чиновъ, каторга, станутъ надъ головой шпагу ломать; ну, вотъ и колодникъ! Ахъ ты, батюшки, какъ зубы стучатъ! Да и холодно что-то у насъ. Вотъ, вѣдь, недавно, полчаса какихъ-нибудь, былъ я честный человѣкъ—чиновникъ; хоть бѣдный, а обыватель; идешь это по улицѣ—и ничего; тотъ руку подаетъ, другой руку подаетъ: „здравствуйте“ говоритъ; на рынокъ ходишь, въ праздникъ въ церкви стоишь — что другіе, то и ты; а теперь за желѣзную рѣшетку, въ сѣрое сукно одѣнутъ. Хоть деньги-то дѣтямъ останутся; отца-то у нихъ ужъ не будетъ. Спрятать бы деньги-то! Маменька! *(Входитъ Анна Устиновна.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Кисельниковъ и Анна Устиновна.

Кисельниковъ.

Маменька, деньги вотъ... вотъ! *(Подаетъ деньги.)*

Анна Устиновна.

Какія это деньги, Кирюша?

Кисельниковъ.

Деньги... Тутъ много.

Анна Устиновна.

Да вижу, что деньги, да откуда онѣ у тебя?

Кисельниковъ.

Три тысячи. Спрячьте ихъ, подальше спрячьте, чтобъ не нашли.

Анна Устиновна.

Да куда же я ихъ спрячу?

Кисельниковъ.

Ахъ, Боже мой! Ну, по щелямъ, за обои, въ тряпки заверните. Чтобъ вамъ деньги-то остались, чѣмъ вамъ жить-то съ дѣтьми послѣ меня.

Анна Устиновна.

Спрячу, спрячу, нигдѣ не найдутъ. Откуда-жъ ты взялъ-то ихъ, скажи ты мнѣ?

Кисельниковъ.

Взялъ... вотъ тутъ... баринъ приходилъ... Ахъ, маменька, какъ мнѣ страшно!

Анна Устиновна.

Да ты опомнись, ишь ты, весь дрожишь. Что такое съ тобой случилось?

Кисельниковъ *(взявшись за голову)*.

Да-да-да! Ахъ, я дуракъ! Вѣдь, еще, можетъ быть, я и не попадусь. Побѣгу я въ судъ, положу дѣло-то въ шкафъ; дежурный спитъ теперь! Гдѣ фракъ-то, маменька? *(Снимаетъ халатъ.)*

Анна Устиновна.

Здѣсь, здѣсь, вотъ онъ. *(Надѣваетъ на него фракъ.)*

Кисельниковъ.

А проснется дежурный, такъ я скажу, что забылъ что-нибудь, а дѣло-то тихонько и суну въ шкафъ. А послѣ скажу, что не бралъ. Сдѣлалъ одну подлость, сдѣлаю и другую. *(Хочетъ итти.)*

Анна Устиновна.

Постой! куда ты безъ галстука-то! Дай я завяжу тебѣ.

Кисельниковъ *(въ то время, какъ Анна Устиновна завязываетъ галстукъ)*.

Тамъ двое видѣли, какъ я бралъ; а я запрусь, скажу, что не бралъ, не бралъ. Я, маменька, скажу, что не бралъ.

(Со слезами.) Запираться надо, маменька, только одно осталось; одно мнѣ и осталось.

Анна Устиновна.

Да что ты, Богъ съ тобой!

Кисельниковъ.

Маменька, вѣдь, я на волосъ отъ каторги... Завтра же, можетъ быть...

Анна Устиновна.

Кирюша! Кирюша!

Кисельниковъ *(въ изнеможеніи опускаясь на колѣни).*

Маменька, вѣдь, я преступникъ... уголовный преступникъ!

Сцена 4-я.

ЛИЦА:

Кисельниковъ, 39-ти лѣтъ, одѣтъ въ старое пальто, панталоны въ сапоги.
Анна Устиновна.
Лизанька, 17-ти лѣтъ.
Боровцовъ, 57-ми лѣтъ, одѣтъ такъ же, какъ Кисельниковъ; къ пальто приколоты двѣ миткалевыя манишки, черезъ плечо повѣшены ситцевыя и холстинковыя рубашки, какъ у площадныхъ торговцевъ.
Погуляевъ.

Бѣдная комната съ русскою печью, за занавѣской кровать; по срединѣ комнаты дощатый столъ и скамья. Между 3-й и 4-й сценой проходитъ 5 лѣтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Кисельниковъ *и* Боровцовъ *сидятъ за столомъ, на скамейкѣ.* Анна Устиновна *сидитъ на кровати.*

Боровцовъ.

Сватьюшка, тебѣ много-ль годовъ-то?

Анна Устиновна.

Шестьдесятъ скоро.

Боровцовъ

Ну да, такъ. Я тебя однимъ годомъ моложе. А это чай мы свой пьемъ.

Анна Устиновна.

Слышу, батюшка, что свой.

Боровцовъ.

Свой, да. Мы вчера съ зятемъ пять золотниковъ купили. Собрался я нынче на площадь торговать-то: дай, думаю, къ зятю зайду, вмѣстѣ пойдемъ — вотъ и зашель. Поставили мы съ нимъ самоваръ, да вотъ и пьемъ сидимъ. *(Зятю.)* Ты чѣмъ нынче торговать-то будешь?

Кисельниковъ *(суетливо)*.

Да вотъ двѣ жилеточки старенькія да угорь: вотъ тутъ у меня собрано. Сосѣди дали — сосѣди у насъ добрые; вотъ только ребятишки забижаютъ. Да вотъ я гвоздиковъ старыхъ въ кулечекъ набралъ. А сосѣди у насъ добрые! Сосѣдка, „на“, говоритъ, „Кирюша, намъ не нужно, все равно бросимъ, а ты за что-нибудь продашь“. *(Пьетъ чай.)*

Боровцовъ.

Сватья, манишки нынче въ цѣнѣ мужскія.

Анна Устиновна.

Что̀ мудренаго!

Боровцовъ.

Всѣ носить стали — вотъ онѣ и въ цѣнѣ. У меня старухи шьютъ, а я продаю: вотъ тоже рубашки ситцевыя, холстинковыя. Да шьютъ-то больно плохо, не вцягъ старухи-то и бродятъ, точно куры слѣпыя; а сходить съ рукъ, ничего. Вотъ и ты бы шила, а мы бы продавать стали.

Анна Устиновна.

Гдѣ ужъ мнѣ шить, я и вижу-то — ничего не вижу; одна у насъ работница, одна кормилица! Не будь ея, что̀ бы мы были! хоть по міру ступай!

Боровцовъ.

Да, Лиза у насъ рукодѣльница! Вотъ бы кому замужъ ее взять! Для хозяйства то ужъ больно ловка. Эта дѣвка знаетъ нужду-то, въ чемъ она ходить; ни отъ какого дѣла у ней руки не отваливаются.

Анна Устиновна.

Что она не идетъ-то! Вышиванье понесла, да вотъ и замѣшкалась. Ужь я и боюсь: одна, вѣдь, по Москвѣ-то ходить.

Боровцовъ.

Что-жъ такое! Не въ лѣсу живемъ.

Анна Устиновна.

Москва-то хуже лѣсу.

Боровцовъ.

Вотъ, сватья, чѣмъ подъ старость торговать-то пришлось. А богатъ я былъ, по прежнему-то времени и очень богатъ, да мало показалось — за большимъ погнался. Не захотѣлось платить тѣмъ, кому долженъ былъ, такъ за это вдвое заплатилъ, кому и вовсе долженъ не былъ. Все просудилъ до ниточки. Переярковъ меня ужъ очень доѣхалъ. „Ты“, говоритъ „такъ дѣлай да вотъ такъ дѣлай“, да тридцать тысячъ съ меня за науку взялъ. А какъ стали дѣло-то разбирать, онъ-то въ сторону, а меня и потянули. За что ни возьмутся, все фальшь, и книги-то фальшивыя,—а все его стряпня. Начали меня судить, начали меня мытарить — и ямы-то ему мало, и въ острогъ-то его! Возьмите, говорю, все, только душеньку отпустите. Такъ и вышелъ я изъ этого дѣла чистъ, какъ изъ баньки. Вотъ тебѣ и барыши! Васъ-то я только тогда обидѣлъ ни за что, ни про что; себѣ пользы не сдѣлалъ, а васъ ограбилъ.

Анна Устиновна.

Ахъ, да молчи ты! Что ты при немъ-то! Ну, очнется да вспомнитъ. Наладилъ одно и то же; не одинъ разъ я это отъ тебя слышала!

Боровцовъ.

Да ужъ очень обидно! А гдѣ ему вспомнить! Онъ, сватья, ничего не помнитъ. Мы теперь съ нимъ пріятели. Кирюша, пойдемъ торговать.

Кисельниковъ *(торопясь)*.

Пойдемъ, пойдемъ!

Боровцовъ *(убирая посуду)*.

Ты такъ жилетки-то не держи; долго-ль до грѣха, потеряешь, либо кто вытащитъ; а ты ихъ надѣнь на себя сверху, одну на другую. А я покуда самоваръ уберу. *(Ставитъ самоваръ у печки.)*

Кисельниковъ.

Сейчасъ, сейчасъ. *(Надѣваетъ жилетки.)*

Боровцовъ.

Ну, вотъ, теперь пойдемъ.

Кисельниковъ.

Пойдемъ, пойдемъ. Я все захватилъ, все. Таланъ-доля вди за мной, я буду счастливъ, и ты будешь счастливъ!

Боровцовъ.

Прощай, сватья! Вотъ хорошо. Это я его научилъ. Какъ, говорю, Кирюша, зачѣмъ пойдешь или получить чего хочешь, тверди эту пословицу—дѣло вѣрнѣй будетъ. *(Уходятъ.)*

Анна Устиновна.

Что̀ это, право, Лиза не идетъ! Сердце у меня не на мѣстѣ. Дѣвушка беззащитная, кроткая, вся въ отца — долго-ль ее обидѣть? Народъ безсовѣстный, видятъ, что дѣвушка плохо одѣта, ну, и пристаютъ. А не знаютъ того, что эта дѣвушка, какъ только на ноги поднялась, такъ семью кормить стала, съ утра до ночи работаетъ, отдыху не знаетъ, что мы на нее чуть не молимся. Захворай она, такъ мы наголодаемся. *(Вбѣгаетъ Лиза, за ней входитъ Погуляевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Анна Устино̀вна, Лиза и Погуляевъ.

Лиза.

Ахъ, бабушка, бабушка! Никакъ духъ не переведу.

Анна Устиновна.

Что̀ съ тобой, дѣвушка? Ты испугалась чего-нибудь?

Лиза.

Ахъ, испугалась! Вы погодите, я вамъ послѣ скажу. Вонъ баринъ пришелъ.

Анна Устиновна.

Какой тамъ баринъ? Зачѣмъ къ намъ баринъ? Дѣлать-то, видно, ему нечего.

Лиза.

Нѣтъ, онъ, кажется, добрый. Что̀ я за несчастная такая! *(Садится къ столику и со слезами принимается за работу.)*

Анна Устиновна.

Всѣ они добрые, только упаси насъ Господи отъ ихъ доброты. *(Погуляеву.)* Что̀ вамъ, батюшка, нужно?

Погуляевъ.

Это ваша дочка?

Анна Устиновна.

Дочка ли, чужая ли, никому до того дѣла нѣтъ.

Погуляевъ.

Да и мнѣ все равно; только, если вы ее любите, такъ одну не пускайте по улицамъ ходить. Кто захочетъ впутываться въ исторію, заступаться на улицѣ за постороннюю дѣвушку; а обидѣть охотники всегда найдутся. Вотъ нынче, сейчасъ, какіе-то господа подхватили ее на бульварѣ подъ руки; она такъ испугалась, что и слова не вымолвитъ, а они идутъ, пѣсенки распѣваютъ да на всѣхъ посматриваютъ. Хорошо, что я подъѣхалъ.

Анна Устиновна.

Ахъ, батюшка, покорнѣйше васъ благодарю! Что-жъ ты, Лизанька, молчишь? А я и не понимаю, съ кѣмъ говорю-то.

Погуляевъ.

Они, конечно, большой обиды ей бы не сдѣлали; сейчасъ видно, что это шалуны; но, вѣдь, она могла испугаться очень и даже захворать съ испугу.

Анна Устиновна.

Долго ли ее напугать; что̀ говорить, кротости она у насъ непостижимой.

Погуляевъ.

Такъ вотъ я вамъ совѣтую: вы ее впередъ одну не пускайте!

Анна Устиновна.

Да съ кѣмъ же намъ отпустить ее? Отецъ больной, я стара; она одна работаетъ, одна насъ кормитъ, одна и работу свою въ магазинъ носитъ. Нужда, батюшка.

Погуляевъ.

Вижу, что нужда! Эко дѣло-то! Вамъ бы женщину нанять.

Анна Устиновна.

На какія, батюшка, деньги? Есть у нея завѣтныя, на приданое отложены, такъ тѣхъ трогать не хотимъ. Только тронь — и не увидишь, какъ и истратишь; а ей-то ничего не останется. Дорого достались намъ эти деньги: изъ-за нихъ отецъ ея разсудокъ потерялъ.

Погуляевъ.

Мнѣ кажется, что я васъ гдѣ-то видалъ; мнѣ ваше лицо очень знакомо.

Анна Устиновна.

Было время, жили хорошо, такъ и насъ люди знали, а теперь всѣ бросили.

Погуляевъ.

Конечно, въ вашемъ положеніи вспоминать о старомъ непріятно; но вы меня извините за нескромность, позвольте узнать вашу фамилію.

Анна Устиновна.

Что-жъ тутъ непріятнаго! Божья воля! Я — Кисельникова, батюшка.

Погуляевъ.

Кисельникова? И вы не матушка ли Кирилла Филипповича Кисельникова?

Анна Устиновна.

Такъ точно.

Погуляевъ.

Ахъ, Боже мой, Боже мой! Живъ онъ?

Анна Устиновна.

Живъ-то живъ, да ужъ лучше вы и не спрашивайте! А вы-то кто же такой будете?

Погуляевъ.

Погуляевъ. Помните, еще я у васъ часто бывалъ студентомъ, потомъ одинъ разъ былъ у него, у женатаго. Теперь адвокатъ, стряпничествомъ занимаюсь.

Анна Устиновна.

Помню, какъ не помнить; а не скажите, ни за что бы не узнала. Вотъ полюбуйтесь на наше житье.

Погуляевъ.

Что-жъ такое съ вашимъ сыномъ сдѣлалось?

Анна Устиновна.

Семья, батюшка, да родные Кирюшу сгубили. Служба ему не далась — какъ-то онъ къ ней не приноровился: пока были свои деньги, такъ мы еще бѣдности не видали. А потомъ тесть всѣ деньги у Кирюши отобралъ; тутъ жена умерла; тесть обанкрутился; пропали всѣ денежки; бѣда за бѣдой; захворали дѣти, а жить чѣмъ-нибудь нужно! Тутъ, какъ на грѣхъ, и подвернулся чей-то повѣренный, сунулъ Кирюшѣ тысячи три денегъ: тотъ отъ бѣдности да отъ горькаго житья

и прельстись на деньги-то, да фальшь какую-то въ судѣ и сдѣлалъ. И напалъ на него страхъ, суда очень боялся, такъ и помѣшался въ разсудкѣ со страху. Сколько я денегъ пролѣчила, ничего не помогаетъ.

Погуляевъ.

Какого же рода у него помѣшательство?

Анна Устиновна.

Ничего не помнитъ, что было съ нимъ, никого почти не узнаетъ. Прежде у него это временемъ проходило; иногда бывало и опомнится, говоритъ складно, вспоминаетъ свою жизнь, жену покойницу, плачетъ; а теперь все рѣже да рѣже. Все бѣгаетъ да суетится, точно звѣрокъ какой, прости Господи! Гвоздиковъ, пробокъ наберетъ, да надаютъ ему всякой дряни—бѣжитъ продавать; принесетъ мнѣ денегъ копеекъ пять-шесть, забормочетъ: „Дѣтямъ, дѣтямъ принесъ. Берегите дѣтямъ“. Какъ онъ всю жизнь для дѣтей хлопоталъ, бѣдный, о томъ только и помнитъ. А ужъ я и дѣтей-то всѣхъ прихоронила; она вотъ только и осталась.

Погуляевъ.

Такъ это его дочь! *(Лизѣ.)* Позвольте мнѣ на васъ поглядѣть хорошенько. Я вашего папеньку зналъ молодымъ, красивымъ.

Лиза.

Развѣ онъ былъ когда-нибудь молодъ?

Анна Устиновна.

Что ты, глупенькая! Всѣ были молоды.

Лиза.

Я не то хотѣла сказать... *(Подумавъ.)* Нѣтъ, то! Я никакъ и вздумать не могу, чтобъ онъ былъ молодъ.

Погуляевъ.

Онъ былъ щеголь, веселый!

Лиза.

Бабушка говоритъ, что и деньги у него были, а теперь вотъ нѣтъ. У васъ есть деньги?

Погуляевъ.

Есть.

Анна Устиновна.

Что ты, матушка, какъ глупо говоришь.

Лиза.

Объ чемъ же мнѣ говорить съ ними? Я больше ничего не знаю.

Погуляевъ.

Нѣтъ, ничего. Она хорошо говоритъ.

Лиза *(серіозно)*.

Гдѣ-жъ вы деньги взяли? Вы нашли, или вамъ кто-нибудь далъ?

Погуляевъ.

Я за работу получалъ, вотъ и накопилъ.

Лиза.

За работу очень мало даютъ, накопить нельзя. Я вотъ очень много работаю, а денегъ даютъ мало.

Погуляевъ.

Наша работа больше вашей цѣнится.

Анна Устиновна.

Боюсь я, надоѣстъ она вамъ своими глупостями.

Лиза.

Нѣтъ, бабушка, позвольте! У меня давно въ головѣ поговорить съ кѣмъ-нибудь. Они уйдутъ, съ чужими я говорить не стану, такъ у меня на сердцѣ и останется. Я и то все одна сижу да сама съ собой думаю.

Погуляевъ.

Говорите, ради Бога, говорите! Я всегда готовъ васъ слушать.

Лиза *(рѣшительно)*.

Вотъ что: укажите мнѣ работу такую, за которую бы больше платили. А то, посмотрите, вотъ какая комната, вонъ бабушка, какъ она одѣта! у насъ ничего нѣтъ; я работаю-работаю и никакъ изъ нужды не выбьюсь *(Плачетъ.)*

Погуляевъ.

Перестаньте! Давайте потолкуемъ.

Лиза.

Я дѣвушка молодая, а, взгляните, что на мнѣ! Мнѣ стыдно на улицу выйти. Я не хочу рядиться, мнѣ хоть бѣдное платье, да чтобъ оно было чисто, ново, по мнѣ сшито. Я хороша собой, молода—это ужъ, вѣдь, мое; мнѣ хочется, чтобы и люди видѣли, что я хорошенькая; а у меня сердце зами-

раетъ, какъ я начну надѣвать эти лохмотья: я только себя уродую *(Плачетъ.)*

Погуляевъ.

Да перестаньте же, перестаньте! Ахъ, Боже мой! Потолкуемъ такъ, безъ слезъ.

Лиза.

Легко вамъ говорить: „безъ слезъ“! Да и что̀ толковать! Намъ, бѣднымъ людямъ, толковать некогда. Вы мнѣ работу дайте! Пусть она будетъ вдвое, втрое труднѣе, только бы мнѣ денегъ больше вырабатывать, чтобъ комнату нанять посвѣтлѣе да одѣться почище.

Погуляевъ.

Я вамъ найду работу, погодите.

Лиза.

Найдите, только поскорѣй. Мнѣ ужъ надоѣла нужда, я выбилась изъ силъ. Если найдете, я вамъ буду очень благодарна. *(Шьетъ молча.)*

Погуляевъ.

Поищу, поищу.

Анна Устиновна.

А вы сами-то себя устроили?

Погуляевъ.

Не совсѣмъ.

Анна Устиновна.

Чего же вамъ не достаетъ?

Погуляевъ.

Счастья. *(Подходитъ къ Аннѣ Устиновнѣ.)* Въ память стараго знакомства, не откажитесь принять отъ меня эту малость. *(Даетъ ей ассигнацію.)*

Анна Устиновна *(беретъ).*

Если счастья у васъ нѣтъ, такъ деньги есть; значитъ, еще жить можно. Покорно благодаримъ, что насъ, сиротъ, вспомнили. Навѣщайте.

Лиза.

Куда же вы? Я еще хотѣла съ вами поговорить.

Погуляевъ.

Мнѣ нужно домой. Вы извините. Я зайду къ вамъ! У меня есть дѣло.

Лиза.

Вы не привыкли видѣть бѣдность! Вамъ тяжело съ нами. Ну, ступайте! (*Погулявъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Анна Устиновна и Лиза.

Анна Устиновна.

Что̀ это, Лиза, какъ ты груба!

Лиза.

А со мною кто ласковъ, кромѣ васъ?

Анна Устиновна.

А чѣмъ же онъ-то не ласковъ? Вотъ посмотри, онъ намъ денегъ далъ.

Лиза.

На его деньги намъ весь вѣкъ не прожить; лучше бы онъ мнѣ работу далъ.

Анна Устиновна.

У тебя и то работа изъ рукъ не выходитъ, а тебѣ все мало; хоть бы ты себѣ отдыхъ дала.

Лиза.

Отдыхъ? Нѣтъ, отдыхать некогда, да и нельзя.

Анна Устиновна.

Отчего же нельзя?

Лиза.

А вотъ отчего: если работать сплошь, день за день, такъ работа легче кажется; а если дать себѣ отдыхъ, такъ потомъ трудно приниматься. Послѣ отдыха работа противна становится.

Анна Устиновна.

Что̀ ты, что̀ ты! Господь съ тобой!

Лиза.

Да, противна. Она и всегда не сладка, да ужъ какъ свыкнешься съ ней, такъ, все-таки, легче. Вы думаете, что мнѣ самой погулять не хочется! Вы думаете, что мнѣ не завидно, когда другіе гуляютъ!

Анна Устиновна.

Какъ, чай, не завидно.

Лиза.

Нѣтъ, нѣтъ! Я васъ знаю. Вы думаете, что я съ радостью работаю, что мнѣ это весело; вы думаете, что я святая. Ахъ, бабушка!

Анна Устиновна.

Святая, святая и есть.

Лиза.

Сказать ли вамъ, что̀ у меня на душѣ?

Анна Устиновна.

Да что̀ жъ у тебя, кромѣ ангельскихъ помысловъ?

Лиза.

Нѣтъ, лучше не говорить. Сказать, такъ вы испугаетесь.

Анна Устиновна.

Ангелъ-хранитель надъ тобой!

Лиза.

Ахъ, бабушка, я боюсь, я боюсь...

Анна Устиновна.

Чего же ты, душенька, боишься?

Лиза.

Я боюсь, что надоѣстъ мнѣ работа, опостылѣетъ, тогда я ее брошу...

Анна Устиновна.

Поди ко мнѣ, поди, дитя мое! Господи, сохрани ее и помилуй!

Лиза *(вставая)*.

Бабушка, давайте молиться вмѣстѣ! Трудно мнѣ, трудно мнѣ, трудно! *(Подходитъ къ Аннѣ Устиновнѣ. Входитъ торопливо Кисельниковъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Анна Устиновна, Лиза и Кисельниковъ.

Кисельниковъ.

Конура, конура...

Анна Устиновна.

Что̀, что̀ ты?

Кисельниковъ.

Конура, говоритъ, собачья конура...

Анна Устиновна.

Да кто говоритъ-то?

Кисельниковъ.

Вотъ я пришелъ, вотъ я пришелъ...Вотъ деньги! Я взялъ, принесъ... Деньги спрятать, спрятать... *(Отдаетъ Аннѣ Устиновнѣ десятирублевую ассигнацію.)*

Анна Устиновна.

Гдѣ ты взялъ, Кирюша, столько денегъ? Товару-то у васъ всего на какой-нибудь рубль было.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, товаръ здѣсь — не продали, ничего не продали. Нынче день тяжелый, тяжелый день. Торговцы говорятъ, нейдетъ, говорятъ, товаръ съ рукъ, день тяжелый.

Анна Устиновна.

Гдѣ-жъ ты взялъ?

Кисельниковъ.

Тамъ... баринъ, такой...

Анна Устиновна.

Пріятель твой, Погуляевъ?

Кисельниковъ.

Нѣтъ.

Анна Устиновна.

Неужели-жъ ты не помнишь пріятеля своего, Погуляева? Учились вмѣстѣ. Вѣдь, онъ—твой пріятель.

Кисельниковъ.

Пріятель, Погуляевъ? Нѣтъ. У меня одинъ есть пріятель, два есть пріятеля.

Анна Устиновна.

Такъ это не онъ тебѣ далъ деньги?

Кисельниковъ.

Нѣтъ, онъ, онъ...

Анна Устиновна.

Погуляевъ?

Кисельниковъ.

Да. Вотъ деньги... Только онъ не Погуляевъ, онъ Грозновъ.

Анна Устиновна.

Баринъ, сосѣдъ нашъ? Это богачъ-то?

Кисельниковъ.

Да, богатый, богатый! У!! Домъ... все лакеи, лакеи...

Анна Устиновна.

За что же онъ тебѣ далъ?

Кисельниковъ.

Онъ дома, а я на улицѣ; онъ говоритъ: „Поди сюда!“ Я пошелъ, пошелъ, на крыльцо иду, говорю: „таланъ-доля, иди за мной, я буду счастливъ, и ты будешь счастливъ“. Онъ и далъ.

Анна Устиновна.

Да за что? Все я не пойму. Такъ, на бѣдность, что ли?

Кисельниковъ.

Да, на бѣдность. „Ты, говоритъ, въ конурѣ живешь... И дочь, говоритъ, держишь въ собачьей конурѣ... вотъ, говоритъ, ей флигель“, хорошій, хорошій. „И тебѣ, говоритъ, и всѣмъ вамъ. Хочешь, говоритъ?“ Я хочу, я пойду; вотъ я все возьму, я пойду. *(Собираетъ вещи.)* Я пошелъ. Таланъ-доля...

Анна Устиновна.

Постой, Кирюша, не ходи. *(Кисельниковъ останавливается.)*

Лиза.

Погодите, бабушка. *(Кисельникову.)* Какъ онъ сказалъ? Дочь твоя въ конурѣ живетъ?

Кисельниковъ.

Да, въ конурѣ... Ей, говоритъ, вотъ какъ надо жить, вотъ какой домъ... она красавица.

Анна Устиновна.

Что-жъ бы это такое значило?

Лиза.

Подумайте, бабушка.

Анна Устиновна.

Ума не приложу.

Лиза.

Ну, такъ я вамъ растолкую. Это дѣло касается меня, одной меня.

Анна Устиновна.

Тебя? Какъ же это?

Лиза.

Я ему давно нравлюсь.

Анна Устиновна.

Да, вѣдь, онъ женатый, у него жена въ Петербургѣ.

Лиза.

Ну, такъ что-жъ, что женатый! Эхъ, бабушка! Ужъ не пришло ли вамъ въ голову-то, что онъ жениться на мнѣ хочетъ! У него, говорятъ, сто тысячъ дохода. При такихъ деньгахъ все купить можно.

Анна Устиновна.

Ахъ, батюшки! Вотъ бѣда-то! Какъ же намъ быть-то?

Лиза.

Думайте, бабушка.

Анна Устиновна.

Охъ, не спрашивай ты меня, не спрашивай! Что мать, что бабка — обманщицы, лукавыя понаровщицы; на добро дѣтей не учатъ, всякимъ ихъ шалостямъ потакаютъ. Вотъ я разъ Кирюшу пожалѣла, не на добро его научила; словно какъ отъ тѣхъ моихъ словъ и сталося. А грѣхъ-то на моей душѣ. Первыя-то матери грѣшницы, первыя за дѣтей отвѣтчицы.

Лиза.

Кто-жъ меня, бабушка, на умъ наведетъ? У кого же мнѣ ученья искать: какъ мнѣ на бѣломъ свѣтѣ жить, что на свѣтѣ хорошо, а что дурно. Молода, вѣдь, я, какія у меня силы, какой у меня разумъ!

Анна Устиновна.

Охъ, не знаю я! Ты у насъ хозяйка, ты у насъ большая. Думай сама о себѣ, какъ тебѣ лучше. Что я тебѣ посовѣтую! И тамъ бѣда, и здѣсь бѣда.

Кисельниковъ.

Я все собралъ, я пошелъ. *(Надѣваетъ картузъ.)*

Анна Устиновна.

Погоди, Кирюша! Стара я стала, кости мои покоя хотятъ; теплую бы мнѣ комнату да уходъ бы за мной! Да на тебя-то бы поглядѣла, на нарядную да на богатую. Охъ, да не слушай ты меня, старую дуру, не слушай!

Лиза.

Кто же мнѣ теперь поможетъ! Стою я надъ пропастью, удержаться мнѣ не за что. Охъ, спасите меня, люди добрые! Бабушка, да поговорите со мной что-нибудь! *(Входитъ Погуляевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Анна Устиновна, Лиза, Кисельниковъ и Погуляевъ.

Лиза.

Ахъ, какъ вы вò-время! Мнѣ нужно совѣта спросить, а не у кого. Помогите мнѣ.

Погуляевъ.

Я затѣмъ и пришелъ.

Анна Устиновна.

Чтò ты, Лиза! Да развѣ говорятъ объ этомъ постороннимъ людямъ?

Лиза.

Значитъ, это очень дурно, коли не говорятъ.

Анна Устиновна.

Чтò хорошаго! только крайность заставляетъ.

Погуляевъ.

Да что такое?

Анна Устиновна.

Ужъ не знаю, какъ и сказать вамъ. Баринъ богатый, сосѣдъ нашъ, даетъ намъ даромъ квартиру и все, такъ вотъ мы и думаемъ, переѣзжать ли намъ?

Кисельниковъ *(Погуляеву тихо).*

Онъ мнѣ денегъ далъ. Еще дастъ... много...

Погуляевъ *(кивая головой).*

Ахъ, ты, несчастный!

Лиза.

Говорите со мной, онъ васъ не узнаетъ.

Погуляевъ *(Лизѣ).*

Такъ моего совѣта спрашиваете?

Лиза.

Что лучше—стыдъ или нужда? Стыдъ, говорятъ, скоро проходитъ, а нужда вѣчно точитъ, покоя не даетъ.

Погуляевъ.

И то, и другое нехорошо.

Лиза.

Это я знала и безъ васъ. Хорошаго у насъ нѣтъ, мнѣ его и не дождаться, а вотъ изъ дурного-то что мнѣ выбрать?

Погуляевъ.

Я вамъ вотъ что посовѣтую: не думайте ни о томъ, ни о другомъ, а подите замужъ за меня.

Лиза.

Замужъ? Вы не шутите?

Погуляевъ.

Что за шутки!

Лиза.

Мы такъ бѣдны, такъ несчастны, что съ нами шутить грѣхъ.

Погуляевъ.

Нѣтъ, я рѣшился твердо. Дайте руку. (*Беретъ ея руку.*) Вотъ такъ! Я, какъ ушелъ отъ васъ, все ходилъ по улицѣ да думалъ, вотъ и рѣшился.

Анна Устиновна.

Вотъ радость-то! Привелъ-таки меня Богъ счастья дождаться, не далъ въ горѣ умереть.

Погуляевъ.

Это, знаете ли, было бы гораздо лучше, если-бъ вы меня любили. Вѣдь, вы меня не любите, вы отъ нужды за меня идете.

Лиза.

Все равно, вѣдь, я никого не люблю. Вы меня умнѣе, вы сдѣлайте такъ, чтобъ я васъ любила.

Погуляевъ.

Какъ же это сдѣлать?

Лиза.

А вотъ какъ: любите бабушку да не попрекайте насъ бѣдностью.

Погуляевъ.

Ну, такъ это просто.

Лиза.

Да будто вы не знаете? Это вы нарочно спрашиваете. Вы гораздо лучше насъ знаете.

Анна Устиновна.

Скажите, батюшка, какъ это васъ Богъ надоумилъ?

Погуляевъ.

Очень просто. Я всю жизнь жилъ одинъ, это мнѣ надоѣло; человѣкъ я одинокій, денегъ нажилъ; ну, и сталъ подумывать,

какъ бы семьей завестись, а тутъ вдругъ вышелъ случай; думаю, чего-жъ мнѣ лучше!

Кисельниковъ *(со слезами)*.

Что-жъ вы меня не пускаете! Онъ теперь ждетъ; онъ говорилъ: „Ждать буду“.

Анна Устиновна.

Куда теперь итти! У насъ Лиза замужъ выходитъ.

Кисельниковъ.

За кого? За кого?

Анна Устиновна.

Погляди, за кого. Вѣдь, это твой пріятель.

Кисельниковъ *(кланяется Погуляеву)*.

Здравствуйте!

Погуляевъ.

Кирила Филиппычъ, да погляди на меня хорошенько! Помнишь? Ну, помнишь Погуляева?

Кисельниковъ.

Я къ барину пойду.

Погуляевъ.

Ахъ, чудакъ! да неужели ты забылъ? Помнишь, учились вмѣстѣ? Помнишь, въ Нескучномъ саду гуляли? А помнишь, я у твоей жены на именинахъ былъ? Ну, а не помнишь, все равно, давай снова познакомимся. Давай руку! Ну, вотъ мы и пріятели.

Кисельниковъ *(припоминая)*.

Ты мнѣ денегъ далъ!

Погуляевъ.

Вспомнилъ теперь?

Анна Устиновна.

Хоть бы онъ немножко очнулся, хоть бы порадовался, бѣдный.

Погуляевъ.

А ты на мои деньги тестю рому купилъ. Чудакъ ты этакой!

Кисельниковъ.

Мнѣ Погуляевъ деньги далъ.

Погуляевъ.

Я Погуляевъ-то и есть.

Кисельниковъ.

А жена у меня умерла... умерла!..

Погуляевъ.

Слышалъ, слышалъ. А на дочкѣ вотъ я женюсь.

Кисельниковъ *(Аннѣ Устиновнѣ).*

Маменька! Лиза! онъ женится?... Правда?

Анна Устиновна.

Слава Богу, очнулся! Правда, Кирюша, правда!

Погуляевъ.

Вотъ вы ко мнѣ и переѣзжайте; будемъ жить всѣ вмѣстѣ.

Кисельниковъ *(подумавши).*

А я упалъ, обнищалъ, видишь. Подъ судомъ, братъ, подъ судомъ за подлогъ, за подлость! А ты вспомнилъ насъ, пріютить насъ хочешь; спасибо тебѣ...

Лиза.

Папенька, благословите меня.

Кисельниковъ.

Господи, Господи! Не было мнѣ счастья, весь вѣкъ не было; авось, на твою долю, Лиза, счастье выпадетъ. *(Цѣлуетъ Лизу.)*

Лиза *(Погуляеву).*

А вы меня выучите такой работѣ, за которую много денегъ даютъ?

Погуляевъ.

Да зачѣмъ вамъ теперь?

Лиза.

А затѣмъ, чтобъ помогать бѣднымъ дѣвушкамъ. Много ихъ въ такомъ положеніи, въ какомъ я была. *(Входитъ Боровцовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Анна Устиновна, Лиза, Кисельниковъ, Погуляевъ и Боровцовъ.

Боровцовъ.

Миръ честной компаніи! Ну, братъ, Кирюша, съ тебя спрыски. Что ты пріунылъ? Этакое тебѣ счастье, а ты носъ повѣсилъ.

Кисельниковъ.

Да, счастье, счастье...

Боровцовъ.

Да какъ же не счастье! Квартира будетъ хорошая, хлѣбъ даровой; дочку пристроилъ, у богатаго барина нужды знать не будетъ. Одно слово: Грозновъ — всю нашу Палестину купить можетъ и выкупить.

Кисельниковъ.

Нѣтъ, не Грозновъ.

Боровцовъ.

Да что ты отнѣкиваешься-то! Ужъ я, братъ, знаю, торговалъ ты хорошо, барыши у тебя большіе. Вотъ за это могорычъ съ тебя; веди въ трактиръ, угощай чаемъ!

Кисельниковъ.

Погуляевъ! ты возьми къ себѣ матушку и Лизу, а меня не бери.

Погуляевъ.

Отчего же?

Кисельниковъ *(тихо)*.

Знаешь ли ты, кого ты пригрѣть хочешь?... Мы съ тестемъ мошенники! Мы все продали: себя, совѣсть, я было дочь продалъ... Мы, пожалуй, еще украдемъ у тебя что-нибудь. Намъ съ нимъ не жить съ честными людьми, намъ только торговать на площади. Нѣтъ! Ты намъ только изрѣдка когда давай по рублику на товаръ нашъ — больше мы не стоимъ.

Анна Устиновна.

Что ты, Кирюша, что ты!

Лиза.

Папенька, не оставляйте насъ!

Погуляевъ.

Что ты за вздоръ говоришь!

Кисельниковъ.

Нѣтъ, Погуляевъ, бери ихъ, бери ихъ; Богъ тебя не оставитъ; а насъ гони, гони! Мы вамъ не компанія — вы люди честные. У насъ есть мѣсто; оно по насъ. *(Тестю.)* Ну, бери товаръ, пойдемъ. Вы живите съ Богомъ, какъ люди живутъ, а мы на площадь торговать, божиться, душу свою проклинать, мошенничать. Ну, что смотришь! Бери товаръ! Пойдемъ, пойдемъ! *(Собираетъ свой товаръ.)* Прощайте! Таланъ-доля, иди за мной!.. *(Уходитъ.)*

НА БОЙКОМЪ МѢСТѢ.

КОМЕДІЯ ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Павлинъ Ипполитовичъ Миловидовъ, помѣщикъ средней руки, лѣтъ 30-ти, изъ отставныхъ кавалеристовъ, съ большими усами, въ красной шелковой рубашкѣ, въ широкихъ шароварахъ съ лампасами, въ цыганскомъ казакинѣ, подпоясанъ черкесскимъ ремнемъ съ серебрянымъ наборомъ.

Вуколъ Ермолаевъ Безсудный, содержатель постоялаго двора на большой проѣзжей дорогѣ, крѣпкій старикъ лѣтъ подъ 60, лицо строгое, густыя, нависшія брови.

Евгенія Мироновна, жена его, красивая баба, годамъ къ 30-ти.

Аннушка, сестра его, дѣвушка 22-хъ лѣтъ.

Пыжиковъ, изъ мелкопомѣстныхъ, проживающій по богатымъ дворянамъ, одѣтъ бѣдно, въ суконномъ сакъ-пальто, но съ претензіей на франтовство.

Петръ Мартыновичъ Непутевый, купеческій сынъ.

Сеня, его приказчикъ

Жукъ, работникъ Безсуднаго

Разоренный, ямщикъ.

Гришка, человѣяъ Миловидова, молодой малый, одѣтый казачкомъ.

Дѣйствіе происходитъ на большой дорогѣ, среди лѣса, на постояломъ дворѣ подъ названіемъ: „На бойкомъ мѣстѣ“, лѣтъ 40 назадъ.

Комната на постояломъ дворѣ: направо, въ углу, печь съ лежанкой; по срединѣ, подлѣ печи, дверь въ черную избу, лѣвѣе часы съ расписаннымъ циферблатомъ, еще лѣвѣе въ углу комодъ и на немъ шкафчикъ съ стеклянными дверцами, для посуды; съ правой стороны, у печки, дверь въ сѣни; ближе къ зрителямъ кровать съ ситцевымъ пологомъ; на лѣвой сторонѣ два окна, на окнахъ цвѣты: герани и жасмины; въ простѣнкѣ зеркало, по бокамъ лубочные портреты; подъ зеркаломъ старый диванъ краснаго дерева, обитый кожей; передъ диваномъ круглый столъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Безсудный и Разоренный.

Безсудный.

Отпрягъ?

Разоренный.

Отпрягъ.

Безсудный.

Стало-быть, выпить пришелъ, что ли?

Разоренный.

Стаканчикъ надо бы поднесть.

Безсудный.

Отчего не поднесть! *(Наливаетъ стаканъ и подаетъ.)* Пей на здоровье! *(Ямщикъ пьетъ.)* Дорога, что̀ ль, тряска? Петра-то Мартыныча какъ раскачало!

Разоренный.

Какая тутъ дорога! Извѣстно круговые! Въ Покровскомъ рублевъ на сто, поболѣ начудили.

Безсудный.

Что̀-жъ они тамъ?

Разоренный.

Извѣстно ихъ занятіе: пить да чтобъ бабы подлѣ, значитъ, для балагурства, и сейчасъ бумажками одѣлять.

Безсудный.

Значитъ, они съ прохладой, домой-то не больно торопятся.

Разоренный.

А кто жъ ихъ... Я въ Покровскомъ на сдачу взялъ до Новой деревни... Перегонъ-то восемьдесятъ верстъ, а гдѣ половина-то? Чай, самъ знаешь, семь верстъ за вами; а я все къ тебѣ, Вуколъ Ермолаичъ. Купцы спрашиваютъ, гдѣ кормить будемъ? Извѣстно, говорю, гдѣ: на „Бойкомъ мѣстѣ", у Вуколъ Ермолаича.

Безсудный.

Да спасибо, спасибо, что не забываешь.

Разоренный.

Да что̀ спасибо. Мы тоже ласку помнимъ... Ты бы меня хоть двугривенничкомъ осеребрилъ.

Безсудный.

А изъ какихъ доходовъ? Еще твои купцы-то у меня ничего не прожили. Вотъ погоди, по доходу глядя, и тебя не забудемъ.

Разоренный.

Такъ я кормить пойду.

Безсудный.

А ты не торопись, пущай у меня погостятъ подольше, не все-жъ однимъ Покровскимъ отъ нихъ пользоваться.

Разоренный.

Ну, да ладно! Копаться-то мы и безъ просьбы мастера; торопиться вотъ, такъ это мы не умѣемъ. *(Уходитъ.)*

Безсудный *(у двери)*.

Мироновна! А Мироновна! Поди сюда. Сестрица! Анна! Аннушка! Идите сюда, говорю вамъ! Что васъ не дозовешься! *(Евгенія и Аннушка входятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Безсудный, Евгенія и Аннушка.

Безсудный.

Гдѣ вы тамъ забились? Когда васъ надо, васъ тутъ и нѣтъ. Дуры, право, дуры!

Евгенія.

Какой ты, Ермолаичъ! Да развѣ я не хозяйка? Туда сунься, за тѣмъ погляди, съ ногъ собьешься. Я же такая заботливая, за всякой малостью сама...

Безсудный.

Хозяйка ты! Какое твое хозяйство-то? Грошовое. Тряпки въ чуланѣ перебирать. А тутъ сотни летятъ. Разѣвайте ротъ-то! На овсѣ-то не много наторгуешь. Петръ Мартынычъ пріѣхалъ, слышишь ты!

Евгенія.

Охъ, Ермолаичъ, право, ужъ мнѣ повѣсничать-то не больно по сердцу! Кабы я была дѣвушка никому не подвластная, другое дѣло. Я такъ считаю, что ты моя глава. Мнѣ когда и въ шутку кто скажетъ что-нибудь, такъ я за грѣхъ понимаю противъ тебя. Право, ужъ я такая зародилась совѣстливая

и для мужа своего покорная, а тутъ поди, балясничай съ ними, съ охальниками.

Безсудный.

Да, нужно очень! Ты сними маску-то! Передъ кѣмъ ты тутъ свою покорность показываешь! Ужъ ты при людяхъ лисой-то прикидывайся, а я тебя и безъ того знаю. Говорятъ тебѣ, Непутевый съ приказчикомъ въ Покровскомъ сто рублей пропили; а что̀ бабамъ роздали, такъ и числа нѣтъ.

Евгенія.

Ой, что̀ ты! Да неужто вправду? (*Поправляется передъ зеркаломъ.*)

Безсудный (*Аннушкѣ*).

А ты что̀ губы-то надула? Даромъ, что̀ ль, васъ кормить-то въ самомъ дѣлѣ! Какъ у тебя въ глазахъ стыда-то нѣтъ.

Аннушка.

У тебя стыда нѣтъ, а у меня есть.

Безсудный.

Анна!! Ты смотри, не разбуди во мнѣ бѣса! Во мнѣ ихъ сотня сидитъ; какъ начнутъ по моимъ жиламъ ходить, въ тѣ поры у меня расправа ножовая.

Аннушка.

Такъ ужъ убилъ бы ты меня скорѣе, коли тебѣ кровь-то человѣческую все равно, что воду лить. (*Уходитъ въ среднюю дверь.*)

Безсудный.

Эко зелье зародилось! Вся въ меня!

Евгенія (*отворяя дверь, съ притворнымъ смѣхомъ*).

Хи-хи-хи, хи-хи-хи! Здравствуйте, господа купцы! Петенька, здравствуй! (*Уходитъ.*)

Безсудный.

Жену-то я взялъ, кажись, не ошибся; а сестра-то мнѣ не ко двору пришла. Ей бы въ монастырѣ жить, а не на постояломъ дворѣ. (*Входитъ Жукъ.*) Что̀ ты?

Жукъ.

Профѣзжіе позываются! да, кажись, народъ-то такой, что пущать не сто́итъ.

Безсудный.

Такъ и не пущай! На что намъ дряни-то! Только мѣсто занимаютъ, а корысти-то отъ нихъ не много. Постой, я пойду самъ погляжу. (*Уходятъ. Изъ средней двери выходятъ Сеня и Евгенія.*)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Сеня и Евгенія.

Сеня.

Что это у васъ Анна-то Ермолавна сѣсива очень?

Евгенія.

Ужъ такая-то фурія, что не накажи Господи.

Сеня.

По вашему занятію ей, словно, какъ надобно бы пообходительнѣе быть, потому что отъ этого хозяину выгода зависитъ.

Евгенія.

Какая выгода! Намъ съ мужемъ отъ нея только неудовольствіе одно. Вотъ, говорятъ, Сеня, что золовки завсегда неладно живутъ промежъ собой. Какому же тутъ ладу быть, когда я, съ моимъ ангельскимъ характеромъ, и то не могу ужиться съ ней.

Сеня.

Такъ-съ.

Евгенія.

Къ намъ одинъ баринъ ѣздитъ, хорошій баринъ, и крестьяне у него есть, не такъ чтобы много, а довольно; ну, обыкновенно ихъ господское дѣло, и приглянись ему эта наша принцеса. Ну, что-жъ такое! Дѣло очень и очень обыкновенное; каждый день мы видимъ. А она приняла это за важность! Кто я! Да что я! Да онъ на мнѣ женится, я бырыня буду! Какъ же не такъ, дожидайся! Ни брату, ни мнѣ не даетъ слова выговорить. Ужъ что я черезъ ея обиды да насмѣшки мученія приняла, такъ, кажется, мнѣ всю жизнь не забыть.

Сеня.

И что же теперича этотъ баринъ-съ?

Евгенія.

Что! Извѣстно, что! Очень ему нужно. Ну, да ужъ и я не подарокъ; удружила и я ей; будетъ меня благодарить долго.

Сеня.

Что же вы такое? Позвольте поинтересоваться!

Евгенія.

Много будешь знать, скоро состарѣешься. *(Входятъ Непутевый и Аннушка.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Евгенія, Сеня, Непутевый и Аннушка.

Непутевый.

Стало-быть, мы не хороши? Какихъ же тебѣ еще, коли ужъ я не хорошъ?

Аннушка.

А неужто ты думаешь, что ты хорошъ? Кто-жъ это тебѣ сказалъ? Ты не вѣрь, обманули тебя!

Непутевый.

Ну, однако, ты не очень! Для кого не хорошъ, а для кого, можетъ, я и хорошъ!

Аннушка.

Ну, и ступай туда, гдѣ ты хорошъ.

Непутевый.

Стало-быть, я за свои деньги да уваженія здѣсь не вижу. Что-жъ такое? Какой это порядокъ? Куда я заѣхалъ? Кто здѣсь смѣетъ важничать, окромѣ меня? Я деньги плачу.

Аннушка.

Да отстань ты отъ меня, не нуждаюсь я твоими деньгами! Сказано тебѣ.

Непутевый.

Семенъ! Во фрунтъ передо мной! Ты чего смотришь! Какъ насъ здѣсь принимаютъ! Али бунтъ сдѣлать? Они еще пыли-то отъ меня не видывали. Семенъ! Давай посуду бить! Всѣ окна высадимъ!

Евгенія.

Ну, полно, Петя, полно! Ты ужъ не дури! Поди усни, поди, голубчикъ, отдохни! Легко ли, день-деньской ты маешься. А вотъ проспишься, мы ужъ тебѣ все, въ твое уваженіе.

Сеня.

Не хорошо, Петръ Мартынычъ! Пойдемте спать, цѣлыя сутки не спали.

Непутевый.

Я жить хочу, хочу жить.

Евгенія.

А вотъ высвинишься, такъ живи въ свое удовольствіе.

Непутевый.

Мнѣ бы разбить что-нибудь. Ухъ! кажется, я...

Сеня.

Не хорошо, Петръ Мартынычъ, оставьте!

Евгенія.

Ты сосни, поди, а проснешься, да придетъ тебѣ желаніе посуду бить, такъ я тебѣ приготовлю: у насъ есть такая.

Непутевый.

Ну, спать, такъ спать. *(Уходитъ. Сеня затворяетъ за нимъ дверь.)*

Сеня.

Вѣдь, ишь какой круговой! Одного его пустить никакъ нельзя. Меня родители-то съ нимъ и посылаютъ нарочно для береженья, чтобъ его беречь въ дорогѣ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Евгенія и Аннушка.

Евгенія.

Что-жъ, долго это намъ терпѣть отъ тебя?

Аннушка.

Никто тебя терпѣть не заставляетъ.

Евгенія.

Долго ты нашихъ гостей-то обижать будешь?

Аннушка.

Никого я не обижаю. А что всякій пьяница ко мнѣ лѣзетъ, такъ я этого терпѣть не могу. Такъ я вамъ прежде говорила, такъ и теперь говорю.

Евгенія.

Ты терпѣть не можешь, а мнѣ, стало-быть, ничего? Что-жъ, я хуже тебя? Говори! Хуже я тебя?

Аннушка.

Всякій самъ себѣ хорошъ. Ты вотъ съ ними хохочешь, всякія нехорошія слова мелешь да цѣлуешься, а мнѣ это гадко.

Евгенія.

Стыдно, небось! Погоди больно стыдиться-то, еще не барыня, еще когда будешь; да полно, будешь ли! Что-то мнѣ не вѣрится. А теперь пока такая же мѣщанка, какъ и я.

Аннушка.

Нѣтъ, не такая же.

Евгенія.

Какая же? Изъ конфетъ, что-ль, ты слѣплена?

Аннушка.

Не изъ конфетъ, а во мнѣ стыдъ есть, а въ тебѣ нѣтъ.

Евгенія.

Кому это нуженъ твой стыдъ здѣсь?

Аннушка.

Мнѣ онъ нуженъ.

Евгенія.

Ахъ! скажите, пожалуйста! А что ты себѣ этимъ выиграла? *(Безсудный входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Евгенія, Аннушка и Безсудный.

Безсудный.

Что вы тутъ? Что на васъ ладу нѣтъ! Какъ только бабы вмѣстѣ, такъ и перессорились. Эка порода проклятая! Что вамъ дѣлить-то!

Евгенія.

Да вотъ все сестрица твоя барыню изъ себя корчитъ; отъ хорошихъ людей она носъ воротитъ, а къ кому сама льнетъ, такъ тѣ на нее смотрѣть не хотятъ.

Аннушка.

Ни къ кому я не льну. Это ты льнешь ко всякому.

Евгенія.

Кого ты, безстыжіе глаза, обмануть хочешь! Всѣ видятъ,

какъ ты къ Павлину Ипполитычу вися́шь, да жаль, что онъ-то тебя знать не хочетъ.

Аннушка.

Висну́ть я къ нему не вису, а что онъ меня знать не хочетъ, я все-жъ-таки не виновата.

Безсудный.

Кто-жъ виноватъ?

Аннушка.

Я не знаю. Оставьте вы меня! *(Садится къ столу.)*

Безсудный.

Кто-жъ знаетъ-то! Баринъ хорошій, добрый, ѣздилъ, почитай, каждый день, что́ денегъ проживалъ у меня, а теперь рѣже да рѣже, да, пожалуй, и совсѣмъ перестанетъ.

Евгенія.

Что̀ мудренаго!

Безсудный.

Баринъ тороватый, простой, деньги тратитъ, не считаетъ. Гдѣ другого такого найдешь! Не будетъ ѣздить, такъ видимый убытокъ.

Аннушка.

Тебѣ денегъ-то жалко, а у меня вся жизнь отнята, все мое счастье. *(За сценой звонъ колокольчика и бубенчиковъ. Входитъ Жукъ.)*

Жукъ.

Капитанъ-исправникъ ѣдетъ.

Безсудный *(вынимаетъ повѣшенный на шеѣ кошелъ, достаетъ ассигнаціи и отдаетъ женѣ).*

Поди, скажи, что нездоровъ, съ похмелья, молъ, головой мается. *(Евгенія уходитъ.)*

Аннушка.

Ты меня, братецъ, отпусти домой! На что я тебѣ?

Безсудный.

А дома что дѣлать? Баклуши бить.

Аннушка.

Я въ монастырь уйду, а то по богомольямъ пойду. Жизни я своей теперь не рада.

Безсудный.

Да съ чего это у васъ сталося?

Аннушка.

Не знаю. Вины моей передъ нимъ нѣтъ никакой; я такъ думаю, наговорили ему на меня напрасно.

Безсудный.

Наговорить-то некому. Кому наговорить! Что ты врешь!

Аннушка.

Кто-жъ знаетъ. Разлучить насъ захотѣли. Кому-нибудь нужно было. Точно я свое счастье во снѣ видѣла. Жила я у матушки, никакой бѣды не знала! Взялъ ты меня на погибель на мою!

Безсудный.

Какая погибель, дура! Что̀ тебѣ у матушки? Только и свѣту, что въ окнѣ; ты и людей-то не видала. Я тебѣ добра хотѣлъ.

Аннушка.

А что̀ проку, что я людей-то видѣла! Полюбилъ меня баринъ молодой, красавецъ; кого-жъ я послѣ него любить могу, кто мнѣ милъ можетъ быть, какая моя жизнь? Хотѣлъ онъ меня замужъ взять, а теперь бросаетъ. До петли ты меня доводишь, вотъ оно твое добро-то!

Безсудный.

Ужъ и замужъ! Не больно-ль много?

Аннушка.

Что̀-жъ ему замужъ меня не взять, коли я ему нравлюсь, а игрушкой его я быть не хочу.

Безсудный.

Видишь ты, какая у тебя гордость глупая! Кому-жъ можетъ быть она пріятна?

Аннушка.

Да я его и не просила, онъ самъ этого хотѣлъ. А по мнѣ, хоть бы въ работницы взялъ, такъ я бы рада была. Не то, что женой быть, я собакѣ-то его завидовала, что она завсегда съ нимъ и завсегда можетъ ему руки лизать. Только какъ бы я его ни любила, а я завсегда скажу, что я хочу на чести жить.

Безсудный.

Эко дѣло! а! Ворожбы какой нѣтъ ли?

Аннушка.

Не знаю я, ничего не знаю. *(Колокольчикъ, бубенчики и свистъ. Входитъ Евгенія.)*

Евгенія *(со смѣхомъ)*.

Ужъ такой-то шутникъ! Такой-то шутникъ! Измяль всю, право.

Безсудный.

Не сахарная, не развалишься.

Евгенія.

И чтой-то такое, Миронычъ, скажи ты мнѣ на милость: съ кѣмъ я ни поиграю, съ кѣмъ я ни поиграю, и все это мнѣ постыло. И отъ того это, я такъ думаю, что не пристало мнѣ, замужней женщинѣ, такъ какъ я замужняя женщина, для одного мужа обязанная.

Безсудный.

Разговаривай тутъ, ужъ слышали!

Евгенія.

А что для тебя, какъ ты самъ этого хочешь, я готова со всякимъ пошутить въ удовольствіе, только чтобъ другіе не судили по моему веселому характеру. Я завсегда себя помню и что̀ такое мужъ...

Безсудный.

Ну, и ладно, будетъ толковать-то! *(Колокольчикъ и бубенчики. Жукъ входитъ.)*

Жукъ.

Павлинъ Ипполитычъ пріѣхалъ.

Евгенія.

Ахъ, батюшки! Вотъ не ждали-то!

Безсудный *(Жуку)*.

Поди, высаживай! *(Жукъ уходитъ.)* Вино-то есть у насъ?

Евгенія.

Какъ для такихъ гостей не быть!

Безсудный.

Такъ доставайте, да становитесь встрѣчать. *(Евгенія съ Аннушкой берутъ по подносу, ставятъ на нихъ большія рюмки, наливаютъ изъ бутылки вина, кладутъ на подносы по нѣсколько пряниковъ и становятся среди комнаты. Безсудный у двери. Входятъ Миловидовъ и Пыжиковъ. Безсудный кла-*

няется въ покосъ. Миловидовъ подходитъ къ Евгеніи и Аннушкѣ, пьетъ у обѣихъ вино и цѣлуетъ ихъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Миловидовъ, Пыжиковъ, Безсудный, Евгенія, Аннушка *и потомъ* Гришка.

Миловидовъ *(показывая на Пыжикова)*.

Подносите и ему. *(Евгенія и Аннушка наливаютъ вина, подносятъ Пыжикову и кланяются.)* Пей, цѣлуй хозяекъ, да клади деньги! У насъ такое заведеніе! *(Пыжиковъ пьетъ.)* Вы его задаромъ не цѣлуйте. Пускай по цѣлковому на подносъ кладетъ.

Пыжиковъ.

Послушай! Что же это ты! Это конфузъ, братецъ ты мой!

Миловидовъ.

Ну, ужъ я за него заплачу. *(Пыжиковъ цѣлуетъ хозяекъ.)*

Безсудный.

Какимъ вѣтромъ, сударь, Павлинъ Ипполитычъ?

Миловидовъ.

Къ Гуляеву обѣдать ѣду вотъ съ этимъ милашкой. Мимо ѣхалъ и заѣхалъ.

Безсудный.

Такъ, сударь, такъ. Потчевать чѣмъ прикажете?

Миловидовъ.

Кучеру стаканъ вина, да чтобъ не откладывалъ, я скоро поѣду. Гришкѣ не давай *(грозитъ пальцемъ)*, онъ еще молодъ. А мнѣ пока ничего не надо. У меня свое есть. *(Безсудный уходитъ. Гришка вноситъ двѣ бутылки вина, закуску и ставитъ на столъ; кладетъ на диванъ коверъ и подушку, потомъ подаетъ барину трубку и становится у двери.)*

Евгенія.

Забывать насъ стали, Павлинъ Ипполитычъ! Либо засесивились, право засесивились.

Миловидовъ.

Какая спесь, Евгенія Мироновна. Не то ты толкуешь.

Евгенія.

Вы нашей-то стряпни что-нибудь отвѣдайте. Прикажите хоть грибковъ изжарить.

Миловидовъ *(кивая головой)*.

Ну, жарьте, ступайте. *(Евгенія и Лизушка уходятъ.)* Ну, видѣлъ?

Пыжиковъ.

Видѣлъ.

Миловидовъ.

Что̀ скажешь?

Пыжиковъ.

Красавица писаная.

Миловидовъ.

Вотъ то-то же! Вотъ какой у меня характеръ: сразу врозь, и кончено дѣло.

Пыжиковъ.

Да отчего же такъ?

Миловидовъ.

Это ужъ я про то знаю. А какъ влюбленъ былъ! Тебѣ никогда съ роду такъ не влюбиться! Да гдѣ тебѣ! Это невозможно!

Пыжиковъ.

А ты почемъ знаешь?

Миловидовъ.

Чего-съ? Позвольте! Ты можешь влюбиться такъ, какъ я? Нѣтъ, ужъ это дудки!

Пыжиковъ.

Напрасно вы такъ думаете. Отчего же это?

Миловидовъ.

Оттого, что у тебя душа коротка, благородныхъ чувствъ мало. Этакъ всякій бы... Ты вонъ дрянь какую-то куришь, сигарки дешевыя. Ужъ коли ты мужчина, такъ кури трубку, хоть махорку, да трубку... Ну, да что̀ толковать! Во мнѣ искра есть, а въ тебѣ нѣтъ. Я лихой малый, душа на распашку; кавалеристъ, какъ есть; рубака, пьяница, а благородный человѣкъ; на ногу себѣ наступить не позволю.

Пыжиковъ.

Ваше при васъ и останется.

Миловидовъ.

Да разумѣется. *(Подходитъ къ Пыжикову и крѣпко беретъ*

(за руку.) Ты слушай, слушай! Вотъ какъ я ее любилъ: ты видишь, она простая дѣвка, а я у ней руки цѣловалъ— руки цѣловалъ, какъ тебѣ это покажется! На колѣняхъ стоялъ передъ нею! Каково это! А отчего я такъ влюбился? Оттого, что завлекся, вотъ отчего! Пойдемъ выпьемъ. *(Подходятъ и пьютъ.)* Вѣдь, ужъ ты знаешь, какой я ходокъ, нечего сказывать? А тутъ вдругъ осѣчка: встрѣчаю такую дѣвушку, что и подойти нельзя, держитъ себя строго. Фу ты, пропасть! думаю. Вотъ диковина! Въ такомъ домѣ, а держитъ себя такъ, что и приступу нѣтъ. Я и съ той стороны, и съ другой, и подарки-то, и то, и сё; Гибралтаръ, просто Гибралтаръ! Такъ я какъ завлекся, — влюбился, какъ мальчишка. Жениться хотѣлъ! Вотъ ты и знай! *(Подходитъ къ столу и пьетъ рюмку вина.)* Родные услыхали это, тётушки да бабушки, въ ужасъ пришли; а мнѣ чортъ съ ними, я живу самъ по себѣ. Начали они меня усовѣщивать, невѣстъ разныхъ подставлять, чтобъ разбить; бабъ на воду шептать заставляли да меня спрыскивали; одна тётка настоящаго колдуна призывала, чтобъ отворожить — ничего не дѣйствуетъ. Вотъ она какая любовь-то была! А имъ бѣда! Имъ меня на барышнѣ женить хочется. А я чепчиковъ видѣть не могу. Чтобъ въ моемъ домѣ да завелись чепчики! Нѣтъ, ужъ этому не бывать! Мнѣ барышню и посадить-то не на чемъ. У меня въ гостиной сѣдла да арапники, а вмѣсто диванов сѣно насыпано да коврами покрыто. Не разставаться-жъ мнѣ съ моими порядками. Мнѣ давай такую жену, чтобъ она по моей дудочкѣ плясала, а не я по ея. И что же, братецъ ты мой, при такой-то любви, услыхалъ я только одно слово, и какъ рукой сняло. Два дня походилъ дома изъ угла въ уголъ, потужилъ и оборвалъ сразу.

Пыжиковъ.

Отъ кого-жъ ты услыхалъ это слово?

Миловидовъ.

Ну, ужъ это мое дѣло; только отъ вѣрнаго человѣка.

Пыжиковъ.

А съ ней ты говорилъ объ этомъ, или нѣтъ?

Миловидовъ.

Съ какой стати. Упрекать ее, что ли? Не мой характеръ. Я по благородному, пренебрегъ, и кончено дѣло. Въ глаза ей показываю, что пренебрегаю, вотъ и все.

Пыжиковъ.

Все же бы тебѣ объясниться съ ней, можетъ, она и не виновата.

Миловидовъ.

Какъ еще объясняться! Что она, барышня, что ли? Дѣвка простая, да стану я съ ней объясняться! Много чести.

Пыжиковъ.

Однако, ты на колѣняхъ стоялъ, руки цѣловалъ.

Миловидовъ.

То дурь была, а теперь я въ полномъ разумѣ. Да и признаться тебѣ сказать, я женскихъ слезъ не люблю. Пожалуй, еще разжалобитъ, старая-то блажь воротится, а этого теперь нельзя.

Пыжиковъ.

Ужъ будто и нельзя?

Миловидовъ.

Да, нельзя, потому что я благородный человѣкъ. Понимаешь ты это? Нечего и разговаривать. Да у меня теперь ужъ другое на умѣ. Такой сюжетецъ, что похлопотать стóитъ.

Пыжиковъ.

А изъ какихъ?

Миловидовъ.

Никогда не говорю,—мое правило.

Пыжиковъ.

Значитъ, ты ужъ совсѣмъ отъ Аннушки прочь?

Миловидовъ.

Ну, конечно.

Пыжиковъ.

Такъ надо теперь за ней поволочиться.

Миловидовъ.

Что̀-о?

Пыжиковъ.

Поволочиться хочу за Аннушкой.

Миловидовъ.

Ты? Я ничего не успѣлъ, а ты хочешь волочиться! Что-жъ, я хуже тебя? Э, братъ, нѣтъ! Такъ ступай же къ Гуляеву-то пѣшкомъ.

Пыжиковъ.

Какъ же пѣшкомъ? Вѣдь, ты меня хотѣлъ довезти.

Миловидовъ.

Нѣтъ, пѣшкомъ, пѣшкомъ.

Пыжиковъ.

Что же это такое?

Миловидовъ.

За подлости за твои.

Пыжиковъ.

Какія же подлости? Ты, братъ, не очень!

Миловидовъ.

Такія же подлости, что ты очень много о себѣ думаешь!

Пыжиковъ.

Да я шучу; ну, право же шучу.

Миловидовъ.

То-то же: „шучу“! Ну, и я шучу. Эй! Гдѣ гитара моя? *(Аннушка входитъ съ гитарой.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Миловидовъ, Пыжиковъ, Аннушка и Гришка.

Аннушка.

Вотъ вамъ гитара. Извольте!

Миловидовъ.

Я сказалъ, чтобъ мою гитару не смѣли трогать. Вотъ я ее домой увезу.

Аннушка.

Ее никто и не трогалъ. Я играю иногда.

Миловидовъ.

Вотъ какъ! Такъ это ты играешь! Мило! Что же ты играешь?

Аннушка *(со слезами)*.

Тѣ пѣсни, которыя вы меня учили.

Миловидовъ.

Что-жъ! Отъ скуки хорошо, все-таки занятіе.

Аннушка.

Нѣтъ, ужъ мою скуку пѣснями не разгонишь. *(Миловидовъ беретъ нѣсколько аккордовъ.)* Видно, мнѣ съ моей тоской

до могилы не разстаться. (*Миловидовъ аккомпанируетъ романсъ; Аннушка подпѣваетъ сначала тихо, потомъ громче.*)

Пѣла, пѣла пташечка,
Да замолкла;
Знало сердце радости,
Да забыло.

(*Миловидовъ играетъ ритурнель.*) За что вы, Павлинъ Ипполитычъ, загубили всю жизнь мою? Вы мнѣ хоть слово скажите! (*Миловидовъ играетъ аккомпанименть, она поетъ*):

Ахъ, сгубили пташечку
Злыя вьюги,
Загубили молодца
Злые люди.

Миловидовъ.

Каковъ голосъ, а?

Пыжиковъ.

Голосъ чудесный.

Миловидовъ.

Вотъ то-то и есть; такъ гдѣ-жъ тутъ тебѣ!

Аннушка.

Не мучьте меня, Павлинъ Ипполитычъ, скажите мнѣ, чѣмъ я передъ вами виновата? Отчего вы такъ перемѣнились?

Миловидовъ.

Нѣтъ, я ничего, я такой же! А ты развѣ замѣчаешь, что я перемѣнился къ тебѣ? А мнѣ кажется, что я ничего не перемѣнился. Гришка! (*Гришка выходитъ на средину комнаты.*)

Аннушка.

Я, Павлинъ Ипполитычъ, съ жизнью разстаюсь, а вы шутите. Какъ вамъ не грѣхъ! Я домой собираюсь, можетъ быть, ужъ мы больше не увидимся; вы меня любили прежде, — хоть по старой памяти скажите, отчего я вамъ опротивѣла. Наговорили вамъ что-нибудь, или другая есть лучше меня?

Миловидовъ (*поднимая съ полу палочку*).

Вотъ видишь! (*Ломаетъ палочку и бросаетъ въ разныя стороны*). Вотъ было вмѣстѣ, теперь врозь! Попробуй составить — не составишь. Такъ и любовь. И разговаривать нечего! Гришка, ходи! (*Играетъ трепака. Гришка пля-*

шетъ). Дробь! дробь! говорятъ тебѣ. *(Опускаетъ гитару и пристально смотритъ на Гришку).* Скоро ли я тебя, подлеца, выучу!

Гришка.

Ужъ я, сударь, самъ не мало казнюсь на себя; самому до смерти хочется поскорѣе выучиться. Начнешь это въ людской протверживать, такъ бы, кажется, объ стѣну себѣ голову и расшибъ. Кабы меня съ малолѣтства, сударь.

Миловидовъ.

А что?

Гришка.

Потому у меня къ этому охота большая. Да я, сударь, помаленьку дойду. Ужъ это вы будьте покойны. Вотъ извольте посмотрѣть, вотъ это колѣно. Извольте, сударь, играть. *(Миловидовъ играетъ, онъ пляшетъ).* Почаще, сударь.

Миловидовъ.

Ходи круче! Ну вотъ, молодецъ! *(Перестаетъ играть.)* Трубку! *(Аннушка беретъ трубку и передаетъ Гришкѣ, Гришка уходитъ).* Ухъ, усталъ! *(Аннушка поправляетъ подушку на диванѣ, онъ ложится).*

Пыжиковъ.

Безчувственный ты Донъ-Жуанъ!

Миловидовъ.

Много ты понимаешь: съ женщинами, братъ, иначе нельзя.

Аннушка.

Узнать бы мнѣ только, кто это у меня разлучница! *(Входятъ Гришка съ трубкой. Безсудный и Евгенія съ блюдомъ грибовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Миловидовъ, Пыжиковъ, Аннушка, Евгенія, Безсудный, Гришка, *потомъ* Непутевый *и* Сеня.

Евгенія.

Послушайте, господа, грибковъ отвѣдайте.

Безсудный.

Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады. *(Изъ средней двери показывается Непутевый, за нимъ Сеня.)*

Непутевый.

Господа, позвольте съ вами компанію имѣть.

Миловидовъ *(приподнимаясь)*.

Что?

Непутевый.

Позвольте компанію имѣть.

Миловидовъ.

Пошелъ вонъ! Куда ты лѣзешь?

Сеня.

Петръ Мартынычъ! Петръ Мартынычъ! хозяинъ! не хорошо, не хорошо!

Евгенія.

Поди, Петя, здѣсь тебѣ не мѣсто.

Непутевый.

Я самъ могу соотвѣтствовать. Я самъ никого не хуже. Что такая за важность! Эй, хозяинъ, давай сюда шампанскаго.

Миловидовъ *(встаетъ съ дивана)*.

Уйдешь ты, или нѣтъ? Сказано тебѣ: убирайся!

Сеня.

Но однако, хозяинъ, оставьте! Оставьте, говорятъ вамъ!

Евгенія.

Петя, поди на свое мѣсто, поди, голубчикъ! Мы тебѣ туда вина подадимъ.

Непутевый.

Я при своемъ капиталѣ завсегда могу... *(Евгенія и Сеня провожаютъ его за дверь.)*

Мнловидовъ *(закусывая)*.

Что это за Петя?

Евгенія.

Купчикъ знакомый; онъ разъ пять въ годъ мимо насъ ѣздитъ, такъ всегда заѣзжаетъ.

Миловидовъ *(Безсудному)*.

То-то ты, чай, ихъ обираешь. Подпоишь, да и грабишь, какъ душѣ твоей хочется.

Безсудный.

Не тѣ нынче времена, чтобъ грабить.

Миловидовъ.

А другой упирается, не любитъ, чтобъ его грабили, такъ и попридушить можно.

Безсудный *(сверкнувъ глазами).*

Это вы напрасно. Встарину, говорятъ, по этой дорогѣ такъ дѣла дѣлались! Мѣсто бойкое, сами знаете. Заѣдутъ купцы цѣлымъ обозомъ, такъ дворники запрутъ ворота, да безъ разговору перерѣжутъ всѣхъ до единаго; а который вырвется на улицу, такъ сосѣди поймаютъ да ведутъ къ дворнику-то! „Что говорятъ, ты овецъ-то по деревнѣ распустилъ“. Ха, ха, ха! овецъ! Вотъ поди жъ ты, какое время было!

Миловидовъ.

Что-жъ, теперь тебѣ жаль этого времени?

Безсудный.

Не то, что жаль, что мнѣ жалѣть, коли я на чести, а я къ тому говорю, что какая необразованность была! *(Входитъ Жукъ.)*

Жукъ.

Мироновна, поди, овса отпущай.

Евгенія.

Охъ, ужъ не хочется! Поди, Ермолаичъ. *(Передаетъ ключъ мужу.)*

Безсудный.

Поди, Аннушка, отпусти. *(Передаетъ ей ключъ. Аннушка уходитъ.)*

Пыжиковъ.

Не пора ли намъ ѣхать?

Миловидовъ.

Да пожалуй, что и пора. Гришка, вели лошадей подавать, да вернись вещи вынесть. *(Гришка беретъ бутылки и съѣстное и уходитъ.)*

Безсудный.

Да я вынесу, что ему ходить-то. *(Беретъ коверъ, подушку и уходитъ.)*

Пыжиковъ.

Что-жъ, пойдемъ.

Миловидовъ.

Пойдемъ! *(Подойдя къ двери.)* Ахъ, да, расплатиться! *(Пыжиковъ уходитъ.)*

Евгенія *(бросаясь на шею Миловидову)*.

Когда-жъ опять-то?

Миловидовъ.

Сегодня, часа черезъ три.

Евгенія.

Ну, прощай, мой милый, красавчикъ мой писаный!

Миловидовъ *(Аннушка смотритъ въ среднюю дверь)*.

Прощай, красота моя! *(Цѣлуются и уходятъ.)*

Аннушка.

Вотъ она-то разлучница-то моя! Нѣтъ, ужъ я теперь не уйду отсюда! Все равно мнѣ умирать-то! Я уйду, они и знать не будутъ, какъ я мучаюсь; имъ будетъ весело безъ меня, они про меня и забудутъ совсѣмъ. Нѣтъ, ужъ умирать, такъ умирать на глазахъ у нихъ. Рвите мое сердце на части, пейте мою кровь по каплѣ, пока всю выпьете, да ужъ и засыпьте меня землей. Да насыпьте могилу-то потяжелѣ, чтобы и мертвая-то я не пришла да не помѣшала вамъ. *(За сценой звонъ колокольчика, свистъ и крикъ: „Эхъ вы, милыя!“)* Уѣхалъ! Прощай, Павлинъ Ипполитычъ! За что ты погубилъ меня? Кому мнѣ на тебя жаловаться? Некому насъ съ тобой разсудить! Пусть Богъ разсудитъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Миловидовъ.
Безсудный.
Евгенія.
Аннушка.
Непутевый.
Сеня.
Жукъ.
Разоренный.

Декорація 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Безсудный и Разоренный.

Безсудный.

Выкормилъ?

Разоренный.

Выкормилъ.

Безсудный *(достаетъ графинъ и стаканъ)*.

Выпей стаканчикъ, повеселѣй поѣдешь. *(Подноситъ.)*

Разоренный *(беретъ стаканъ)*.

Будь здоровъ! *(Пьетъ.)*

Безсудный.

Спасибо. Пей еще!

Разоренный.

Нальешь, такъ выпью, на землю не вылью.

Безсудный.

Пей на доброе здоровье.

Разоренный *(пьетъ)*.

Благодаримъ покорно. А что̀ мои купцы? Закладать бы пора.

Безсудный.

Только что проснулись, чай съ кизлярской водкой пьютъ.

Разоренный.

Ишь, они угару-то набираются! Такъ я закладать.

Безсудный.

Куда торопиться-то! А клади съ вами много?

Разоренный.

На порядкахъ. Тарантась-то упорисго идетъ, кой-гдѣ и поскрипываетъ.

Безсудный.

Крѣпокъ тарантасъ-то?

Разоренный.

Казанскій, новый, точно слитой.

Безсудный.

А чинить не надо?

Разоренный.

Какая чинка! До туречины не чиня доѣдешь.

Безсудный.

Да ты слушай! Чинить не надо ль? говорю я.

Разоренный *(помолчавъ)*.

Да что̀ его чинить-то, коли онъ какъ есть новый!

Безсудный.

Наладилъ! Ты дурака-то изъ себя не строй!

Разоренный *(помолчавъ)*.

Что же мнѣ теперича хозяевъ задаромъ въ убытокъ вводить. Да, можетъ, имъ къ спѣху.

Безсудный.

Кто тебѣ говоритъ, что задаромъ! Не задаромъ!

Разоренный.

А много-ль дашь?

Безсудный.

По барышамъ глядя. Дай имъ поразгуляться-то!

Разоренный.

Пять рублевъ!

Безсудный.

Можетъ, и больше.

Разоренный.

Ой ли! Не обманешь!

Безсудный.

Нѣшто я ямщика обману! Вы мнѣ люди завсегда нужные.

Разоренный.

Ну, ладно! *(Подходитъ къ средней двери и отворяетъ ее.)* Господа купцы, воля милости вашей, а что ѣхать нельзя. *(Непутевый и Сеня входятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Безсудный, Разоренный, Непутевый и Сеня.

Непутевый.

Ты что еще! Какъ такъ нельзя? Во фрунтъ! Ты съ кѣмъ говоришь?

Разоренный.

Да такъ же, что колесо распаталось. Не на каждой же намъ верстѣ его замачивать; а выходитъ, надоть его перетянуть.

Сеня.

Что же ты прежде-то?

Разоренный.

Прежде! А вы сами-то гдѣ были? Спали; такъ нѣшто я могу безпокоить?

Непутевый.

Какіе еще разговоры! Твое дѣло — что прикажутъ! Ты

понимай, съ кѣмъ ты говоришь! Велятъ тебѣ ѣхать, и сейчасъ, чтобъ готово, живой рукой! У меня такое расположеніе, чтобъ ѣхать; какъ же ты можешь! Пошелъ на свое мѣсто!

Разоренный.

Что, конечно, оно можно ѣхать, отчего не ѣхать. А только, борони Богъ грѣха, середь лѣсу ночью сядемъ, кто виноватъ останется?

Непутевый.

Какъ такъ сядемъ? Ты и думать не моги! У меня чтобъ живо!

Разоренный.

И я про то же. Какое здѣсь мѣсто? Сами знаете, шалуновъ тоже довольно — мѣсто бойкое; почитай, въ каждой деревнѣ шалятъ. Тутъ теперича только давай Богъ ноги, а часомъ сядемъ въ оврагѣ, такъ и отъ повозки убѣжишь.

Сеня.

А вотъ посмотрѣть пойти, не вретъ ли онъ.

Разоренный.

Посмотрѣть пойти! Много ты знаешь! Скрыпитъ колесо на ходу, ну, и, значитъ, разсохлось. Аль вамъ рубля жалко? А еще купцы!

Непутевый.

Ну, чини, чортъ съ тобой! Слышишь ты, чини! Сколько денегъ надо?

Разоренный.

Кузнецъ — ужъ онъ знаетъ. А теперича съ вашей милости надо на водку!

Непутевый.

Вы мошенники, вотъ что! На! *(Даетъ деньги.)* Да чтобъ живо!

Разоренный.

Ужъ это безъ сумлѣнія. *(Непутевый и Сеня уходятъ.)*

Безсудный.

А сзади у васъ есть проѣзжающіе?

Разоренный.

Еще тройка.

Безсудный.

Когда изъ Покровскаго?

Разоренный.

Тѣ на ночь.

Безсудный.

Кто везетъ?

Разоренный.

Стигней.—въ корню сѣрая.

Безсудный.

Знаю.

Разоренный.

Только безъ всякой опаски ѣдутъ, ужъ больно просто.

Безсудный.

А что?

Разоренный.

Первое дѣло, въ самую полночь они въ вашъ лѣсъ пріѣдутъ, да очень пьяные, а лѣсъ то на двадцать верстъ; а второе дѣло, чемоданъ сзади не очень складно привязанъ, совсѣмъ не по здѣшнему мѣсту. Такъ я пойду. *(Уходитъ.)*

Безсудный *(у двери въ сѣни)*.

Жукъ! *(Жукъ выставляетъ голову изъ сѣней.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Безсудный и Жукъ.

Жукъ.

Чего?

Безсудный.

Савраска въ полѣ?

Жукъ.

Въ полѣ.

Безсудный.

Пригони да овса задай, пущай хоть всю мѣру съѣстъ. Да вымажи телѣжку хорошенько.

Жукъ.

Къ ночи, что-ль, сряжаться?

Безсудный.

Къ ночи. Какъ станетъ смеркаться, ты выѣзжай изъ двора налѣво, да потомъ лѣсомъ кругъ двора и объѣдешь къ большой дорогѣ—и жди меня тамъ въ кустахъ.

Жукъ

Ладно. А что припасать?

Безсудный.

Я самъ припасу, что нужно. Пойдемъ-ка, я телѣжку-то посмотрю. *(Уходятъ. Изъ средней двери входитъ Аннушка.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Аннушка, *потомъ* Непутевый *и* Сеня.

Аннушка *(садится къ столу)*.

Какъ тѣнь какая хожу! Поговорила-бъ съ кѣмъ-нибудь о своемъ горѣ, можетъ быть, и полегче стало, да не съ кѣмъ. Все одна, все одна, всю жизнь одна. А одной-то оставаться страшно—все что-то въ голову лѣзетъ дурное. Ну, я, чтобъ одной-то не быть, иду въ народъ, а въ народѣ-то я какъ-будто лишняя. Все я точно что-то ищу. Боже мой! что они со мной сдѣлали! Это меня Богъ за гордость наказываетъ. Я золовку и за человѣка не считала, а онъ ее-то и полюбилъ, а меня, дѣвушку, бросилъ. *(Входятъ Непутевый и Сеня.)*

Непутевый *(садясь къ столу)*.

Ты что плачешь? Кто тебя обидѣлъ?

Аннушка.

Поди прочь, не приставай ты ко мнѣ.

Непутевый.

Да ты что за барыня такая? Что ты важничаешь!

Аннушка.

Поди къ Евгеніи, она ласковая; а меня не тронь, мнѣ и безъ тебя тошно.

Непутевый.

Я самъ знаю, куда мнѣ итти, ты меня не учи! Вотъ что! Ты не смѣй мнѣ указывать!

Аннушка.

Русскимъ тебѣ языкомъ говорю: отойди. Аль ты словъ не понимаешь?

Непутевый.

Тѣшь мой обычай! Аль ты моего нраву не знаешь? Я въ Курчавинѣ бывало запрягу дѣвокъ въ сани лѣтомъ, да и ѣзжу по деревнѣ. Ты знай обхожденіе купеческое!

Аннушка.

Очень мнѣ нужно знать ваше обхожденіе! Поди отъ меня, вотъ и все тутъ.

Непутевый.

Да ты обо мнѣ какъ понимаешь? Ты вотъ это видѣла? *(Беретъ изъ кошелька горсть золота и разсыпаетъ по столу. Безсудный отворяетъ среднюю дверь, быстро взглядываетъ и опять затворяетъ. Его видятъ Аннушка и Сеня.)*

Аннушка.

Что ты дѣлаешь! Убери деньги! Ради Бога, убери!

Сеня.

Петръ Мартынычъ, уберите деньги.

Аннушка.

Да уѣзжайте вы отъ грѣха.

Непутевый.

Зачѣмъ? Я здѣсь погулять хочу. *(Безсудный опять выглядываетъ.)*

Аннушка.

Говорятъ тебѣ, убирай деньги! У брата глаза разгораются, такъ добра не бывать.

Непутевый.

Зачѣмъ убирать? Пущай лежатъ. Вамъ что за дѣло!

Сеня.

Петръ Мартынычъ, хочешь ты цѣлъ быть, такъ убирай деньги, да и поѣдемъ сейчасъ; а то такъ и съ головой своей простись.

Непутевый *(Аннушкѣ)*.

Вѣрно онъ говоритъ?

Аннушка.

Какой ты дуракъ, какъ погляжу я на тебя! И жалѣть-то тебя не стóитъ. *(Непутевый собираетъ деньги.)*

Сеня.

Петръ Мартынычъ, постой, оставь штуки четыре.

Непутевый.

Зачѣмъ?

Сеня.

Стало-быть, надо. *(Кричитъ въ дверь.)* Разоренный!

Непутевый *(Аннушкѣ)*.

Пойдешь за меня замужъ? Вотъ отецъ умретъ, я большой останусь.

Аннушка.

Ну, хорошо, хорошо. Въ другой разъ потолкуемъ. *(Разоренный входитъ.)*

Сеня.

Гдѣ хозяинъ?

Разоренный.

Никакъ на дворѣ возится.

Сеня.

Ты еще не носилъ колеса въ кузницу?

Разоренный.

Еще и кузнеца-то нѣтъ.

Сеня.

Такъ закладывай, и поѣдемъ. *(Показываетъ ему золотой.)* Видишь ты это? Чтобъ безъ разговору! Какъ готово, сейчасъ, значитъ, и получай.

Разоренный.

Мнѣ что-жъ! Я хоть сейчасъ. *(Хочетъ итти.)*

Сеня.

Постой! Говори за ту же цѣну, только правду говори Хозяинъ здѣшній на руку не чистъ?

Непутевый.

Во фрунтъ передо мной!

Сеня.

Да погоди! Эко съ тобой наказаніе!

Разоренный.

Да поговариваютъ.

Сеня.

А что?

Разоренный.

Будто опаиваетъ чѣмъ-то, потомъ оберетъ да съ двора въ шею; мнѣ, говоритъ, съ тобой съ пьянымъ не возиться. А кто-жъ его знаетъ, можетъ, и врутъ.

Аннушка.

Уѣзжайте вы, ради Бога, пока засвѣтло.

Сеня.

Слышишь, Петръ Мартынычъ! Ну, ступай. *(Разгренный уходитъ.)* Дай Аннушкѣ-то!

Аннушка.

Мнѣ не надо.

Сеня.

Ну, такъ оставь на столѣ хозяевамъ, а одинъ ямщику возьмемъ. Да пойдемъ, сядемъ въ повозку, пока закладываютъ. Прощайся съ хозяевами. Вотъ тебѣ картузъ. А это я вынесу. *(Беретъ одежду съ лежанки.)*

Непутевый.

Хозяинъ, а хозяинъ! Прощай! *(Безсудный выходитъ изъ сѣней, Евгенія изъ средней двери.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Непутевый, Сеня, Аннушка, Безсудный и Евгенія.

Безсудный.

Куда заторопился? Погости! У меня шампанское для тебя припасено.

Непутевый.

Не надо! Захотѣль да и поѣхать! Вотъ и знай насъ. Вонъ лучше возьми себѣ за угощеніе. Прощай, хозяйка!

Евгенія.

Прощай, Петя! Прощай, соколъ мой ясный, молодецъ распрекрасный! *(Цѣлуются.)*

Непутевый.

А ты возьми себѣ за ласку остальныя. Прощайте! *(Уходитъ.)*

Безсудный.

Что онъ, белены, что-ль, объѣлся! Съ чего онъ такъ вдругъ?

Сеня.

Кто-жъ его знаетъ! Онъ у насъ нравный! За угощеніе, хозяева! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Безсудный, Евгенія и Аннушка.

Безсудный.

Отчего они уѣхали?

Аннушка.

Почемъ я знаю. Не угодили чѣмъ-нибудь.

Евгенія.

Не ты-ль не угодила?

Аннушка.

Я не въ тебя, очень-то угождать не умѣю.

Безсудный.

Онъ тутъ деньги на столъ сыпалъ?

Аннушка.

Сыпалъ.

Безсудный.

Зачѣмъ?

Аннушка.

Такъ, ломался. Высыпалъ, да опять убралъ

Безсудный.

А много-ль тебѣ далъ?

Аннушка.

Мнѣ? Ничего. За что мнѣ? Онъ за ласку деньги платитъ, а отъ меня ему ласки не было.

Евгенія.

И у меня ласка всѣмъ равная; особой ласки ни для кого, кромѣ того какъ для мужа, нѣтъ.

Аннушка.

Полно, такъ ли?

Евгенія.

Да ты что за судья надо мной! У меня мужъ есть. Ты про что это еще?

Аннушка.

Про особую-то ласку. Ты говоришь, что, кромѣ мужа, никому нѣтъ; такъ нѣтъ ли, — вспомни.

Евгенія.

Что жъ, ты меня съ мужемъ разстроивать хочешь? Ненавистно тебѣ, что мы живемъ въ любви? Нѣтъ, ужъ это тебѣ не удастся.

Аннушка.

Что мнѣ васъ разстроивать! Васъ не разстроишь. Ты двадцать разъ мужа-то обманешь. Я знаю, что я говорю. Кабы не своими я глазами видѣла...

Безсудный.

Что, что?

Евгенія.

Не слушай, не слушай, Ермолаичъ! Это она отъ ненависти.

Аннушка.

Ты говоришь, я разстроиваю; ты людей разстроиваешь-то!

Евгенія.

Что ты съ больной-то головы да на здоровую!

Аннушка.

Ты не вертись! Ужъ коли я что скажу, такъ вправду. Тутъ вотъ, на самомъ этомъ мѣстѣ...

Безсудный.

Ну, договаривай! Начала, такъ у меня договаривай.

Евгенія.

Не слушай ты ее, Ермолаичъ, не слушай! Теперь-то я догадалася! Не говори, пожалуйста, не просятъ тебя. Я сама все разскажу. Ишь, какая диковина!

Безсудный.

Ну, такъ говори!

Евгенія.

Охъ, смѣхъ, право, смѣхъ! Слушай-ка ты, Ермолаичъ! А ужъ я думала, Богъ знаетъ что...

Безсудный.

Что вертишься-то! Говори толкомъ.

Евгенія *(притворно смѣется)*.

Ха-ха-ха! ха-ха-ха! Какъ провожали мы барина-то, бѣгу это я въ сѣни-то, таково тороплюсь, таково тороплюсь, а онъ, ха-ха-ха!—и схватилъ меня.

Безсудный.

Схватилъ—да! Ну?..

Евгенія.

Вотъ она выходитъ, а онъ, ха, ха, ха! ей въ насмѣшку, ха-ха-ха-ха! и поцѣловалъ меня.

Аннушка.

Да онъ меня и не видалъ, и ты меня не видала.

Евгенія.

Видѣлъ, видѣлъ, видѣлъ! Ха-ха-ха! охъ, видѣлъ, видѣлъ.

Безсудный.

Что-то смѣхъ-то у тебя не смѣшонъ выходитъ.

Евгенія.

Да какъ на нее не смѣяться-то! Ха-ха-ха!

Безсудный.

Шалишь, лукавишь. Дай срокъ, я тебя допрошу по-своему, ты у меня не такъ заговоришь. Да чего тутъ ждать! Сердце мое не терпитъ! Сказывай, Анна, какъ что было!

Евгенія.

Вѣкъ ты моей погибели хотѣла: вотъ радуйся теперь, коли тебѣ мужъ больше вѣритъ. (*Жукъ входитъ.*)

Жукъ.

Баринъ Миловидовъ пріѣхалъ.

Безсудный.

О, чтобъ васъ! Вотъ еще принесло! А ты, Евгенія, помни! (*Грозитъ пальцемъ.*) Ходи, да оглядывайся. Даромъ тебѣ не пройдетъ. (*Уходитъ.*)

Аннушка.

Ишь, какъ часто сталъ... Меня любилъ, такъ на дню по два раза не ѣздилъ. Ну, золовушка, въ одномъ мы дому съ тобой живемъ, какъ намъ дружка дѣлить? Не на ту ты напала, я тебѣ дешево его не отдамъ. Нѣтъ, я пошутила, бери его вовсе.

Евгенія.

Змѣя, змѣя! за что ты меня губишь? Какая тебѣ польза?

Аннушка.

Губишь! Какая твоя погибель? Мужъ поколотитъ; такъ милый другъ приласкаетъ, вотъ ты и утѣшишься; а меня утѣшитъ одна сыра-земля. Да, сырая земля, знай ты это! (*Уходитъ.*)

Евгенія.

Ахъ, батюшки! Вотъ страхъ-то. Рученьки опустились, ноженьки подкосились. Падаю! ахъ, падаю! Съ мѣста-то никакъ не сойду. Экой мужъ то у меня страшный! Глазищи-то какъ у дьявола! Выпучитъ ихъ, такъ словно за сердце то кто рукой ухватитъ! Какъ бы мнѣ только эту бѣду съ плечъ стрясти! Увертки-то всѣ бабьи изъ головы вылетѣли. Только бы онъ не убивалъ, погодилъ бы немножко, далъ мнѣ сроку на

полчасика, а ужъ я-бъ что-нибудь придумала. Батюшки! съ духомъ-то не сберусь. Идутъ. Не мужъ ли? *(Шепчетъ.)* Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! Укроти сердце раба Вукола! *(Входитъ Миловидовъ съ трубкой.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Евгенія, Миловидовъ, *потомъ* Безсудный.

Евгенія *(тихо)*.

Ой, не подходи! Ой, не подходи! *(Беретъ скатерть и стелетъ на столъ.)*

Миловидовъ.

Что такъ?

Евгенія.

Головка злодѣйка подсмотрѣла да все разсказала, все злодѣйка разсказала.

Миловидовъ.

Плохо твое дѣло!

Евгенія.

Ты за усъ себя дергай, за усъ себя дергай!

Миловидовъ.

Никакъ ты помѣшалась?

Евгенія *(тихо)*.

Да ты гляди, нѣтъ ли мужа сзади. Гляди!

Миловидовъ.

Гляжу!

Евгенія.

Онъ теперь, аспидъ, глазъ съ меня не спуститъ. Мнѣ оглядываться-то нельзя: онъ подумаетъ, что мы съ тобой шепчемся.

Миловидовъ.

Ну, не оглядывайся.

Евгенія.

А ты дерни себя за усъ-то, какъ онъ войдетъ; дерни — я и буду знать, что онъ здѣсь, такую и рѣчь поведу; нарочно, чтобъ онъ слышалъ.

Миловидовъ.

Бѣдовая ты баба! *(Трогаетъ себя за усы. Безсудный тихо входитъ.)*

Евгенія *(громко)*.

Вамъ-то, баринъ, шутки, а мужъ-то мой сердится.

Миловидовъ.

Ужъ будто и сердится! За что же тутъ сердиться, я не понимаю.

Евгенія.

Да, вѣдь, и правда, сударь, не хорошо; вы знаете, я женщина замужняя, мнѣ это нейдетъ. *(Безсудный уходитъ въ среднюю дверь.)*

Миловидовъ.

Ушелъ.

Евгенія.

Отведи имъ глаза!

Миловидовъ.

Какимъ манеромъ?

Евгенія.

Обмани ту дуру-то; поласкайся къ ней! Будто ты теперь для нея пріѣхалъ. Она опять о себѣ возмечтаетъ, мѣшать-то намъ и не будетъ. Да ты сдѣлай такъ, чтобъ и мужъ видѣлъ.

Миловидовъ.

Мнѣ это не долго. *(Безсудный отворяетъ среднюю дверь и что-то шаритъ на лежанкѣ. Миловидовъ беретъ за усы.)*

Евгенія.

Вамъ это стыдно: вы благородный! Съ купцовъ мы не взыскиваемъ, потому съ нихъ и взыскать нельзя—они безъ этого жить не могутъ; а благородные люди совсѣмъ дѣло другое.

Миловидовъ.

Да что ты ко мнѣ пристала! Я сказалъ, что пошутилъ!

Евгенія.

Вамъ-то ничего, да мнѣ-то не хорошо. *(Безсудный уходитъ.)*

Миловидовъ.

Опять ушелъ.

Евгенія.

А вотъ онъ нынче ночью уѣдетъ...

Миловидовъ.

Куда? На разбой, что ли?

Евгенія.

Кто его знаетъ. Лошадь съ поля пригнали, телѣжку го-

товятъ да съ Жукомъ шепчутся. Такъ ты и пріѣзжай; лошадей-то за кузницей оставь, а самъ въ задніи ворота. Я тебя въ сѣняхъ подожду.

Миловидовъ.

Ну, и отлично! Хватская штука! Такъ непремѣнно: ты меня жди.

Евгенія.

Мужъ-то раньше свѣту не вернется. *(Безсудный входитъ.)*

Миловидовъ *(берется за усы)*.

Я и не зналъ, что ты такая сердитая.

Евгенія.

Мы завсегда вамъ рады, и, просто, не знаемъ съ мужемъ, какъ вамъ и угодить; только ужъ вы оставьте, впередъ этого не дѣлайте, прошу я васъ.

Миловидовъ.

Ну, хорошо, хорошо!

Евгенія.

Чѣмъ потчевать прикажете? Чайку не угодно ли?

Миловидовъ.

Нѣтъ, не хочу. Да что Анпушку не видно? Домой бы поѣхалъ, да пусть лошади отдохнутъ; хоть бы съ ней поболтать.

Евгенія.

Кто ее знаетъ, должно быть въ свѣтелкѣ. Я, пожалуй, пойду кликну. Только вы мужу не говорите, что я вамъ выговаривала; а то онъ, пожалуй, разсердится, скажетъ: какъ ты, дура деревенская, смѣешь господъ учить, которые умнѣе тебя.

Миловидовъ *(смѣется)*.

Хорошо, не скажу, не скажу.

Евгенія *(наткнувшись на мужа)*.

Охъ, чтой-то ты, Ермолаичъ, какъ перепугалъ! Я тебя и не вижу. Да когда же ты, Ермолаичъ, взошелъ-то?

Безсудный.

Ужъ ты ступай, куда тебя посылаютъ. *(Евгенія уходитъ.)* Лошадей-то отложить, аль нѣтъ?

Миловидовъ.

Не надо, пусть такъ постоятъ. Какая жена-то у тебя строгая.

Аннушка.

Правду, Павлинъ Ипполитычъ, правду!

Миловидовъ.

Да что ты стоишь, Аннушка! Садись сюда ближе!

Аннушка.

Сейчасъ. Вамъ трубку?

Миловидовъ.

Да. *(Кричитъ.)* Гришка!

Аннушка *(беретъ трубку и подходитъ къ дверямъ).*

Гришка, подай барину трубку. *(Приходитъ и садится рядомъ съ Миловидовымъ.)* Какой хотите примѣръ возьмите, хоть меня. Приходитъ дѣвушка въ возрастъ, какъ должно; что у ней на умѣ, спросите-ка! Милый человѣкъ, и больше ничего. Потому всякая знаетъ хорошо, что только ей и пожить, пока она на свободѣ; а какъ выдали замужъ, такъ и стала работницей до самой смерти. Въ это время долго-ль насъ обмануть! Всякому вѣришь; кто что ни говори, все думаешь, что правда. Вотъ этакъ другой обойдетъ дѣвку словами, та думаетъ, что она въ раю; а онъ про нее и думать забудетъ, да еще смѣется надъ ней. Вотъ когда, Павлинъ Ипполитычъ, дѣвушкѣ скучно-то бываетъ. Вотъ когда ей жизнь-то не мила. А у васъ какая скука!

Миловидовъ.

Разумѣется. *(Гришка подаетъ трубку и уходитъ.)*

Аннушка.

Нападетъ тоска по миломъ-то, куда съ ней дѣваться? Эту тоску въ люди не снесешь, ни съ кѣмъ не раздѣлишь. Развѣ пожалѣютъ тебя? Всякій надъ тобой же смѣется. И размыкивай горе одна, въ углу сидя. А одной-то съ горемъ куда тяжело! Сидишь, не дышишь, какъ мертвая, а горе-то у тебя на сердцѣ растетъ... Точно гора какая тебѣ сердце давитъ... Мечешься, мечешься.

Миловидовъ.

Хорошая ты дѣвушка, Аннушка!

Аннушка.

Теперь только развѣ вы узнали, что я хорошая дѣвушка?

Было вамъ время меня узнать-то: я тогда еще лучше была. *(Миловидовъ хочетъ обнять ее: она встаетъ.)* Что же это такое вы дѣлаете? За что меня обижаете?

Миловидовъ.

Чѣмъ же я тебя обижаю?

Аннушка.

Любите другую, а меня отъ скуки цѣловать хотите! Что же я такое для васъ? Какъ же мнѣ о себѣ думать? Вѣдь, это вы мнѣ ножъ въ сердце!

Миловидовъ.

Кто-жъ тебѣ сказалъ, что я тебя не люблю?

Аннушка.

Вы сами сказали давеча на этомъ мѣстѣ. Не пожалѣли меня, прямо въ глаза сказали.

Миловидовъ.

Мало-ль, что я говорю. Такъ давеча хандра какая-то нашла.

Аннушка.

Мнѣ бы къ вамъ и выходить-то не надо было; ужъ я теперь и ругаю себя; да сердце-то наше слабо: все думаешь, а можетъ быть...

Миловидовъ.

Что „можетъ быть?“

Аннушка.

Да, можетъ быть, думаешь, онъ Бога побоится, совѣсть его зазритъ. А, вѣдь, и знаешь сама, что этого никогда не бываетъ, а все лѣзешь на глаза, точно милости просишь. Стыдно потомъ до смерти! Нѣтъ, прощайте! *(Плачетъ. Миловидовъ хочетъ обнять ее. Она отталкиваетъ его.)* Оставьте вы меня!

Миловидовъ.

Ну, я виноватъ! ну, прости ты меня, прости! *(Обнимаетъ ее.)*

Аннушка.

Богъ съ вами! *(Миловидовъ цѣлуетъ ее.)* Ахъ, Боже мой! Что вы со мной дѣлаете! Оставьте. оставьте меня! Вѣдь, я живой человѣкъ, вы видите, я съ собой совладать не могу.

А это не хорошо. Стыдъ-то какой, стыдъ-то какой! Что я изъ себя дѣлаю! Гдѣ у меня совѣсть-то! Я себя послѣ проклинать буду.

Миловидовъ.

За что же?

Аннушка.

Ужъ про любовь я васъ и не спрашиваю! Какая любовь! Хоть немножко-то вы меня жалѣете ли? Чтобъ мнѣ не такъ было самоё себя совѣстно, что вы меня цѣлуете. Или вы все смѣетесь надо мной?

Миловидовъ.

Какъ можно, что ты!

Аннушка.

А потомъ опять на меня глядѣть не станете. Куда я тогда отъ своего стыда дѣнусь?

Миловидовъ.

А мнѣ кажется, что я тебя полюблю больше прежняго.

Аннушка *(смотритъ на него какъ бы съ испугомъ).*

Прежде вы меня обманули — Богъ съ вами; а теперь обманете — Богъ васъ накажетъ. *Прилегаетъ къ Миловидову на грудь. Входятъ Безсудный и Евгенія.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Миловидовъ, Аннушка, Безсудный и Евгенія.

Евгенія.

Совѣтъ да любовь!

Аннушка.

Ахъ! Что я это! Вотъ вы меня передъ людьми въ стыдъ ввели.

Миловидовъ.

Что за стыдъ! Вотъ вздоръ! Я поѣду домой, а денька черезъ два пріѣду. Гришка! *(Гришка у двери.)* Лошадей! Прощай, хозяинъ! Прощай, хозяйка! *(Цѣлуются.)* Прощай, Аннушка, милая! *(Цѣлуются. Аннушка провожаетъ его.)*

Евгенія.

Видѣлъ?

Безсудный.

Ну, видѣлъ. Ну, такъ что же? Васъ тутъ самъ лукавый не разберетъ.

Евгенія.

Вотъ ты теперь и кланяйся женѣ-то въ ноги за обиду. За что ты давеча на меня зашипѣлъ, какъ змѣя-василиска!

Безсудный.

Ну, ладно! Впередъ зачти. *(Уходятъ въ среднюю дверь. Аннушка возвращается.)*

Аннушка.

Боже мой! У меня голова закружилась! *(Опирается руками на столъ и смотритъ въ окно.)* Неужели воротились мои золотые дни? Ужъ переживу ли я, бѣдная, этакое счастье! Вонъ какъ покатилъ, голубчикъ мой! Экой молодецъ! Жизнь ты моя! Никогда я такъ тебя не любила, какъ теперь. Нѣтъ моей воли надъ собой! И счастье мое, и погибель моя въ твоихъ рукахъ. Пожалѣй ты меня, бѣдную!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Безсудный.
Евгенія.
Аннушка.
Миловидовъ.
Жукъ.
Гришка.
Иванъ, Кучеръ Миловидова.

Сѣни на постояломъ дворѣ; по серединѣ двѣ двери: правая въ черную избу, лѣвая въ чистую комнату; между дверями, у стѣны, скамья и столъ; на столѣ свѣча въ фонарѣ; въ лѣвомъ углу лѣстница въ свѣтелку; съ правой стороны дверь на дворъ; надъ дверью низенькая рама, въ четыре небольшихъ стекла въ одинъ рядъ. Ночь.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Аннушка *(сходитъ съ лѣстницы).*

Какъ въ свѣтелкѣ страшно одной-то! Ночь темная, вѣтеръ воетъ. Мужиковъ же никого въ домѣ нѣтъ. Жукъ уѣхалъ. Видѣла я изъ окна, какъ Евгенія и брата проводила съ фо-

наремъ куда-то. Теперь мы однѣ съ ней остались. Пойти хоть къ ней, все не такъ страшно! Выбраться бы мнѣ поскорѣй изъ этого дома! Надъ нимъ бѣда виситъ, ужъ чуетъ мое сердце; все здѣсь не ладно, всѣ здѣсь живутъ не по совѣсти. Братъ часто по ночамъ отлучается; сосѣди говорятъ про него что-то недоброе. Евгенія на каждомъ шагу лукавитъ. Что за житье! У всѣхъ только деньги на умѣ, какъ бы ни добыть, только бы добыть. А сколько изъ-за этихъ денегъ грѣха на душу принимаютъ, объ этомъ никто и не думаетъ. *(Стукъ въ дверь со двора.)* Кто-то стукнулъ! *(Голосъ за сценой: „Евгенія!“)* Кто-то Евгенію кличетъ. *(Прячется за дверь въ избу. Евгенія выходитъ со свѣчой изъ двери, которая направо.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Евгенія, *потомъ* Миловидовъ.

Евгенія.

Никакъ кто-то стукнулъ! *(Подходитъ къ средней двери.)* Кто тамъ?

Миловидовъ *(за сценой).*

Помѣщикъ Миловидовъ; а ты развѣ еще ждешь кого-нибудь?

Евгенія *(отпирая).*

Ахъ, сердечный! Кого-жъ мнѣ ждать, кромѣ тебя! Что это ты срамить вздумалъ! Экой обидчикъ! *(Цѣлуетъ его.)* А ужъ я думала, что ты не придешь.

Миловидовъ.

Отчего?

Евгенія.

Да ужъ больно ночь темна.

Миловидовъ.

А, вѣдь, мужъ уѣхалъ же.

Евгенія.

Уѣхалъ.

Миловидовъ.

Ну, такъ и я не маленькій. Онъ темноты не боится, такъ чего-жъ и мнѣ бояться. Ты, чай, знаешь, для кого темныя ночи хороши?

Евгенія.

А для кого?

Миловидовъ.

Для воровъ да для любовниковъ. Значитъ, намъ съ нимъ и на руку.

Евгенія.

Ахъ, ты проказникъ, проказникъ! Вотъ ужъ ты-то, точно, что любовникъ; это надо правду сказать. Кто на тебя ни взглянетъ, всякій скажетъ, что любовникъ! А за что же ты мужа-то моего воромъ зовешь?

Миловидовъ.

А куда-жъ онъ ночью уѣхалъ?

Евгенія.

Да, чай, въ казенномъ лѣсу дровецъ порубить.

Миловидовъ.

Ну, все-жъ-таки воровать.

Евгенія.

Да нѣшто это воровство! Ужъ это, кого ни возьми изъ сосѣдей, у всѣхъ такое заведеніе. Однако, надо запереть дверь-то!

Миловидовъ.

Погоди, надо людямъ приказать. *(Подходитъ къ наружной двери. Въ то время Евгенія всходитъ на лѣстницу.)* Эй! Гришка! Иванъ! Вы здѣсь? *(За дверью: „Здѣсь, сударь!“)* Лошадей у кузницы подъ сарай запереть! А сами на сторожѣ, да не дремать, а держать ухо востро. Слышите! *(За сценой: „Слушаемъ, сударь!“ Евгенія возвращается и запираетъ дверь.)* Ухъ, усталъ! отъ самой кузницы пѣшкомъ шелъ. *(Садится на скамью.)* Ты зачѣмъ наверхъ ходила?

Евгенія.

Свѣтелку заперла.

Миловидовъ.

Для чего?

Евгенія.

Чтобы Анна, коли проснется, сюда не пришла; дѣвичій-то сонъ, говорятъ, чутокъ.

Миловидовъ.

А она въ свѣтелкѣ?

наремъ куда-то. Теперь мы однѣ съ ней остались. Пойти хоть къ ней, все не такъ страшно! Выбраться бы мнѣ поскорѣй изъ этого дома! Надъ нимъ бѣда виситъ, ужъ чуетъ мое сердце; все здѣсь не ладно, всѣ здѣсь живутъ не по совѣсти. Братъ часто по ночамъ отлучается; сосѣди говорятъ про него что-то недоброе. Евгенія на каждомъ шагу лукавитъ. Что за житье! У всѣхъ только деньги на умѣ, какъ бы ни добыть, только бы добыть. А сколько изъ-за этихъ денегъ грѣха на душу принимаютъ, объ этомъ никто и не думаетъ. (*Стукъ въ дверь со двора.*) Кто-то стукнулъ! (*Голосъ за сценой: „Евгенія!“*) Кто-то Евгенію кличетъ. (*Прячется за дверь въ избу. Евгенія выходитъ со свѣчой изъ двери, которая направо.*)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Евгенія, *потомъ* Миловидовъ.

Евгенія.

Никакъ кто-то стукнулъ! (*Подходитъ къ средней двери.*) Кто тамъ?

Миловидовъ (*за сценой*).

Помѣщикъ Миловидовъ; а ты развѣ еще ждешь кого-нибудь?

Евгенія (*отпирая*).

Ахъ, сердечный! Кого-жъ мнѣ ждать, кромѣ тебя! Что это ты срамить вздумалъ! Экой обидчикъ! (*Цѣлуетъ его.*) А ужъ я думала, что ты не придешь.

Миловидовъ.

Отчего?

Евгенія.

Да ужъ больно ночь темна.

Миловидовъ.

А, вѣдь, мужъ уѣхалъ же.

Евгенія.

Уѣхалъ.

Миловидовъ.

Ну, такъ и я не маленькій. Онъ темноты не боится, такъ чего-жъ и мнѣ бояться. Ты, чай, знаешь, для кого темныя ночи хороши?

Евгенія.

А для кого?

Миловидовъ.

Для воровъ да для любовниковъ. Значитъ, намъ съ нимъ и на руку.

Евгенія.

Ахъ, ты проказникъ, проказникъ! Вотъ ужъ ты-то, точно, что любовникъ; это надо правду сказать. Кто на тебя ни взглянетъ, всякій скажетъ, что любовникъ! А за что же ты мужа-то моего воромъ зовешь?

Миловидовъ.

А куда-жъ онъ ночью уѣхалъ?

Евгенія.

Да, чай, въ казенномъ лѣсу дровецъ порубить.

Миловидовъ.

Ну, все-жъ-таки воровать.

Евгенія.

Да нѣшто это воровство! Ужъ это, кого ни возьми изъ сосѣдей, у всѣхъ такое заведеніе. Однако, надо запереть дверь-то!

Миловидовъ.

Погоди, надо людямъ приказать. *(Подходитъ къ наружной двери. Въ то время Евгенія всходитъ на лѣстницу.)* Эй! Гришка! Иванъ! Вы здѣсь? *(За дверью: „Здѣсь, сударь!“)* Лошадей у кузницы подъ сарай запереть! А сами на сторожѣ, да не дремать, а держать ухо востро. Слышите! *(За сценой: „Слушаемъ, сударь!“ Евгенія возвращается и запираетъ дверь.)* Ухъ, усталъ! отъ самой кузницы пѣшкомъ шелъ. *(Садится на скамью.)* Ты зачѣмъ наверхъ ходила?

Евгенія.

Свѣтелку заперла.

Миловидовъ.

Для чего?

Евгенія.

Чтобы Анна, коли проснется, сюда не пришла; дѣвичій-то сонъ, говорятъ, чуткъ.

Миловидовъ.

А она въ свѣтелкѣ?

Евгенія.

Въ свѣтелкѣ. А тебѣ на что? Тебѣ-то на что, завистные твои глаза? Ужъ я тебя давеча и то было къ ней приревновала, да вспомнила, что сама-жъ тебя учила приласкать ее, ужъ послѣ и смѣшно стало.

Миловидовъ.

Что ты ни толкуй, а мнѣ ее жаль.

Евгенія.

Ну, да какъ не жалѣть! Эка невидаль!

Миловидовъ.

Не мало я ихъ на своемъ вѣку обманывалъ — и ничего; а передъ этой какъ-то совѣстно.

Евгенія.

Очень нужно совѣститься! Велика она птица! Ужъ мнѣ потомъ на нее-то очень смѣшно. Ходитъ и ногъ подъ собой не слышитъ, точно какъ княгиня какая, ужъ никакъ себя ниже не считаетъ. А я-то про-себя думаю: дура, молъ, ты дура! Такъ-то васъ и обманываютъ. Приласкай васъ, вы и раскиснете, рады всему повѣрить. А когда-жъ это бываетъ, чтобы мужчина бросилъ да опять къ той же пришелъ? Мало, что-ль, для нихъ другихъ-то дуръ на свѣтѣ, вотъ хоть такихъ, какъ я, сирота бѣдная. *(Смѣется.)*

Миловидовъ.

Разсказывай! Одурачишь тебя, какъ же! Ты захочешь, такъ насъ всѣхъ проведешь.

Евгенія.

Да ужъ за такимъ мужемъ живя, да въ такомъ омутѣ, поневолѣ поумнѣешь. Ну, другихъ-то, положимъ такъ, что я провела, а тебя-то я чѣмъ же? Я тебя вотъ какъ, вотъ какъ люблю, что ужъ и не знаю, какъ описать.

Миловидовъ.

А любопытно узнать, что у женщинъ на умѣ. Какъ бы до этого добраться?

Евгенія.

Что на умѣ? Да то же, что у васъ.

Миловидовъ

Ну, нѣтъ, у нихъ какъ-то по другому. Вотъ, напримѣръ, за что ты меня полюбила?

Евгенія.

Какъ за что? Первое дѣло: ты баринъ, а не мужикъ; красавецъ писанный! Кто-жъ тебя не полюбитъ! Вѣдь, я не столбъ каменный! Второе дѣло: такъ-то жить, въ спокойной-то жизни, скучно; а тутъ и мужа-то боишься, и увертки-то разныя придумываешь, и дружку-то рада, какъ увидишь; все-таки, кровь-то волнуется, все у тебя въ головѣ каждый часъ забота есть... Го-то и жизнь по-моему. А по-твоему какъ?

Миловидовъ.

Да и по-моему такъ же. Оттого-то я и не женюсь.

Евгенія.

И не женись. Что тебѣ за неволя хомутъ-то на шею надѣвать! Да что-жъ это ты, голубчикъ, здѣсь сидишь! Пойдемъ въ комнату, я тебѣ и винца, и закусочку приготовила.

Миловидовъ *(встаетъ)*.

Пойдемъ! Только какъ же? Вѣдь, въ окна огонь видно будетъ.

Евгенія.

Такъ что-жъ за бѣда? У насъ постоялый дворъ, всю ночь не гасимъ; вотъ и въ сѣняхъ во всю ночь фонарь горитъ. Вдругъ пріѣдетъ кто, скоро-ль огонь-то вздуешь, а тутъ ужъ готово.

Миловидовъ.

А ну, какъ мужъ воротится?

Евгенія.

Онъ ближе свѣту не будетъ.

Миловидовъ.

А ну, вдругъ?

Евгенія.

Услышу, какъ постучитъ. Я тебя тогда въ чуланъ спрячу, а какъ заснетъ мужъ, да и Жукъ уляжется, тогда провожу за ворота.

Миловидовъ.

Молодецъ ты, баба! Вотъ это мнѣ на руку; этакихъ я люблю.

Евгенія.

То ли бы еще было! Вотъ только одна помѣха, какъ бѣльмо у меня на глазу, — эта Анна. Какъ бы намъ ее съ рукъ сбыть. Замужъ бы отдали, да и слышать не хочетъ. Ты когда

къ намъ пріѣдешь, такъ не очень съ ней строго, а то она догадается. А ты все ее поманивай, все поманивай — она на это глупа, не разберетъ, шутишь ты, аль нѣтъ. Ну, пойдемъ же, мой соколъ ясный! Сколько теперь часовъ-то?

Миловидовъ *(смотритъ на часы).*

Одиннадцатый въ исходѣ.

Евгенія.

О, еще до свѣту-то какъ далеко! *(Уходятъ въ комнату. Аннушка выходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Аннушка *(одна).*

Вотъ я до чего дожила! Что я слышала! Какъ я жива стою! Дурой меня называли, смѣялись надо мной! А какая-жъ я дура? Чѣмъ я дура? Развѣ тѣмъ только и дура, что вѣрю человѣку, когда онъ на небо глядитъ да божится, да вѣрю тому, кто меня цѣлуетъ, что онъ меня любитъ. Виновата-ли-жъ я, что у насъ на каждомъ шагу Іуду встрѣтишь, который тебя цѣлуетъ, а самъ тутъ же продаетъ ни за грошъ. За что-жъ смѣяться-то! Любилъ, ну, пересталъ любить; за что-жъ ты смѣешься-то? Я не навязывалась. Ты самъ меня давеча позвалъ. Вотъ это обида! Обида кровная! Я говорю: смѣяться будешь! „Нѣтъ“, говоритъ. Вотъ это обида! Охъ! Не снесетъ сердце! Вся душа-то у меня чернѣетъ, какъ черная ночь Самоё себя мнѣ страшно! Зажгу... Зажгу домъ. Пусть сгорятъ оба, и я съ ними... *(Беретъ со стола фонарь.)* Пойду... сейчасъ пойду... Пусть же они знаютъ... Батюшки, ноги не идутъ, точно не пускаетъ кто. . Не моя, такъ чьянибудь молитва бережетъ меня отъ грѣха смертнаго... Вотъ и жаль! Зачѣмъ мнѣ его жаль стало? Что за глупое сердце дѣвичье! Развѣ онъ не злодѣй мой? А ее убила бы, змѣю лютую! Братецъ, убей ее! убей ее! А онъ пусть живетъ... Что я такое, чтобъ изъ-за меня ему умирать? Что мы такое? А онъ баринъ .. Вотъ онъ любилъ меня, теперь другую любитъ! Кто-жъ ему запретитъ... А я мучаюсь да мѣшаю ему. Вотъ что! Зачѣмъ мѣшаю ему?... Зачѣмъ на свѣтѣ живу, себя мучаю? Она намъ помѣха, говорятъ! Помѣха я имъ! Ну, что жъ!... Гдѣ это у братца было... Видишь ты,

я помѣха, помѣха! Боже мой! Я не живая, у меня сердца нѣтъ, я не чувствую; я помѣха только. Ну, что жъ! Ну, пусть живутъ безъ помѣхи! Гдѣ это у братца было спрятано.. Тамъ въ шкапу, кажется. *(Киваетъ головой въ ту сторону, куда ушли Миловидовъ и Евгенія.)* Ну, прощайте! Живите безъ помѣхи!... А страшно! Страшно самой-то на себя... Вѣдь, вотъ думаешь, что легко; а какъ придется, такъ страшно! Что есть на бѣломъ свѣтѣ — со всѣмъ разставаться! Всѣ жить... а я одна... Для всѣхъ-то завтра солнце взойдетъ, свѣжій вѣтерокъ подуетъ, загорятся кресты на церквахъ, заскрипятъ ворота по деревнямъ, погонятъ стадо... а мнѣ темно, темно, темно будетъ. *(Уходитъ въ избу. Надъ дверью поднимается рама. Жукъ снаружи просовываетъ руку, вынимаетъ болтъ, отворяетъ дверь и входитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Жукъ, *потомъ* Безсудный.

Жукъ.

Ступай, хозяинъ.

Безсудный *(входя съ завязанной головой)*.

Тише ты! Можетъ, спятъ: такъ и ладно: мы тутъ постелемся. *(Раздѣваются.)*

Жукъ.

Ну, хозяинъ, кабы не савраска, плохо наше дѣло; только онъ и выручилъ.

Безсудный.

Я этому дураку-то повѣрилъ. Ѣдутъ, говоритъ, пьяные, безо всякой опаски. Вотъ, поди-жъ ты, грѣхъ какой! *(Поправляетъ повязку на лбу.)*

Жукъ.

Больно зашибъ?

Безсудный.

Больно.

Жукъ.

Чѣмъ это тебя онъ огрѣлъ?

Безсудный.

Кто-жъ его знаетъ! Вѣдь, ты помнишь? Ѣдутъ они шагомъ, ямщикъ, дремлетъ, и мы за ними шагомъ; слѣзъ я тихо, подошелъ къ тарантасу, слышу храпятъ; сталъ я веревки

отвязывать осторожно, что самъ себѣ не слышу, какъ онъ меня ошарашитъ! Да какъ крикнетъ: „Стой, ямщикъ! не слышишь, грабятъ!“ Да какъ выскочутъ трое. Не впрыгни я въ телѣгу, да не поверотн ты живо, только-бъ мнѣ и на свѣтѣ жить. Всю дорогу у меня искры изъ глазъ сыпались. Ты лошадь-то куда дѣлъ?

Жукъ.

Я ее стреножилъ да со двора спустилъ. Она своихъ лошадей найдетъ, а ужъ чужому ни за что̀ не дастся.

Безсудный.

Струментъ-то въ телѣгѣ?

Жукъ.

Въ телѣгѣ.

Безсудный.

Пойти спрятать подальше отъ грѣха; неровенъ часъ, подозрѣнія бы не было.

Жукъ.

Обыску, что̀ ль, боишься?

Безсудный.

А то чего жъ? Извѣстно, обыску. На меня сосѣди злы, такъ и смотрятъ, вороги, какъ бы тебя подъ кнутъ подвесть. Ужъ я откупался, откупался; а все не съ своимъ братомъ, того и жди, что нагрянутъ.

Жукъ.

Такъ пойдемъ, уберемъ.

Безсудный.

Нѣтъ ужъ, я когда что̀ прячу, такъ одинъ.

Жукъ.

Что́ жъ, я докажу, что ли? Вмѣстѣ, вѣдь, мы съ тобой..

Безсудный.

Доказать не докажешь, а все-таки, здоровѣе. (*Уходитъ.*)

Жукъ (*прислушивается у двери*).

Что̀-жъ бы это такое? Разговоръ. (*Пріотворяетъ немного дверь.*) Вотъ-те разъ! да и баринъ здѣся. Съ хозяйкой сидятъ. Ахъ, баловство! Ну, подожди-жъ! хозяинъ тебѣ спасиба не скажетъ. Говорить, аль нѣтъ? Пойду лучше скажу; пусть возьметъ арапельникъ хорошій. Надоть будетъ ее поучить, чтобы она не баловалась. Видно, безъ науки съ бабой ничего не сдѣлаешь. (*Уходитъ. Выходятъ Миловидовъ и Евгенія.*)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Миловидовъ и Евгенія.

Миловидовъ.

Мнѣ вдругъ послышалось, что кто-то стонетъ.

Евгенія.

Батюшки, и дверь расперта! Не мужъ ли?

Миловидовъ.

Кто-же стонетъ-то?

Евгенія.

Ужъ я не знаю. Я пойду лягу, будто сплю мертвымъ сномъ, ты тоже схоронись гдѣ-нибудь. *(Уходитъ.)*

Миловидовъ *(подойдя къ двери, которая въ избу).*

Точно какъ здѣсь? Да, здѣсь и есть. *(Уходитъ въ дверь. Со двора входятъ Безсудный и Жукъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Безсудный и Жукъ.

Жукъ.

Неладно, хозяинъ, право, неладно.

Безсудный.

Да что? говори, образина!

Жукъ.

У насъ гости непрошенные.

Безсудный.

Воры, что ли? О, убью до смерти! По крайности, есть на комъ сердце сорвать. Гдѣ они? Указывай! *(Беретъ ножъ.)*

Жукъ.

Воры не воры, а и не добрые люди.

Безсудный.

Да гдѣ? Въ избѣ, что ли?

Жукъ.

Ты поди подлѣ хозяйки поищи! Я отворилъ дверь-то, а онъ тамъ сидитъ, вино пьетъ.

Безсудный.

Кто?

Жукъ.

Баринъ, Миловидовъ.

Безсудный.

Ну, баринъ, держись теперь!

Жукъ *(хочетъ остановить его).*

Что ты, что ты? Опомнись!

Безсудный.

Ты себя-то береги! Не подвертывайся мнѣ подъ руку, когда я въ задоръ войду. Пора тебѣ меня знать. *(Изъ двери избы выходятъ Аннушка и Миловидовъ, который ее поддерживаетъ и сажаетъ на скамью.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Безсудный, Жукъ, Миловидовъ и Аннушка.

Безсудный.

Такъ вотъ ты съ кѣмъ?

Миловидовъ.

А ты что думалъ? Какая ты, Аннушка, блѣдная!

Аннушка.

Я говорю, что я умираю.

Миловидовъ.

Полно! Ну, ужъ и умирать! Расхворалась отъ простуды, вотъ и все тутъ. Вѣдь, сама же говоришь, что простудилась. *(Садится подлѣ нея.)*

Безсудный *(Жуку.)*

Что-жъ ты врешь! Вѣдь, ты мнѣ всю внутренность надорвалъ. Полоснуть тебя хорошенько, такъ ты забудешь хозяина пугать.

Жукъ.

Ну тебя! Уйти отъ грѣха. Ишь ты, ровно сумасшедшій: подъ носомъ не видишь, а на своихъ мечешься. *(Уходитъ.)*

Миловидовъ. *(Аннушкѣ).*

Да что съ тобой? скажи ты мнѣ!

Аннушка.

Ничего, ничего; только не уходи отъ меня, посиди со мной немного.

Миловидовъ.

Изволь, изволь, я посижу съ тобой. (*Безсудному*). Ты откуда явился?

Безсудный.

Я-то не диковина, твоя-то милость какими судьбами не въ указанные-то часы по чужимъ дворамъ жалуетъ?

Миловидовъ.

Былъ на охотѣ въ вашихъ болотахъ да запоздалъ, а домой-то проселкомъ ѣхать темно; вотъ я и заѣхалъ.

Безсудный.

Такъ! Стало-быть, тебѣ теперича вѣрить надо?

Миловидовъ.

Какъ хочешь!

Безсудный.

Не лжешь, такъ правда.

Миловидовъ.

Что это лобъ-то у тебя?

Безсудный.

На сучокъ наткнулся, за лѣсомъ ѣздилъ.

Миловидовъ.

За чужимъ?

Безсудный.

Кто-жъ ночью за своимъ ѣздитъ? А жена гдѣ?

Миловидовъ.

Спитъ, должно быть. Что-жъ ей больше дѣлать. Ступай, старикъ, и ты спи, а я съ больной посижу.

Безсудный.

Да ужъ одно дѣло, что спать, не въ гулючки-жъ играть. (*Уходитъ.*)

Аннушка.

Охъ! Скоро мой конецъ. Хочешь ты меня слушать, такъ послушай; а то ступай съ Богомъ. Не поминай лихомъ! Завтра меня на свѣтѣ не будетъ.

Миловидовъ.

Ахъ, Аннушка, какъ мнѣ тебя жаль, бѣдную! Повяжи голову, намочи уксусомъ, вотъ и пройдетъ! Да скажи ты ты: что съ тобой? Что ты чувствуешь?

Аннушка.

Скажу, не утаю; только мнѣ нужно тебя спросить прежде.

Миловидовъ.

Изволь, Аннушка, изволь; спрашивай все, что тебѣ угодно.

Аннушка.

Я у тебя буду спрашивать, а ты мнѣ отвѣчай! Ахъ, какъ голова кружится! Только ты не лги. Грѣхъ тебѣ будетъ; ты видишь, я умираю... И умру къ завтраму, ты ужъ мнѣ повѣрь!... И жить мнѣ незачѣмъ... Да, такъ что же я хотѣла? Да вотъ: ты меня любилъ?

Миловидовъ.

Любилъ, Аннушка, очень любилъ. Ты сама знаешь, какъ я любилъ.

Аннушка.

А теперь разлюбилъ? Только ты не грѣши, не обманывай, какъ давеча.

Миловидовъ.

Что же дѣлать-то, Аннушка, съ сердцемъ не совладаешь. Я и теперь люблю тебя, только что не попрежнему! Ужъ ау, братъ! прежняго не воротишь.

Аннушка.

А я все попрежнему. Ну, да хорошо! Ты теперь Евгенію полюбилъ?

Миловидовъ.

Ты потише, какъ бы мужъ не услыхалъ. Ну да, не то, что полюбилъ, а такъ, она мнѣ своимъ веселымъ характеромъ понравилась. Да и притомъ же у меня такое правило, Аннушка, никому пропуску не давать. Бей сороку и ворону... Все-жъ-таки, это далеко не то, какъ я тебя любилъ.

Аннушка.

Ну, да хорошо, хорошо, это твое дѣло. Никто тебѣ указывать не можетъ, кого ты хочешь, того и любишь. Мнѣ теперь только одно нужно знать отъ тебя, одно, а тамъ хоть и умирать. Неужто же Евгенія меня лучше, что ты меня

промѣнялъ на нее? Вотъ эта-то обида мнѣ тяжелѣй всего; вотъ это меня до погибели и довело. Чѣмъ-таки, скажи ты мнѣ, чѣмъ-таки она меня лучше? А по-твоему выходитъ, что лучше. *(Плачетъ.)* Я тебя любила такъ, что себя не помнила, весь свѣтъ забыла, привязалась къ тебѣ, какъ собака, ни душой, ни тѣломъ передъ тобой не была виновата, а ты меня покидать сталъ, полюбилъ бабу, чужую жену. Все было бы это ничего, а вотъ что мнѣ ужъ очень обидно, чего я пережить не могла... знать, ужъ она очень мила тебѣ, что ты для нея сталъ меня въ глаза обманывать, да потомъ вмѣстѣ съ ней смѣяться надо мной. Вотъ что ты мнѣ скажи теперь, не утай ты отъ меня: чѣмъ она тебѣ такъ мила стала и съ чего я тебѣ такъ опротивѣла? *(Плачетъ.)* Мало тебѣ того, что ты меня безо всякой вины обидѣлъ; ни съ того, ни съ сего отъ себя прочь оттолкнулъ, ты еще изъ меня, для моей злодѣйки, потѣху сдѣлалъ, чтобъ ей не скучно было. Охъ, Господи, Боже мой! Господи, Боже мой! умереть бы поскорѣй. *(Молчаніе.)* Только-что мое сердце больное подживать было стало, надорвалъ ты его давеча своими притворными рѣчами да поцѣлуями; да надъ моей болью-то смѣетесь съ ней вмѣстѣ. Вѣдь, я здѣсь была, я все слышала. За что-жъ мнѣ такая казнь отъ тебя, скажи ты мнѣ? Чѣмъ я передъ тобой виновата? Что я такое страшное сдѣлала? И она-то чѣмъ вдругъ тебѣ такъ мила стала, что ты никого для нея не жалѣешь?

Миловидовъ.

И ты говоришь, что ты никакой вины за собой не знаешь?

Аннушка.

Никакой; вотъ видитъ Богъ! Мнѣ теперь лгать не къ чему! Мнѣ не долго жить осталось!

Миловидовъ.

И ты считаешь, что я тебя обидѣлъ?

Аннушка.

Да какъ же не обидѣлъ-то! Чего-жъ еще! Ты посмотри на меня.

Миловидовъ.

Даромъ обидѣть я никого не хочу. За дѣло я, точно, что не помилую; а даромъ обижать безотвѣтныхъ людей намъ не годится. Такъ ты говоришь, что я тебя даромъ обидѣлъ?

Аннушка.

Даромъ, Павлинъ Ипполитычъ.

Миловидовъ.

Это по твоему понятію даромъ, а по нашему не даромъ. Я тебя любилъ; помнишь, какъ за тобой ухаживалъ, какъ за барышней, а ты что-жъ мнѣ всего не сказала? Развѣ это честно? Ну, сгоряча-то я женился бы на тебѣ, куда бы мнѣ тогда только носъ-то свой показать? Ты должна была мнѣ все сказать.

Аннушка.

Да что все-то?

Миловидовъ.

Да то, что у тебя былъ любовникъ, что ты съ нимъ и теперь видаешься.

Аннушка.

Что ты! что ты! Не грѣши! Вѣдь, я еще живая, вотъ послѣ говорите, что хотите. Да я пока къ брату не переѣхала да тебя не увидала, не знала, что это и слово-то значитъ. Какъ же мнѣ жить на свѣтѣ послѣ такихъ словъ твоихъ? Умирать и надо. Кто бы говорилъ, да не ты.

Миловидовъ.

Такъ меня обманули?

Аннушка.

Богъ съ тобой! Какъ хочешь, такъ и думай! Мнѣ теперь все равно. Кто это тебѣ сказалъ? Ужъ не она ли?

Миловидовъ.

Она. Да она же мнѣ еще говорила: „ты что на нее смотришь, что она такую недотрогу разыгрываетъ! Съ другими она такъ не манежится, это съ тобой только; потому что она тебя заманиваетъ, чтобъ ты на ней женился. Она ужъ давно всѣмъ говоритъ: быть мнѣ барыней! Посмотрите, какъ я его, дурака, обойду“. Каково-жъ мнѣ было это слышать! Мнѣ, Миловидову! Ну, такъ нѣтъ, говорю, шалишь!

Аннушка.

Зачѣмъ же ты ей вѣрилъ?

Миловидовъ.

Нельзя было не вѣрить. Бывало, я прощаюсь съ тобой, домой собираюсь ѣхать, а она стоитъ, головой качаетъ да

вздыхаетъ. Я у нея разъ и спросилъ: что, молъ, ты вздыхаешь? — Да такъ, говоритъ, жаль мнѣ тебя. — Что такъ? говорю. Она мнѣ все вотъ это и разсказала; ну, я и оглобли назадъ отъ тебя.

Аннушка.

И сталь ты меня обижать всячески, и стала я вамъ помѣха.

Миловидовъ.

Ну, да ужъ теперь ей отъ меня достанется. Я ѣду-ѣду не свищу, а наѣду—не спущу.

Аннушка.

Охъ! Силъ моихъ больше нѣту!

Миловидовъ.

Ты бы легла, пошла.

Аннушка.

И то, пойду лягу. Не дойти мнѣ до свѣтелки-то.

Миловидовъ.

Я провожу тебя.

Аннушка.

Ну, теперь ты вѣришь, что я ни въ чемъ передъ тобой не виновата?

Миловидовъ.

Вѣрю, Аннушка, вѣрю!

Аннушка.

Ну, и хорошо! По крайней мѣрѣ, ты зла не будешь на меня имѣть, простишься со мной безъ сердца, по-христіански. И я тебя прощаю, ты не виноватъ. А кто виноватъ, того суди Богъ. Мнѣ больше не жить. Ты никому не говори... Охъ! *(Опускаетъ голову на столъ.)*

Миловидовъ.

Что ты, Аннушка, Аннушка? *(Кричитъ.)* Безсудный! *(Входитъ Безсудный.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Миловидовъ, Безсудный и Аннушка.

Безсудный.

Что еще? Покою нѣтъ на васъ.

Миловидовъ.

Твоя сестра умираетъ.

Безсудный.

Ну, что жъ! Умретъ, такъ похоронимъ. Съ чего-жъ это она умирать вздумала?

Миловидовъ.

А съ того, что твоя жена обманула меня, да вотъ и довели дѣвку до погибели.

Безсудный.

Чѣмъ же это она тебя обманула?

Миловидовъ.

А тѣмъ, что наплела мнѣ на нее, что у нея любовникъ есть, да разнаго вздору, отбила меня отъ дѣвки.

Безсудный.

Такъ это она?

Миловидовъ

Она.

Безсудный.

Зачѣмъ же она?

Миловидовъ,

Стало-быть, ей нужно было. Самъ догадайся.

Безсудный.

Догадаться-то я ужъ давно догадываюсь, только... Эхъ, баринъ!

Миловидовъ.

Что: эхъ, баринъ!

Безсудный.

Ты шутить шути, а за больное мѣсто меня не задѣвай! Я, вѣдь, не погляжу...

Миловидовъ.

Ну, ну! Мнѣ больнѣй твоего. Зови жену сюда, зови, говорю я.

Безсудный.

Охъ, баринъ! да если все это правда, ты уходи лучше. Не хорошъ я въ сердцахъ, я самому себѣ страшенъ, я проклятый человѣкъ.

Миловидовъ.

Зови жену, говорю я. Надо же дѣло на свѣжую воду

вывести. А тебя я не испугаюсь; не на того напалъ. (*Безсудный уходитъ*). Аннушка! милая! Что съ тобой?

Аннушка (*слабымъ голосомъ*).

Не говори никому. Я отравилась.

Миловидовъ.

Боже мой! Что ты! Чѣмъ? Когда? Говори скорѣй!

Аннушка.

Вонъ тамъ, сейчасъ.

Миловидовъ.

Мы тебя спасемъ, Аннушка, поможемъ тебѣ! Эй! Гдѣ вы тамъ?

Аннушка.

Нѣтъ, ужъ теперь поздно. (*Падаетъ безъ чувствъ. Входятъ Безсудный и Евгенія*).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Миловидовъ, Аннушка, Безсудный, Евгенія, *потомъ* Гришка, Иванъ и Жукъ.

Миловидовъ.

Кабы только ей помочь, ничего не пожалѣю. Нѣтъ ли у васъ чего? Поскорѣй! поскорѣй!

Евгенія

Да что съ ней, батюшки?

Миловидовъ.

Она отравилась, дьяволы вы этакіе!

Безсудный.

Какъ такъ отравилась! Чѣмъ у насъ отравиться?

Миловидовъ.

Я ее засталъ тамъ, въ кухнѣ, у шкапчика.

Безсудный.

Посмотрю, пойду, что тамъ такое. (*Уходитъ*).

Миловидовъ.

Вотъ ты что надѣлала! Весело теперь тебѣ смотрѣть на нее?

Евгенія.

Кто-жъ это зналъ! Кто-жъ это зналъ! Я сама-то умираю.

Миловидовъ.

Убью я тебя на мѣстѣ! Зачѣмъ ты мнѣ налгала на нее?

Евгенія.

Кому-жъ чужое счастье не завидно!

Миловидовъ.

Такъ это все вздоръ, что̀ ты говорила, все неправда? Ну, говори!

Евгенія.

Все неправда! все неправда!

Миловидовъ.

Вѣдь, тебя теперь повѣсить за это мало! Ну, да вотъ я съ мужемъ поговорю: онъ тебя разсудитъ по-своему.

Евгенія.

Не губи! Ради Бога, не губи! Лучше возьми убей, меня изъ своихъ рукъ, только мужу не говори.

Миловидовъ.

Неужели-жъ тебя помиловать! Вѣдь, за то, что̀ ты сдѣлала, въ Сибирь ссылаютъ, на каторгу.

Евгенія.

Легче мнѣ въ Сибирь итти.

Миловидовъ.

Всѣхъ васъ пора сослать туда, а гнѣздо ваше проклятое разорить, чтобы и праху не осталось. (*Безсудный входитъ*). Всѣхъ васъ въ Сибирь сослать.

Безсудный.

То-то вотъ и есть, горячъ ты больно! Шумъ-то ты подымаешь изъ пустяковъ. Только людей безпокоишь.

Миловидовъ.

Какъ изъ пустяковъ! Загубили душу, развѣ это пустяки? Аль тебѣ и душегубство нипочемъ стало?

Безсудный.

Кто ее загубилъ? Какое тутъ душегубство? Ничего не бывало. Я было и самъ перепугался. Точно, что она лишнее хватила, да отъ этого не умрешь. Проспитъ часа два, да дня три голова проболитъ.

Миловидовъ.

Что̀ ты, Безсудный! Да ты врешь, разбойникъ.

Безсудный.

Да ужъ это вѣрно. Хочешь, при тебѣ сейчасъ выпью? Разбойникъ-то кто-нибудь другой, а не я.

Миловидовъ.

Да, понимаю. Это чѣмъ ты проѣзжающихъ поишь. Теперь я понялъ.

Безсудный.

Это ужъ мое дѣло. Ты докажи прежде, что я пою, да потомъ и разговаривай.

Миловидовъ.

Ну, обрадовалъ ты меня! Ужъ я ее отъ васъ къ себѣ домой возьму. Аннушка, милая! *(Цѣлуетъ ее.)*

Безсудный.

Бери, пожалуй! Не больно она намъ нужна.

Евгенія.

Ты, стало-быть, жениться хочешь?

Миловидовъ.

Мое дѣло. Ужъ теперь насъ громомъ не расшибешь!

Евгенія.

Ну, вотъ и слава Богу!

Миловидовъ.

Ну, хозяинъ, я человѣкъ военный, простой; за твою прежнюю любовь да за ласку, хочешь, я тебѣ скажу, зачѣмъ я къ тебѣ ночью пріѣхалъ?

Безсудный.

Говори!

Евгенія.

Ой!

Безсудный.

Что ты?

Евгенія.

Что-то, Ермолаичъ, въ бокъ кольнуло! Такъ вдругъ, съ перепугу-то, что ли?

Миловидовъ.

Такъ говорить?

Безсудный.

Что-жъ, говори, мы слушать будемъ.

Миловидовъ.

Нѣтъ, ужъ лучше я въ другой разъ.

Безсудный.

Нѣтъ, ужъ коли началъ, такъ говори!

Миловидовъ.

Насильно не заставишь; захочу, такъ скажу.

Безсудный.

Говори, баринъ!

Миловидовъ.

Нѣтъ, ты сердитъ очень, я тебя боюсь.

Безсудный.

Баринъ, не дразни!

Миловидовъ.

Кабы ты не женился на молодой, такъ былъ бы покойнѣе, ревность-то бы тебя не мучила. Вотъ теперь и думай про-себя, какъ знаешь; а я уѣду, какъ ни въ чемъ не бывалъ.

Безсудный.

Не дразни, баринъ! Говорю тебѣ, не дразни! *(Кидается на Миловидова.)*

Миловидовъ *(вынимаетъ пистолетъ).*

А этого не хочешь! *(Свищетъ. У дверей показываются Гришка и Иванъ.)* Стойте здѣсь! Мы лучше съ тобой честь-честью простимся. Иванъ!

Иванъ.

Что, сударь, угодно?

Миловидовъ.

Въ полчаса довезешь домой?

Иванъ.

Какъ прикажете, такъ и будетъ. Духомъ докатимъ.

Миловидовъ.

Такъ долетѣть, чтобъ она очнуться не успѣла; пусть уже дома очнется, барыней! Прощай, хозяйка! *(Цѣлуется съ Евгеніей.)* Прощай, хозяинъ! Ты за женой-то поглядывай! У васъ мѣсто бойкое. *(Звонъ колокольчика.)* Вонъ, слышишь, купцы наѣхали. Ты поглядывай.

Безсудный.

Ужъ это не твоя забота. Впередъ меня не забывай, я найду чѣмъ угостить.

Миловидовъ.

Спасибо. Какъ не заѣхать! заѣду. Коль тебя опять не застану, такъ вотъ хозяюшка дома будетъ, съ ней побалагуримъ. Только я, братъ, безъ гостинца не ѣзжу. *(Показываетъ на пистолетъ. Людямъ:)* Берите свою барыню да несите бережно въ коляску. *(Жукъ входитъ.)*

Жукъ.

Хозяинъ! проѣзжіе.

Безсудный *(женѣ).*

Ну, поди! встрѣчай! Улыбайся, дьяволи, а расчетъ послѣ.

ДМИТРІЙ САМОЗВАНЕЦЪ

и

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

I.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Князь Василій Ивановичъ Шуйскій.
Князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій.
Тимоѳей Осиповъ, дьякъ изъ приказа.
Ѳедоръ Коневъ, купецъ московскій.
Иванъ, калачникъ.
Аѳоня, юродивый.

Московскіе, новгородскіе, псковскіе купцы; подьячіе; попы безмѣстные; странники; молочные торговцы, разносчики и крестьяне.

Сѣни въ домѣ В. Шуйскаго.
(19-го іюня 1605 года).

Купцы и подьячіе *сидятъ на лавкахъ; простой народъ — на полу.*

1-й купецъ московскій.

Привелъ Господь! Царевичъ прирожденный,
На дѣдовскихъ и отческихъ престолахъ
И на своихъ на всѣхъ великихъ царствахъ,
Возсѣлъ опять и утвердился...

2-й купецъ московскій.

Чудо
Великое свершилось! Божій промыслъ
Измѣнниковъ достойно покаралъ
И сохранилъ лѣпорожденну отрасль
Отъ племени царей благочестивыхъ.

Подьячій.

Вотъ праздникъ-то! Такого не видала
Москва давно. Въ нарядахъ береженыхъ,
Съ сіяющимъ на лицахъ торжествомъ,
Идетъ народъ веселыми стопами
Въ предшествіи хоругвей и иконъ...

Коневъ *(тихо)*.

Антихриста встрѣчать!

1-й крестьянинъ.

А что народу!
Начни считать, умрешь и не сочтешь:
Идутъ и ѣдутъ, и ползутъ, и лѣзутъ.

2-й крестьянинъ.

Пора-то вольная, въ поляхъ убрались,
Посѣяли, а сѣнокосъ не вдругъ...

3-й крестьянинъ.

И всѣ-то, братцы, рады
И веселы! Веселіе такое,
Что̀ объ Святой, въ великій день Христовъ.

Коневъ.

Грѣха-то что̀! грѣха-то что́!

Подьячій.

Болтали.
Что въ Угличѣ царевича убили,
И вѣрили тогда; а вотъ онъ съ нами!
И, значитъ, Богъ его соблюлъ для насъ.

1-й крестьянинъ.

Была молва, и прежде толковали,
Что Дмитрій, Угличкій царевичъ, живъ..

Купецъ новгородскій.

Въ Москвѣ молва, а въ городахъ подавно...

Подьячій.

И чуда нѣтъ, и нечему дивиться,
Что сохранилъ его Господь живого.

1-й московскій купецъ.

Никто тому и не дивится—знаютъ,
Что Господу возможно все: Онъ можетъ
И мертваго изъ гроба воскресить.

Крестьянинъ.

Само собой!

Странникъ.

Ужъ если Богъ захочетъ,
Такъ сдѣлаетъ.

Крестьянинъ.

Ну, что̀ и говорить!

1-й купецъ московскій *(новгородскому)*.

И вѣришь ли, когда пришли къ намъ вѣсти
Про смерть царевича, рыданье слезно
По всей Москвѣ пошло; заговорили,
Что легче намъ опять царя Ивана
Мучительство, чѣмъ вовсе сиротать
Безъ царскаго потомства; хоть и жутко
Бывало намъ, а все-таки, мы знали,
Что онъ—царева отрасль, не хололья...
И вотъ опять потомство Мономаха
На грозный столъ родительскій вступаетъ!

Попъ.

Веселіе духовное и радость
Вселенская...

Коневъ.

Ну, радость не велика
Подъ клятвой жить! Святителя проклятье
Лежитъ на насъ и чадахъ. Мы давно ли
Предстателя предъ Богомъ, патріарха,
Во время службы, въ полномъ облаченьи,
Свели съ амвона, рубищемъ одѣли,
По улицамъ позорно волокли?!
И поднялъ онъ на насъ свою десницу,
И проклялъ всю Москву и въ ней живущихъ,

И, точно камнемъ, придавилъ намъ души
Проклятіемъ... Дѣла и мысли наши,
Утробы всѣ проклятіемъ покрыты;
Молитвы наши къ Богу не доходятъ...

Подьячій

Ты не болталъ бы громко при народѣ,
А то, какъ разъ, въ застѣнокъ попадешь. (*Молчаніе.*)

1-й крестьянинъ.

Ахти, грѣхи! Охъ, Господи помилуй!

2-й крестьянинъ.

Хоть пожевать чего бы, скуки ради.

3-й крестьянинъ.

Вонъ у него за пазухой отдулось...
Что у тебя: мошна или коврига?

1-й крестьянинъ.

Моя мошна-то по людямъ пошла,
Да и домой нейдетъ.

2-й крестьянинъ.

Ты, видно, тоже
Безсребренникъ?

2-й крестьянинъ.

Нагъ золота не копитъ!
Краюха есть въ запасѣ, часомъ съ квасомъ,
А то и такъ. Съ утра пошелъ изъ дома,
А брюхо-врагъ — вчерашняго не помнитъ.

2-й крестьянинъ.

Тащи ее, ломай да намъ давай,
Подѣлимся!

Попъ.

Не о единѣмъ хлѣбѣ...

1-й купецъ.

Да тише вы!

Подьячій.

Вотъ дурья-то порода!
Въ боярскія хоромы затесался,
Сидитъ, какъ гость: кадыкъ-то свой распуститъ,

И не уймешь; не мимо говорится:
„Ты посади свинью...“

1-й крестьянинъ.

Ты не гнѣвися!
Мы замолчимъ; робята, жуйте тише! *(Молчаніе.)*

2-й крестьянинъ.

Чѣмъ такъ сидѣть, давай перебуваться.

1-й купецъ.

Да что, вы въ хлѣвъ зашли?

Подьячій.

Позвать холопей,
Да вытолкать васъ въ шею за ворота.
(Входятъ калачникъ и юродивый.)

Калачникъ.

Судьямъ, дьякамъ и вамъ, отцы честные,
Гостямъ-купцамъ и прочему народу—
До матери сырой земли поклонъ. *(Садится на полъ.)*
Убогонькій, садись со мной рядкомъ!

Юродивый.

Антихриста боюсь!

Коневъ.

А развѣ скоро,
Аѳоня, ждать его?

Юродивый.

Пришелъ нежданный!

1-й купецъ московскій.

Не надивлюсь! Бояринъ, князь Василій
Ивановичъ, людей торговыхъ лучшихъ
Ровняетъ съ площадными торгашами;
Идетъ къ нему и умный, и безумный,
И скоморохъ, и думный дворянинъ.

Калачникъ.

Да ты зачѣмъ къ боярину-то ходишь?
Ума занять?... А я своимъ торгую
По мелочи. Эхъ, бороды большія,
Вы рады бы простой народъ заѣсть,
Да воли нѣтъ!

Мелочной торговецъ *(калачнику)*.

Куда тебя носило?
Ни по торгамъ, ни въ лавкахъ не видать...

Калачникъ.

Я въ Тулѣ былъ.

Мелочной торговецъ.

Зачѣмъ?

Калачникъ.

Хотѣлъ въ казаки...

Юродивый.

Казакъ—полякъ!

Калачникъ.

Полякамъ да казакамъ
Житье пришло, Аѳоня: царь Димитрій.
Впередъ бояръ, къ рукѣ ихъ допущаетъ.
Бояръ казаки чуть не бьютъ...

Юродивый.

Бояринъ—
Татаринъ!

Калачникъ.

Что̀ за диво, что бояре—
Татаровья: царемъ татаринъ былъ!

1-й купецъ московскій.

Что̀ было, то прошло! Теперь Димитрій
Ивановичъ, царевичъ благовѣрный
Отъ племени Владиміра святого...

Юродивый.

Въ могилкѣ Дмитрій!

Подьячій.

Мы тебѣ, блаженный,
И руки свяжемъ, да и ротъ замажемъ...

Калачникъ.

Онъ простенькій, съ него взыскать нельзя.

Коневъ *(даетъ серебряную копейку юродивому)*.

Блаженный, на̀ копеечку! Молися
О грѣшныхъ насъ!

Мелочной торговецъ *(калачнику)*.

Ты говорилъ, въ казаки...

Калачникъ.

Охотой шелъ; да не гораздъ, сказали...

Мелочной торговецъ.

Чего-жъ не стало?

Калачникъ.

Воровать не ловокъ!
Чѣмъ воровать, такъ лучше торговать
Я золотыми угорскими стану.
Цѣна теперь хорошая на нихъ:
Нужда пришла царю нести въ подарокъ.

1-й купецъ московскій.

А калачами полно?

Калачникъ.

Пользы мало.
Вотъ, накупи ты польскихъ кунтушей,
Такъ наживешь, товаръ не залежится!...
Идетъ молва, что князь Рубецъ-Масальскій,
Петръ Ѳедорычъ Басмановъ и другіе
Хотятъ свои боярскіе кафтаны
На кунтуши смѣнять...

Подьячій.

Языкъ-то длинно
Ты распустилъ, держалъ бы покороче.

(Входятъ Осиповъ и дворецкій.)

Осиповъ.

Такъ не бывалъ?

Дворецкій.

Все тамъ еще покуда,
Въ Коломенскомъ стану, у государя.

Осиповъ.

А скоро быть, ты чаешь?

Дворецкій.

Да пора бы;
Ты погляди, его боярску милость
Народу сколько ждетъ—скопились.

Осиповъ.

По что?

Дворецкій.

Наѣхали изъ Новгорода, Пскова
Посадскіе царевича встрѣчать,
Московскіе торговцы площадные,
Крестьянишки изъ ближнихъ деревень,
Попы безъ мѣстъ, дьячишки изъ приказовъ,
Убогіе и всякіе сироты,
И дѣловой, и шлющійся народъ.
Не всякій видѣлъ очи государя,
Димитрія Иваныча, такъ лестно
У нашего боярина провѣдать
Про царское здоровье; не слыхать ли
Про милости какія для народа...
Не обезсудь! Шумъ нѣкакій въ воротахъ,
Такъ побѣжать... Все какъ-то не на мѣстѣ
Душонка-то холопская; все мнится,
Что вотъ наѣдетъ... Обожди часокъ. (*Уходитъ.*)

Осиповъ (*у окна*).

Пріѣхалъ князь. (*Всѣ встаютъ.*)

Калачникъ (*у окна*).

А что-нибудь не ладно!
Угрюмъ старикъ, нависли брови тучей,
Глаза горятъ и скачутъ. Ну, сироты,
Не лучше-ль намъ собираться во-свояси,
Съ добра ума, покуда не прогнали?

1-й купецъ московскій.

Прогонитъ разъ, придемъ къ нему въ другой.

Подьячій.

Тебѣ нужда, а у него ихъ двадцать,
Да не чета бездѣльнымъ нашимъ требамъ.

Всѣ.

Да знамо, знамо, что и говорить!
Такія ли его дѣла!

Подьячій.

Такъ часомъ

И не до насъ... И отдохнуть захочетъ
Отъ дѣлъ житейскихъ.

1-й купецъ.

Человѣкъ бо есть.

Калачникъ.

Го недосугъ, то гнѣвенъ, ну, и въ шею,
Не погнѣвись.

Подьячій.

Да хоть и погнѣвися —
Кому нужда, кого ты испугаешь?

Попъ.

Смиренъ бояринъ, яко голубица,
И благости исполненъ, претворяетъ
Свой гнѣвъ на милость вскорѣ, по писанью:
„Не зайдетъ солнце въ гнѣвѣ вашемъ...“

Калачникъ.

Ну, братъ,
Ты не скажи! *(Дворецкій входитъ.)*

Дворецкій

Идетъ бояринъ, тише!

(Входитъ В. Шуйскій; всѣ кланяются по нѣскольку разъ въ землю.)

Василій Шуйскій *(въ раздумьи, останавливаясь передъ Осиповымъ).*

Никто, какъ Богъ! Никто, какъ Богъ!

Осиповъ.

Бояринъ!
О здравіи твоемъ позволь провѣдать!

Василій Шуйскій *(оглядываетъ всѣхъ, потомъ киваетъ головой къ дверямъ; дворецкій изъза него машетъ рукой).*

Я позову, кого мнѣ нужно будетъ.

(Садится къ столу. Всѣ уходятъ, кромѣ Осипова.)

Осиповъ.

Коль не въ пору, такъ я и ко двору.

Василій Шуйскій.

Нѣтъ, обожди часокъ! За прегрѣшенья
Казнитъ Господь рабовъ своихъ не рѣдко,
Да все не такъ же! Горе всѣмъ живущимъ! *(Молчаніе.)*
Ты былъ въ стану?

Осиповъ.

Я быть-то былъ...

Василій Шуйскій.

Ну, что же?

Осиповъ.

Смѣшеніе языковъ, пѣсни, грохотъ,
Пальба, стрѣльба, бѣсовское гудѣнье!
Далеко гулъ идетъ по чисту полю,
И мать сыра-земля верстъ на семь стонетъ;
Для русскаго крещенаго народа
Позорище противное зѣло!

Василій Шуйскій.

Царя-то видѣлъ?

Осиповъ.

Точно ефіопы,
Кругомъ него поляки да черкасы,
Да казаки донскіе, оттираютъ
И поглядѣть поближе не даютъ. *(Молчаніе.)*

Василій Шуйскій.

Ну, что-жъ молчишь?

Осиповъ.

Спросить бы, да не смѣю.

Василій Шуйскій.

Чего бояться! Развяжи языкъ!

Осиповъ *(подвигаясь къ Шуйскому)*.

Чернецъ?

Василій Шуйскій.

Ну, нѣтъ, не чернецомъ онъ смотритъ...
Ошиблись мы съ Борисомъ. Монастырской
Повадки въ немъ не видно. Рѣчи быстры
И дерзостны, и поступью проворенъ,

Войнолюбивъ и смѣлъ, очами зорокъ,
Орудуетъ доспѣхомъ чище ляховъ
И на коня взлетаетъ, какъ татаринъ;
А чернеца не скоро ты обучишь
Вертѣть конемъ ногайскимъ или саблей.

Осиповъ.

Умомъ я простъ, а душу соблюдаю,
Геэнскаго огня боюсь безмѣрно!
Скажи, кому мы крестнымъ цѣлованьемъ
Свою навѣки душу заручили?

Василій Шуйскій.

Онъ — воръ, не царь, и сходства очень мало
Съ покойникомъ; не царская осанка,
Вертлявъ и говорливъ, и безбородъ,
Обличіе и поступь препростыя,
Не сановитъ, да и лѣтами старше.

Осиповъ.

А кто-жъ бы онъ? Ты какъ мекать изволишь?

Василій Шуйскій.

Крестись, Тимоша!

Осиповъ.

Съ нами крестна сила!

Василій Шуйскій.

Антихристъ онъ или его предтеча.

Осиповъ.

О, Господи помилуй! Эко слово
Ты вымолвилъ!

Василій Шуйскій.

И вѣрить, и не вѣрить
Ты самъ воленъ.

Осиповъ.

Василій, свѣтъ, Иванычъ.
Не мучь меня! Душа велико дѣло.

Василій Шуйскій.

Не знаю, другъ, похоже-то, похоже,
А завѣрять не стану: ошибешься,
Да и тебя введешь въ обманъ и грѣхъ.

Что онъ полякъ и езовитской вѣры —
Вотъ это вѣрно, Богъ тебѣ порукой.

Осиповъ.

Бояринъ, ты убилъ меня! Ну, какъ же
Еретику служить! Святая церковь
Противиться велитъ до смерти крестной.

Василій Шуйскій.

Ты что толкуешь? Умирать за вѣру!
Тебя ли хватитъ на такое дѣло!

Осиповъ.

Въ моей душѣ ты не бывалъ, бояринъ.

Василій Шуйскій.

Ты не смѣши!

Осиповъ.

Ты погоди смѣяться,
Не торопись.

Василій Шуйскій.

Вотъ новый страстотерпецъ!
Въ московскіе угодники задумалъ?
Не къ рылу честь! Такихъ рѣчей нелѣпыхъ
Ни говорить, ни слушать не пригоже...
Служи царю по крестной клятвѣ, вправду,
И всякаго добра ему желай!
Ты — молодой слуга, себѣ ты долженъ
Искать богатства и служилой чести!
Покаешься подъ старость во грѣхахъ;
Служи пока мамону!

Осиповъ.

Ты, бояринъ,
Меня въ тоску вогналъ и закручинилъ,
До слезъ довелъ; мнѣ жизнь теперь постыла.

Василій Шуйскій.

На завтра въѣздъ, такъ приходи къ Пречистой,
Ко всенощной, молиться за царя!

Осиповъ.

Прости, бояринъ. Эко дѣло, право!

(Уходитъ. Входитъ дворецкій.)

Василій Шуйскій.

Пусти Конева! *(Дворецкій уходитъ, входитъ Коневъ.)*
Что, Коневъ, ты скажешь?

Коневъ.

Да что сказать? Въ міру погибла правда,
Просторъ врагу. Бѣсовское мечтанье
Осѣтило проклятую Москву.
Ослѣпъ народъ, и смотритъ, да не видитъ:
Царевичемъ разстригу величаютъ.

Василій Шуйскій.

Неужто всѣ?

Коневъ.

Да, почитай, что всѣ:
Крестьяне сплошь, торговцы мелочные,
Разносчики и площадная голь
Отъ радости ликуютъ, даровое
Зачуявши вино. Изъ нашей братьи
Торгующихъ, бояринъ, двое только
Шатаются: и вѣрятъ, и не вѣрятъ...
Привелъ къ тебѣ.

Василій Шуйскій.

Да люди-то надежны-ль?

Коневъ.

Церковные строители, любимцы
И ближніе святому патріарху,
Ревнители о православной церкви.

Василій Шуйскій.

Ну, милости прошу. Пускай войдутъ.

Коневъ *(отворивъ дверь).*

Не бойтеся боярина, идите! *(Входятъ двое купцовъ.)*

Василій Шуйскій.

Какое ваше дѣло?

1-й купецъ.

Мы, сироты,
За спасеньемъ пришли къ тебѣ, бояринъ.

Василій Шуйскій.

Я вамъ не попъ!

1-й купецъ.

Къ святому патріарху
Ходили мы бывало за совѣтомъ
О всѣхъ дѣлахъ, духовныхъ и мірскихъ...

2-й купецъ.

Женить ли сына, дочь ли выдать замужъ,
Когда купить, когда продать товары
Повыгоднѣй — за всѣмъ къ нему ходили.

Василій Шуйскій.

Чего же вамъ?

1-й купецъ.

Пришли за утвержденьемъ,
На чемъ стоять...

2-й купецъ.

Ты, вмѣсто патріарха,
Отцомъ намъ будь! Наставь и накажи!

Василій Шуйскій.

Какого же вы, братцы, наказанья
Желаете?

1-й купецъ.

Доподлинный царевичъ
Въ Коломенскомъ, иль воръ и чернокнижникъ, —
Смущаемся.

Коневъ.

Увѣрь ты ихъ, бояринъ,
Не вѣрятъ мнѣ, что воръ, разстрига Гришка,
Богдановъ сынъ, Отрепьевъ, по совѣту
Діяволю на царствѣ утвердился.

1-й купецъ.

Бояринъ, такъ?

Василій Шуйскій.

Чего же вамъ еще!

2-й купецъ.

Отрепьевъ ли?

Василій Шуйскій.

Отрепьевъ.

1-й купецъ.

Побожися!
Дай руку!

Василій Шуйскій.

Вотъ рука, зачѣмъ божиться!
Я цѣловалъ икону всенародно
И съ Лобнаго сказалъ, что онъ — Отрепьевъ.

Коневъ.

Ну, слышали?

1-й купецъ.

Спасибо, князь Василій
Ивановичъ! Не погнѣвись за нашу
Любовь къ тебѣ и дурость! Мы, за ласку
Боярскую, челомъ тебѣ! Напредки
Не оставляй насъ, мужиковъ...

2-й купецъ.

Бояринъ,
А жить-то какъ? Приказывай! Что скажешь,
Тому и быть.

Василій Шуйскій.

Живите, какъ хотите.
Терпи, поколь потерпится.

1-й купецъ.

А если...

Василій Шуйскій.

Никто, какъ Богъ, и конченъ разговоръ!

2-й купецъ.

Мы въ Старицу сбираемся, бояринъ,
Въ темницѣ патріарха навѣстить.
Допустятъ ли насъ къ Іову?

Василій Шуйскій.

Пытайтесь!

Коневъ.

Не будетъ ли приказу отъ тебя?

Василій Шуйскій.

Приказу нѣтъ. Поклонъ земной свезите
(Кланяется, касаясь рукой до земли.)

И нерушимое благословенье
Мнѣ попросите!

Коневъ и купцы.

Съ миромъ оставайся! *(Уходятъ.)*

Василій Шуйскій *(одинъ)*.

Сегодня трое, завтра будетъ больше,
А черезъ мѣсяцъ вся Москва—моя.
Безвѣстный царь, бродяга безыменный,
Душой полякъ: какъ дѣвка, малодушенъ;
Какъ малолѣтокъ, падокъ на утѣхи;
Какъ скоморохъ, безъ разума проворенъ;
Какъ пьяный дьякъ, болтаетъ безъ умолку.
Онъ вскормленникъ прямой пановъ хвастливыхъ!
Не долго ждать, онъ прыть свою покажетъ,
И скоро людъ московскій, православный,
Безчинія такого на престолѣ
Насмотрится, чего во снѣ не снилось!
Забвенія отеческихъ преданій,
Кощунства иноземцевъ надъ святыней,
На грозномъ тронѣ шутовскихъ забавъ
Народъ не любитъ. Грозному Ивану
Народъ простилъ распутства, злодѣянья,
Мучительства безропотно стерпѣлъ—
За сановитость царскую, за строгость
Его лица и поступи, за чинность
И набожность. Москва привыкла видѣть,
Какъ царь ея великій, православный,
На высотѣ своей недостижимой,
Одной святынѣ молится съ народомъ,
Уставы церкви строгіе блюдетъ,
По праздникамъ духовно веселится,
А въ дни поста, въ смиренномъ одѣяньи,
Съ народомъ вмѣстѣ каяться идетъ;
Но скомороха на престолѣ царскомъ
Терпѣть не станетъ! Рано или поздно,
Бродяга, царь московскій самовольный,
Поплатится удалой головой.
Потомъ... потомъ... я—царь. Начнется снова
И благолѣпіе, и чинность, и порядокъ.

По-старому мы царствовать начнемъ,
По-старому, въ день нашего вѣнчанья,
По всей Руси, подъ колокольный звонъ,
Польются милости народу щедро;
По-старому грозить полякамъ будемъ,
Пугать татаръ; по-старому... бояться
Измѣнниковъ!.. волжбы и чародѣйства!
По-старому... боярская крамола!
О, Господи!.. измѣны да опалы!
Ха-ха, ха-ха! Тревоги да крамолы!
Бояться ихъ? Рожденному на тронѣ
Тяжка она—корона Мономаха!
А мнѣ, рабу, холопу Годунова,
Почувствовать себя хоть разъ владыкой,
Почувствовать, что между мной и Богомъ
Ни власти нѣтъ, ни силы! О! . Какихъ же
Тревогъ, заботъ я побоюсь, какими
Крамолами во мнѣ смутится сердце?
Рѣшился я! Отнынѣ каждый помыслъ
И каждый шагъ ведутъ меня къ престолу;
Умомъ, обманомъ, даже преступленьемъ
Добьюсь вѣнца. О, Господи! помилуй
Насъ, грѣшниковъ! *(Молчаніе.)*

Богданко, гдѣ ты?

(Входитъ дворецкій.)

Дворецкій.

Ась?

Василій Шуйскій.

Зови народъ! Кого, чего имъ нужно?
Калачника съ блаженнымъ на поварнѣ
И накормить, и ночевать оставить,
И рано утромъ привести ко мнѣ.

(Дворецкій отворяетъ дверь: входятъ купцы, подъячіе, странники и проч.)

Василій Шуйскій.

Ну, живы-ль вы?

Купцы.

По милости Господней!

Василій Шуйскій.

Ходили въ станъ?

Купцы.

Ходили. Всѣ ходили.

Василій Шуйскій.

А грамоты вамъ чли? Царевичъ Дмитрій
И пошлины, и подати во льготѣ
И облегченьи учинить велѣлъ,
По милости своей и по совѣту
Бояръ великихъ. Ну, вы рады?

Купцы.

Рады—
Благодаримъ небеснаго Царя.

Василій Шуйскій *(прочимъ)*.

Крестьяне, вамъ, и вамъ, отцы честные.
И вамъ, и вамъ—всѣмъ будетъ хорошо! *(Купцамъ.)*
Ну, вотъ у васъ и денегъ больше будетъ,
И животовъ прибудетъ.

Купцы.

Мы, бояринъ,
Отъ радости себя не помнимъ.

Василій Шуйскій.

То-то-жъ!
За деньги-то, смотрите, не продайте
Чего другого, что̀ дороже денегъ.

Купцы.

Хоть умереть, а не понять ни за́ что
Твоихъ рѣчей.

Василій Шуйскій.

Захочешь, такъ поймешь.
Душа нужна, а деньги—тлѣнъ.

Подьячій.

Бояринъ,
Я, многогрѣшный Богови и грубый,
Писаніемъ предати покусихся—
Читающимъ на пользу и на память—
Восшествіе исконнаго царя
На прародительскія царства, еже
Очима видѣхомъ... *(Подаетъ свитокъ.)*

Василій Шуйскій.

Запѣлъ ты рано!
Не торопись! Не въ сутки городъ строятъ.
Не подъ дождемъ, мы лучше подождемъ.
(Отдаетъ свитокъ.)
Ты черезъ годъ приди, я почитаю.

Купецъ.

Кругомъ царя мы иновѣрцевъ видимъ;
Дозволь спросить, прилеженъ ли Димитрій
До церкви Божьей?

Василій Шуйскій.

Царь благочестивый
И набожный: съ нимъ два попа латинскихъ...
Ну, съ Богомъ! Эй, Богданко! Бочку меду
Имъ выкати! Да потчуй хорошенько,
Чтобъ пили всѣ за царское здоровье.

(Машетъ рукой, всѣ уходятъ съ поклонами. Входитъ быстро Дмитрій Ивановичъ Шуйскій.)

Дмитрій Шуйскій.

Василій, братъ, за что жѐ ты остатокъ
Широкаго и славнаго потомства
Василія Кирдяпы вдостоль губишь!
Послѣдніе мы четверо остались
Безъ племени...

Василій Шуйскій.

Да что, какъ угорѣлый,
Ты мечешься?

Дмитрій Шуйскій.

Изъ стана я, Василій...
Душа моя во мнѣ захолодѣла.
Послушай ты меня!

Василій Шуйскій.

Тебя послушать,
Такъ добраго не ждать! Ты, Дмитрій, глупъ.

Дмитрій Шуйскій.

Я глупъ не глупъ, а голову жалѣю.
Въ запасѣ нѣтъ, всего одна на плечахъ.

Вотъ ты уменъ, а надъ собой не видишь
Погибели. Четвертый день мы ѣздимъ
Съ поклономъ въ станъ, а проку что? Все хуже:
Между бояръ смѣшки идутъ да шопотъ;
А царь, что день, грознѣе да грознѣе.
Чѣмъ это пахнетъ? Плахой, либо ссылкой
И вѣчною опалой!

Василій Шуйскій.

Плакать, что ли,
И кланяться?

Дмитрій Шуйскій.

Иди скорѣй на площадь,
Сбирай народъ, клянись передъ иконой,
Что въ Угличѣ ты хоронилъ другого,
Что Дмитрій живъ, что подлинный царевичъ,
Царя Ивана сынъ, на тронъ вступаетъ!
Винись во всемъ; скажи, что страха ради
Борисова—вы лгали съ патріархомъ.
Иди теперь, а завтра будетъ поздно.
Богдашка Бѣльскій да Голицынъ Васька
По площадямъ и въ улицахъ московскихъ
Одно твердятъ, что Шуйскій съ патріархомъ
Измѣнники царевы, обманули
И довели до клятвопреступленья
Народъ въ Москвѣ; а ты молчишь и губишь
Себя и насъ!

Василій Шуйскій.

А чѣмъ же мнѣ заплатятъ
За ложь мою? Насмѣшками, что поздно
Опомнился, что раньше нужно было
Покаяться. Меня на то и ловятъ,
Да не поймать! Я даромъ лгать не стану.
Я хоронилъ царевича; я знаю,
Кто живъ, кто нѣтъ; одинъ я правду знаю...
Имъ ложь нужна, а я почетъ люблю.
Я подожду, куда мнѣ торопиться;
Придетъ пора и правда пригодится.

Дмитрій Шуйскій.

Опомнись, братъ! Мы на́ волосъ отъ смерти.

Василій Шуйскій.

Ужъ лучше смерть; позоръ еще тяжелѣ!
Не сладко жить безъ чести, быть холопомъ
Басманова и Бѣльскаго съ Масальскимъ!
А говорятъ: „спесивый Дмитрій Шуйскій!“
Ну, гдѣ же спесь твоя? Лишь въ томъ, что кверху
Ты бороду дерешь, да слова толкомъ
Не вымолвишь, ворчишь, какъ котъ запечный!

Дмитрій Шуйскій.

Да не до жиру, братъ, а быть бы живу!

Василій Шуйскій.

Не Шуйскій ты! Нашъ родъ въ послѣднихъ не былъ;
Не мало насъ погибло смертной казнью;
Мы шли на смерть, а чести не теряли.
(Благовѣстъ. В. Шуйскій крестится, беретъ шапку и трость.)
Ко всенощной! Помолимся усердно
Предъ Господомъ о крѣпости и силѣ
Въ борьбѣ съ врагомъ. Для насъ теперь, Димитрій,
Нѣтъ выбора другого; или плаха,
Иль золотая шапка Мономаха! *(Уходятъ.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Дмитрій Ивановичъ, самозванецъ.
Мстиславскій, князь Ѳедоръ Ивановичъ.
Шуйскій, князь Василій Ивановичъ.
Шуйскій, князь Дмитрій Ивановичъ.
Голицынъ, князь Василій Васильевичъ.
Воротынскій, князь Иванъ Михайловичъ
Куракинъ, князь Иванъ Семеновичъ.
Рубецъ-Масальскій, князь Василій Михайловичъ.
Басмановъ, Петръ Ѳедоровичъ.
Бѣльскій, Богданъ Яковлевичъ.
Янъ Бучинскій, секретарь Дмитрія.
Яковъ Маржеретъ, капитанъ нѣмецкой роты.
Корела, донской атаманъ.
Кунька, запорожскій атаманъ.
Савицкій, іезуитъ.
Коневъ.
Калачникъ.

Десятскіе. Венгры. Поляки. Запорожцы. Казаки. Татары. Нѣмцы. Польскіе латники. Бояре. Дворяне. Купцы. Стрѣльцы и всякій народъ обоего пола.

Кремль.

(20-го іюня 1605 года).

Налѣво дворецъ, направо Архангельскій соборъ; у Краснаго крыльца Маржеретъ *и нѣмецкая стража; отъ крыльца до собора стрѣльцы и польскіе латники. Вся площадь и зданія покрыты народомъ; впереди между народомъ* Коневъ *и* Калачникъ. *Колокольный звонъ и музыка. Бояре* Мстиславскій, Василій *и* Дмитрій Шуйскіе, Воротынскій, Голицынъ, Куракинъ, Масальскій, Бѣльскій *выходятъ изъ Успенскаго собора и становятся подлѣ крыльца.* Мстиславскій, *въ сопровожденіи двухъ бояръ, идетъ во дворецъ и возвращается съ хлѣбомъ и солью. На ступеняхъ крыльца* Савицкій.

Голоса въ народѣ.

Къ Архангелу, къ родителямъ пошелъ!

Голицынъ.

Пора взыграть и солнышку надъ нами!
Въ часъ утренній, съ высокихъ сихъ ступеней,
При яркомъ блескѣ солнца надъ Москвой,
Прошедшее какимъ-то сномъ тяжелымъ,
Мучительнымъ, минувшимъ невозвратно,
Мнѣ кажется. Великіе потомки
Князей удѣльныхъ и бояръ исконныхъ,
Мы не жили, мы только трепетали!
Не сонъ ли то, что царь Иванъ нарочно,
По выбору, губилъ мужей совѣта
И воеводъ безтрепетныхъ во браняхъ?

Куракинъ.

Ему царей татарскихъ покоряютъ
И города нѣмецкіе берутъ,
Отъ крымскихъ ордъ Москву оберегаютъ.
А онъ, едва опомнившись отъ страха,
На сковродахъ желѣзныхъ воеводъ
Огнемъ палитъ и угли подгребаетъ!

Воротынскій.

Напомнилъ ты родителя кончину,
Побѣдоносца князя Михаила!
Иваныча, спасителя Россіи,
И опечалилъ сыну ясный день.

Бѣльскій.

А легче-ль намъ отъ Годунова было?
Ты то скажи, Ивана-то оставь.

Голицынъ.

Терпѣли мы владыкъ своихъ законныхъ
Столѣтній гнѣвъ, потомковъ Мономаха,
А выходцевъ ордынскихъ съ корнемъ вонъ.

Бѣльскій.

Охъ, рѣчи смѣлы!

Голицынъ.

Время таково.
Ты не привыкъ; ну, ничего привыкнешь.

Куракинъ.

Къ мучительству труднѣе привыкать,
А къ волѣ легче.

Голицынъ.

Да, настало время
Вздохнуть и намъ. Димитрій, Богомъ данный,
Видалъ иныя царства и уставы,
Иную жизнь боярства и царей;
Оставитъ онъ татарскіе порядки;
Народу льготы, намъ, боярамъ, вольность
Пожалуетъ; вкругъ трона соберетъ
Блистательный совѣтъ вельможъ свободныхъ,
А не рабовъ, трепещущихъ и льстивыхъ,
Иль бражниковъ опричины кровавой,
На всѣхъ концахъ Россіи проклятой.

Мстиславскій.

Веселый день!

Василій Шуйскій.

И царь у насъ веселый:
Самъ молится, а музыка играй!
Повеселить отцовъ и дѣдовъ хочетъ.
Давно они въ тиши гробницъ смиренно,
Подъ пѣніе молебное, подъ дымомъ
Кадильныхъ ароматовъ, почиваютъ,
И музыки доселѣ не слыхали...
Прими, Господь, и упокой ихъ души,
Князей великихъ, сродниковъ моихъ,
Царей, царицъ и чадъ ихъ благовѣрныхъ,
Скончавшихся и здѣсь похороненныхъ,
Царя Ивана, Ѳедора царя!

Мстиславскій.

Не ладно, князь Василій, княжъ Иванычъ!
Ты знаешь самъ, въ день радости царевой
Рѣчей и лицъ печальныхъ не бываетъ;
Всѣ веселы.

Василій Шуйскій.

Промолвился оплошкой.

Бѣльскій.

Въ церквахъ поютъ заздравные молебны,
А онъ оплошкой панихиду началъ.

Басмановъ.

О здравіи молись! За упокой-то
Ты сродниковъ своихъ помянешь послѣ.

Масальскій.

Ты подожди родительской субботы.

Дмитрій Шуйскій.

Обмолвился, не всяко лыко въ строку.

Бѣльскій.

Царя Ивана рано позабыли:
Оплошекъ не было; за нихъ онъ на колъ
Сажалъ бывало.

Василій Шуйскій.

Нѣтъ, Иванъ-то только
Приказывалъ, сажалъ-то ты съ Малютой
Скуратовымъ.

Мстиславскій.

Молчать бы намъ, бояре,
Пригожѣе.

Василій Шуйскій.

Я замолчу, я смиренъ.

Басмановъ.

Не бойся злой собаки, бойся смирной.

Куракинъ *(тихо Голицыну)*.

А Бѣльскій все Ивана вспоминаетъ;
Кому что̀ мило, тотъ про то и грезитъ.

Голицынъ.

У нихъ въ крови съ Басмановымъ холопство;
По ихъ уму: не хамъ — такъ не слуга.

Масальскій *(тихо Басманову)*.

А Шуйскій все родней своей кичится.

Басмановъ.

Какъ ни кичись, роднѣй родного сына
Не сдѣлаться.

Дмитрій Шуйскій *(тихо Василію Шуйскому).*

Голицынымъ все воли
Недостаетъ.

Василій Шуйскій.

По Курбскому пошли;
Литва мила, завидно панамъ-радѣ!

Десятскіе *(у собора).*

Идетъ, идетъ! Давай дорогу шире!
Проваливай!

Калачникъ.

Да ты лупи ихъ крѣпче!
Затылокъ нашъ къ побоямъ притерпѣлся.
Ты православной шеи не жалѣй!

(Дмитрій выходитъ изъ собора; за нимъ бояре и дворяне. Бучинскій, поляки, венгры, запорожскіе и донскіе атаманы Корела и Кунька. Звонъ и музыка.)

Весь народъ.

Отецъ ты нашъ! ты наше солнце красно!

Мстиславскій.

Пресвѣтлый царь и князь великій, Дмитрій
Ивановичъ!...

(Дмитрій останавливается передъ Маржеретомъ.)

Василій Шуйскій.

Не торопись, поспѣешь!
Боярамъ честь потомъ, а нѣмцамъ прежде.
Дай съ нѣмцами ему наговориться.

Дмитрій.

Ну, Маржеретъ, мой храбрый капитанъ!
Вы — молодцы, вы бьетесь лучше русскихъ.
Ты — мой слуга! Я знаю, ты не станешь
Жалѣть враговъ моихъ; а такъ же больно
Побьешь и ихъ, какъ насъ тогда побили
Въ Добрыничахъ. Ты что на это скажешь?

Маржеретъ.

Votre Majesté! Доколѣ капля крови
Французская останется во мнѣ,
Я вашъ слуга; я только жажду часу,

Чтобъ показать предъ вашими глазами
И преданность французскую, и храбрость,
И умереть предъ вашимъ Majesté!

Дмитрій.

Добрынской битвы долго не забудешь!
Побили насъ! О Боже, якъ побили!
(Обращаясь къ Куцкь.)
Надѣйся вотъ на этихъ атамановъ;
Вы, лыцарство, всѣхъ прежде утекли.

Куцька.

Да дуже-жъ бьются нѣмци, вражи диты.

Дмитрій.

Впередъ бѣгутъ, какъ дурни, запорожцы;
За ними вслѣдъ донскіе казаки.

Корела.

И побѣжишь! Крещеные мы люди,
А нѣмцамъ чтò... имъ черти помогаютъ.

Куцька.

Ось такъ! Ось такъ! Корела правду каже,
Якъ бы не бисъ, мы-бъ, мабуть, не втекли.

Дмитрій *(Маржерету)*.

Придетъ пора, тогда тебя я вспомню;
И здѣсь, въ Москвѣ,— среди своихъ дѣтей,
Я мнѣ не нужно иноземной стражи;
А вотъ начнемъ войну съ султаномъ турскимъ,
Тогда пойдемъ, мой храбрый Маржеретъ,
Зубрить мечи и бердыши стальные
О бритые затылки бесерменъ.
Мнѣ хочется помѣряться съ тобою;
Ты храбръ, а я завистливъ; ты, я знаю,
Доволенъ будешь мной, jak Boga kocham!

Маржеретъ.

Vive l'Empereur! *(Солдатамъ.)* Ruft: hoch! vivat der Kaiser!

Нѣмцы.

Vivat! hoch! hoch!

Калачникъ.

Заохали, собаки. *(Въ народъ смѣхъ.)*

Мстиславскій.

Пресвѣтлый царь и князь великій, Дмитрій
Ивановичъ, всея Руссіи, Божьимъ
Произволеньемъ чудно сохраненный
И покровенный крѣпкою десницей
Нашъ государь и самодержецъ, нынѣ
Пожалуй насъ, вступи въ свои хоромы
И на отеческомъ престолѣ сядь!

Дмитрій.

Мнѣ Богъ вручилъ московскую державу
И возвратилъ родительскій престолъ.
Отъ юныхъ лѣтъ невидимою силой
Я сохраненъ для царскаго вѣнца.
Изгнанникомъ безвѣстнымъ я покинулъ
Родной земли предѣлы — возвращаюсь
Непобѣдимымъ цесаремъ, карая
Враговъ своихъ и милуя покорныхъ,
И радостно вступаю въ отчій домъ
Творить и судъ и милость.
Вамъ, бояре,
Мы скажемъ завтра жалованье наше.
Сегодня пиръ; гостей иноплеменныхъ
Мы удивимъ московскимъ хлѣбосольствомъ. *(Къ народу.)*
По площадямъ велю вина поставить —
Гуляйте всѣ съ утра до поздней ночи
На радости о нашемъ возвращеньи.

Народъ.

Храни тебя Господь на многи лѣта
И одолѣнье даруй надъ врагомъ!

Бѣльскій.

Великій царь, дозволь ты мнѣ, холопу,
Усердіе явить передъ тобою!
Мы, государь, съ Басмановымъ, съ Масальскимъ,
Хотимъ сказать къ народу — благо много
Сошлось съ окольныхъ деревень —
И съ Лобнаго поклясться всенародно *(срывая съ шеи крестъ)*,
Цѣлуя сей животворящій крестъ,

Чтобъ показать предъ вашими глазами
И преданность французскую, и храбрость,
И умереть предъ вашимъ Majesté!

Дмитрій.

Добрынской битвы долго не забудешь!
Побили насъ! О Боже, якъ побили!
(Обращаясь къ Куцкѣ.)
Надѣйся вотъ на этихъ атамановъ;
Вы, лыцарство, всѣхъ прежде утекли.

Куцька.

Да дуже-жъ бьются нѣмци, вражи диты.

Дмитрій.

Впередъ бѣгутъ, какъ дурни, запорожцы;
За ними вслѣдъ донскіе казаки.

Корела.

И побѣжишь! Крещеные мы люди,
А нѣмцамъ что... имъ черти помогаютъ.

Куцька.

Ось такъ! Ось такъ! Корела правду каже,
Якъ бы не бисъ, мы-бъ, мабуть, не втекли.

Дмитрій *(Маржерету)*.

Придетъ пора, тогда тебя я вспомню;
И здѣсь, въ Москвѣ,— среди своихъ дѣтей,
Я мнѣ не нужно иноземной стражи;
А вотъ начнемъ войну съ султаномъ турскимъ,
Тогда пойдемъ, мой храбрый Маржеретъ,
Зубрить мечи и бердыши стальные
О бритые затылки бесерменъ.
Мнѣ хочется помѣряться съ тобою;
Ты храбръ, а я завистливъ; ты, я знаю,
Доволенъ будешь мной, jak Boga kocham!

Маржеретъ.

Vive l'Empereur! *(Солдатамъ.)* Ruft: hoch! vivat der Kaiser!

Нѣмцы.

Vivat! hoch! hoch!

Калачникъ.

Заохали, собаки. *(Въ народъ смѣхъ.)*

Мстиславскій.

Пресвѣтлый царь и князь великій, Дмитрій
Ивановичъ, всея Руссіи, Божьимъ
Произволеньемъ чудно сохраненный
И покровенный крѣпкою десницей
Нашъ государь и самодержецъ, нынѣ
Пожалуй насъ, вступи въ свои хоромы
И на отеческомъ престолѣ сядь!

Дмитрій.

Мнѣ Богъ вручилъ московскую державу
И возвратилъ родительскій престолъ.
Отъ юныхъ лѣтъ невидимою силой
Я сохраненъ для царскаго вѣнца.
Изгнанникомъ безвѣстнымъ я покинулъ
Родной земли предѣлы — возвращаюсь
Непобѣдимымъ цесаремъ, карая
Враговъ своихъ и милуя покорныхъ,
И радостно вступаю въ отчій домъ
Творить и судъ и милость.
Вамъ, бояре,
Мы скажемъ завтра жалованье наше.
Сегодня пиръ; гостей иноплеменныхъ
Мы удивимъ московскимъ хлѣбосольствомъ. *(Къ народу.)*
По площадямъ велю вина поставить —
Гуляйте всѣ съ утра до поздней ночи
На радости о нашемъ возвращеньи.

Народъ.

Храни тебя Господь на многи лѣта
И одолѣнье даруй надъ врагомъ!

Бѣльскій.

Великій царь, дозволь ты мнѣ, холопу,
Усердіе явить передъ тобою!
Мы, государь, съ Басмановымъ, съ Масальскимъ,
Хотимъ сказать къ народу — благо много
Сошлось съ окольныхъ деревень —
И съ Лобнаго поклясться всенародно *(срывая съ шеи крестъ)*,
Цѣлуя сей животворящій крестъ,

Что ты нашъ подлинный царевичъ Дмитрій,
Почившаго царя Ивана сынъ.

Дмитрій.

Зачѣмъ скакать и всенародно клясться!
Народъ меня не позабылъ и любитъ.
Ты видѣлъ самъ сегодняшнюю встрѣчу,
И моего приказу нѣтъ тебѣ.
Но если ты усердствовать желаешь,
Благодарю, я воли не снимаю,
Скачи къ народу, говори, что̀ знаешь...
Идемъ наверхъ!

Іезуитъ.

Te Deum laudamus!

Дмитрій.

За нами, pater! *(Уходитъ во дворецъ, за нимъ Мстиславскій, Голицынъ, Д. Шуйскій, Воротынскій, Куракинъ и другіе; В. Шуйскій останавливается на слова Бѣльскаго.)*

Бѣльскій *(Басманову).*

Ѣдемъ! *(Шуйскому).* Князь Василій!
За нами, что̀-ль? Оно бы не мѣшало
Поправить грѣхъ, покаяться народу.

Василій Шуйскій.

Не ты-бъ мололъ, не я бы это слушалъ!
Тебѣ учить меня не довелось.
Я старъ, Богданъ, да на подъемъ не легокъ.
Басмановъ и Масальскій помоложе,
И молода боярская ихъ честь;
Ну, пусть они и скачутъ въ перегонку
Съ черкасами и польскими панами;
А мнѣ съ Мстиславскимъ въ царскія хоромы —
Хозяина встрѣчать. *(Остальнымъ боярамъ.)*
Идемъ, бояре! *(Уходятъ.)*

Бѣльскій.

Петръ Ѳедорычъ, ты — ближній государю,
Ужли стерпѣть обиду отъ Василья?

Масальскій.

Не выдай насъ! Тебѣ стерпѣть обиду,
Такъ намъ житья отъ Шуйскихъ не видать.

Басмановъ.

Нѣтъ, я не дамъ себя обидѣть даромъ,
Не дамъ себѣ дорогу перейти.
Я поклялся царю и государю
Беречь его и выводить измѣну;
Измѣнниковъ найду я въ думѣ царской
И выведу царю измѣну ихъ. *(Подходитъ десятскій.)*
Чего тебѣ? Что̀ надо?

Десятскій.

Мы, бояринъ,
Петръ Ѳедорычъ, купчину изымали:
Мутилъ народъ и пустошныя вѣсти
Разсказывалъ о старомъ патріархѣ.

Басмановъ

Кто онъ такой?

Десятскій.

Прозваніемъ — Коневъ.

Басмановъ.

Хоть побожусь, что онъ подосланъ Шуйскимъ.
Ко мнѣ его, а вечеромъ къ допросу.
Поѣдемте! *(Полякамъ.)* Поѣдемте, паны!

Бучинскій.

Пахоликъ, коня!

Запорожцы.

Хлопцы! Коней живо! *(Уходятъ.)*

Сцена 3-я.

ЛИЦА.

Дмитрій Ивановичъ, самозванецъ.
Басмановъ, Петръ Ѳедоровичъ.
Савицкій, іезуитъ.
Янъ Бучинскій, секретарь Дмитрія.

Золотая палата.

(21-го іюня 1605 года.)

Дмитрій *и* Басмановъ *входятъ.*

Дмитрій.

Такъ вотъ она — палата крѣпкой власти
И грозныхъ думъ, святой и неприступный
Пріютъ царей!... По золотому полю
Тяжелое и строгое письмо...
Такъ прочно все, такое вѣковое!
Вотъ старый тронъ; на немъ мой братъ Ѳеодоръ
Сидѣлъ въ мечтахъ о житіи небесномъ,
О царственныхъ заботахъ не радѣя.
Отецъ Иванъ для буйствъ своихъ татарскихъ
Святую тишь палаты покидалъ
И въ слободѣ кромѣшной запирался;
А здѣсь сидѣлъ, посаженный для смѣха,
Крещеный царь татарскій, богомольный,
Судилъ народъ и жилъ благочестиво...
Гдѣ онъ теперь?

Басмановъ.

Про князя Симеона
Ты спрашивать изволишь? Годуновымъ
Онъ сосланъ былъ: Борисъ его боялся.
Онъ въ отчинѣ, въ Кушалинѣ селѣ;
Слѣпой старикъ едва волочитъ ноги.

Дмитрій *(съ усмѣшкой).*

Великій князь и царь всея Россіи —

Въ изгнаніи! Гонцовъ къ нему отправить,
Привезть опять въ Москву съ большимъ почетомъ
И величать попрежнему царемъ.

Басмановъ.

Но, государь...

Дмитрій.

Басмановъ! Мнѣ-ль бояться
Татарина! Я не Борисъ. Я милость
Дарую всѣмъ опальнымъ годуновскимъ!
Довольно мукъ, Басмановъ!
Нынѣ милость,
Одна лишь милость царствуетъ надъ вами.

Басмановъ.

Ты милостью себя навѣкъ прославишь,
Но безъ грозы ты царствомъ не управишь.

Дмитрій.

Не диво мнѣ такія рѣчи! Править
Вы знаете одно лишь средство — страхъ!
Вездѣ, во всемъ вы властвуете страхомъ:
Вы женъ своихъ любить васъ пріучали
Побоями и страхомъ; ваши дѣти
Отъ страха глазъ поднять на васъ не смѣютъ;
Отъ страха пахарь пашетъ ваше поле;
Идетъ отъ страха воинъ на войну;
Ведетъ его подъ страхомъ воевода;
Со страхомъ вашъ посолъ посольство правитъ;
Отъ страха вы молчите въ думѣ царской!
Отцы мои и дѣды, государи,
Въ ордѣ татарской, за широкой Волгой,
По ханскимъ ставкамъ страха набирались
И страхомъ править у татаръ учились.
Другое средство лучше и надежнѣй —
Щедротами и милостью царить.

Басмановъ.

Великій царь, являй свои щедроты
И милости несчетныя; но, ради
Сиротъ твоихъ, для нашего спокоя,
Жалѣй свою вѣнчанную главу! *(Становится на колѣни.)*

Не дай расти и созрѣвать измѣнѣ!
Измѣнниковъ казни!

Дмитрій *(быстро)*.

А гдѣ измѣна?
Измѣнникъ кто?

Басмановъ.

Бояринъ твой великій,
Василій Шуйскій. Прослѣдилъ измѣну
И вывелъ я; она ясна, какъ день

Дмитрій.

Не вѣрю я. Владычество тирана
Пугливаго васъ пріучило видѣть
Измѣнниковъ вездѣ.

Басмановъ.

Бояръ пронырство
Невѣдомо тебѣ, ты съ нами не жилъ.
Грозна была опала государей,
Родителей твоихъ, и Годунова;
Но если-бъ знать ты могъ бояръ крамольныхъ
Всѣ помыслы, ты казнямъ бы Ивана
Не подивился. Въ самой преисподней,
На самомъ днѣ клокочущаго ада,
Не выковать такихъ сѣтей, какими
Они тебя и Русь опутать могутъ.
Великій царь, не вѣрь своимъ боярамъ,
Не вѣрь рѣчамъ, улыбкамъ и поклонамъ,
Казни ты ихъ направо и налѣво,
А Шуйскаго впередъ — онъ всѣмъ начало.

Дмитрій.

Ужасенъ смыслъ рѣчей твоихъ, Басмановъ!
Ты холодомъ меня обвѣялъ. Думалъ
Я милостью привлечь сердца народа,
А ты казнить велишь.

Басмановъ.

Я умоляю.

(Входитъ іезуитъ Савицкій

Дмитрій *(Басманову)*.

Я никого не осужу одинъ
И не пролью ни капли крови русской!
Надъ Шуйскимъ судъ назначить въ нашей думѣ
Изъ выборныхъ отъ всѣхъ чиновъ народа,
И дать ему всѣ средства оправдаться.
Оставь меня! Бучинскаго пошли. *(Басмановъ уходитъ.)*
Ты здѣсь былъ, pater?

Іезуитъ.

Какъ тебѣ угодно:
Коль хочешь — здѣсь, не хочешь — нѣтъ меня,
Monarcha invictissime!

Дмитрій.

Свершились
Пророчества твои: престолъ московскій
Мы заняли.

Іезуитъ.

Что трудно человѣку,
То Господу легко. Небесный промыслъ
Ведетъ тебя путемъ прямымъ и вѣрнымъ
Къ величію; да вѣдаютъ народы,
Что твой оплотъ, что твой руководитель
Не есть иной кто, nisi Deus noster!
Да вѣдаешь и ты, что избранъ Богомъ
Для дѣлъ великихъ. Ни мірская слава,
Ни громъ побѣдъ да не прельстятъ тебя!
Святая церковь ждетъ побѣдъ духовныхъ;
Давно умы святѣйшихъ нашихъ папъ
Обращены на этотъ сѣверъ дальній;
Давно они московскихъ государей,
Схизматиковъ, апостольскаго трона
Чуждавшихся, къ спасенію зовутъ,
И, scilicet, къ спасенью ихъ народовъ.
И нынѣ нашъ universalis pater,
Святѣйшій Павелъ Пятый, умоляетъ
Всевышняго, да даруетъ онъ силу
Димитрію, второму Константину,
Овецъ заблудшихъ дома своего
Привесть къ стопамъ намѣстника Христова!

Дмитрій *(разсѣянно)*.

Бучинскаго ко мнѣ!

Іезуитъ *(пожимая плечами)*.

Онъ — лютеранинъ! *(Уходитъ.*
Бучинскій входитъ.)

Дмитрій.

На Шуйскаго доносъ; но я не вѣрю
Басманову: онъ ослѣпленъ враждою
И слишкомъ преданъ мнѣ. Василій Шуйскій
Умнѣе всѣхъ бояръ: его осудятъ,
Сомнѣнья нѣтъ. И вотъ, Бучинскій, средство
Изъ бывшаго врага мнѣ сдѣлать друга
И лучшаго слугу!
Поздравить папу
Со днемъ вступленья на престолъ Петра.
Пиши ему учтивостей побольше!
А вмѣсто прежнихъ нашихъ обѣщаній —
Вводить латинство, мы теперь напишемъ,
Что мы не праздны на престолѣ царскомъ,
Что мы, для пользы и для блага церкви,
Хотимъ начать войну съ султаномъ турскимъ.
А между тѣмъ, поди, скажи Игнатью,
Чтобъ грамоты теперь же заготовилъ
И разослалъ, какъ будетъ патріархомъ,
По городамъ, чтобы молебны пѣли
За насъ, царя и за царицу-мать,
И Господа просили, да возвыситъ
И вознесетъ онъ царскую десницу
Надъ бесерменствомъ и латинствомъ.

Бучинскій.

Мудрость
Въ лицѣ твоемъ возсѣла на престолѣ

Дмитрій.

Поди, пиши, Бучинскій! *(Бучинскій уходитъ.)*
Сиротливо
Въ душѣ моей! Расписанные своды
Гнетутъ меня, и непривѣтно смотрятъ,
Не родственно, таинственные лики

Изъ темной позолоты стѣнъ угрюмыхъ...
Мнѣ рада Русь, но ты, холодный камень,
Святымъ письмомъ расписанный, ты гонишь,
Ты трепетомъ мою обвѣялъ душу —
Я здѣсь чужой! Сюда безъ страха входятъ
Отшельники святые только, или
Московскіе законные цари...
Гляжу и жду, что съ низенькаго трона
Сухой старикъ, съ орлиными глазами,
Поднимется и взглянетъ грозно... грозно!
И зазвучитъ подъ сводами глухими
Презрительно-насмѣшливая рѣчь:
„Зачѣмъ ты здѣсь? Столѣтними трудами
„И бранями потомство Мономаха,
„Среди лѣсовъ Сарматіи холодной,
„Поставило и утвердило тронъ,
„Блистающій нетлѣнными вѣнцами
„Святыхъ князей, замученныхъ въ Ордѣ,
„Окутанный одеждой херувимской
„Святителей и чудотворцевъ русскихъ,—
„Гремящій тронъ! Кругомъ его подножья
„Толпы князей, склоненныя, трепещутъ
„Въ молчаніи... Бродяга безбородый!
„Легко тебѣ, взлелѣянному смутой,
„Внесенному бурливыми волнами
„Бунтующей Украйны въ сердце Руси,
„Подъятому преступными руками
„Бояръ крамольныхъ, взлѣзть на опустѣлый
„Московскій тронъ съ казацкаго сѣдла;
„Вскочить легко, но усидѣть попробуй!“
Отецъ названный! Я себя не знаю,
Младенчества не помню. Царскимъ сыномъ
Я назвался не самъ; твои бояре
Давно меня царевичемъ назвали
И, съ торжествомъ и злобнымъ смѣхомъ, въ Польшу
На береженье отдали. Не самъ я
На Русь пошелъ; на смѣну Годунова
Давно зоветъ меня твоя столица;
Давно идетъ по всей Россіи шопотъ,
Что Дмитрій живъ. Опальное боярство

Изъ монастырскихъ келій посылало
Ко мнѣ въ Литву, окольными путями,
Своихъ покорныхъ, молчаливыхъ слугъ —
На Годунова съ челобитьемъ. Въ Польшѣ
Король меня царевичемъ назвалъ,
Благословилъ меня на царство папа,
Царевичемъ зовутъ меня бояре,
Царевичемъ зоветъ меня народъ,
Усыновленъ тебѣ я цѣлой Русью!
Не твой я сынъ; а развѣ Годуновы
Наслѣдники тебѣ? А развѣ Ромулъ,
Пастушій сынъ, волчицею вздоенный,
Царемъ рожденъ?
Какъ сонъ припоминаю,
Что въ дѣтствѣ я былъ вспыльчивъ, какъ огонь;
И здѣсь, въ Москвѣ, въ большомъ дому боярскомъ,
Шептали мнѣ, что я въ отца родился,
И радостно во мнѣ играло сердце.
Такъ кто же я?... Ну, если я не Дмитрій,
То сынъ любви иль прихоти царевой...
Я чувствую, что не простая кровь
Течетъ во мнѣ: войнолюбивымъ духомъ
Кипитъ душа — побѣдъ, коронъ я жажду,
Мнѣ битвъ кровавыхъ нужно, нужно славы
И цѣлый свѣтъ въ свидѣтели геройства
И подвиговъ моихъ. Отецъ мой грозный,
Пусти меня! Счастливый самозванецъ
И царствъ твоихъ невольный похититель,
Я не возьму тиранскихъ правъ твоихъ —
Губить и мучить. Я себѣ оставлю
Одно святое право всѣхъ владыкъ —
Прощать и миловать. Я обѣщаю
Прославить Русь и вознести высоко,
И потому теперь сажусь я смѣло
На сей священный, грозный майестатъ.

Сцена 4-я.

ЛИЦА:

Дмитрій, самозванецъ.
Мстиславскій
Василій Шуйскій
Голицынъ
Воротынскій
Куракинъ
Бѣльскій
Масальскій
Басмановъ
} бояре.
М. В. Скопинъ-Шуйскій, великій мечникъ.
В. Щелкаловъ, дьякъ.
Окольничьи. Думные дворяне. Выборные люди. Рынды. Стражи.

Грановитая палата.

Тронъ; по обѣ стороны трона скамьи; близъ трона на столѣ три короны царскія.

(24 іюня 1605 г.)

Мстиславскій, Воротынскій, Голицынъ, Масальскій, Бѣльскій, окольничьи, дворяне, выборные люди, дьякъ Щелкаловъ. *Входитъ* Дмитрій, *впереди его рынды и* Скопинъ-Шуйскій *съ мечемъ, за нимъ* Басмановъ.

Дмитрій *(передъ коронами).*

Короны царствъ монхъ! Еще корону
Желалъ бы я прибавить къ этимъ тремъ—
Корону Крыма. Если-жъ наше счастье
Послужитъ намъ, то, съ помощію Польши
И императора, враговъ Христовыхъ
Мы выгонимъ изъ царства Константина;
И завоюютъ вѣрѣ христіанской
Иванъ — Казань, а Дмитрій — Византію.

(Садится на тронъ. всѣ садятся по своимъ мѣстамъ; Скопинъ-Шуйскій съ мечомъ и Басмановъ становятся по сторонамъ трона; рынды впереди.)

Щелкаловъ.

Великій царь и государь, Димитрій
Ивановичъ, всея Россіи, созвалъ
Бояръ своихъ, окольничьихъ, дворянъ
И васъ, жилые, выборные люди,
Для государскаго большого дѣла!
Его боярина, князь Василій Шуйскій,
Забывъ Господень страхъ, а цѣлованья
И милостей царя къ себѣ не помня,
Виновенъ сталъ ему въ измѣнномъ дѣлѣ.

Дмитрій.

Ни гнѣва, ни вражды я не имѣю
На Шуйскаго и мести не хочу;
Но, чтобъ въ Московскомъ славномъ государствѣ
Безъ наказанья не былъ виноватый,
Велѣли мы московскимъ всѣмъ народомъ
Судить его, чему онъ доведется.

Басмановъ.

Великій государь, велишь поставить
Измѣнника, боярина Василья,
Къ тебѣ на судъ соборный?

Дмитрій.

Ввесть!

Басмановъ *(стражѣ)*.

Ведите!

(Стража приводитъ Шуйскаго.)

Дмитрій *(Щелкалову)*.

Скажи ему вину его, Василій,
Пусть онъ оправится, коль правъ, винится—
Коль виноватъ.

Шуйскій.

Благодарю за милость!
Невинному защита: судъ да Богъ.

Щелкаловъ *(читаетъ)*.

„Въ нынѣшнемъ, въ 7113 году, іюня въ 20-й день, какъ былъ государя, царя Дмитрія Ивановича, всея Россіи, въ Москву въѣздъ, изыманы торговые и иныхъ чиновъ люди въ пустош-

ныхъ рѣчахъ. И тѣ люди въ разспросѣ въ тѣхъ своихъ пустошныхъ, затѣйныхъ рѣчахъ винились и сказали: торговый человѣкъ Ѳедька Коневъ говорилъ: какъ былъ-де великаго государя въ Москву въѣздъ, и стоялъ онъ, Ѳедька, перво у Архангела съ народомъ и выдя изъ городскихъ воротъ былъ-де онъ съ народомъ же на Пожарѣ, тамъ его и изымали; а говорилъ онъ, Ѳедька, на государя Дмитрія Ивановича составныя затѣйныя рѣчи, что онъ, государь, царевичъ не прямой, а прямой-де царевичъ убитъ отъ лихихъ людей въ Угличѣ, тамъ-де у Спаса его и положили, и клепалъ государя еретичествомъ и латинствомъ; а тѣ-де рѣчи онъ, Ѳедька, говорилъ не своимъ умысломъ, слышалъ онъ про то отъ князя Василія Ивановича Шуйскаго не единожды. А Костька лѣкарь въ разспросѣ говорилъ на Василія Шуйскаго-жъ, что говорилъ ему Василій про царя Дмитрія Ивановича дурно много разъ..." *(Останавливается.)*

Шуйскій.

А дальше что́?

Щелкаловъ.

Чего-жъ тебѣ еще!
Кажись, довольно, есть за что́ повѣсить!

Голоса.

Измѣнникамъ царевымъ судъ короткій!—
Измѣнниковъ и Богъ велитъ казнить!—
Онъ—лиходѣй царевъ! Его измѣна
Всѣмъ видима.—Повиненъ смертной казни!—
Что намъ судить его! Повиненъ смерти!

Дмитрій.

Василій, что́ ты скажешь въ оправданье?

Шуйскій.

Царь-государь! Бояринъ твой великій,
Петръ Ѳедорычъ, слуга тебѣ хорошій!
Лихихъ людей онъ сыскивать гораздъ
И накрѣпко развѣдывать измѣну;
Измѣнники въ рѣчахъ своихъ разспросныхъ
Басманову всю правду показали.

Дмитрій.

И ты теперь передъ моимъ лицомъ,
Передо всѣмъ соборомъ, признаешься
Въ своихъ рѣчахъ бездѣльныхъ?

Шуйскій.

Государь!
Обманомъ жить я не умѣю, не былъ
И съ молоду обманщикомъ, зачѣмъ же
Подъ старость мнѣ обманывать учиться!
Моя вина! Винюсь передъ соборомъ.

Дмитрій.

Не вѣрю я. Отъ словъ своихъ злодѣйскихъ,
Предательскихъ ты лучше откажись!
Иль повтори ихъ громко предъ соборомъ,
Тогда ужъ я оправдываться стану *(встаетъ)*,
Доказывать, что я—царя Ивана
Сынъ подлинный.

Бѣльскій *(встаетъ съ мѣста)*.

Да развѣ мы попустимъ?
Ни вымолвить, ни даже заикнуться
Измѣнникамъ твоимъ мы не дадимъ!

Масальскій *(встаетъ)*.

Мы голову за батюшку-царя
Димитрія Иваныча положимъ,
Мы всѣ умремъ!

Басмановъ, Бѣльскій и Масальскій.

Мы за тебя умремъ!
(Становятся у трона.)

Голоса.

Ты нашъ царевичъ! Наше солнце красно!—
Казнить его, измѣнника, казнить!

Дмитрій.

Послѣдній разъ скажи мнѣ, Шуйскій, правду:
Твои-ль слова, твоимъ ли наученьемъ
Измѣнники въ народѣ говорили?

Шуйскій.

Мои слова, великій государь! *(Становится на колѣни.)*

Голоса.

Вести его безъ всякой волокиты
На Лобное!—На Лобное его!

Дмитрій *(Басманову)*.

Вели молчать!

Басмановъ.

Молчите! Тише! Смирно!

Голицынъ *(Мстиславскому)*.

Иль онъ себя нарочно губитъ, или—
Тутъ умыселъ!

Мстиславскій.

Темна душа Василья.

Дмитрій.

По силамъ ли борьбу ты затѣвалъ?
Иль головы своей ты не жалѣешь,
Иль помощи себѣ откуда ждешь?
Иль испытать меня ты только хочешь,
Не слабо-ль я держу свою державу?
Не буду-ль я, цѣня твои заслуги,
Высокій санъ и старческія лѣта,
На замыслы твои глядѣть сквозь пальцы?
Ошибся ты! Я взялъ свою державу
Желѣзною рукой. Я принялъ царство
Для счастія подвластныхъ мнѣ народовъ,
А для грозы врагамъ и на измѣну *(беретъ у Скопина мечъ)*.
Держу сей мечъ и симъ мечомъ клянусь,
Что всякаго, кто помѣшать захочетъ
Моей священной волѣ, уничтожу
И прахъ его развѣю далеко.
Ну, что же ты не молишь о пощадѣ?
Что не трепещешь? Иль тебѣ не страшенъ
Ни судъ мірской, ни грозный гнѣвъ царя?

Шуйскій.

Не стану я просить себѣ пощады.
Моя вина—слѣпое исполненье
Велѣній царскихъ.

Дмитрій *(отдаетъ мечъ Скопину-Шуйскому)*.

Говори прямѣе!

Шуйскій.

Мы утверждались крестнымъ цѣлованьемъ
Царю Борису.

Голицынъ *(Мстиславскому)*.

Ишь, куда пошло!

Шуйскій.

Ты знаешь самъ, что всяка власть отъ Бога.
Иной за страхъ служилъ, иной за совѣсть,
Да не порокъ служить и за награду.
Бояринъ твой, Петръ Ѳедорычъ Басмановъ,
Не по уму и не по лѣтамъ, рано
Добился чести преданностью рабской
Царю Борису. Царь бояръ крамольныхъ
Не миловалъ, грозна была опала
Ослушникамъ! Вонъ Бѣльскій попытался,
Да самъ не радъ, проворовался въ службѣ
И надолго себѣ безчестія добылъ.
Меня, раба, Борисъ послалъ къ народу,
И рабъ пошелъ, творя его велѣнье,
И говорилъ, что не царевичъ Дмитрій
Идетъ въ Москву съ иноплеменной силой,
А воръ, разстрига, еретикъ Отрепьевъ.
Повѣрили иль нѣтъ, и кто повѣрилъ
Словамъ моимъ—не знаю; я исполнилъ,
Что̀ царь велѣлъ. Вотъ вся вина моя!

Басмановъ.

Не вѣрь ему, великій государь!

Шуйскій.

Я все сказалъ, что̀ за собою вѣдалъ,
Передъ лицомъ царя я повинился,
И больше нѣтъ вины за мной. Ведите
Пытать меня, хоть до смерти замучьте,
Вы не услышите ни слова больше!
Напрасно ты, Петръ Ѳедорычъ, безвинныхъ
Сиротъ пыталъ! Узнать тебѣ хотѣлось.

Что говорилъ, по царскому приказу,
Я съ Лобнаго; на каждомъ перекресткѣ
Спросилъ бы ты — тебѣ безъ пытки скажутъ,
Да не запрусь и я, не потихоньку —
На всю Москву я громко говорилъ.
Ждетъ милостей народъ, а ты пытаешь.
Что значитъ — кровь! Отецъ былъ въ палачахъ,
И ты по немъ.

Басмановъ.

Онъ лжетъ передъ соборомъ,
Безстыдно лжетъ! Онъ вѣдомый обманщикъ!
Не съ Лобнаго — то было, да прошло —
Въ своемъ дому недавно онъ народу
Бездѣльныя тѣ рѣчи говорилъ.

Шуйскій.

Ни слова! Стой! Заглазно сколько хочешь
Нашептывай; въ глаза не смѣй порочить
Вѣрнѣйшихъ слугъ московскихъ государей!
Чѣмъ клеветать на Шуйскихъ, вы бы лучше
Царямъ служить у Шуйскихъ поучились.

Щелкаловъ.

У тѣхъ ли Шуйскихъ, что въ Литву бѣжали?
У тѣхъ ли Шуйскихъ, что царя Ивана
Въ младенчествѣ не досыта кормили,
Въ его глазахъ бояръ его губили,
Съ митрополитовъ облаченье рвали?
Или у тѣхъ, что черный людъ московскій
Не разъ, не два водили бунтомъ въ Кремль?

Шуйскій.

Нашъ родъ большой, въ семьѣ не безъ урода.
Я-бъ насчиталъ тебѣ десятки Шуйскихъ,
Пролившихъ кровь и головы сложившихъ
На всѣхъ концахъ, на всѣхъ украйнахъ русскихъ,
Въ бою ручномъ и въ городскихъ осадахъ —
Да говорить я не хочу съ тобой.

Бѣльскій.

Боясь Бориса, ты солгалъ народу,
Зачѣмъ же ты потомъ не повинился

Во лжи своей? Когда Гаврила Пушкинъ
Съ Плещеевымъ намъ грамоты читали
Димитрія Иваныча, ты гдѣ былъ?
Ты что-жъ молчалъ? А въ день царева въѣзда
Опять не ты, а я да Петръ Басмановъ
Поѣхали съ народомъ говорить;
А ѣхать бы, по совѣсти, тебѣ!
Ты Ѳедоромъ Иванычемъ былъ посланъ
Похоронить царевича, ты знаешь,
Кого ты хоронилъ. Вы съ патріархомъ
Не разъ божились, что царевичъ Дмитрій
Похороненъ тобой въ соборной церкви;
Зачѣмъ же ты молчишь теперь, не скажешь
Народу правды? Вы похоронили
Попова сына, такъ бы ты и молвилъ:
А ты молчишь да морщишься — молъ, знаю,
Да не скажу до случая.

Дмитрій.

Василій,
Зачѣмъ молчалъ ты о своемъ обманѣ?
Ты виноватъ передо всѣмъ народомъ —
Ты лгалъ ему. Я здѣсь, я на престолѣ,
Не въ Угличѣ, не мертвый! Хоронили
Другого вы. Кого вы хоронили?
Ну, говори!

Голоса.

Казнить его, злодѣя!

Шуйскій.

Ты выслушай, великій государь!
Про мой обманъ, про вымыслы Бориса
Народъ забылъ и знать про то не хочетъ
На радости. Бездѣльныя тѣ рѣчи
Я говорилъ давно; съ Мстиславскимъ послѣ
Мы за тебя, подъ звономъ колокольнымъ,
Народъ московскій ко кресту водили,
И вѣрой, правдой, не жалѣя жизни,
Служить тебѣ учили. Для чего же
Про старое напоминать народу!
И Бѣльскій да Басмановъ неразумно

Народъ московскій на Пожаръ сбивали,
Чтобъ клясться въ томъ, чему и такъ всѣ вѣрятъ.
Не даромъ же руками имъ махали,
Чтобъ не клялись: „Мы и безъ васъ-де знаемъ".
А безъ нужды божиться — лишь въ сомнѣнье
Народъ вводить... И стало имъ обидно,
Что я разумно сдѣлалъ, не поѣхалъ
На Лобное. Чему бы обижаться?
Кому какъ Богъ дастъ: разумъ или глупость,
Такъ и живи! На Бога съ челобитьемъ
Къ кому пойдешь!

Великій государь,
Я все сказалъ тебѣ, что̀ можетъ правый
Сказать въ защиту правоты своей.
Теперь въ твоихъ рукахъ и судъ и милость,
И головы и честь холопей царскихъ,
Бояръ исконныхъ, суздальскихъ князей.

Дмитрій.

Увесть его! *(Шуйскаго уводятъ.)*
Вы слышали, бояре,
Окольничьи и думные дворяне,
И вы, честные люди; обсудите
И приговоръ поставьте по закону
И совѣсти — и расходитесь съ Богомъ!
Чему приговорите, такъ и быть.

(Выходитъ изъ палаты: впереди идутъ рынды и Скопинъ-Шуйскій.)

Мстиславскій.

Подумайте! Чтобъ не было обиды:
Казнить легко, да послѣ не воротишь.

Басмановъ.

Хоть думайте, хоть нѣтъ, а онъ измѣнникъ!
(Щелкалову.)
Пиши скорѣе приговоръ соборный!

Щелкаловъ.

Честной соборъ, чему повиненъ Шуйскій?

Голоса.

Казнить его!—Повиненъ смертной казни!—
Измѣнникъ онъ! Ему и смерти мало!—
Всѣ Шуйскіе измѣнники! И братьевъ
Помиловать нельзя.—Какая милость!
Всѣмъ Шуйскимъ смерть! На томъ и порѣшили.

Мстиславскій.

А тѣхъ за что? Они не виноваты.

Одинъ голосъ.

Чай, Дмитрій-то свояки съ Годуновымъ,
Вотъ и вина.

Мстиславскій.

Нѣтъ, этакъ не порядокъ!

Щелкаловъ.

Такъ что-жъ писать?

Одинъ голосъ.

Пиши: казнить Василья,
А Дмитрію съ Иваномъ снять боярство,
И въ ссылку ихъ по дальнимъ городамъ.

Щелкаловъ.

Согласны всѣ?

Голоса.

Согласны!—Ладно, ладно!
Чтобъ такъ и быть тому безъ перемѣны!

Мстиславскій.

Пиши, Василій! Расходитесь съ Богомъ!

(*Всѣ расходятся съ поклонами. Остаются Мстиславскій, Голицынъ, Воротынскій, Бѣльскій, Масальскій, Басмановъ и Щелкаловъ, который садится за столъ и пишетъ.*)

Мстиславскій.

Народъ — волна: куда его подуетъ,
Туда и льетъ. Ужъ Шуйскихъ ли не любятъ,
А вымолви за нихъ въ защиту слово,
Такъ разорвутъ.

Воротынскій.

Не знаю только, ладно-ль
Судить бояръ соборомъ черни буйной!

Голицынъ.

Коротокъ судъ народный — безпощадный.
Кровавый судъ, безъ совѣсти, безъ толку —
Въ немъ Бога нѣтъ.

Мстиславскій.

И затѣвать не надо-бъ.

Голицынъ.

Служу царю, пусть царь меня и судитъ,
А не торговцы изъ лубочныхъ лавокъ.

Мстиславскій.

Убійство, а не судъ. Мнѣ Шуйскихъ жалко.

Голицынъ.

Кому-жъ не жаль! Нѣтъ, Шуйскій пригодился-бъ,
Что̀ ни толкуй! Онъ плутъ и проидоха,
А все нашъ братъ — бояринъ, намъ онъ свой.

Басмановъ.

О чемъ, бояре?

Голицынъ.

О судѣ толкуемъ,
Что глупъ народъ, и безтолковъ, и буенъ,
А разсудилъ по правдѣ.

Басмановъ.

Это вѣрно.

Голицынъ.

А все-жъ не дѣло черному народу
Судить бояръ. Онъ долженъ ихъ бояться
Да слушаться; а дай ему почуять,
Что онъ судья надъ нами, плохо будетъ:
Онъ самъ начнетъ безъ царскаго указа
Судить, рядить да головы рубить.

Басмановъ.

А что̀, вѣдь, правда!

Голицынъ.

Есть о чемъ подумать;
Подумаешь — зачешется затылокъ.

Басмановъ.

Не напророчь! Не дай Господь дождаться!

(Входитъ Дмитрій.)

Дмитрій.

На чемъ рѣшили?

Щелкаловъ.

Шуйскаго Василья
Соборомъ всѣмъ казнить приговорили,
А братьевъ разослать по городамъ.
Какъ ты прикажешь?

Дмитрій.

Приговоръ исполнить!
На Лобномъ мѣстѣ завтра прочитать
Его Василью, положить на плаху
Бунтовщика, занесть топоръ надъ нимъ
И объявить, что мы его прощаемъ,
Что, вмѣсто казни, посылаемъ въ ссылку
По смерть его, съ лишеніемъ боярства;
А вотчины и все имѣнье Шуйскихъ
Мы отписать велимъ въ свою казну.

Мстиславскій.

Пошли Господь тебѣ на многи лѣта
И радостей, и счастья, государь!

Дмитрій.

Довольны вы?

Голицынъ.

Языкъ всего не скажетъ,
Что̀ чувствуетъ душа; мы лучше дома
Помолимся о здравіи твоемъ
И долголѣтіи.

Щелкаловъ.

Куда прикажешь,
Великій государь, сослать Василья?

Дмитрій.

За Кострому — и завтра же отправить!
Не доѣзжая мѣста, воротить

Его въ Москву и возвратить боярство,
И вотчины, и все его имѣнье...

(Масальскому.)

А Ксенія все плачетъ, все тоскуетъ?

Масальскій.

У насъ уходъ за ней, какъ за царицей.

Дмитрій.

Не знаешь ли, чѣмъ слезы ей унять?

Масальскій.

Уймутся сами. Скоро высыхаетъ
Роса на солнцѣ, а дѣвичьи слезы
Еще скорѣй.

Дмитрій.

Замѣтилъ ты, Масальскій:
Въ слезахъ она становится красивѣй,
Чѣмъ такъ, безъ слезъ?

Масальскій.

Такъ пусть она и плачетъ!

Дмитрій.

Такихъ очей я ни въ Литвѣ, ни въ Польшѣ
Не видывалъ. Она меня полюбитъ!
Какъ думаешь, Масальскій, вѣдь, полюбитъ?

Масальскій.

Великій государь, ума не хватитъ
О дѣвкахъ думать. Что-жъ объ дѣвкѣ думать,
Полюбитъ ли! Да что-жъ ей больше дѣлать,
Какъ не любить? Одна у нихъ забота...

Дмитрій.

Поѣдемъ къ ней! Желалъ бы я предъ нею
Съ соперникомъ сразиться, чтобы сердце
Красавицы отъ страха трепетало
И побѣдителю наградой было.
Я Ксенію люблю. Скажи, Масальскій,
Чѣмъ покорить могу ея я сердце?

Масальскій.

Что покорять! Она не врагъ тебѣ;
Вели любить, и разговоръ коротокъ. *(Уходятъ.)*

Голицынъ *(Басманову).*

Что̀ пріунылъ, Петръ Ѳедорычъ? Обидно
Что службишка твоя пропала даромъ?

Мстиславскій.

Служи царю мечемъ на ратномъ полѣ,
Да въ думѣ головой, а не доносомъ,
Никто тебя обидѣть не посмѣетъ.

Басмановъ.

Обидно мнѣ не за себя, бояре!
Онъ добрый царь, но молодъ и довѣрчивъ;
Играетъ онъ короной Мономаха,
И головой своей, и всѣми нами.

(Уходятъ.)

Сцена 5-я.

ЛИЦА:

Дмитрій Ивановичъ, самозванецъ.
Царица Марѳа, мать Дмитрія царевича.
Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.
Басмановъ и народъ.

Шатеръ въ селѣ Тайнинскомъ.

(18-го іюля 1605 года.)

(Полы шатра распахнуты; видны два ряда стрѣльцовъ, за ними народъ, вдали деревянный дворецъ. Входятъ ЦАРИЦА МАРѲА И СКОПИНЪ-ШУЙСКІЙ).

Царица Марѳа *(садясь на стулъ и робко осматриваясь).*

Младой, цвѣтущій юноша, князь Михайла
Васильевичъ, зачѣмъ меня, старуху,
Ты вытащилъ изъ монастырской кельи?
Отъ суеты мірской давно отвыкла,
Охъ, я давно отвыкла!

Скопинъ-Шуйскій.

Государемъ
Приказано мнѣ привезти тебя;
Онъ по тебѣ давно скучаетъ. Будешь
Ты, наша мать, царицею московской. *(Кланяется.)*

Царица Марѳа.

Повѣрь ты мнѣ, голубчикъ, ничего-то,
Охъ, ничего-то мнѣ не надо! Только
Въ монастырѣ и жить мнѣ; я забыла
Какъ люди-то живутъ.

Скопинъ-Шуйскій.

Въ Москвѣ не мало
Жилья тебѣ; въ любомъ монастырѣ
Великой государынѣ есть мѣсто.
Попомни насъ тогда, своихъ холопей!
За дядю гнѣва не держи на насъ!

Царица Марѳа.

Забыла я, голубчикъ, все забыла!
Ты младъ еси, а красенъ и разуменъ;
Гуляешь холостъ?

Скопинъ-Шуйскій.

Не женатъ пока...
Петръ Ѳедорычъ идетъ къ тебѣ, царица.
(Уходитъ.)

Царица Марѳа.

Ну, пусть идетъ! О, Господи помилуй!
Вотъ грѣхъ какой, какое попущенье!
Туманъ въ глазахъ, кружится голова.
Что говорить, что дѣлать? Гдѣ набраться
Мнѣ разума? Ну, буди власть Господня!
(Басмановъ входитъ; полы шатра закрываются.)

Басмановъ *(кланяясь въ ноги).*

Царица наша, наша мать родная!
Ужли холопа Петьку позабыла?

Царица Марѳа.

Ты, Петя, встань! Ты молодъ былъ тогда.

Басмановъ.

Великій царь и государь, Димитрій
Ивановичъ, зоветъ въ свой городъ стольный
Тебя, царицу.

Царица Марѳа.

Охъ, везутъ насильно,
А не зовутъ меня!

Басмановъ.

Онъ повелитель;
Не только звать и приказать онъ можетъ.
Сама бы ты должна навстрѣчу сыну
Не ѣхать, а летѣть.

Царица Марѳа.

Навстрѣчу сыну?
Гдѣ сынъ-то мой, Петръ Ѳедорычъ? Гдѣ сынъ-то?!
Не знаешь ты, такъ я тебѣ скажу:
Я въ Угличѣ его похоронила,
Отъ слезъ моихъ тамъ рѣки протекли...

Басмановъ.

Не говори, царица! живъ Димитрій
Ивановичъ.

Царица Марѳа *(не слушая).*

У Спаса мы стояли
Обѣдню съ нимъ въ субботній день, на память
Пахомія Великаго; въ ту пору
Послалъ Господь такой-то красный день,
И таково тепло...

Басмановъ.

Царица наша,
Такихъ рѣчей мнѣ слушать не пригоже!

Царица Марѳа *(не слушая).*

И быть грѣху, пришли мы отъ обѣдни,
Пошла я вверхъ, сижу да отдыхаю,
А онъ внизу съ ребятками играетъ;
Извѣстно дѣло, ноги молодыя
Не устаютъ; и понесли намъ ѣству;
Хочу я встать — царевича покликать,

Вдругъ слышу крикъ, такъ сердце и упало!
Бѣгу съ крыльца, кормилка держитъ Митю,
А онъ кончается; а сука мамка...

Басмановъ.

Забудь про все! Одно, царица, помни,
Что ты всю жизнь терпѣла отъ злодѣевъ.
И самъ Борисъ, и всѣ его холопы
Надъ царскою вдовою издѣвались.
Пришла пора поцарствовать тебѣ,
На зло врагамъ твоимъ, на радость братьямъ
И сродникамъ, опальнымъ заключеннымъ.

Царица Марѳа.

Прошли года, во мнѣ затихла злоба;
Отъ радостей мірскихъ я отреклась.
Борисъ въ могилѣ — насъ Господь разсудитъ,
Его холопямъ мстить я не хочу!
Вотъ, если-бъ вы въ то время догадались,
Какъ я въ слезахъ, обрызганная кровью
Царевича, по Угличу металась,
Безумная, звала людей и Бога,
Кровавыя поднявши къ небу руки,
На месть Борису — если бы тогда
Возстала Русь, Литва и вся Украйна
На этотъ родъ проклятый годуновскій,
Разлучниковъ единокровныхъ братьевъ,
И надо было, чтобъ царевичъ ожилъ,
Воскресъ убитый — я тогда бы сыномъ
Подкидыша паршиваго признала,
Щенка слѣпого дѣтищемъ роднымъ!...

Басмановъ.

Замкни уста! Ты Дмитрія не знаешь!
Онъ наша радость, наше упованье.
Остановись! Душа моя не стерпитъ,
Не вынесетъ она позорной брани.

Царица Марѳа.

Пугать меня! — жену царя Ивана,
Того Ивана, передъ кѣмъ вы прежде,

Какъ листья на осинѣ, трепетали!
Я не боялась и царя Бориса,
Не побоюсь тебя, холопъ! *(Входитъ Дмитрій.)*

Басмановъ.

Царевичъ! *(Уходитъ.)*

Дмитрій *(бросается къ царицѣ).*

Родимая!

Царица Марѳа *(останавливая ею посохомъ).*

Постой-ка! Ничего-то
Ты не похожъ. *(Отворачивается.)*

Дмитрій.

Зачѣмъ тебѣ наружность?
Моя душа горитъ къ тебѣ любовью
Сыновнею! *(Цѣлуетъ ей руку.)*
Пока ты въ заключеньи,
Среди старухъ, отжившихъ и бранчивыхъ,
Постомъ невольнымъ изнуряла тѣло
И молодость свою въ слезахъ губила,
И вянулъ даромъ блескъ очей твоихъ
И величавость царственнаго стана,
Я тронъ тебѣ готовилъ, я злодѣевъ
Твоихъ губилъ, сбиралъ твой родъ и племя
По годуновскимъ тюрьмамъ, и вкругъ трона
Поставилъ ихъ въ блестящемъ одѣяньи
Сановниковъ ближайшихъ! Я очистилъ
Широкій путь тебѣ въ твою столицу;
А ты взглянуть не хочешь на меня
И гонишь прочь, какъ недруга?

Царица Марѳа.

Молиться
Всю жизнь мою за милости твои
И чтить въ тебѣ царя, рабой, коль хочешь,
Служить тебѣ — я съ радостію буду;
Но матерью!... Нѣтъ! сердца не обманешь!
Не такъ оно забьется, если сына
Родимаго прижмешь къ своей груди.
Пусти меня опять въ мою обитель —
Не сынъ ты мнѣ.

Дмитрій.

А много-ль нѣжной ласки
Ты видѣла отъ сына? И не скучно
Безъ ласки жить тебѣ?.. Ребенкомъ малымъ,
Играючи, онъ прибѣгалъ къ тебѣ
Склонить свою головку на колѣни
И засыпать подъ шопотъ нѣжныхъ словъ;
Другой любви и ласки онъ не вѣдалъ.
Прошло и то, и рано ты осталась
Съ сиротскими слезами вѣковать!

(Царица Марѳа плачетъ.)

Припалъ ли онъ хоть разъ къ твоимъ колѣнямъ
Царемъ, въ вѣнцѣ и бармахъ Мономаха,
При радостныхъ слезахъ всего народа?
Просилъ ли онъ себѣ благословенья
Землею править, судъ и правду дѣять,
Прощать виновныхъ именемъ священнымъ
Царицы матери, несчастнымъ слезы
Ея руками отирать?

Царица Марѳа.

О, если-бъ
Ты былъ мой сынъ! Поди ко мнѣ поближе,
Взгляни еще въ мои глаза!...
(Тихо.) Димитрій,
Ты сирота, безъ племени и рода!
Я ласкъ твоихъ не отниму у той..
Другой!... Она, быть можетъ, втихомолку,
Въ своемъ углу убогомъ, предъ иконой
О миломъ сынѣ молится украдкой?
Иль здѣсь, въ толпѣ народной, укрываетъ
Лицо свое, смоченное слезами,
И издали дрожащею рукою
Благословляетъ сына?

Дмитрій.

Нѣтъ! О, нѣтъ!

Царица Марѳа.

Одна ли буду матерью твоей,
Одна-ль любить тебя, меня одну ли
Полюбишь ты?

Дмитрій.

О, да! Одну тебя!
Ты назовись лишь матерью — я сыномъ
Сумѣю быть такимъ, что и родного
Забудешь ты.

Царица Марѳа.

Тебя я полюбила...

Дмитрій.

Невиданнымъ почетомъ и богатствомъ
Украшу я твое уединенье
Въ обители; подъ этой грубой ризой
По золоту парчей пойдешь ты къ трону!
Смотри сюда... *(Открываетъ полу палатки.)*
Отъ нашей царской ставки
До стѣнъ Кремля шумятъ народа волны
И ждутъ тебя. Одно лишь только слово!
И весь народъ, и я, твой сынъ вѣнчанный,
Къ твоимъ стопамъ, царица, упадемъ.

(Склоняется передъ нею.)

Царица Марѳа *(поднимая его)*.

Ты мой! Ты мой!

Дмитрій.

И сынъ, и рабъ покорный!
Обнимемся! Союзомъ неразрывнымъ
Мы связаны на жизнь и на смерть. Пойдемъ!
Отбрось теперь свой посохъ: эти плечи
Могучія тебѣ опорой будутъ.

(Выходятъ къ народу.)

Народъ.

Царица! Мать родная! Ты сиротамъ!
Рабамъ твоимъ, покровъ и заступленье!

Сцена 6-я.

ЛИЦА:

Мстиславскій.
Воротынскій.
Голицынъ.
Куракинъ.

Комната въ домѣ Голицына.

Входятъ Мстиславскій, Воротынскій *и* Голицынъ. *Слуги вносятъ чаши съ медомъ.*

Мстиславскій *(Голицыну).*

Ты насъ зазвалъ къ себѣ на перепутье,
На пирожокъ, на чарочку винца,
А угостилъ и допьяна, и сыто.

Голицынъ.

Чѣмъ Богъ послалъ! Какое угощенье!
Вотъ въ Краковѣ Аѳонька нашъ пирустъ,
Не намъ чета, и чортъ ему не братъ,
Ломается —гляди, что курамъ на смѣхъ.
А мы въ Москвѣ играемъ въ городки.
Однако, царь изрядно проминаетъ
Бояръ своихъ. На земляную стѣну
Полѣзетъ самъ, и ты за нимъ ступай!
А тутъ-то насъ, не изъ пищалей, правда,
А палками по чемъ попало лупятъ.

Мстиславскій.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Голицынъ.

Бока болятъ отъ этого ученья,
А толку нѣтъ. Не на кулачки драться,
Не лѣзть на башню прямо подъ обухъ,
Приказывать—боярское есть дѣло.

Воротынскій.

Бока болятъ! Ну, поболятъ немного,
Да заживутъ; безчестье не велико.
А вотъ безчестье: Юрій Мнишекъ пишетъ
Высоко больно, къ умаленью чести
Боярской нашей.

Мстиславскій.

Такъ ли, князь Иванъ Михайловичъ?

Воротынскій.

Чего-жъ еще! Онъ пишетъ:
„Я вамъ царя поставилъ, я-де началъ
И кончилъ все, и какъ-де я пріѣду,
Передъ царемъ о васъ стараться буду,
О умноженьи вашихъ правъ боярскихъ“.
Какихъ еще намъ правъ?

Голицынъ.

Оно-бъ не худо
Шляхетскія намъ вольности имѣть;
Да вотъ бѣда—панъ Юрій Мнишекъ сядетъ
На насъ на всѣхъ, между царемъ и нами.

Мстиславскій.

Оставимъ лучше эти разговоры.
Не намъ судить! Что̀ будетъ, то и будетъ.

Голицынъ.

Ну, пусть бы Мнишекъ, а гляди—наѣдетъ
Родня его и сядетъ въ думѣ царской
Съ боярами. Гоняетъ, какъ мальчишекъ,
Насъ царь теперь, а ужъ тогда и вовсе
Молчать придется да глазами хлопать,
Какъ дуракамъ.

Мстиславскій.

Ты хмеленъ, князь Василій.

Голицынъ.

И хмеленъ, да уменъ, такъ два угодья.

Воротынскій.

А что писать намъ Юрію? Вотъ, Шуйскій
И нуженъ бы!

Мстиславскій.

Безъ Шуйскаго напишемъ,
Подумавши. Подумай, князь Василій,
И намъ скажи!

Голицынъ.

Пишите вотъ что:
„Панъ Юрій! Грамотку твою читали,
А пишешь ты про службу государю,
Что въ дохожденьи прирожденныхъ панствъ
Служилъ ему и промышлялъ съ радѣньемъ,
И хочешь впредь добра ему хотѣть,
И мы тебя теперь за это хвалимъ".
Вотъ и конецъ.

Мстиславскій.

Разумно! Такъ и надо!
Пускай его читаетъ. *(Входитъ Куракинъ.)*

Куракинъ.

Шуйскій ѣдетъ
Въ Москву опять.

Мстиславскій.

Ну, радость не велика.

Голицынъ.

Не все на волка, ты скажи—по волку!
Ну, хочешь ли побиться, князь Ѳеодоръ
Ивановичъ, а вотъ князья разнимутъ:
Я бьюсь съ тобою о великъ закладъ,
Что не пройдетъ недѣли, князь Василій
И въ думѣ первый и въ совѣтѣ будетъ,
И самый ближній другъ царю. Ну, хочешь?

Мстиславскій.

Завидовать не стану, не завистливъ—
Его при немъ! Прощай!

(Уходитъ.)

Голицынъ.

Прощай, князь Ѳедоръ Ивановичъ.

Воротынскій.

И я за шапку.

Голицынъ.

Что же!
Ты, князь Иванъ Михайлычъ, посидѣлъ бы
Ну, посиди.

Воротынскій.

До дому, князь Василій
Васильевичъ, пора. Прощенья просимъ;
Женишка ждетъ.

Голицынъ.

Ну, какъ, князья, хотите!
Я не держу: насильно милъ не будешь.
(Уходятъ. Голицынъ скоро возвращается; наливаетъ два кубка: одинъ Куракину, другой себѣ.)
За вѣсть спасибо!

Куракинъ.

Было бы за что!

Голицынъ.

Не торопись. Не долго ждать, увидишь.
Я во хмелю, языкъ поразвязался,
Душа горитъ. Ты—другъ; передъ тобою
Могу я смѣло душу распахнуть.

Куракинъ.

Еще бы нѣтъ! Одна душа, два тѣла!
Умретъ со мной.

Голицынъ.

Дай Шуйскому пріѣхать
Да осмотрѣться; онъ сейчасъ увидитъ,
Куда ведутъ совѣтники слѣпые
Царька слѣпого...

Куракинъ.

Ну!

Голицынъ.

Онъ имъ поможетъ.
Съ Басмановымъ онъ больше не заспоритъ:
Поддакивать и поблажать имъ будетъ,
И царикъ нашъ попрыгаетъ не долго.

Куракинъ.

А послѣ что? На тронъ Мстиславскій сядетъ.

Голицынъ.

Мстиславскій? Нѣтъ! Его на то не хватитъ:
Ума не нажилъ, смѣлости подавно;
А сѣсть на царство — мудрена наука.

Куракинъ.

Ну, Шуйскій.

Голицынъ.

Вѣрно. Только съ уговоромъ:
Пусть грамоту напишетъ онъ боярству
И поцѣлуетъ крестъ, безъ нашей думы
Не дѣлать шагу: смертью не казнить,
Помѣстій, отчинъ и дворовъ не трогать
Безъ нашего суда; а кто по сыску
Дойдетъ до казни — женъ, дѣтей не грабить;
Доводчиковъ не слушать! Да не токмо
На насъ, бояръ, не класть своей опалы,
Не осудя, — гостей, людей торговыхъ
И волосомъ не трогать безъ суда!
Когда языкъ ему и руки свяжемъ,
Пусть царствуетъ.

Куракинъ.

Такое дѣло ново,
И Шуйскому какая же неволя
Приказчикомъ боярскимъ быть на тронѣ?

Голицынъ.

Безъ записи такой не сѣсть на царство
Ни одному изъ насъ: другъ друга знаемъ;
Переплелись обидой да безчестьемъ
Боярскіе роды; одной семьи нѣтъ,
Чтобъ на другую зубы не точила.
Свои друзья свои враги у всѣхъ;

Кто ни взойди теперь на тронъ московскій,
Родня, друзья сейчасъ его облѣпятъ —
Врагамъ не жить.

Куракинъ.

Мудреная задача!
Не думаю, чтобъ Шуйскій поддался:
Онъ травленый.

Голицынъ.

Ну, мы не будемъ плакать;
Тогда пошлемъ къ Жигмонту Владислава
Просить на царство: ѣшь меня собака
Невѣдомая, только не своя...
Пора къ царю, телятъ нарядныхъ кушать.
(Уходятъ.)

Сцена 7-я.

ЛИЦА:

Василій Шуйскій.
Князь Масальскій, съ боярами и дворянами.
Калачникъ.
Дворецкій.

Черная изба у Шуйскаго.

Входятъ Василій Шуйскій, *въ крестьянскомъ кафтанѣ,* *и* дворецкій.

Василій Шуйскій.

Пускай не всѣхъ, а только самыхъ близкихъ,
И то простыхъ людей; изъ думы только
Татищева, а прочимъ говори,
Что скорбенъ, молъ: не только человѣка,
И свѣту Божьяго не хочетъ видѣть.

Дворецкій.

Калачникъ Ваня разъ десятокъ мимо
Воротъ прошелъ, за тыномъ притулился,
Войти не смѣетъ.

Василій Шуйскій.

Ну, пусти его,
Введи его тихонько заднимъ ходомъ.

(*Дворецкій уходитъ.*)

Калачники, разносчики, торговцы,
Попы безъ мѣстъ, да странный, да убогій,
Да голь кабацкая — меня жалѣютъ
И помнятъ обо мнѣ, а наша братья,
Совѣтчики, да судьи, да думцы
Великіе — что̀ борода, то дума,
Что̀ лобъ, то разумъ — тѣ меня забыли;
Поклона ждутъ... Да не дождутся: съ ними
Заигрывать, какъ съ дѣвками, не стану.
Придетъ пора, поклонятся и сами.
Я не брезгливъ, мнѣ всякій другъ, кто нуженъ.
И сволочь хороша. Не плюй въ колодецъ!
Велика сила шлющійся народъ! (*Калачникъ входитъ.*)
Что̀ скажешь, другъ Иванъ?

Калачникъ.

Тебя, бояринъ,
Отецъ ты нашъ, въ живыхъ не чаялъ видѣть;
Вотъ, Богъ привелъ! Ну, какъ ты воротился?
Здорово ли? Объ насъ не позабылъ ли?
Не бросишь ли сиротъ своихъ?

Василій Шуйскій.

Не брошу.

Калачникъ.

Ну, дай тебѣ Господь, а мы все тѣ же,
Мы все твои. Я бьюсь теперь, бояринъ,
Изъ пустяковъ; повѣсили-бъ ужъ, что̀ ли,
Меня скорѣй, иль голову срубили!

Василій Шуйскій.

Съ чего бы такъ?

Калачникъ.

Жить не мило, бояринъ!
Разсказывать, аль нѣтъ? Коль будешь слушать,
Я все скажу, а то вели отправить
Къ Басманову меня: я ворогъ царскій.

Василій Шуйскій.

И то пошлю.

Калачникъ.

Такъ посылай скорѣе!
Я голова отпѣтая. Довольно
Погуляно, пора костямъ на мѣсто.

Василій Шуйскій.

Куда спѣшить! Басмановъ подождетъ,
А ты покуда говори, что̀ знаешь!
Что́ новаго?

Калачникъ.

Все новое, бояринъ!
Палаты новы у царя; у нѣмцевъ
Кафтаны новы — бархатъ фіолетовъ;
У русскихъ вѣра новая — латинцы
Въ самомъ Кремлѣ поставили костелъ
И цѣлый день гнусятъ свои обѣдни,
Своимъ душамъ на вѣчную погибель
И на соблазнъ крещеному народу.
Теперь обѣдать съ музыкой садятся,
Ни молятся, ни рукъ не умываютъ.
Поляки бьютъ народъ, сѣкутъ и рубятъ
И встрѣчнаго, и поперечныхъ; бродятъ
По улицамъ, по лавкамъ, по базарамъ,
Беруть добро безъ денегъ и безъ спросу.

Василій Шуйскій.

И всѣ молчатъ?

Калачникъ.

Нельзя и рта разинуть,
Защиты нѣтъ. Въ застѣнокъ да на плаху!
Петръ Ѳедорычъ лютѣе волка сталъ:
Живого съѣстъ. Казнитъ немилосердно;
Монаховъ чудовскихъ поразослали;
Тургенева казнили на Пожарѣ.
Чай, брата зналъ меньшого, Ѳедьку?

Василій Шуйскій.

Какъ же,
Ну, какъ не знать!

Калачникъ.

Горячій былъ, какъ я же;
Доводчики его оговорили.
Коротокъ судъ: свели его на плаху.
Безъ брата жизнь постыла мнѣ, боярин;
Я живъ брожу, а онъ въ сырой землѣ;
И мнѣ туда-жъ. Да лишь бы поскорѣе!
За дешево я голову бы продалъ!
Нужна тебѣ?

Василій Шуйскій.

Повремени до срока,
Ты голову сложить всегда поспѣешь;
Не торопись: быть можетъ, пригодится
На что-нибудь. Бери лотокъ на плечи,
Торгуй опять. Помалчивай о братѣ,
Поьеселѣй гляди, на прибаутки
Не поскупась, да не болтай пустого!
А я тебя за прежнія заслуги,
Ужъ такъ и быть, помилую: Петрушкѣ
Басманову рѣчей твоихъ не выдамъ. *(Смѣются оба.)*
Въ нуждѣ иль горѣ, приходи ко мнѣ,
И выручу, и денегъ дамъ на нужду.
Убогій гдѣ?

Калачникъ.

Въ Москвѣ. Да мелетъ что-то
Нескладное.

Василій Шуйскій.

А гдѣ живетъ?

Калачникъ.

Въ поварнѣ
У патріарха, только кормятъ плохо.

Василій Шуйскій.

Пришли его. Да заходите чаще. *(Входитъ дворецкій.)*

Дворецкій.

Масальскій князь съ боярами наѣхалъ
Отъ самаго царя. *(Калачникъ уходитъ.)*

Василій Шуйскій.

Ворота настежь!

Дворецкій.

Я растворилъ.

Василій Шуйскій.

И двери настежь живо!

(Дворецкій отворяетъ дверь. Входятъ Масальскій, бояре и дворяне.)

Масальскій.

Великій царь и государь Димитрій
Ивановичъ велѣлъ тебѣ сказать,
Бояринъ, князь Василій, княжъ Иванычъ,
Что онъ вины не помнитъ и опалу
Твою съ тебя снимаетъ, санъ боярскій
И вотчины и все добро твое
Онъ жалуетъ тебѣ, и дозволяетъ
Опять его царевы очи видѣть
Пресвѣтлыя, и жалуетъ кафтаномъ
И шубою, и шапкою боярской.

Василій Шуйскій.

Великіе бояре, вы, царевы
Совѣтчики, краса земли московской!
Скажите мнѣ, послѣднему холопу,
Какимъ путемъ-дорогой иль тропами
Звѣриными вы ѣхали ко мнѣ?
Да развѣ есть ко мнѣ дорога, лѣсомъ
Не заросла, не завилась травою?
Какихъ людей попутныхъ вы встрѣчали?
Кто васъ провелъ, кто показалъ домишко
Убогій мой? Да развѣ есть на свѣтѣ
Василій Шуйскій? Развѣ люди помнятъ
Въ Москвѣ о немъ? Великіе бояре!
Не вы нашли, не люди вамъ казали
Пути-дороги — царь вамъ приказалъ
Найти меня, и лѣсы преклонились,
И развился, какъ скатерть, путь широкій,
И поднялся, и свѣтелъ сталъ мой домъ,
Какъ царскія высокія палаты,
И живъ опять, и радостенъ хозяинъ;
Вчерашній смердъ — опять бояринъ царскій.
Скажите вы царю и государю,

Что дней моихъ остатокъ и дыханье
Послѣднее, душевный каждый помыслъ
Я отдаю ему; что старъ и хилъ я,
Но силъ еще у Шуйскаго достанетъ,
Чтобъ доползти до ногъ его, коснуться
Его стопамъ холопскими устами
И вѣрнымъ псомъ на стражѣ стать у трона...
Сѣдлать коней! Боярскую одежду!
Лохмотья прочь! Я ѣду къ государю;
А завтра васъ прошу къ себѣ, бояре,
На званый столъ, на разливанный пиръ—
Отпраздновать со мной цареву милость! *(Уходятъ.)*

II.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Дмитрій.
Василій Шуйскій.
Мстиславскій.
Голицынъ.
Татищевъ.
Басмановъ.
Бѣльскій.
Масальскій.
Бучинскій.
Власьевъ, царскій казначей.
Осиповъ, дьякъ изъ приказа.

У каждой двери по двое нѣмцевъ съ бердышами.

Передняя комната въ новомъ дворцѣ у самозванца; за ней **широкая галлерея** съ цвѣтными стеклами.

(23-го апрѣля 1606 года).

Выходятъ Татищевъ, *за нимъ* Василій Шуйскій.

Василій Шуйскій.

Куда бѣжишь? Аль рѣчи не по мысли?

Татищевъ.

Ишь, нéучи! Ужъ это мы слыхали!
Обучимся и мы, не торопясь.

Пусть вызовутъ изъ Греціи монаховъ!
Такъ нѣтъ, такой науки онъ не хочетъ...
Отдай ребятъ въ ученье езовитамъ...
Меня морозъ по кожѣ подираетъ,
Готова брань сорваться съ языка,
На драку я пойду, на ножъ полѣзу,
Когда шутя о вѣрѣ говорятъ.
Какой онъ царь! Какой защитникъ церкви,
Когда латинской, езовитской вѣры
Отъ греческой не можетъ отличить!
Ему одно, что̀ наше православье,
Что̀ ересь ихъ. Кабы одно-то было,
Анаѳемѣ бы ихъ не предавали.
А коль одно, такъ и пускай бы въ нашу
Латинцы шли. Вотъ, значитъ, не одно.
Татаринъ, жидъ, латинецъ, православный —
Всякъ бережетъ свою; а у царя-то
Какая же?

Василій Шуйскій.

Ну, значитъ, никакой.

Татищевъ.

А ты молчишь, бояринъ, князь Василій
Ивановичъ, иль дакаешь ему *(сквозь зубы)*,
Проклятому.

Василій Шуйскій.

Къ чему же горячиться!
Само себѣ защита православье,
Гонителей оно не побоится.
И Ѳока, и Ульянъ богоотступникъ
На Бога шли войной, да много-ль взяли...
Гонители погибли лютой смертью,
А вѣра православная стоитъ.

(Входятъ Голицынъ и Мстиславскій.)

Голицынъ.

А вотъ у насъ и свадьба подоспѣла;
Опять пиры!

Василій Шуйскій.

Всю зиму пировали,
Играли въ зернь да пили безъ ума;
Опять за то-жъ!

Мстиславскій.

Мы свадьбу отпируемъ,
И кончено, снарядимся въ походъ.

Василій Шуйскій.

Куда? Зачѣмъ?

Мстиславскій.

На крымскаго Гирея.

Василій Шуйскій.

Какая стать Казы-Гирея трогать
И турскаго султана задирать!
Кому нужда? Жигмонту, нѣмцамъ, папѣ;
А мы въ чужомъ пиру похмелье примемъ.
На крымцевъ есть донскіе казаки:
Пусть рѣжутся; послать свинцу да зелья,
Да денегъ дать — а послѣ отпереться,
Что намъ-де ихъ, воровъ, не удержать...
Двѣ выгоды: дешевле и безъ драки;
И волки сыты, да и овцы цѣлы,
Татары биты, да и мы съ султаномъ
Въ миру живемъ.

Татищевъ.

Походъ задуманъ въ Римѣ,
И сгоряча нашъ царь пообѣщался
Начать войну, чтобъ выманить отъ Польши
Жену да императорское титло.
Со Свейскимъ мы поссорились за Польшу,
Съ татариномъ и турскимъ за нее-жъ...
Такъ съ Польшей-то въ ладахъ ли? Не бывало!
Поссоримся и съ ней.

Мстиславскій.

За что?

Татищевъ.

За титло
Непобѣдимаго. На печкѣ сидя,
Ни съ кѣмъ не воевавши, заслужили
Такую честь, такъ намъ ее подай!
Сбирались-то втроемъ итти на турокъ:
А нѣмцы прочь; Жигмонтъ, угодникъ папскій,

И радъ бы въ рай, да сеймомъ вяжутъ руки;
Останемся, какъ раки на мели.

Мстиславскій.

Одни пойдемъ; на что-жъ новогородцевъ
И псковичей пригнали на Ходынку?

Василій Шуйскій.

Да много-ль ихъ? Всего восьмнадцать тысячъ.

Мстиславскій.

Въ Ельцѣ еще сбираются войска.

Василій Шуйскій.

А деньги гдѣ?

Голицынъ.

Великъ калымъ платили;
Рѣкой течетъ московская казна
За польскую границу? Аѳанасій
Обозами возилъ туда два раза.

Мстиславскій.

Нѣтъ, онъ одинъ пойдетъ, не побоится!
Ему война — потѣха; спитъ и грезитъ
Онъ о войнѣ; ему безъ дѣла скучно.

Татищевъ.

Война — потѣха, вѣра на потѣху!
(Показывая въ окно.)
И у крыльца поставленъ для потѣхи
Треглавый адъ — бряцаніе велико
Отъ челюстей, и пламя изъ ушей,
Отверзты зубы, и готовы когти
На ухапленіе. И зрѣти страшно!
Потѣхи все; какое-жъ дѣло свято?

Мстиславскій.

Татищевъ, ты не очень завирайся!
Не попадись опять!

Татищевъ.

Языкъ мой — врагъ мой.

Мстиславскій.

Басманову ты кланяйся, а то бы

Гулять тебѣ за Вологду иль Вятку,
Куда Макаръ телятъ не загонялъ.

(Татищевъ уходитъ, махнувъ рукой.)

Голицынъ.

Потише, царь идетъ.

(Изъ царскихъ комнатъ выходятъ Дмитрій, Басмановъ, Бѣлскій, Масальскій; изъ галлереи показывается Бучинскій съ письмомъ.)

Бучинскій *(подавая Дмитрію письмо)*.

Гонецъ съ дороги.

Дмитрій *(прочитавъ письмо)*.

Мнѣ весело, бояре; нашу радость
Желалъ бы я и съ вами раздѣлить.
Сегодня пиръ; придумайте потѣху
Веселую для радости моей.
Теперь, что день, то ближе наше счастье,
И скоро мы московскій тронъ украсимъ
Жемчужиной, какой не обладаютъ
Богатые индійскіе цари.
Какъ думаешь, Бучинскій, по расчету,
Далеко ли теперь невѣста наша?

Бучинскій.

Ея ясновельможность, цесаревна
Марина Юрьевна, теперь въ Можайскѣ,
Его мосць, воевода Сендомирскій,
Ясновельможный панъ, въ Вяземахъ къ ночи.

Дмитрій.

Табунъ коней послать ему для встрѣчи!
Не помнишь ли, какіе мы подарки,
Послѣдніе, послали съ Аѳанасьемъ
Навстрѣчу ей, царицѣ нашей, въ Вязьму?

Бучинскій.

Двѣ запоны алмазныя, корону
Алмазную, часы да жемчугъ низанъ.

Дмитрій.

И только, Янъ? Да это мало! Что бы

Еще послать? А вотъ что̀, панъ Бучинскій:
Свези еще ей восемь ожерельевъ
И столько же кусковъ парчи на платье...
А жемчугу въ казнѣ какая пропасть!
Берешь, берешь, а все не убываетъ;
Куда дѣвать, придумать не могу.

Басмановъ.

Да пусть лежитъ; не пролежалъ бы мѣста,
И хлѣба онъ не проситъ.

Дмитрій.

Панъ Басмановъ,
Я твоего не спрашивалъ совѣта...
Готовы ли кареты? а вò̀зницамъ
И конюхамъ подъ цвѣтъ каретный платье?
А новые шатры — встрѣчать царицу?

Басмановъ.

Готово все, великій государь.

Дмитрій.

Тамъ бархату въ царицыны покои
Недостаетъ.

Басмановъ.

Въ казнѣ давно не стало,
Да и въ Москвѣ едва-ль его найдешь!
По всѣмъ купцамъ обѣгали.

Дмитрій.

Не знаю,
Вы бѣгали иль нѣтъ, а бархатъ нуженъ.
Найти его, чего-бы онъ ни стоилъ!
Что̀ нужно намъ, того не быть не можетъ.
Хоть тысячу, хоть больше дай за лоскутъ
Въ ладонь мою. Я денегъ не жалѣю:
Я прикажу, и будетъ мнѣ готово
Не только бархатъ, птичье молоко!

Басмановъ.

Камки, парчей и бархату цвѣтного
Истратили мы столько, государь,
Что запрудить Москву рѣку хватило-бъ;
А соболей и камней многоцвѣтныхъ

И денежной истрачено казны —
И смѣты нѣтъ, и словъ такихъ не знаемъ.

Дмитрій.

Истрачено! Басмановъ! Панъ Басмановъ!
Кого я жду? Истрачено! Да если-бъ
Въ моей казнѣ алмазовъ было больше,
Я-бъ вымостилъ алмазами дорогу
Для панны Мнишковны.

Василій Шуйскій.

Да для чего же
Копить, беречь ихъ въ темныхъ кладовыхъ?
Алмазъ, что человѣкъ, не виденъ въ кучѣ,
А посади его на видномъ мѣстѣ —
И заблеститъ. Недаромъ ихъ копили
Родители твои; они какъ знали,
Что Дмитрію придетъ пора ихъ тратить
На брачный пиръ, для славы государства,
На диво и на зависть иноземцамъ.

Басмановъ.

А ты забылъ, что тотчасъ послѣ пиру
Война у насъ; куда казна нужнѣе,
Подумай-ка!

Дмитрій.

Да неужели, Басмановъ,
Такъ много денегъ нужно на войну,
Что ихъ въ казнѣ у насъ не хватитъ? Вѣрьте,
Походъ коротокъ будетъ: мы нагрянемъ,
Какъ Божій гнѣвъ, на головы невѣрныхъ,
И долго будетъ страшно наше имя
Въ предѣлахъ ихъ, — великую добычу
И славный миръ мы завоюемъ разомъ.

Басмановъ.

Пословица у насъ: „Сбирайся на день
А про запасъ бери на всю недѣлю!“

Василій Шуйскій.

Война — войной, а свадьба — свадьбой! Развѣ
Царю считать алтынами пригоже?
Подьячему, на жалованьи царскомъ,
На маленькомъ, а не царю — алтыны

Раскладывать на разныя потребы:
Одинъ на кашу, на кафтанъ другой.
Война у насъ не нынче и не завтра;
Пошлетъ Господь, такъ деньги соберутся:
Купцы дадутъ, въ монастыряхъ есть лишки.

Дмитрій.

Въ монастыряхъ онѣ лежатъ безъ пользы
Не правъ ли я?

Василій Шуйскій.

Безъ пользы, государь

Дмитрій.

Подумайте, бояре, какъ бы лучше
Разставить намъ гостей ясновельможныхъ,
Родню мою. Бояре, не забудьте,
Что польскіе паны — не вамъ чета;
Живутъ красно, богато, видѣть любо,
Не взаперти, а настежь, шумно, людно.

Василій Шуйскій.

Подъ воеводу домъ Борисовъ годенъ,
А для пановъ бояре потѣснятся.

Мстиславскій.

Намъ негдѣ взять раздолья и простору,
Живемъ черно.

Голицынъ.

За то радушно примемъ.

Василій Шуйскій.

Прислужниковъ царицыныхъ поставимъ
По улицамъ Чертольскимъ, по Арбату,
Въ самомъ Кремлѣ. Купцовъ, поповъ погонимъ
Изъ ихъ дворовъ; не маленькіе, сыщутъ
Пріютъ себѣ! Хоть нынче-жъ вывозиться
Прикажемъ имъ.

Басмановъ.

Зачѣмъ же гнать насильно?

Василій Шуйскій.

Просить начни — они ломаться будутъ;
Ему толкуй, а онъ свое заладитъ:

„Что домъ-де мой, что я-де въ немъ хозяинъ“.
Народъ простой — не понимаетъ чести,
Что въ ихъ дворахъ стоятъ царевы гости.

Басмановъ.

Великій царь, не одобряй насильства!
Прогнать поповъ — въ народѣ ропотъ будетъ.

Василій Шуйскій.

Неужто-жъ намъ, для нашей царь-дѣвицы,
Для матушки, красавицы-царицы,
Невиданной, неслыханной нигдѣ,
Поповъ жалѣть?

Дмитрій.

Да ты откуда знаешь
Про красоту ея?

Василій Шуйскій.

Да если-бъ лучше
Была у насъ, зачѣмъ бы издалека
И брать тебѣ: ты дома бы женился...
А, значитъ, нѣтъ.

Дмитрій.

Конечно, нѣтъ.

Басмановъ.

Давно ли,
Великій царь, ты разлюбилъ красавицъ
Родной земли, смиренницъ чернобровыхъ?
Ты прежде ихъ не обѣгалъ, кажись.

Дмитрій.

Красавицы въ Москвѣ у васъ не рѣдкость,
Но красотѣ имъ равныхъ не найдешь...
Но портитъ ихъ излишняя покорность
И преданность, безспорная готовность,
Всегдашнія уступки и молчанье.
Литовскія красавицы не то!
Въ очахъ огонь, въ рѣчахъ замысловатость!
То ласкою безмѣрною дарятъ,
То гордостью нежданною окинутъ.

Имъ приказать нельзя, нельзя принудить
Любить тебя; а долго и прилежно
Ухаживать тебя онѣ заставятъ.
(Указывая на Василія Шуйскаго.)
Смотрите-ка, у старика глаза-то
Какъ прыгаютъ. Ты, видно, Шуйскій, любишь
Хорошее? Товару цѣну знаешь?

Василій Шуйскій *(машетъ рукой)*.

Не безъ грѣха! Покаюсь, грѣшенъ, грѣшенъ!

Дмитрій.

Ну, то-то же! Вотъ жалко, что сосваталъ
Ты русскую, а то нашли бы польку.

Василій Шуйскій.

Ну, гдѣ ужъ мнѣ! Я старъ. По Сенькѣ шапка!

Басмановъ.

Намъ некогда, великій государь,
За бабами ухаживать подолгу;
У насъ дѣла съ утра до самой ночи,
И для того намъ русскія способнѣй.

Дмитрій.

Ты очень строгъ, Басмановъ, нынче; Шуйскій
Добрѣй тебя.

Бучинскій.

Твоей великой мосци
Дозволь сказать! Царицу безпокоитъ,
Что усмотрѣть не можно за прислугой;
Что наши грубы съ русскими, и много
И ссоръ, и дракъ бываетъ на дорогѣ.
Боится, чтобъ въ Москвѣ не сталось то же.

Василій Шуйскій.

Мы, русскіе, съ поляками роднимся.
Пускай дерутся, послѣ помирятся.

Басмановъ.

Молю тебя, великій государь,
Унять скорѣй поляковъ! Мы дождемся
Бѣды большой. Вражда непримирима,
А новыя обиды подольются,
Что̀ масло на огонь.

Василій Шуйскій.

Такъ что же дѣлать?
Не бить же намъ гостей своихъ до свадьбы!
Нельзя-жъ и русскихъ заставлять терпѣть
И принимать съ поклонами побои!
А пусть они даютъ полякамъ сдачи,
Такъ задирать поляки перестанутъ.

Бѣльскій.

Такой раздоръ недоброе пророчитъ.

Масальскій.

Дозволь полякамъ обижать народъ,
Дозволь народу драться съ поляками—
Натравливать охотники найдутся!

Басмановъ.

И вырастетъ изъ драки бунтъ народный.

Дмитрій.

Молчите вы! Мнѣ слушать надоѣло!
Не школьникъ я, не вамъ меня учить!
Поймите разъ и навсегда, что Шуйскій
Умнѣе васъ, и рта не разѣвайте,
Когда мы съ нимъ о дѣлѣ говоримъ.
(Власьевъ съ рабочими на галлереѣ.)
Ну, что ты Власьевъ?

Власьевъ.

Бархатомъ разжился,
Веду рабочихъ стѣны обивать.

Дмитрій.

Дождитесь здѣсь, бояре! Я въ покои
Царицыны схожу, взгляну работы.
(Уходитъ.)

Басмановъ *(Шуйскому)*.

Ты льстишь царю; твои совѣты—гибель.
Онъ молодой, горячій государь;
Любя его, ты будь руководитель,
Не поблажай, а на добро учи.

Василій Шуйскій.

Учить его, такъ быть умнѣе надо,
А я себя умнѣй его не ставлю.

Мстиславскій *(Басманову)*.

Да и тебѣ не слѣдъ умомъ кичиться
Передъ царемъ.

Василій Шуйскій.

Слуга—не опекунъ.

Басмановъ.

Покуда ты довѣрчивое сердце
Великаго царя не портилъ лестью,
Онъ вѣрныхъ слугъ своихъ любилъ совѣты,
За грубость рѣчи гнѣва не держалъ;
Онъ вѣрилъ намъ, онъ споръ любилъ, онъ помнилъ
Что тотъ слуга, кто смѣло рѣжетъ правду,
А наглый льстецъ—измѣнникъ, не слуга.

Василій Шуйскій.

Вотъ я женюсь, да если будутъ дѣти,
Такъ ихъ учить—обязанность моя.
(Выходитъ изъ галлереи Дмитрій, за нимъ Осиповъ.)

Дмитрій.

Мертвецъ, худой и блѣдный! Кто, зачѣмъ онъ?
Спросить его! Остановить его!
(Нѣмцы загораживаютъ Осипову дорогу.)

Басмановъ.

Убогій смердъ! Дьячишко изъ приказа!
Ты Осиповъ?

Осиповъ.

Рабъ Божій, Тимоѳей.

Басмановъ.

Зачѣмъ? Какъ смѣлъ? Откуда ты?

Осиповъ.

Изъ церкви.

Дмитрій.

Просить чего иль жаловаться хочешь
На слугъ моихъ? Обиженъ ты?

Осиповъ.

Тобою.

Дмитрій.

Не знаю, чѣмъ и какъ я могъ напрасно
Тебя обидѣть, добрый человѣкъ.

Осиповъ.

А тѣмъ, что ты въ святыхъ стѣнахъ кремлевскихъ,
Среди церквей, вертепъ грѣху поставилъ,
Нечестію и ереси поганой!
Святую тишь молитвы православныхъ
Нарушилъ ты гудѣньемъ мусикійскимъ!
Вхожденіемъ еретиковъ латинскихъ
И люторскихъ ты храмы осквернилъ.
Гдѣ я молюсь, предъ чѣмъ благоговѣю,
Куда вступаю съ трепетомъ священнымъ,
Туда со мной литвинъ и ляхъ съ руганьемъ
И мерзостнымъ кощунствомъ вмѣстѣ входятъ.

Басмановъ.

Остановись!

Бѣльскій.

Молчи!

Масальскій.

Убить его!

Голицынъ.

Какой смѣльчакъ!

Василій Шуйскій *(тихо)*.

Какой подвижникъ вѣры!

Дмитрій.

Не трогайте! Ты, Осиповъ, чего же
За брань свою желаешь заслужить
Отъ милостей моихъ царевыхъ?

Осиповъ.

Смерти!
Какой ты царь! Тебѣ-ль управить царствомъ,
Когда собой управить ты не въ силахъ!
Какой ты царь! Ты самъ въ оковахъ рабства!
Ты рабъ грѣха! служитель сатаны,
Сѣдящій на престолѣ всероссійскомъ!
Воистину разстрига, а не царь!

Бѣльскій *(беретъ бердышъ у нѣмца)*.

Нельзя терпѣть! Освободи намъ руки,
И мы его на части разнесемъ!

Басмановъ *(беретъ бердышъ у другого)*.

Измѣнникъ тотъ, кто можетъ равнодушно
Въ глазахъ царя такія рѣчи слушать!

Дмитрій.

Ты, Осиповъ, себѣ желаешь смерти;
Ты заслужилъ ее. Иди на казнь!

Осиповъ.

Чего же ждать иного отъ разстриги!

Басмановъ *(занося бердышъ)*.

Не изрыгай своихъ ругательствъ сквернихъ,
А то убью!

Бѣльскій *(занося бердышъ)*.

Молчи! Ни слова больше!

Осиповъ.

Я смерти жду. Постомъ и покаяньемъ
Я оградилъ себя отъ страха смерти,
И, причастясь святыхъ Христовыхъ таинъ,
Пришелъ къ тебѣ изъ Божьей церкви прямо—
Принять изъ рукъ твоихъ вѣнецъ страдальца,
Съ которымъ я на небеса предстану.
(Басмановъ и Бѣльскій опускаютъ бердыши.)
Придетъ пора, то время недалеко,
И смерть моя тебѣ завидна будетъ.

Дмитрій.

Увесть его! *(Идетъ къ двери.)*

Басмановъ.

Пытать его прикажешь?

Дмитрій.

Казнить его! Остановись, Басмановъ!
Простить, иль нѣтъ? *(Молчаніе)*. Жестокій, непреклонный,
Безчувственный и твердый, какъ желѣзо,
Безжалостенъ къ себѣ народъ московскій;
Онъ милостей не цѣнитъ и не стоитъ.
(Указывая на Осипова.)

Стеречь его до моего приказа!
Свести въ тюрьму! *(Быстро уходитъ.)*

Басмановъ.

Исполню, государь. *(Уходитъ.)*

Василій Шуйскій *(Голицыну).*

Вотъ мученикъ святой! Идя на смерть,
Онъ вымолвилъ пророческое слово:
„Завидовать моей ты будешь смерти". *(Уходитъ.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Дмитрій.
Панъ Юрій Мнишекъ, воевода сандомирскій.
Марина Юрьевна, его дочь.
Камеристка.

Деревянная келья въ Москвѣ.

(5-го мая 1606 года.)

Входятъ Мнишекъ *и* Марина.

Марина.

Скажи, отецъ, зачѣмъ меня, какъ птичку,
Здѣсь заперли?

Мнишекъ.

Чтобъ ты не улетѣла
Отъ сокола, московскаго царя.

Марина.

Ты знаешь самъ, какой тяжелой цѣпью
Взаимныхъ клятвъ, обѣтовъ, вздоховъ нѣжныхъ
Мы связаны съ державнымъ женихомъ,
Какъ вѣрны мы, и я, и онъ, другъ другу!
И вотъ, за то должна я въ заключеньи
Сидѣть и ждать, когда угодно будетъ
Великому царю съ собою вмѣстѣ
Меня на тронъ московскій посадить.
Смѣшной народъ, обычаевъ старинныхъ
Онъ измѣнить не можетъ.

Мнишекъ.

Если хочешь
Любимой быть, старайся сохранить
Обычаи и даже предразсудки
Земли теперь родной тебѣ.

Марина.

Стараюсь,
Хоть трудно мнѣ и скучно привыкать
Къ поклонамъ ихъ тяжелымъ, къ дикой рѣчи
И поступи размѣренной и тихой...
А мой женихъ радиться очень любитъ:
На дню пять разъ перемѣняетъ платье.

Мнишекъ.

Понравиться естественно желанье
Въ такомъ живомъ и страстномъ человѣкѣ.

Марина.

Мнѣ нравится царицей быть московской,
А царь Москвы и неуклюжъ, и грубъ.
Ты на царя похожъ гораздо больше,
Чѣмъ Дмитрій мой, великій императоръ.

Мнишекъ.

Учить тебя не стану; ты сумѣешь
И Польши честь, и гоноръ родовитыхъ
Пановъ ея достойно поддержать
Въ Московіи; но, кажется мнѣ, слишкомъ
Ты холодна съ царемъ. Онъ обезумѣлъ,
Онъ все забылъ, одной любовью бредитъ,
То шлетъ тебѣ подарокъ за подаркомъ,
То рядится и только что не плачетъ.

Марина.

А если такъ, ну, значитъ, не напрасно
Я холодна къ нему. Отецъ! Ты знаешь,
Что слабыя и робкія созданья
Мы, женщины, всю жизнь у васъ подъ властью,
И только разъ, когда страстей горячка
Безумная кипитъ въ душѣ мужчины,
Холодностью и строгостью притворной
Имѣемъ мы и власть надъ нимъ, и силу.

Въ землѣ чужой намъ золото и жемчугъ
Не лишніе, алмазы—тѣ же деньги.
Онъ намъ съ тобой полцарства обѣщаетъ,
Короновать меня царицей хочетъ;
Но я боюсь, что самъ-то онъ не долго
Процарствуетъ. Бояре Сигизмунду
Ужъ кланялись, просили Владислава.
А если онъ усядется и крѣпко
Въ Московіи, кто знаетъ, послѣ свадьбы
Каковъ онъ будетъ! Грубая природа
Въ немъ скажется. Отецъ, ты знаешь, z chama
Nie będzie pana.

Мнишекъ.

Брось свои тревоги
О будущемъ! Живи и наслаждайся
Величіемъ и баснословнымъ блескомъ,
Дарованнымъ тебѣ любовью царской
И неизсчетной царскою казной!
Довѣрься герою молодому:
Онъ ловко взялъ державу самовластья
И удержать ее сумѣетъ крѣпко
Въ своихъ рукахъ, а ты царя-героя
Великій духъ любовью оковала
И удержать въ цѣпяхъ любви сумѣешь.

(Музыка за сценой. Входитъ камеристка.)

Камеристка.

Его величество войти изволилъ.

(Входитъ Дмитрій въ венгерскомъ платьѣ.)

Мнишекъ.

Ясновельможной паннѣ, цесаревнѣ
Маринѣ Юрьевнѣ, всея Россіи,
Отецъ, панъ Мнишекъ, бьетъ челомъ
И милостямъ ее себя вручаетъ.
Между двоихъ влюбленныхъ—третій лишній.

(Кланяется Дмитрію и уходитъ.)

Марина.

Его величество мнѣ извинитъ
Невольное смущенье; мы такъ рано
Не ждали васъ...

Дмитрій.

Холодное смиренье
Въ рѣчахъ твоихъ, почтительная гордость
Навстрѣчу ласкъ горячихъ и объятій!
Когда же я, у ногъ твоихъ, Марина,
Дождусь любви?

Марина.

Величіе героя
Въ челѣ твоемъ, высоко поднятомъ,
Все то, чѣмъ я гордилась издалека,—
Вблизи меня пугаетъ. Робкой дѣвѣ
Слѣпятъ глаза блестящіе наряды,
Толпы вельможъ кругомъ тебя и роскошь
Даровъ твоихъ, и раболѣпство слугъ...
Почтительно сгибаются колѣни
Передъ лицомъ твоимъ...

Дмитрій.

Любви, Марина!
Одной любви! Одной любовью бѣденъ
На тронѣ я. Все то, чѣмъ я владѣю,
Все взято съ бою, силой отнятое.

Марина.

Любовь лишь тамъ, гдѣ равенство.

Дмитрій.

Забудемъ
Различіе! Не царь, а шляхтичъ вольный
Передъ тобой.

Марина.

Вамъ забываться можно,
А мнѣ нельзя.

Дмитрій.

Перенесися въ Польшу
Мечтой своей! Забудь, что ты въ Москвѣ!
Глухая ночь, гремитъ и воетъ буря,
Передъ окномъ красавица тоскуетъ
О рыцарѣ. Чрезъ горы и потоки
На бѣшеномъ, покрытомъ бѣлой пѣной
Аргамакѣ онъ мчится, чтобъ украдкой
Обнять свою любовницу. (*Обнимаетъ Марину.*)

Марина *(освобождаясь)*.

Довольно!
Великъ просторъ тебѣ для самовольства
По всей Москвѣ, а здѣсь мое владѣнье!
Царица я убогой этой кельи,
И здѣсь, за этой дверью, безопасной
Желаю быть.

Дмитрій.

Глаза твои, Марина,
Презрѣніемъ блеснули; эти взгляды
Ужасны мнѣ. Не повторяй ихъ болѣ,
Молю тебя. Они напоминаютъ
Дни жалкіе холопства моего,
Когда нѣмой, трепещущій отъ страсти.
Земли и ногъ не чуя подъ собой,
Изъ-за угла слѣдилъ я жаднымъ взглядомъ
Шаги твои, и ты, проникнувъ дерзость
Надеждъ моихъ, съ улыбкою змѣиной
Глядѣла на меня и обдавала
Презрѣніемъ отъ головы до ногъ.
Обиды нѣтъ обиднѣе тѣхъ взглядовъ:
Ихъ вынести не могъ я никогда;
Желѣзная природа уступала
Ихъ жгучести—и я, въ слезахъ, безъ пищи,
Въ горячечномъ бреду, больной, метался
И день, и ночь! Я боленъ и теперь:
Дай руку мнѣ, до головы дотронься!
Вся кровь горитъ, дрожитъ и холодѣетъ
Рука моя, мой голосъ рвется, слезы
Сжимаютъ горло и готовы хлынуть,
Свинцомъ лежитъ въ груди тяжелымъ сердце!
Скажи, Марина, чѣмъ, какою жертвой
Мнѣ заслужить любовь твою и ласку?

Марина.

Московскій царь, я лаской не торгую.

Дмитрій.

Но если ты не хочешь оцѣнить
Даровъ моихъ, позволь же мнѣ, Марина,

Слезами и колѣнопреклоненьемъ
Молить любви твоей.

Марина.

Ни унижаться,
Ни унижать меня я не позволю.
Сравнять меня съ собой у васъ есть средство —
Короновать меня. Передъ царицей
Вы можете тогда склонять колѣни,
Не унижаясь,—я тогда безъ страха
Могу обнять, какъ равнаго, тебя.

Дмитрій.

Короновать? Да развѣ ты не будешь
Царицею, со мною повѣнчавшись?

Марина.

Нѣтъ! Русскія царицы только жены
Мужей-царей — по мужу лишь царицы;
Затворницы, пока мужья ихъ живы,
По смерти ихъ, живые мертвецы,
Монахини безъ власти и значенья.
А я хочу теперь короноваться,
Дѣвицею, и мнѣ твои бояре
И воинство пусть также крестъ цѣлуютъ
На подданство, какъ и тебѣ.

Дмитрій.

Не знаю,
Не слыхано въ Руси такое дѣло.

Марина.

А гдѣ-жъ любовь твоя?

Дмитрій.

А гдѣ-жъ награда
За всѣ мои безчисленныя жертвы?

Марина.

Послѣднюю мою исполни волю
И жди себѣ награды—я твоя;
А безъ того назадъ уѣду въ Польшу.

Дмитрій.

Приказывай! Назначь намъ день и часъ;
Я прикажу собраться духовенству
И нынче же напишемъ чинъ вѣнчанья.

Марина.

Я завтра переѣду во дворецъ,
А послѣзавтра день коронованья.

Дмитрій

Исполню все.

Марина.

Спѣшить приготовленьемъ
Мнѣ надобно. Прощай, до новой встрѣчи
Въ дворцѣ твоемъ!

Дмитрій.

Хоть руку на прощанье
Облобызать позволь.

Марина.

Въ твоемъ желаньи
Не въ силахъ отказать тебѣ. Изволь!
Прощай, мой царь.

Дмитрій *(цѣлуя руку)*.

Прощай, моя царица.

Марина *(обнимая его)*.

Иди! Иди! Безвременною лаской
Не уменьшай безспорныхъ наслажденій!
Ты видишь ли, я берегу себя
Лишь для тебя, мой царь и повелитель!

Дмитрій.

Владычица моя, я власть слагаю
У ногъ твоихъ; повелѣвай отнынѣ
И мной самимъ, и цѣлымъ государствомъ.

Марина.

Да будетъ такъ! Я принимаю! Amen!
(Кланяется и уходитъ; Дмитрій быстро убѣгаетъ.)

Сцена 3-я.

ЛИЦА:

Василій Шуйскій.
Димитрій Шуйскій.
Голицынъ.
Куракинъ.
Татищевъ.
Калачникъ.
Дворецкій.

Дворяне. Боярскія дѣти. Головы. Сотники и стрѣльцы новгородскіе и псковскіе. Купцы и простой народъ.

Верхнія сѣни въ домѣ Шуйскаго. Темно

(11-го мая 1606 года.)

Выходятъ изъ освѣщенной комнаты Василій Шуйскій, калачникъ *съ восковой свѣчой въ рукѣ и* дворецкій.

Василій Шуйскій.

А крѣпко-ль мы живемъ, Иванъ? Въ кольчугѣ,
Я вижу, ты; меня-то бережете-ль?

Калачникъ.

И красныя, и заднія ворота
Съ дубинками ребята берегутъ;
По улицѣ, въ проулкахъ, перекресткахъ
И по концамъ поставлены рогатки—
Ни конному, ни пѣшему нѣтъ ходу,
Кромя своихъ. На стражѣ у рогатокъ,
Для случая, готовы верховые.
Я ставилъ самъ и обходилъ дозоромъ—
Я для того кольчугу и надѣлъ.

Василій Шуйскій.

Что̀ бережно, то цѣло.

Калачникъ.

Мы кольчуги,
По твоему приказу, отобрали
Изъ кладовой. Кому раздать, я знаю.
Кого не жаль, кому и жизнь копейка,

И голова не стоитъ ничего,
На нихъ-то я кольчуги и надѣну.
Я рать сберу изъ вольницы московской;
Мы выпустимъ сидѣльцевъ бражныхъ тюремъ,
Цѣпныхъ воровъ съ Варварскаго крестца!
И эту рать удалую навстрѣчу
Пищальнаго огня я поведу.
Мы вашу грудь своею загородимъ;
За головы разумныя бояръ
Мы головы дешевыя положимъ...
Зажечь огня?

Василій Шуйскій.

Одной свѣчи довольно.
Держи въ рукахъ! Не свадьбу мы пируемъ... *(Дворецкому.)*
Сбираются?

Дворецкій.

Понабралось довольно,
Внизу полно. Въ сѣняхъ стрѣльцовъ поставилъ,
Торговый людъ въ поварнѣ, въ черныхъ избахъ.

Василій Шуйскій.

А лишнихъ нѣтъ?

Дворецкій.

Кажись, что не бывало.

Василій Шуйскій.

Осматривай по одному! Чужого
Опрашивай: зачѣмъ пришелъ, откуда,
И кто привелъ? Когда позвать прикажемъ,
Пускай наверхъ безъ шуму, съ береженьемъ!
Теперь ступай! *(Дворецкій уходитъ внизъ.)*
Бояре, выходите!

(Выходятъ Дмитрій Шуйскій, Голицынъ, Куракинъ, Татищевъ, дворяне, дѣти боярскія и головы стрѣлецкіе.)

Голицынъ.

Довольно съ насъ обидъ и униженья
Отъ гордости поляковъ; нестерпима
Ихъ пьяная хвастливость.

Куракинъ.

То и дѣло,
Мы слушаемъ отъ нихъ, что намъ, холопамъ,
Пріятеля паны на царство дали;
Что служимъ мы холопски, что съ панами
Вельможными мы честью не равны.
Потѣшились надъ нами наши гости,
И будетъ съ нихъ; пришелъ конецъ ихъ панству,
Конецъ царьку и нашему холопству.

Голицынъ.

Пора ужъ намъ почетъ, боярамъ, видѣть!
Мы выберемъ себѣ царя межъ нами,
Боярскаго царя.

Дмитрій Шуйскій.

Опасный шагъ!
Храни Господь!

Голицынъ.

Не все-жъ играть въ игрушки!
Пора боярамъ послужить землѣ.

Татищевъ.

Боярами земля стоитъ отъ вѣка,
Не выдать же чужимъ родную землю.

Василій Шуйскій.

Народъ слѣпой, мы зрящіе, мы видимъ,
Куда итти, чего хотѣть народу.
Боярство—Русь великая, а земство
Идетъ туда, куда ведутъ бояре.
Народъ возьметъ, что̀ мы ему дадимъ,
И будетъ знать, что̀ мы ему велимъ.
Для нашихъ дней и для потомковъ нашихъ
Покроемъ мы всѣ замыслы и думы
Глубокою и вѣковѣчной тайной.
Пусть люди насъ не судятъ, судитъ Богъ!

Дмитрій Шуйскій.

А страшно, братъ!

Василій Шуйскій.

Кого же намъ бояться?
И царь слѣпой, и такъ же слѣпъ и простъ

Бѣсовозлюбленный его совѣтникъ.
Басманову ли править государствомъ!
Онъ подъ носомъ не видитъ ничего.
Борисовы ученики, мы Грознымъ
Воспитаны, и насъ не проведешь!
Не имъ чета! Вотъ мы умѣемъ править
Землей своей, вести народъ умѣемъ.
По выбору, и ложь, и правда служатъ
У насъ въ рукахъ орудіемъ для блага
Народнаго. Нужна народу правда—
И мы даемъ ее; мы правду прячемъ,
Когда обманъ народу во спасенье.
Мы лжемъ ему: и мрутъ, и оживаютъ
По нашей волѣ люди; по базарамъ
Молва пройдетъ о знаменьяхъ чудесныхъ;
Убогіе, блаженные пророчатъ,
Застонетъ камень, дерево заплачетъ,
Изъ нѣдръ земли послышатся глаголы,
И наша ложь въ народѣ будетъ правдой,
Въ хронографы за правду перейдетъ...

Татищевъ.

Великая боярская опора,
Василій, княжъ Иванычъ, за тобою,
Какъ стадо мы. Не закрывай уста!

Василій Шуйскій.

Была пора, намъ ложь была нужна,
Мы ею Русь спасали отъ Бориса;
Но выросла та ложь треглавымъ змѣемъ,
Свила гнѣздо себѣ въ чертогахъ царскихъ
И ересью дохнула на Россію,
Дѣтенышей развесть грозится, хочетъ
Облапить Русь погаными когтями.
Пришла пора покаяться, бояре,
Пришла пора виниться въ воровствѣ.
Мы про себя и про царя народу
Всю правду скажемъ. Эй! Зови народъ!

Калачникъ *(у лѣстницы свищетъ; дворецкій показывается)*.

Веди народъ!

Василій Шуйскій.

Бояре, честь и мѣсто!
(Усаживаются. Народъ всходитъ по частямъ.)
Вошли?

Дворецкій.

Вошли.

Василій Шуйскій.

Закройте западни!

Голоса.

Челомъ тебѣ, бояринъ!

Калачникъ.

Тише, тише!

Одинъ *(изъ толпы)*.

Бояре все, князья да воеводы,
И кланяться кому, не разберешь.

Калачникъ.

Одинъ поклонъ отвѣсь на всѣхъ, и будетъ.

Василій Шуйскій.

Честной народъ, Господнимъ попущеньемъ.
Мы нажили бѣду себѣ на плечи,
Великую и земскую бѣду.
Намъ жить нельзя. А если-бъ можно было,
Не стали-бъ мы—бояре—собираться,
Совѣтъ держать украдкой, по ночамъ,
Не стали-бъ мы и людъ честной тревожить.

Голоса.

Само собой!—Извѣстно, что не стали-бъ.

Василій Шуйскій.

Діавольской мечтой и омраченьемъ,
И нашимъ воровствомъ, у насъ на царствѣ
Не царь, а воръ, разстрига утвердился.
За воровство простите насъ! Я первый
Прошу у васъ прощенья. *(Кланяется.)* Мнѣ царевичъ
Извѣстенъ былъ я хоронилъ его.

Голоса

Ну, какъ тебѣ не знать! Извѣстно, страхомъ
Заставили разстригѣ поклониться.

Василій Шуйскій.

Когда Борисъ холопамъ за доносы
Сталъ вотчины боярскія давать,
Давилъ, какъ мухъ, боярство, половину
Извелъ его, а чернаго народу
И счету нѣтъ, теперѣнья намъ не стало.
Щадя себя, мы думали, гадали
Избыть его, и намъ Господь помогъ.
Явился воръ въ Украйнѣ, объявился
Димитріемъ; Литва заликовала,
Вся Сивера безъ бою отдалась,
За ней Рязань, казачество толпами
Пошло къ нему; войска и воеводы
Борисовы служили не охотно
И скоро всѣ передались за вора,
Винясь ему въ измѣнѣ небывалой.
Вздохнула Русь. Грѣха таить не стану,
Завѣдомо мы вору покорились;
Кто волей шелъ къ нему, а кто отъ страха...

Голицынъ.

И воля намъ невольная была.
Небось, своя рубашка къ тѣлу ближе.
Мы вѣдали, что волей, что неволей
Безчестною, съ веревкою на шеѣ,
А быть за нимъ; такъ лучше волей съ честью
Служить ему, и шли къ нему охотой.

Василій Шуйскій.

Разуменъ онъ и молодъ; мы гадали
И чаяли, что будетъ онъ боярскій
Совѣтъ любить и насъ держать въ почетѣ,
Блюсти законъ и чтить святую церковь,
Обычаевъ отеческихъ держаться.
Ошиблись мы! Вы видите и сами.
Таковъ ли онъ! Среди церквей соборныхъ
Поставилъ онъ костелы езовитамъ,
Навелъ орду гостей разноязычныхъ,
Еретиками Кремль заполонилъ,
Священниковъ и насъ, бояръ, повыгналъ,

Забралъ дворы и отдалъ ихъ полякамъ,
Изъ Польши взялъ латинской вѣры дѣвку
И, не крестя ее, вѣнчался съ нею
Подъ пятницу, подъ праздникъ годовой!
Въ монастырѣ держалъ ее до свадьбы;
Суреньщиковъ съ гудками, трубачеевъ
Водилъ туда и всякихъ скомороховъ.
Толпы бродягъ съ ругательствомъ и шумомъ,
Оружіемъ звеня, по храмамъ бродятъ,
Безчинствуя надъ нашею святыней.
Такъ вотъ дѣла! Какъ знаете, судите,
Друзья мои!

Голоса.

Не намъ судить! Не наша—
Боярская забота думу думать.—
Судите вы, бояре; мы за вами.

Василій Шуйскій.

Ограбилъ всю и промоталъ до тла
Копленую казну царей московскихъ.
То въ Польшу шлетъ, то здѣсь даритъ полякамъ
Безъ разума, безъ счета—точно ворогъ
Землѣ своей и царству разоритель.
Сплотили мы, скрѣпили государство,
А онъ его опять разноситъ врозь.
Всю Сиверу за дочь сулитъ онъ тестю,
А королю за сватовство—Смоленскъ,
А васъ, друзья мои, новогородцы,
Со всей землей и Псковъ еще въ придачу—
Женѣ своей, Маринѣ, отдаетъ,
И вольно ей латинскіе костелы
По городамъ новогородскимъ ставить.

Новгородскіе стрѣльцы.

О, Господи! Вотъ грѣхъ какой! Боярин,
Вступись за насъ! Василій, княжъ Иванычъ,
Твой родъ служилъ новогородской волѣ
До самаго конца ея.

Псковскіе стрѣльцы.

Твой братецъ

Двоюродный, Иванъ Петровичъ, Пскову
Защитникъ былъ отъ страшнаго Батуры.

Василій Шуйскій.

Терпѣть ли намъ и ждать, сложивши руки,
Пока бояръ поляки изведутъ
И волости московскія подѣлятъ,
Погонятъ васъ, какъ стадо на убой,
Латинскія обѣдни слушать силой!
Терпѣть ли намъ? Судите, какъ хотите!

Голоса.

Нельзя терпѣть!—Нельзя терпѣть, бояринъ!
Избыть бѣды!—Избыть! Чего тутъ думать!
Не мало насъ—мы встанемъ за одинъ.

Василій Шуйскій.

Я разъ лежалъ подъ топоромъ на плахѣ,
Народъ молчалъ, никто не шелохнулся.

Голоса.

Прости ты насъ, бояринъ!—Намъ разстригу
Доподлиннымъ царевичемъ казали.
Мы вѣрили боярамъ.

Василій Шуйскій.

Виноватыхъ
Я не ищу. Меня небесный Промыслъ
Помиловалъ и сохранилъ для мести.
Я смерти ждалъ; мальчишка вздумалъ шутки
Шутить со мной—я шутокъ не люблю,
Для шутокъ старъ я. Вывесть на потѣху
Народную сѣдого старика,
Боярина, опору государства,
Подъ топоромъ держать его на плахѣ,
Потомъ дарить непрошеннымъ прощеньемъ!
Я осужденъ соборнымъ приговоромъ:
Казни меня, но не шути со мной!
Съ врагомъ шутить и глупо, и опасно!
Враговъ губи! Будь онъ въ моихъ рукахъ,
Я съ нимъ шутить и нянчиться не стану.
Я видѣлъ смерть и, если будетъ нужно,

Готовъ опять итти навстрѣчу смерти,
Но головы терять не стану даромъ.
Ужъ умирать, такъ всѣмъ: мы смертью купимъ
Животъ себѣ.

Голоса.

Мы всѣ умремъ, бояринъ!
Какая жизнь у нехристей подъ властью!
Душа нужнѣй—безъ Бога не прожить!
Антихристу служить тяжеле смерти!
Ордой итти не страшно!—Грянемъ разомъ,
Такъ дымъ столбомъ—сыра-земля застонетъ!
Кажите намъ дорогу, мы за вами!
Мы шапками поляковъ забросаемъ!
Давайте намъ работу!

Калачникъ.

Тише, тише!

Василій Шуйскій.

Ну, если такъ, и ладно. Вы, покуда
Пора придетъ, товарищей сбирайте:
Вы, головы и сотники, по сотнямъ,
А вы, купцы-торговцы, по рядамъ!

Татищевъ.

Вы кучами, толпами не сходитесь!
По одному, тихонько, съ глазу-на-глазъ
Ведите рѣчь толково: что, молъ, время
За вѣру стать, что больше православнымъ
Терпѣть нельзя.

Голоса.

Да ладно, ладно!—Знаемъ,
Кому и какъ сказать.—Святое дѣло
Безъ разума и толка не начнемъ.

Василій Шуйскій.

Такъ по рукамъ!

Голоса.

Ударимся, бояре!

(Бояре встаютъ и подходятъ къ народу.)

Василій Шуйскій.

Давай другъ другу! Помните, гдѣ руки,
Тамъ—головы. Рука божбы дороже!

Голоса.

Моя рука!—Еще рука!—За братьевъ,
За всѣхъ своихъ товарищевъ!

Сотникъ.

За сотню!

Голова.

За тысячу!

Купецъ.

За весь иконный рядъ!

Василій Шуйскій.

Ну, слушайте, робята!

Калачникъ.

Тише, тише!

Василій Шуйскій.

Недѣлю вамъ я сроку дамъ; въ субботу
Зарю встрѣчай и поджидай работу!

Татищевъ.

Готовь мечи, ножи точи булатны!

Василій Шуйскій.

И разомъ въ сходъ, какъ загудетъ набатный.

Голоса.

Въ набатъ! Въ набатъ!

Голицынъ.

Готовься, жди набата!

Калачникъ.

Всю ночь не спать, набата ждать!

Василій Шуйскій.

Робята!
Заслыша звонъ, со всѣхъ сторонъ московскихъ
Сбирайся въ сходъ вблизи воротъ Фроловскихъ
И въ Кремль за мной вались толпой!

Голицынъ.

Укажемъ,
Кого искать, съ кого начать.

Татищевъ.

Намажемъ
Дворы чужихъ, кресты на нихъ напишемъ.

Калачникъ.

Всю ночь сиди, набата жди!

Голоса.

Услышимъ!
Глухіе, что-ль!—Ни вѣсть отколь, нагрянемъ!

Голицынъ.

Поможетъ Богъ, враговъ врасплохъ застанемъ!

Голоса.

Зачѣмъ сбирать большую рать и силу!
Одинъ съ кошемъ, другой съ дубьемъ подъ силу!
Ведите насъ!—Идемъ сейчасъ на драку!
Зачѣмъ терпѣть, чего жалѣть собаку!
Робята, въ Кремль!

Василій Шуйскій.

Потише!

Калачникъ.

Тише, тише!

Василій Шуйскій.

Смирнѣй, друзья! Не бунтъ мы затѣваемъ!
О чемъ шумѣть? Святое наше дѣло.
Придетъ пора и время; мы за вѣру
Иконами, крестами ополчимся,
Помолимся и скажемъ: съ нами Богъ!

Голоса.

Ты всѣмъ глава.—Что скажешь, то и будетъ.

Василій Шуйскій *(кланяясь)*.

Спасибо вамъ за ласку и радѣнье!
Богъ помочь вамъ и намъ! Ступайте съ Богомъ,
По одному, безъ шума, не спѣша!

Голоса.

Челомъ тебѣ, бояринъ, за науку!
Челомъ тебѣ за ласковое слово!
За все челомъ, и вдвое за любовь!

(Кланяются и сходятъ съ лѣстницы.)

Василій Шуйскій *(боярамъ)*.

Пойдемъ, друзья, досиживать до свѣту!
Въ Кремлѣ сидять; а мы не хуже ихъ!

(Уходятъ всѣ, кромѣ Голицына и Куракина.)

Голицынъ.

Толкуй себѣ: „Не бунтъ мы начинаемъ!“
Чего-жъ еще, коль это ужъ не бунтъ?

Куракинъ.

Какой же бунтъ! Василій свѣтъ-Иванычъ
Что̀ ни начни, все свято у него!
Завѣдомо мошенничать сберется
Иль видимую пакость поровитъ,
А самъ, гляди, вздыхаетъ съ постной рожей
И говоритъ: „Святое дѣло, братцы!“ *(Уходятъ.)*

Сцена 4-я.

ЛИЦА:

Калачникъ.
Юродивый.
Иванушка, дуракъ.
Поваръ дворцовый.
Старикъ столѣтній изъ Углича.
Купцы. Стрѣльцы. Разные мелкіе торговцы, мальчишки, простой народъ и странники. Рота нѣмецкихъ алебардщиковъ съ капитаномъ; десятскіе.

Улица въ Китаѣ-городѣ.

(12-го мая 1606 года.)

Проходитъ толпа разнаго народа. Четверо купцовъ; *кругомъ разговаривающихъ постепенно собирается толпа.*

1-й купецъ.

Чего намъ ждать? Часъ отъ часу не легче!
Пріѣхали на свадьбу, а возами

Оружія съ собою навезли...
И понимай, какъ знаешь!

2-й купецъ.

Понимать-то
Тутъ нечего! Яснѣе свѣту дѣло:
Пришелъ конецъ, забрались волки въ стадо.

1-й купецъ.

Большой нарядъ за Деревянный городъ
Поволокли и ставятъ на лужку,
У Срѣтенскихъ воротъ, полѣво Красныхъ
Слободъ.

3-й купецъ.

Зачѣмъ?

1-й купецъ.

А развѣ ты не знаешь?
Бояръ губить—своихъ поляковъ тѣшить.
Назначенъ бой примѣрный въ воскресенье,
И перебьютъ бояръ до одного.

4-й купецъ.

Не можетъ быть! А волости царевы
Кому держать?

1-й купецъ.

Подѣлятъ ихъ полякамъ,
По городамъ латинство заведутъ.

3 й купецъ.

Бѣда бѣдой, живой ложись въ могилу!

1-й купецъ.

Великъ Господь! Ты бойся, да не очень!
Вы помните, что прежде воскресенья
Субботній день бываетъ.

4-й купецъ.

Это вѣрно.

1-й купецъ.

Сиди да жди субботы! *(Уходитъ.)*

2-й купецъ.

Не мѣшаетъ
Дубинки намъ, робята, заготовить,
Чтобъ было чѣмъ подчасъ оборониться.
(Выходитъ толпа поляковъ, слугъ Вишневецкаго.)

Поляки.

Эй, хлопы! Прочь съ дороги!

Голоса.

Разойдемся!
Просторъ великъ въ Москвѣ, гуляй, гдѣ хочешь!
А тѣсно вамъ у насъ – гуляйте въ Польшу!

Поляки.

Стрѣлять по васъ, холопская порода!

Мальчишки *(прыгая)*.

Ну, застрѣли! Ну, застрѣли! Не смѣешь!
Поляки! У! Безмозглые поляки!
Пучки, глаголи, лысые затылки!
(Поляки бросаются съ саблями на мальчишекъ.)

Голоса.

У насъ не такъ; по нашему-то вотъ какъ!
Валяйте ихъ каменьями, робята.

(Бросаютъ каменьями въ поляковъ, тѣ скрываются въ ворота дома, занимаемаго Вишневецкимъ; выходятъ пятеро небогатыхъ посадскихъ).

1-й посадскій.

Его съ двора прогнали, а поляковъ
Поставили.

2-й купецъ.

Кого его?

1-й посадскій.

Попа
Чертольскаго, отъ Знаменья! Строптивый
Старикъ такой...

2-й посадскій.

Ну, что же?

1-й посадскій.

Ну, и слушай!
Обѣдню онъ, какъ надо, отслужилъ,
Ектенію проговорилъ честь честью,
„Благочестиваго“ сказалъ порядкомъ,
А послѣ въ алтарѣ тихонько проклялъ.

3-й посадскій.

Анаѳемой?

1-й посадскій.

Анаѳемой!

4-й посадскій.

Да правда-ль?

1-й посадскій.

Всѣ слышали.

2-й посадскій.

Зачѣмъ бы гнать поповъ?
Помимо ихъ, другихъ дворовъ довольно.

1-й посадскій.

Монастыри хотятъ теперь очистить,
Прогнать изъ нихъ монаховъ и монахинь.

3-й посадскій.

А гдѣ-жъ имъ жить? Въ міру соблазна много.

1-й посадскій.

Монахамъ женъ дадутъ, монахинь замужъ
Повыдадутъ. А кто не пожелаетъ,
Тому конецъ.

5-й посадскій.

Ни въ жизнь я не повѣрю!

1-й посадскій.

Ты вѣрь, не вѣрь, а деньги обираютъ
Въ монастыряхъ; не проживешь безъ денегъ.

2-й посадскій.

И деньги-то святыя: на строенье
Да за душу міряне подавали;
А ихъ возьмутъ, полякамъ раздадутъ.

Десятскій.

Чего вы тутъ! Зачѣмъ собрались кучей?
Петръ Ѳедорычъ толпиться не велѣлъ
По улицамъ.

1-й посадскій.

Иди своей дорогой,
Покамѣстъ цѣлъ. Не трогаютъ тебя,
Не приставай и ты, дружокъ!
(Входитъ калачникъ и уставляетъ лотокъ.)

Калачникъ.

Торгую!
Вались народъ со всѣхъ воротъ. Горячи!
Горяченьки калачики!
(Входитъ дворцовый поваръ, пьяный.)

Поваръ *(самъ съ собою)*.

Утя ли
Верченое... кострецъ лосинъ... осердье
Крошеное... рожновое куря...
Иль рябъ подъ сливами... я все умѣю!

Калачникъ.

Одинъ подшелъ, починъ пошелъ; горячихъ!
Не обожгись, смотри!

Торговка *(съ гречневиками)*.

Напекъ, нажарилъ
Кривой хозяинъ; съ-криву не видалъ,
Большихъ давалъ. Подуйте, да и жуйте!

Поваръ.

Опять же гусь, и лебедь, и журавъ...
Какъ хочешь ихъ... и потрохи и крылья...
Въ разсолъ могу инбирный съ огурцы...
(Выходятъ странникъ и молодой стрѣлецъ; ихъ окружаетъ всякій народъ.)

Странникъ.

Онъ воръ прямой! Я лгать тебѣ не стану;
Убей меня Господь на этомъ мѣстѣ!
Какая стать природному царю

Законъ мѣнять, а онъ его мѣняетъ.
Не то что царь, а мы, простые люди...
Примѣрно ты, пойдешь ли ты вѣнчаться
Подъ пятницу, подъ вешняго Николу?

Стрѣлецъ.

Болтай еще! Какая мнѣ неволя!

Странникъ.

А кто его неволилъ!... Это разъ!
Другой тебѣ: вѣнчался съ некрещенной.

Стрѣлецъ.

А патріархъ?

Странникъ.

Игнатій-то? Потатчикъ
И пьяница, и еретикъ извѣстный...
А вотъ тебѣ и третій: въ банѣ не былъ
До сей поры; не мывшись, въ церковь ходитъ.

Стрѣлецъ.

Да правда-ль, другъ?

Странникъ.

Спроси другихъ. Съ царицей
По пятницамъ телятину ѣдятъ.

Поваръ *(прислушиваясь)*.

Телячьихъ мясъ я жарить не согласенъ
По пятницамъ... и что́ за сласть такая?
Показана тебѣ въ писаньи пища...

Стрѣлецъ.

Ты кто такой, пріятель?

Поваръ.

Царскій поваръ.

Странникъ.

Ну, вотъ, спроси!

Стрѣлецъ.

Скажи, дружокъ, по чести,
Телятъ у васъ къ столу цареву носятъ?

Поваръ.

Неужто-жъ нѣтъ! Нарядятъ, изукрасятъ,
Всего, какъ есть, съ рогами, постановятъ
Да такъ и жрутъ. Поганая Марина
И поваровъ изъ Польши привезла,
А насъ прогнали, другъ: мы не умѣемъ...
Гуляй теперь по всей Москвѣ, гдѣ знаешь.

(Входитъ старикъ.)

Калачникъ *(старику)*.

А, дѣдушка! Отколь Господь несетъ?

Старикъ.

Изъ Углича, родимый, поклониться
Угодникамъ московскимъ.

Калачникъ.

Дѣло вздумалъ!
Честной народъ, подвиньтесь-ка поближе!
Намъ дѣдушка про Угличъ поразскажетъ.

(Народъ окружаетъ старика.)

Ты въ Угличѣ Димитрія видалъ ли
Царевичемъ? А буде не случалось,
Такъ погляди его царемъ у насъ!

Старикъ.

Сто лѣтъ живу, изъ Углича ни шагу
Не выходя; царя Ивана помню.
Назадъ тому лѣтъ будетъ полусотня,
Онъ былъ у насъ въ гостяхъ, у брата Юрья
Василича, и съ нимъ на богомолье
Въ обители окрестныя ходили.
А Дмитрія царевича, не то что
Я видывалъ, и нянчить приходилось;
Кораблики ему бывало строилъ
Лубочные—потѣшиться: по Волгѣ
Любилъ пускать...

Голосъ изъ толпы.

Ступай къ нему; онъ вспомнитъ,
Пожалуетъ тебя.

Старикъ.

Кривить душою

Въ мои лѣта какая мнѣ неволя!
Царевичъ жилъ и росъ въ моихъ глазахъ.
Я, въ самый день безбожнаго убійства,
Его живого видѣлъ у обѣдни;
Къ убитому всѣхъ прежде прибѣжалъ,
Стоялъ надъ нимъ, зарѣзаннымъ, и плакалъ;
При мнѣ его въ могилу опустили.
И съ той поры нашъ Угличъ запустѣлъ;
Унесъ съ собой царевичъ наше счастье.

Голоса въ толпѣ.

Болтай еще! Въ застѣнкѣ побываешь!—
Пойдемте прочь; мы глухи, не слыхали.

Старикъ.

Ни въ милостяхъ его я не нуждаюсь,
Ни гнѣва не боюсь! Сто лѣтъ я прожилъ,
Еще ста лѣтъ не проживу, о лишнемъ
Десяткѣ дней и спорить нѣтъ расчета.

Десятскій.

Вязать его! Робята, помогите!
Десятскіе!

Калачникъ.

Кричи, сбирай десятскихъ!
Помогутъ ли они тебѣ, посмотримъ!
Ты лѣтъ не чтишь, ты, сдуру, поднялъ руку
На старика сѣдого! Ну, такъ стой же!
Учтивости я выучу тебя.

(Хватаетъ его за воротъ.)

Десятскій.

Ты что шумишь? Ты самъ-то что̀ за птица?

Калачникъ.

Что̀ я-то?! Я—не сыщикъ, не доносчикъ;
Я - весь народъ московскій; вотъ—кто я!
Ты радуйся, что мы покуда тихи.
Берись за умъ, одну съ народомъ пѣсню
Затягивай! А то бѣды дождешься:
Возьмемъ дубьё, и вамъ, съ панами вмѣстѣ,
Достанется, басмановскіе псы!

Десятскій.

Тебя, дружокъ, вязать-то! Эй, робята,
Держи его!

Калачникъ.

Убью тебя на мѣстѣ.
Анаѳема! Зубами загрызу!

(Роняетъ десятскаго.)

Давайте ножъ! Берите, братцы, колья!
Убьемъ его до смерти! Жилъ собакой,
И умирать ему собачьей смертью!

Десятскій.

Да смилуйся! И самъ не стану трогать
Честный народъ и закажу другимъ.

Голоса.

Убей его! Туда ему дорога!
Кончай его скорѣй!

Десятскій.

Пустите душу
Покаяться!

Калачникъ.

Ну, чортъ съ тобой! Смотри же,
Держи языкъ на привязи! Своруешь—
Вездѣ найду, и не проси пощады!
Не жить тебѣ!

(Входитъ юродивый въ польской шапкѣ.)

Голосъ изъ толпы.

Аѳоня, ты отколѣ?

Юродивый.

На свадьбѣ былъ и медъ, и пиво пилъ.
Не весело!

Голосъ.

Зачѣмъ ты въ польской шапкѣ?

Юродивый.

Надѣнемъ всѣ. Митрополитъ казанскій
Не захотѣлъ надѣть, его сослали—
Сослали, да! Въ цѣпяхъ и заключеньи
Томятъ его.

Калачникъ.

Садись со мной, убогій,
Сыграемъ въ зернь! Покажемъ православнымъ.
Какой игрой своихъ поляковъ тѣшитъ
Московскій царь, чтобъ имъ не скучно было.

На тебѣ шапка кругла
На четыре угла;
Ты будешь полякъ,
А я русакъ—
И будетъ дѣло такъ.

Мы наперво на Новгородъ сыграемъ!

(Играютъ, вмѣсто костей, камушками.)

Ну, Новгородъ тебѣ я проигралъ.
Теперь на Псковъ... *(Народу.)* Да что же это, братцы!
Никакъ ему и Псковъ я проигралъ.
Куда ни шло, на Сѣверскую землю!...
Ахти, бѣда! Совсѣмъ я проигрался.
Осталось мнѣ московскіе соборы
Проигрывать полякамъ. *(Вбѣгаетъ купецъ.)*

Купецъ.

Защитите,
Родимые! Напали полячишки
Проклятые, отбили силой дочку.

Калачникъ.

А гдѣ они?

Купецъ.

Да вонъ бѣгутъ! Родную
Къ себѣ тащатъ.

(Поляки съ дѣвушкой у воротъ дома, гдѣ стоитъ Вишневецкій.)

Калачникъ

Денной разбой, робята!
На выручку! Работай, чѣмъ попало.

(Разбиваютъ разножки, на которыхъ ставятъ лотки, и обломками дерутся съ поляками; отбиваютъ дѣвушку. Изъ воротъ выходятъ люди Вишневецкаго съ ружьями.)

Калачникъ.

Съ пищалями?! Скликай народъ, робята!

Голосъ.

Вались народъ! Обидѣли поляки!

(Прибѣгаютъ нѣсколько человѣкъ и Иванъ-дурачокъ.)

Мальчишки.

Иванушка! Иванушка-дуракъ!

Калачникъ.

Иванушка! кричи, что силы хватитъ;
Сзывай народъ! Кричи: поляки бьютъ!

Иванъ.

Поляки бьютъ! Поляки нашихъ бьютъ!

(Сбѣгается народъ; слуги Вишневецкаго стрѣляютъ холостыми зарядами, уходятъ въ ворота и запираютъ ихъ.)

Калачникъ.

Давай сюда камней, полѣньевъ, бревенъ!

(Несутъ бревно.)

Берись дружнѣй, высаживай ворота!
Раскачивай! Затягивай дубинку!

(Нѣсколько человѣкъ запѣваютъ пѣсню: „Ахъ ты, дубинушка, ухни!" раскачиваютъ бревно и бьютъ въ ворота; дуракъ кричитъ. Показывается рота нѣмцевъ съ капитаномъ и начинаетъ напирать на народъ.)

Капитанъ *(народу)*.

Пошелъ домой! Ходи домой! Ihr, Schurken!

Калачникъ *(прячась за дурака)*.

Иванушка, сучи кулакъ на нѣмцевъ!

Иванъ *(засучивъ рукавъ)*.

Ну, выходи!

Калачникъ.

Ругни ихъ хорошенько!

Иванъ.

Проклятые, съ своимъ царемъ проклятымъ!

Капитанъ.

Бери его! Вяжи! Das ist ihr Hauptmann!

(Весь народъ разбѣгается: дурака уводятъ нѣмцы.)

Сцена 5-я.

ЛИЦА:

Дмитрій.
Марина.
Олесницкій, каштелянъ мологосскій; посолъ Сигизмунда.
Шуйскій.
Голицынъ.
Юрій Мнишекъ.
Вишневецкій, Константинъ.
Иванъ, дуракъ.

Музыканты. Пьесельники. Стража. Поляки и полъки, родственники Марины, и гости.

Залъ въ новомъ дворцѣ.

(13 мая 1606 года.)

Выходятъ Дмитрій и Олесницкій; *за ними бояре*: Шуйскій, Голицынъ; *паны:* Мнишекъ, Вишневецкій и *другіе;* Марина *съ своей свитой.*

Дмитрій.

Панъ мологосскій! брата Сигизмунда
Сомнительно ко мнѣ расположенье.
Не вижу я любви его. Скитальцемъ
Я въ Краковѣ почету больше видѣлъ,
Чѣмъ здѣсь теперь, когда я сѣлъ на царства
Великія, когда страны полночной
Единымъ обладателемъ я сталъ.
По-братски ли не признавать титуловъ,
Наслѣдственныхъ, отъ Бога нашимъ предкамъ
Дарованныхъ? Титулы много значатъ,
Когда они дѣйствительны: не словомъ,
А дѣломъ я коронами владѣю
Великихъ царствъ. Мы брата Сигизмунда
Наслѣдственныхъ титуловъ не лишаемъ
И королемъ наслѣднымъ свейскимъ пишемъ,
А онъ король—лишь только на бумагѣ.

Дивлюсь ему! Имѣть въ своемъ титулѣ
Наслѣдныя права, и спать спокойно!
Имѣй-ка я хоть тѣнь такого права,
Я-бъ свейскую корону съ боя отнялъ.

Олесницкій.

У насъ земля свободная: не могутъ,
Для личныхъ правъ и выгодъ, короли
Покой страны и подданныхъ нарушить.

Дмитрій.

А если такъ, я-бъ вашу Польшу бросилъ,
Безъ васъ бы отнялъ свейскую корону,
Потомъ бы сталъ и Польшу доставать...
А впрочемъ, панъ, оставимъ разговоры.
Мы вечеръ посвящаемъ на забавы.
Я утромъ—царь, а вечеромъ—любовникъ,
Вздыхающій у ногъ своей богини.

Марина.

Мы танцовать хотимъ!

Дмитрій.

Здѣсь ваша воля—
Законъ для насъ. Эй! Музыку и пѣсенъ!

(Музыка. Царь съ царицей и поляки танцуютъ польскій.)

Олесницкій *(Василію Шуйскому)*.

Москва шумитъ, поляковъ обижаютъ.

Василій Шуйскій.

Вельможный панъ боится хлоповъ глупыхъ?

Олесницкій.

Вельможный панъ боится, или нѣтъ,
Онъ знаетъ самъ про то; а Шуйскій знаетъ,
Что чернь въ Москвѣ не даромъ зашумѣла.

Василій Шуйскій.

Пословъ не бьютъ.

Олесницкій.

Пока страна покойна.

Василій Шуйскій.

Скажи царю, просите для защиты
Стрѣльцовъ себѣ!

Олесницкій.

Царю мы говорили;
Не вѣритъ намъ.

Василій Шуйскій.

Басманову скажите!

Олесницкій.

Покойнѣй намъ, вѣрнѣе, если Шуйскій
Поручится за нашу безопасность.
Дай руку, панъ!

Василій Шуйскій.

Изволь! Ручаюсь Богомъ,
Что волосомъ тебя никто не тронетъ.

Олесницкій *(показывая на Юрія Мнишка)*.

Безъ шапки воевода сендомирскій
И спину гнетъ на старости кольцомъ.

Василій Шуйскій.

Тебѣ примѣръ даетъ.

Олесницкій.

Я понимаю. *(Проходятъ.)*

Вишневецкій *(Мнишку)*.

Случись еще подобная тревога,
Я жолнерамъ стрѣлять велю.

Мнишекъ.

Потише!
Мы гости здѣсь.

Вишневецкій.

Тѣмъ хуже! Царь московскій
Не выдавай гостей своихъ въ обиду!
Кацаповъ глупыхъ тысячи четыре
Вчера сошлось съ дубьемъ къ моимъ воротамъ.
Аль царь забылъ, такъ я ему напомню
И поданнымъ его, что Вишневецкимъ
Онъ самъ служилъ холопомъ при конюшнѣ.
Онъ долженъ бы беречь моихъ холоповъ:
Они ему товарищами были.

Мнишекъ.

Не обижай меня и дочь-царицу,
Прошу тебя! Мы послѣ, Вишневецкій,
Поговоримъ съ царемъ наединѣ
И выпросимъ охраны понадежнѣй.
(Подходятъ Шуйскій и Голицынъ).

Голицынъ.

У васъ, паны, мазурку лихо пляшутъ,
Глядѣть на васъ потѣшно.

Василій Шуйскій.

Не мѣшаетъ
И намъ себѣ завесть такую пляску,
Особенно на свадьбахъ.

Вишневецкій.

Мы, поляки,
Когда у насъ нѣтъ дѣла иль войны,
Хоть каждый день плясать готовы.

Голицынъ.

То же
И мужики у насъ: какъ пьянъ, такъ праздникъ,
И заплясалъ.

Вишневецкій.

Вамъ надо поучиться
У рыцарей и дѣлу, и забавамъ.

Голицынъ.

Ну, дѣло-то мы знаемъ безъ ученья,
А пляскамъ вотъ не худо поучиться.
Да только мы, паны, не будемъ сами
Боярскихъ ногъ ломать другимъ въ потѣху:
Холоповъ мы по-польски изнарядимъ
И забавлять себя велимъ мазуркой.

Вишневецкій *(Мнишку)*.

Moskiewskie barbarzynstwo!.

Голицынъ.

Такъ-то лучше!

Басмановъ *(Шуйскому)*.

Скажи мнѣ, князь Василій, ты московскій

Простой народъ какъ на ладони видишь,
Откуда въ немъ такая перемѣна?

Василій Шуйскій.

А какъ мнѣ знать! Съ утра до поздней ночи
Я во дворцѣ толкусь, у государя;
Сегодня пьянъ, а завтра сплю съ похмелья—
Я ничего не вижу и не слышу.

Басмановъ.

Мятежъ въ Москвѣ.

Василій Шуйскій.

Ты что-жъ не унимаешь?

Басмановъ.

Унять народъ легко—добраться нужно,
Кто возмутилъ, кто вѣсти распускаетъ.

Голицынъ.

Разыскивай!

Басмановъ.

Сказать ли государю,
Иль подождать?

Василій Шуйскій.

Скажи, правѣе будешь.

(Басмановъ тихо говоритъ съ Дмитріемъ.)

Голицынъ *(Мнишку)*.

Вельможный панъ, ты видишь, мы хлопочемъ
О тишинѣ и вашемъ успокоѣ.

Мнишекъ.

Dziękuję, панъ Голицынъ; мы за ласку
Заплатимъ вамъ.

Вишневецкій.

Мы васъ за то похвалимъ
Передъ царемъ, котораго изъ Польши
Мы дали вамъ.

Голицынъ.

А изъ чего-жъ мы бьемся!

(Дмитрій и Басмановъ подходятъ.)

Дмитрій *(Мнишку и Вишневецкому)*.

Мой глазъ вездѣ, мнѣ тотчасъ все извѣстно;
Безъ вѣдома и воли нашей, царской,
Ничто въ Москвѣ не можетъ совершиться.
Вамъ можно спать спокойно. Мы за это
Поручимся. Развѣдайте, бояре,
О чемъ шумитъ народъ, что хочетъ?

Василій Шуйскій.

Признаться, я большой бѣды не вижу
Отъ драки пьяныхъ польскихъ челядинцевъ
Съ торговцами московскими. Однако-жъ,
И разыскать виновныхъ не мѣшаетъ.

Вишневецкій.

Вдвоемъ, втроемъ дерутся—будетъ драка;
А въ тысячахъ не драка ужъ, а—бунтъ.

Василій Шуйскій.

Пословица такая есть: „У страха
Глаза велики“, панъ ясновельможный!

Дмитрій.

Народный шумъ гостей моихъ пугаетъ;
Увѣрьте ихъ, бояре, что я принялъ
Свою державу крѣпкою рукой.

Василій Шуйскій.

Богъ далъ, у насъ народъ не то, что въ Польшѣ:
Земля царю, а царь народу вѣритъ.
У васъ мятежъ и рокошъ каждый день,
А если вамъ и тутъ все рокошъ снится,—
Для вѣрности, прикажемъ днемъ и ночью
По улицамъ стрѣльцамъ ходить дозоромъ...
Не разберешь, кто правъ, кто виноватъ!
Вчера, въ ночи, поляки на Никитской
Боярыню насильно изъ повозки
Уволокли.

Дмитрій.

Вы слышите, паны!
Все разыскать и наказать виновныхъ!

Потачки нѣтъ ни русскимъ, ни полякамъ.

(Бучинскій входитъ).

Ты, Янъ, зачѣмъ?

Бучинскій.

Отъ нѣмцевъ съ донесеньемъ.

Дмитрій.

О чемъ еще?

Бучинскій.

Они увѣдомляютъ
О мятежѣ въ Москвѣ.

Дмитрій.

Вы надоѣли
Мнѣ съ мятежомъ.

Бучинскій.

Мятежниковъ прогнали,
Разбили въ пухъ. Зачинщикъ-предводитель
Попался въ плѣнъ и приведенъ сюда:
Онъ поносилъ тебя позорной бранью.

Василій Шуйскій.

Диковина! Откуда только смѣлость
Доносчики берутъ царя тревожить
Въ такіе дни? У государя гости;
Онъ цѣлый годъ царицу ждалъ въ Москву;
Привелъ Господь, соединилъ ихъ бракомъ;
На первыхъ дняхъ медовыхъ другъ на друга
Глядѣть бы имъ да любоваться только,
А нѣмцы тутъ съ доносами. Басмановъ,
И ты туда-жъ! Да развѣ нѣтъ боярства!
Иль думы нѣтъ у цесаря! Не хуже
Басманова мы бережемъ его!
Скажите намъ, мы разберемъ, въ чемъ дѣло,
Не доводя напрасно до кручины
Державную чету.

Дмитрій.

Скажите нѣмцамъ,
Что вѣрности ихъ вѣрю и доволенъ

Ихъ службою, за преданность хвалю;
Но если преданность еще покажутъ
Такую же, велю ихъ батогами.
Пойдемъ, паны, и снова отдадимся
Веселію,—тяжелыя заботы
Правленія на вѣрныхъ слугъ возложимъ.
Бояре, вы сейчасъ же допросите
Измѣнника и разберите дѣло!

(Шуйскій и Голицынъ уходятъ.)

Басмановъ *(Дмитрію)*.

Темна вода въ облацѣхъ небесныхъ!
Не Шуйскій ли затѣйщикъ этой смуты?

Дмитрій.

Подозрѣвать бояръ своихъ ближайшихъ
И каждый часъ беречься ихъ измѣны—
Такъ жить нельзя. Ты выведи мнѣ ясно
Измѣнниковъ, я ихъ не пожалѣю,
Не только Шуйскихъ, половину думы
Казнить велю сейчасъ; а безъ улики
Они—друзья мои, и я имъ вѣрю...
Басмановъ! намъ съ тобой бояре нужны.
Правители плохіе мы: не знаемъ
Цѣны казнѣ, цѣны своимъ рѣчамъ—
Мы воины. Сноровка вѣковая,
Боярская, за насъ управитъ землю,
Поддержитъ честь ея въ дѣлахъ посольскихъ;
А мы съ тобой все лѣто воевать,
А зиму всю гулять да пировать. *(Жметъ ему руку.)*

Марина *(Дмитрію)*.

Какой-то бунтъ, я слышала, бояре
Затѣяли. О чемъ они бунтуютъ,
Вели спросить да запереть ихъ крѣпче,
И танцовать начнемъ съ тобою снова.

Дмитрій.

Иду, иду! Живѣе намъ мазурку!

(Музыка. Танцы и пѣсни. Шуйскій и Голицынъ входятъ.)

Василій Шуйскій *(Дмитрію).*

Великій царь, мятежника я видѣлъ
И опросилъ. И смѣхъ, и горе съ нимъ:
Дуракъ и пьянъ!

Голицынъ.

Мотаетъ головою
И языкомъ лепечетъ, какъ съ просонковъ;
Не разберешь. Глядѣть и слушать дивно.

Василій Шуйскій.

И трезвый онъ умнѣй того не будетъ,
Каковъ теперь. Вели его покликать,
Изволь взглянуть! Увидишь, что не стóитъ
И гнѣва онъ.

Дмитрій.

Позвать его сюда! *(Буйнскій уходитъ.)*

Марина.

Зови гостей ко мнѣ, въ мои покои,
Я приказала маски приготовить.

(Стража вводитъ дурака Ивана; онъ хохочетъ, мотаетъ головой и показываетъ на всѣхъ пальцами.)

Прогнать его!

Дмитрій.

Освободить! *(Дурака выводятъ.)*
А нѣмцамъ,
За глупость ихъ, построже пригрозить!
Такъ вотъ чего, паны, вы испугались!...
Пойдемте всѣ въ царицыны покои;
Она своихъ гостей потѣшить хочетъ
Невиданной еще въ Москвѣ утѣхой. *(Маринѣ.)*
Краса моя, я счастливъ безконечно!
Моя любовь достигла торжества.
Она меня звѣздою путеводной
Къ величію и трону привела;
Безумную, кипучую отвагу
Вливала въ грудь,—и стала мнѣ знакома
Безмѣрная та сила Александра
И Цезаря, которая героямъ

Владычество надъ міромъ царовала!
Ты, гордая красавица, просила
У бѣднаго бездомнаго скитальца
Вѣнца себѣ. Тебя короновалъ я
И посадилъ царицей странъ полночныхъ.
Я самъ сковалъ себѣ свое блаженство,
И тѣмъ оно дороже для меня!
Героемъ я рожденъ! Великой долѣ
И доблести завидовать лишь можно,
Отнять нельзя—отниметъ только смерть!

(Всѣ уходятъ за царицей, кромѣ Дмитрія и Басманова.)

Дмитрій *(Басманову).*

Голицына и Шуйскаго безъ шуму,
Когда пиры мы кончимъ, посадить
За приставы, всю ихъ родню, знакомыхъ
И близкихъ имъ! Не подавай и виду:
Пусть думаютъ, что мы не бережемся.
У нихъ въ глазахъ недоброе!

Басмановъ.

Исполню.

Сцена 6-я.

ЛИЦА:

Дмитрій.
Басмановъ.
Шуйскіе, Василій и Дмитрій.
Голицынъ.
Куракинъ.
Татищевъ.
Молчановъ.
Валуевъ и ***Всйковъ,*** дворяне
Калачникъ.
Сотникъ стрѣлецкій.
Стрѣльцы, нѣмецкая стража, народъ.

Передняя зала съ выходомъ на галлерею въ новомъ дворцѣ.

(17-го мая 1706 года).

Выходитъ Басмановъ.

Басмановъ.

А солнце ужъ высоко поднялось!
Со свадьбой мы все время перебили,
Смотали съ ногъ дворцовую прислугу;
Коморники встаютъ позднѣе насъ—
Ни одного въ покояхъ. *(Набатъ.)* Ударяютъ!
Что̀ рано такъ? Аль праздникъ гдѣ? Сегодня
Андроника, Стефана... Гдѣ-то близко...
Никакъ набатъ? И то набатъ! Вотъ горе!
Пожаръ теперь—бѣда! Перепугаетъ
Гостей у насъ! Москва горѣть горазда:
Какъ примется—и не уймешь, покуда
Не выгоритъ поболѣ половины. *(Повсемѣстный набатъ.)*
По всѣмъ церквамъ! Ужасенъ звонъ набата
Отрывистый и частый! За ударомъ
Гудитъ ударъ и обливаетъ сердце
Томительной тоской передъ бѣдою
Невѣдомой! *(Дмитрій входитъ.)*

Дмитрій.

Басмановъ, что̀ такое?

Басмановъ.

Должно, пожаръ.

Дмитрій.

Поди, узнай скорѣе.

(Басмановъ уходитъ на галлерею.)

Басмановъ *(съ галлереи.)*

Бояре! Эй! Бояре!... За набатомъ
Рѣчей не слышно... Ась?... Зачѣмъ въ набатъ
Ударили?

Голосъ *(за сценой).*

Горитъ неподалеку.

Басмановъ.

Кричатъ: горитъ! а дыму не видать. *(Дмитрію.)*
Никакъ въ Кремлѣ! Чу! слышишь, зашумѣли,
Валятъ толпы народныя.

Дмитрій *(у окна).*

Развѣдай,
Куда бѣгутъ они, зачѣмъ, откуда? *(Басмановъ уходитъ.)*
Не шумъ, а вопль несется. Нѣтъ, со страха
Не такъ шумятъ. Оружіе! Угрозы!
Ужель мятежъ? Ужель Басмановъ правъ?
Ужели смерть и страшный судъ такъ близко!
Застыла кровь, и каждый волосъ дыбомъ
Становится. Не страхъ ли то? О, нѣтъ,
Не робокъ я; зачѣмъ же, противъ воли,
Прошедшее толпой тѣснится въ грудь?
И юности моей бродячей годы
Встаютъ теперь въ моемъ воспоминаньи:
Самборскій пиръ и кіевская келья,
Московскій Кремль, народа ликованье,
И битвы шумъ, и звонъ колоколовъ,
Вѣнчаніе и, наконецъ, побѣда
Надъ гордостью красавицы любимой!

(Входитъ Басмановъ, десятка три нѣмцевъ съ алебардами. Звонъ оружія и крики.)

Басмановъ.

Ахти, бѣда! Спасайся, государь!
Я говорилъ не разъ: ты мнѣ не вѣрилъ.

Дмитрій.

Измѣнники, бояре, вы согнали
Во львиное гнѣздо овечье стадо!
Крамольники! Своими головами
Заплатите за кровь невинной черни.
Я съ висѣлицъ высокихъ васъ заставлю
Пересчитать всѣ жертвы мятежа!

Басмановъ.

Бѣги скорѣй! Внизу дерутся нѣмцы,
А этихъ здѣсь поставимъ, у дверей.
(Вбѣгаетъ Молчановъ.)

Молчановъ.

Мятежъ! Мятежъ! Я кое-какъ пробился...
Москва идетъ на насъ, купцы, бояре.

Дмитрій.

Собрать скорѣй всѣхъ нѣмцевъ и поляковъ
И вѣрныхъ намъ стрѣльцовъ. Микулинъ гдѣ?

Молчановъ.

Пройти нельзя: всѣ заняты ворота.

Дмитрій.

Кто занялъ ихъ? Басмановъ, не робѣй!

Молчановъ.

Мятежниковъ, стрѣльцовъ новогородскихъ,
Впустили въ городъ ночью. Много ихъ.

Дмитрій.

Проклятые! Басмановъ, будемъ тверды!

Молчановъ.

И видимо-невидимо народу
Московскаго сошлось со всѣхъ сторонъ.

Дмитрій.

А предводитель кто?

Молчановъ.

Василій Шуйскій,
Съ крестомъ въ одной рукѣ, съ мечемъ въ другой.

Дмитрій.

Коварный плутъ святыней прикрываетъ
Свой замыселъ, достойный сатаны.
Подайте мечъ! *(Беретъ мечъ.)*

Басмановъ.

Мятежъ во всемъ разгарѣ,
Тамъ адъ кипитъ! Куда ты, государь?
Остановись!

Дмитрій.

Пусти меня, Басмановъ!
Я умереть хочу съ мечемъ въ рукахъ.
(Выбѣгаетъ на галлерею.)
Зачѣмъ вы здѣсь? Крамольники, злодѣи,
Измѣнники! Я вамъ не Годуновъ!
Поклонами холопскими, слезами
Укланяли его да умолили
На царство сѣсть, и сами же спихнули!
Не вы меня на царство посадили,
Я съ бою взялъ его и васъ, холоповъ.

Голоса.

Руби его! Стрѣляй! Да бейте нѣмцевъ. *(Выстрѣлы.)*
Что ихъ жалѣть! Чего они мѣшаютъ!

(Дмитрій входитъ въ комнату; врывается Осиповъ.)

Осиповъ.

Проспался-ль ты, безвременный царекъ?
Поди сюда! Покайся предъ народомъ!

(Басмановъ бросается на него и убиваетъ. На галлерѣе показывается Василій Шуйскій и народъ.)

Дмитрій *(бросается съ мечемъ)*.

Тебя-то мнѣ и нужно!

Василій Шуйскій.

Я не прячусь,
Я самъ тебя ищу.

Дмитрій.

Вамъ нуженъ Грозный!
Такъ знай же ты, что я сумѣю быть
Грознѣй его.

Василій Шуйскій.

Про то мы сами знаемъ,
Кто нуженъ намъ, да только лишь не воръ.

(Дмитрій бросается на Шуйскаго; народъ загораживаетъ его. Басмановъ насильно уводитъ Дмитрія; нѣмцы загораживаютъ собою дверь, запираютъ ее и заваливаютъ мебелью.)

Дмитрій *(съ отчаяніемъ)*.

Не воръ! Не воръ! О! wszyscy djabli! Знали
И прежде вы... Зачѣмъ же я на тронѣ!
Зачѣмъ меня вы прежде не убили,
Пока я былъ ничтоженъ, какъ и вы!
Зачѣмъ меня на царство допустили
И дали мнѣ извѣдать сладость власти,
Начать дѣла геройскія и славу
Побѣдъ своихъ заранѣ предвкушать!
И наканунѣ подвиговъ всемірныхъ
Пришли въ глаза мнѣ бросить слово: „воръ“!
Вы дали мнѣ забыться на престолѣ,
Вы опьянили раболѣпствомъ вашимъ,
Ласкательствомъ и лестью, и земными
Поклонами! Вы дали львиной силѣ
Уснуть у ногъ небесной красоты!

Голоса *(за дверями)*.

Ломайте дверь! Рубите топорами!

Басмановъ.

Бѣги! Бѣги!

Дмитрій.

Марина! Ахъ, Марина!

(Убѣгаетъ. Разламываютъ двери. Нѣмцы отбиваются. За дверями видны бояре: В. и Д. Шуйскіе, Голицынъ, Куракинъ, Татищевъ и другіе, всѣ въ кольчугахъ. Калачникъ предводительствуетъ толпой.)

Басмановъ.

Опомнитесь, бояре! Что̀ вамъ нужно?
Зачѣмъ народъ вы подняли? *(Нѣмцамъ.)* Держитесь,
Друзья мои! *(Боярамъ.)* Просите государя,
Онъ васъ проститъ и все, чего хотите,
Пожалуетъ, лишь чернь остановите!

(Толпа опрокидываетъ нѣмцевъ. Бояре входятъ въ комнату.)

Голоса.

Показывай, гдѣ царь твой самозванный!
Давай его! Веди его къ народу!

Татищевъ.

Сначала пса убьемъ сторожевого,
Къ хозяину тогда добраться легче!
(Ударяетъ Басманова ножемъ, тотъ падаетъ.)
Бросай его съ крыльца долой, на копья
Стрѣлецкія!

(Басманова уносятъ. Толпа бросается въ царскіе покои.)

Василій Шуйскій.

Проворнѣе, робята!
Не забывать, зачѣмъ пришли! Пограбить
Успѣете. Ищите намъ разстригу!
Уйти нельзя. Тащите къ намъ живого
Иль мертваго! Обезоружьте нѣмцевъ!
Не трогать ихъ; они впередъ годятся.
Спасайте бабъ! Возьми, Татищевъ, стражу,
Поставь при нихъ; царицыны покои
Оберегай! Не съ бабами воюемъ!

Куракинъ.

Побережетъ!... Пусти козла въ капусту.

Татищевъ.

Инъ самъ бы шелъ! *(Уходитъ.)*

Калачникъ *(вбѣгая)*.

Бѣда! Нигдѣ не сыщемъ
Еретика!

Василій Шуйскій.

Ищите, какъ иголку.
Уйдетъ отъ насъ, тогда не ждать пощады:
Огнемъ спалитъ, живыхъ зароетъ въ землю.

Голоса *(на галлереѣ).*

Онъ тамъ, внизу, на Житномъ.—Обступили
Его стрѣльцы московскіе; народу
Пищалями грозятся.—Чу! Стрѣляютъ!
Народъ бѣжитъ.

Василій Шуйскій *(хватаясь за Голицына).*

Земля заколебалась
Подъ нашими ногами. Ну, Голицынъ,
Пропали мы! Давно живу на свѣтѣ,
А въ первый разъ колѣни задрожали...
Народъ, за мной! Робята, выручайте!

Калачникъ.

Пусти меня впередъ! За мной, робята!
До насъ дошло; пришла къ рукамъ работа.
Не страшны намъ пищальные орѣхи:
За ними шли!

(Шуйскій и калачникъ съ толпой народа уходятъ.)

Куракинъ *(у окна).*

Народу прибываетъ!
Какъ вкопаны стрѣльцы—не подаются,
Стѣной стоятъ. Вотъ наши подоспѣли
Съ калачникомъ и Шуйскимъ, пошатнули,
Попятили стрѣльцовъ, къ крыльцу прижали,
На лѣстницу ихъ гонятъ. Отбиваясь,
Стрѣльцы царька несутъ съ собой въ покои.

(Входятъ стрѣльцы: одни вносятъ Дмитрія, другіе удерживаютъ народъ.)

Дмитрій *(подаетъ руку нѣмцамъ обезоруженнымъ).*

Благодарю, друзья!... Въ очахъ темнѣетъ!

(Въ обморокѣ, его кладутъ на скамью.)

Стрѣльцы *(окружающіе Дмитрія)*.

Осажпвай!

Другіе стрѣльцы.

Не подходите близко!
Стрѣлять начнемъ, не разбирая.—Право,
Хорошаго немного: братъ на брата!...
Крещеные!—Заставите неволей,
Такъ на себя пеняйте!—Отойдите!
Начнемъ стрѣлять: пожалуй, и боярамъ
Достанется.

Калачникъ.

Ну, выстрѣли! живому
Не быть тебѣ! Положимъ всѣхъ на мѣстѣ.

Сотникъ стрѣлецкій.

Грозить еще задумалъ! Цѣловали
Мы крестъ ему, не побоимся смерти,
На то стрѣльцы; такая наша служба,
Что умирать.

Василій Шуйскій.

Да было-бъ за кого!
Чего же вамъ? Съ царицей говорили;
Голицынъ къ ней ходилъ Иванъ Василичъ;
Не признаетъ своимъ, сказать велѣла:
„Не сынъ онъ мнѣ!“ Пожалуй, умирайте;
И мы не прочь! А что угоднѣй Богу,
За вѣру умереть, иль за разстригу,
Еретика? Москвы не удержать мнѣ!
На чьей душѣ кроворазлитье будетъ?

Сотникъ.

Да какъ-то все, бояринъ... Нѣтъ, ты лучше
Посторонись!

Стрѣльцы.

Убьемъ, не лѣзьте близко!

Калачникъ.

Да что-жъ вы, псы!... Вались гурьбой, робята,

Въ Стрѣлецкую! Душите ихъ отродье! *(Стрѣльцамъ.)*
Вы стойте здѣсь, разстригу берегите!
А мы дѣтей и женъ изгубимъ вашихъ,
И на вѣтеръ подымемъ ваши домы!

Сотникъ.

Постой, постой! Бояринъ, мы повѣримъ
Словамъ твоимъ; а на душу возьмешь ли
Ты грѣхъ за насъ?

Василій Шуйскій.

Возьму.

Сотникъ.

Теперь въ отвѣтѣ
Предъ Господомъ не мы. За мной, робята! *(Уходятъ.)*

Дмитрій *(очнувшись).*

Зачѣмъ я здѣсь! Ахъ, ногу! грудь!... Бояре,
Крамольники!

Дмитрій Шуйскій.

Очнулся? Говори же,
Кто ты таковъ?

Дмитрій.

Я сынъ царя Ивана
Васильича, твой царь и повелитель.
Ты не узналъ меня, холопъ!
(Василію Шуйскому.)
Ты, Шуйскій,
Мятежниковъ собралъ! Пойдемъ къ народу,
На Лобное, къ мятежникамъ твоимъ!...
Я не боюсь, я правъ; пускай разсудятъ
Меня съ тобой! Я отдаюсь на волю
Народную... Боишься ты, не смѣешь
Своей души народу обнажить?
Я все скажу! И пусть народъ узнаетъ,
Что я честнѣй тебя, неблагодарный
Клятвопреступникъ!

Василій Шуйскій.

Намъ судиться поздно!
Ты осужденъ!... Кончайте съ нимъ, робята!
(Нагибаясь къ Дмитрію Самозванцу.)
У насъ народъ для звѣря ямы роетъ
И въ ямѣ бьетъ, а выпусти—уйдетъ!
(Дмитрію Шуйскому.)
Ты, Дмитрій, здѣсь побудь и пригляди.

(Уходитъ. Одинъ изъ мятежниковъ замахивается на Дмитрія.)

Дмитрій.

Остановись! Ты видишь, безоруженъ
И раненъ я... *(Въ бреду.)* Подайте мечъ... Шварцгофъ!
Мой мечъ, Шварцгофъ!... За мной, за мной, казаки. .
Вы видите, вдали бѣлѣютъ стѣны!
Возьмемте ихъ.

(Всѣ окружаютъ его и смотрятъ съ изумленіемъ. Входитъ Татищевъ и ведетъ за собой дворянъ Валуева и Воейкова.)

Татищевъ *(народу).*

Чего же вы стоите!
Народу тьма сошлось, нивѣсть отколѣ,
Спасать царя бѣгутъ. Сболтнулъ имъ кто-то,
Что бьютъ его поляки.

Дмитрій Шуйскій *(въ окно народу).*

Эй! Винится!
Во всемъ, во всемъ разстрига повинился.

Голицынъ *(отворачиваясь).*

Кровавый день!

Дмитрій *(въ бреду).*

Несись, мой конь ретивый,
Несись быстрѣй. До цѣли недалеко.
Труба гремитъ!...

Татищевъ *(Валуеву и Воейкову).*

Вы что жъ остановились?
Зачѣмъ пришли? Кончай его скорѣе!

Дмитрій *(въ бреду)*.

Смѣлѣй въ проломъ! Къ стѣнамъ давайте лѣстницъ!
Ворота сбить...

Валуевъ.

Благословить ужъ развѣ
По-своему тебя, свистунъ?

Дмитрій.

Ворота!
Олеговъ щитъ!... Ворота Цареграда...
(Валуевъ стрѣляетъ. Дмитрій падаетъ ницъ.)

Дмитрій Шуйскій *(въ окно)*.

Покончили!

Толпа *(окружаетъ Дмитрія)*.

Тащи его, робята,
Къ народу внизъ.

Голицынъ.

Я слышу крикъ народный!

Нѣсколько голосовъ *(за сценой)*.

Храни тебя Господь на многи лѣта,
Великій князь и государь, Василій
Ивановичъ!

Голосъ калачника.

Кричите: многи лѣта
Великому царю и государю!

Голицынъ.

Не рано ли?

Куракинъ.

Пораньше-то вѣрнѣе,
Пока съ умомъ собраться не успѣли.

Голицынъ.

Крамольникъ онъ отъ головы до пятокъ!
Бояриномъ ему-бъ и оставаться,

Крамольнику не слѣдъ короноваться.
Крамолой сѣлъ Борисъ, а Дмитрій силой:
Обонмъ тронъ московскій былъ могилой.
Для Шуйскаго примѣровъ не довольно,
Онъ хочетъ сѣсть на царство самовольно—
Не царствовать ему! На тронъ свободный
Садится лишь избранникъ всенародный.

СОЧИНЕНІЯ

А. Н. ОСТРОВСКАГО

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ

ТОМЪ ШЕСТОЙ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ КНИЖН. МАГ. В. ДУМНОВА, НАСЛ. ФИРМОЮ „НАСЛѢДНИКИ И. САЛАЕВЫХЪ“
1896.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа.
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., дом Э. Лиснера.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГОДЫ.		СТРАН.
1867.	Тушино	1
1868.	Василиса Мелентьева	90
1868.	На всякаго мудреца довольно простоты	185

ТУШИНО.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА ВЪ СТИХАХЪ.

(Сентябрь и октябрь 1606).

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Князь Третьякъ Ѳедоровичъ Сеитовъ, ростовскій воевода.
Людмила, дочь его.
Дементій Редриковъ, московскій дворянинъ.
Старуха, жена его.
Максимъ }
Николай } ихъ дѣти.
Савлуковъ, переяславскій дворянинъ.
Хозяинъ постоялой избы.
Дворецкій Сеитова.
Нянька Людмилы.
Слуги и сѣнныя дѣвки.

Сѣни постоялой избы на владимірской дорогѣ. Деревянный столъ, скамья, разная домашняя утварь.

Входятъ Савлуковъ, Дементій Редриковъ, жена его и хозяинъ.

Савлуковъ *(хозяину)*.

Вина давай!

Хозяинъ.

Да гдѣ же взять, родимый?

Савлуковъ.

Далеко ты отъ Тушина, а то бы
Тотчасъ пашелъ; а коль и вправду нѣту,
Такъ затереть и выкурить заставятъ
И самому отвѣдать не дадутъ.
А брага есть?

Хозяинъ.

И браги нѣтъ.

Савлуковъ.

Ты, видно,
Гостей не ждешь!

Хозяинъ.

Богъ милостивъ, не слышно
Воровъ у насъ.

Савлуковъ.

Не слышно, такъ услышишь.

Хозяинъ.

Не приведи Господь.

Савлуковъ.

А ты слыхалъ ли
Когда-нибудь, что есть Лисовскій панъ?
Тому вездѣ дорога.

Д. Редриковъ.

Подъ Коломной,
Мы слышали, его побили больно.
Дивимся мы не мало, что за время
Пришло на насъ. Не диво бы, чужіе,
А то своя же братья, нашей вѣры,
Крещеные, идутъ съ Лисовскимъ паномъ:
Не то, что сбродъ, голодные холопья, —
Въ нихъ Бога нѣтъ и съ нихъ взыскать нельзя,
А свой же братъ — дворяне.

Савлуковъ.

Развѣ тоже
Ты дворянинъ?

Д. Редриковъ.

По милости Господней.

Савлуковъ.

А что же ты одѣтъ не по-дворянски?
Аль не съ чего?

Д. Редриковъ.

Достатки не велики.
А ты-то кто?

Савлуковъ.

Я тоже дворянинъ.

Д. Редриковъ.

Челомъ тебѣ!

Савлуковъ.

Ну, здравствуй!

Д. Редриковъ.

Благодарствуй!
Вотъ видишь, другъ, дѣтей везу царю,
Робятъ одѣлъ, а самъ во что̀ попало.
Кому меня смотрѣть!

Савлуковъ.

Что правда — правда.

Д. Редриковъ.

Москва кругомъ обложена ворами,
Украйны всѣ мятутся, въ людяхъ шатость:
Теперь царю народъ служилый нуженъ.
Ну, самъ я старъ и въ битвахъ изувѣченъ,
Не въ силахъ сталъ; такъ дѣтки подросли —
Пора служить; а царь за то помѣстья
Прибавитъ намъ и жалованье дастъ.
Поправимся житьемъ.

Савлуковъ.

Въ Москву собрались?

Д. Редриковъ.

По списку я московскому считаюсь.
Коль приведетъ Господь царя увидѣть,
Скажу ему: надёжа-государь,
Я вырастилъ изъ крохъ своихъ послѣднихъ
И снарядилъ конями, ратной сбруей

Богатырей тебѣ для царской службы.
Освободи меня домой, на пашню,
На сѣнную косьбу; прибавь землицы,
Чтобъ было чѣмъ кормиться со старухой
И молодцовъ кормить и одѣвать.

Савлуковъ.

А гдѣ-жъ твои богатыри?

Д. Редриковъ.

Съ конями
Замѣшкались. Одинъ-то весь въ меня:
И драться золъ, и ростомъ и дородствомъ,
Какъ вылитый. Себя не пожалѣетъ,
Да и другимъ не спуститъ; съ нимъ столкнешься,
Такъ ты его ужъ лучше обходи.
Я смолоду такой же былъ разбойникъ;
Въ меня дался. Другого-то и рано-бъ:
Онъ матушкинъ сынокъ, за печкой выросъ,
На калачахъ да сырникахъ вскормленъ;
Да кстати ужъ вести обоихъ вмѣстѣ.

Старуха.

Охъ, жалко мнѣ Николушку: онъ смирный,
Какъ дѣвушка, и мухи не обидитъ.

Савлуковъ.

Ты чтò же, мать, дѣтей-то, какъ барановъ,
Безъ жалости пускаешь на убой?
Война не та, чтò прежде: братъ на брата
Съ ножемъ идетъ, пощады не проси.
Озлобились сердца, одинъ другого
Зубами ѣстъ, съ живыхъ сдираютъ кожу,
На воротахъ гвоздями прибиваютъ,
Огнемъ палятъ.

Старуха.

О, Господи помилуй!
Не рада я, да воля не моя.
Чтò-жъ дѣлать-то, родимый!

Д. Редриковъ.

Чтò ты, дура!

За что же насъ и хлѣбомъ-то кормить?
Мы царское ѣдимъ за нашу службу,
На царское добро дѣтей вскормили,
Его они, не наши.

Савлуковъ.

Ты толкуешь,
Что царскіе мы слуги, да царя-то
Котораго?

Д. Редриковъ.

Одинъ у насъ, Василій
Ивановичъ.

Савлуковъ.

А у другихъ Димитрій
Ивановичъ. Вотъ у тебя одинъ
И у другихъ одинъ, и стало двое.

Д. Редриковъ.

Мнѣ дѣла нѣтъ, я знаю одного.
Такихъ царей, что̀ въ Тушинѣ, десятокъ
У казаковъ найдется.

(Входятъ Максимъ и Николай Редриковы.)

Вотъ и дѣти!
Поужинать теперь, да спать.

Старуха.

Садитесь!
Покормимся, чѣмъ Богъ послалъ.

Савлуковъ.

Меньшого
Кормите вы посланце! Вы не дѣвку-ль
На службу-то ведете, вмѣсто сына?
Народъ хитеръ, одѣнутъ дѣвку парнемъ,
Чтобъ выпросить помѣстнаго въ придачу.

Старуха.

Николушка, ты кушай. *(Савлукову.)* Будетъ время,
Оправится.

М. Редриковъ.

Такой же воинъ будетъ,
Ничѣмъ тебя не хуже.

Савлуковъ.

Ну, ребята!
Ты мать пусти на службу вмѣстѣ съ ними,
Чтобъ утирать имъ губы послѣ каши.

М. Редриковъ.

Ты губы-то свои поберегалъ бы!

Савлуковъ.

Обрубишь, что̀-ль?

М. Редриковъ.

Руками оторву.

(Встаетъ изъ-за стола.)

Д. Редриковъ *(останавливаетъ сына).*

Потише ты! Пущай его смѣется!

М. Редриковъ.

Ты, батюшка, не трожь! Ему въ обиду
Не отдавай! Я спесь ему собью
По-своему: подъ ножку, да и оземь.

Савлуковъ.

Деревня ты! И складъ-то деревенскій
Весь у тебя. Пока ты обрусѣешь,
Тебя семь лѣтъ въ котлѣ варить придется.

М. Редриковъ.

Начну ломать, такъ кости загремятъ! *(Отцу.)*
Посторонись!

Д. Редриковъ.

Не заводить же драку
Изъ малости съ проѣзжимъ человѣкомъ!
Остынь, остынь!

М. Редриковъ.

А по̀ что пристаетъ!

Савлуковъ.

Ты къ Шуйскому своихъ молокососовъ
Въ Москву вези; я въ Тушино поѣду
Къ Димитрію, природному царю,
А съ молодцомъ не разъ еще сойдемся
На берегахъ Ходынки подъ Москвой;
Увидимъ мы, чьи губы будутъ цѣлы. *(Уходитъ.)*

Д. Редриковъ.

Гляди-ка ты, среди большой дороги
На тушинца наткнулись! Не боится,
А хвалится еще, какъ добрымъ дѣломъ,
Измѣною.

М. Редриковъ.

Ему бы не доѣхать
До Тушина, переломалъ бы ноги
И руки я — и не было-бъ отвѣту.
Зачѣмъ держалъ? За что сносить безчестье
Отъ всякаго? Такіе-жъ мы дворяне;
Хоть бѣдные, да честь намъ дорога.
Я, батюшка, скажу тебѣ заранѣ
(стучитъ кулакомъ по столу)
И напрямикъ отрѣжу: я не баба,
Не маленькій ребенокъ; я не стану
Сносить обидъ ни отъ кого на свѣтѣ.
Ты выкормилъ, ты выходилъ меня
И вырастилъ на всей дворянской волѣ,
Великое тебѣ спасибо, земно
(кланяется въ ноги)
Я кланяюсь! Теперь меня оставь!
Я самъ большой, я самъ себѣ хозяинъ!
Я, батюшка, неволи не люблю,
Моя душа давно на волю рвется!
Ни равному не дамъ себя обидѣть,
Ни старшему, хоть онъ бояринъ будь,
На ножъ пойду за честь свою и вашу,
Ужъ развѣ силъ не хватитъ.

Д. Редриковъ *(вставая)*.

Твердо знаешь
Пословицу, что честь свою беречь
Мы смолоду должны. Пойдемъ къ повозкѣ,
Повыберемъ мы рухлядь, что помягче,
Постелемъ здѣсь, соснемте до зари,
А тамъ и въ путь.

(Уходитъ. М. Редриковъ за нимъ.)

Старуха.

Сынокъ ты мой любимый,
Побѣдная головушка твоя!
Ты прошеный у Господа, молёный!
На старость лѣтъ старухѣ въ утѣшенье,
За много слезъ, послалъ тебя Господь!
Но уберечь тебя я не умѣла.
Не слушай ты отца, не слушай брата!
И безъ тебя удалыхъ ратныхъ много.
Пускай ихъ бьютъ; поберегай себя
Отъ смертныхъ ранъ, отъ лютаго желѣза!
Не рвись впередъ! Ты помни, мой родимый,
Что боль твоя мнѣ въ сердцѣ отзовется.
Не погонись за почестью воинской!
На что̀ она! Одно проси у Бога,
Чтобъ къ матери подъ крылышко вернуться.
Сама тебѣ я выберу невѣсту,
Красавицу, и буду ждать внучатъ.

(Стелетъ одежду на лавкѣ.)

Ложись, сынокъ! Усни до бѣлой зорьки,
А я тихонько буду въ изголовьи
Молить тебѣ у Господа здоровья,
И шопотомъ старушечьимъ навѣю
Покой тебѣ и ангельскіе сны.

Н. Редриковъ *(ложась на скамью).*

Мнѣ, матушка, хотѣлось бы увидѣть
Красавицу во снѣ.

Старуха *(садясь подлѣ него).*

Ну что̀ жъ, увидишь.

Н. Редриковъ.

Ты помнишь ли, мы видѣли въ Ростовѣ,
Когда съ тобой на богомольи были,
Боярышню.

Старуха.

Ну, какъ же, помню, помню.

Н. Редриковъ.

Ее бы мнѣ во снѣ теперь увидѣть,
А наяву ужъ не придется.

Старуха.

Полно!
Гора съ горой не сходится...

Н. Редриковъ.

Въ соборѣ
Молились мы съ тобой одни у гроба
Угодника.

Старуха.

Ну да, молились.

Н. Редриковъ.

Слышимъ
Мы шумъ въ дверяхъ. Боярыня въ повозкѣ
Подъѣхала; за ней такія злыя
И всѣ верхомъ наѣхали старухи
И стали гнать меня.

Старуха.

Тебя погнали.

Н. Редриковъ.

Погнали бы, да не велѣла.

Старуха.

Помню.
Онъ младъ и глупъ, боярыня сказала,
Отъ матери его не оторвешь.

Н. Редриковъ.

И на меня все время проглядѣла,
На выходѣ тронула по плечу
И за щеку меня щипнула.

Старуха.

Знамо,
Безъ матери балуется. Отецъ-то
Не часть въ ней души.

Н. Редриковъ.

Онъ воевода?

Старуха.

Не онъ, она въ Ростовѣ воевода.

Н. Редриковъ.

Я, матушка, когда ее увижу,
Я ей скажу...

Старуха.

А что, сынокъ родимый?

Н. Редриковъ.

Что не было еще въ роду боярскомъ,
Ни въ княжескомъ, красавицы такой,
Что не видалъ никто, и нѣтъ на свѣтѣ
Бѣлѣй ея, румянѣй; точно цвѣтикъ
Махровенькій цвѣтетъ она.

Старуха.

Чай, знаетъ
Сама про то, и сказывать не надо.

Н. Редриковъ *(въ полуснѣ).*

Что полюбилъ ее я больше жизни
И матери родной.

Старуха.

Да что ты, что ты!
Не бредишь ли?

Н. Редриковъ.

Я умереть готовъ,
Чтобъ только разъ еще тебя увидѣть!

Старуха.

И то во снѣ. Ну спи, Христосъ съ тобой!
Пускай тебѣ во снѣ хоть счастье снится;
Придетъ пора, натерпишься всего
И сладкихъ сновъ ужъ больше не увидишь.

(Входятъ Д. и М. Редриковы и хозяинъ.)

Д. Редриковъ.

Куда же намъ, не въ хлѣвъ же убираться?
Ну, самъ въ избѣ, для дочери свѣтелка,
А мы въ сѣняхъ — на всѣхъ достанетъ мѣста.

М. Редриковъ.

Скажи ему, что не пойдемъ отсюда.

Хозяинъ.

Да смилуйтесь! Холопы изувѣчатъ,
Замучаютъ, захлещутъ кнутьемъ.

Старуха.

Кто же
Паѣхалъ-то?

Хозяинъ.

Ростовскій воевода
Третьякъ Сеитовъ съ дочерью, проѣздомъ
Изъ вотчины.

Старуха.

Сынокъ мой бѣдный! Горе!
И отдохнуть съ дороги не придется.
Ужли же намъ въ оврагѣ почевать!

М. Редриковъ.

Не выйдемъ мы отсюда. Убирайся!
Скажи ему, что стараго отца
И мать мою я трогать не позволю,
Что имъ самимъ покой и отдыхъ нуженъ.

Хозяинъ *(идетъ къ двери).*

Бѣда моей головушкѣ!

(Входятъ дворецкій и нѣсколько слугъ.)

Дворецкій.

Проворнѣй!
Не ждать же васъ боярину въ повозкѣ! *(Хозяину.)*
Мечи на дворъ весь хламъ чужой! Очисти
И вымети избу.

М. Редриковъ.

Съ тобой, холопомъ,
Я говорить не стану долго. Слышишь!
Довольно мѣста здѣсь; избу, свѣтелку
Пусть ихъ займутъ, а мы въ сѣняхъ семьею
Останемся.

Дворецкій.

Чего ты захотѣлъ!
Съ бояриномъ стоять въ однихъ покояхъ!
Велика честь!

Хозяинъ.

Бояринъ самъ идетъ.

(Входитъ Сеитовъ; всѣ кланяются.)

Сеитовъ *(слугамъ).*

Дождусь ли я? Чего же вы стоите?

Дворецкій *(кланяясь въ ноги).*

Противятся, нейдутъ.

Д. Редриковъ.

Здѣсь мѣста много
И про тебя, боярищъ, и про насъ.

Сеитовъ *(дворецкому).*

Ты чей холопъ? Кому слуга?

Дворецкій.

Бояринъ,
Навѣки твой слуга и рабъ до гроба.

Сеитовъ.

Я что̀ велѣлъ?

Д. Редриковъ.

Куда-жъ дѣваться ночью?
Мы старые съ женой.

Сеитовъ *(дворецкому).*

Я слова дважды
Не говорю.

Д. Редриковъ.

Онъ гнать меня не смѣетъ;
Дворяне мы.

М. Редриковъ.

Вы честью попросите.

Сеитовъ *(дворецкому).*

Чтобъ духу ихъ не пахло! Слышалъ?

(Н. Редриковъ прячется за дверь.)

Дворецкій.

Слышалъ.

(Редриковымъ.)

Подите вонъ! *(Слугамъ.)* Тащи на дворъ хоботье
Дворянское, бросай куда попало!
Да въ шею ихъ. *(Хватаетъ старика и старуху.)*

М. Редриковъ.

Не трогайте, убью!

Сеитовъ.

Связать его! Держите руки крѣпче!
Гоните ихъ плетьми!

(Максима схватываютъ за руки.)

М. Редриковъ.

Ужли-жъ на свѣтѣ
Перевелись и судъ, и правда вовсе?
Ну, батюшка и матушка, терните!
Клянуся вамъ я головой своею
И вашими сѣдыми головами,
Придетъ пора, я вымещу за васъ. *(Сеитову.)*
Не оставляй меня живого! Лучше
Тебѣ и мнѣ, убейте вы меня!

Д. Редриковъ.

Терплю, сынокъ, позоръ за гордость нашу,
Забыли мы, что съ сильнымъ не борись,
Съ богатымъ не тянись.
(Уходитъ, отбиваясь и защищая старуху.)

Сеитовъ.

Съ двора гоните
И выбейте на улицу его.

М. Редриковъ.

Ну, знай же ты, ростовскій воевода,
Что я твоей обиды не забуду!
Для памяти и днемъ, и ночью буду
Я руки грызть свои, пока по локоть
(отталкиваетъ холоповъ, вынимаетъ саблю; тѣ окружаютъ Сеитова)
Не отгрызу. И если ужъ придется
Намъ встрѣтиться, я старое припомню.
Прощай теперь! Ходи по богомольямъ,
Молебны пой, проси въ слезахъ у Бога,
Чтобъ не пришлось мнѣ свидѣться съ тобой! *(Уходитъ.)*

Сектовъ.

Съ двора долой плетьми, да не жалѣйте
Плетей моихъ, въ Ростовѣ новыхъ купимъ.
Пугните такъ, чтобъ за версту бѣжалъ.
(Нѣсколько слугъ уходятъ.)

Дворецкій.

Боярышня идетъ.

Хозяинъ *(кланяясь).*

Въ свѣтлицѣ чисто,
Просторъ, прохладъ для милости боярской.
(Входитъ Людмила, за ней няньки и сънныя дѣвки.)

Сеитовъ.

Людмилушка, тяжелая дорога
Умаяла тебя и укачала;
Я самъ усталъ; ложись, Господь съ тобою,
Въ свѣтелочкѣ, подушку подъ ушко,
И почивай, пока сама проснешься. *(Нянькамъ.)*
Вы, чучелы, боярышню покойте!
Помягче ей перины постелите
Пуховыя, лебяжье изголовье,
Одѣть ее, окутать соболями.

Людмила.

Ты, батюшка родименькой, себя-то
Поберегай, ты старенькій старикъ.
Ты спи поди, а мы побалагуримъ
Часокъ-другой, пока не зазѣваемъ,
И глазыньки смыкаться не начнутъ.
Поди, поди, сердитый!

Сеитовъ.

Не сердиться
Нельзя никакъ, не слушаютъ.

Людмила.

Ты злой!

Сеитовъ.

Съ другими золъ, передъ тобою кротокъ.

Нянька.

Боярышня, ты не жури отца —
Родителя! Ты гнѣвайся ужъ лучше
На насъ, рабынь твоихъ и слугъ покорныхъ.

Людмила.

Молчи, раба! Между отцомъ и мною
Ты не судья. Ты старая старуха,
За старость лѣтъ тебя я чту, но все же
Я государыня твоя. Ты помни
И не гнѣви меня.

Нянька.

Не прогнѣвлю.
Смири тебя Господь! Твой гнѣвъ боярскій
Грознѣе мнѣ грозы на небесахъ.

Сеитовъ.

Прощай, дитя мое!

Людмила.

Прощай, родитель!

(Сеитовъ уходитъ въ избу; за нимъ идетъ дворецкій съ фонаремъ и затворяетъ дверь, за которою спрятался Н. Редриковъ.)

Нянька *(съ фонаремъ).*

Пойдемте! Ахъ!

(Хочетъ итти въ свѣтелку и встрѣчается съ Н. Редриковымъ.)

Чтобъ громъ тебя расшибъ!
Перепугалъ до смерти, окаянный!

Людмила.

Откуда ты взялся?

Нянька.

Гоните, дѣвки,
Его скорѣй! Бѣда, коли увидятъ!

Людмила.

Потише вы, отца не потревожьте!
Зачѣмъ ты здѣсь?

Н. Редриковъ.

Отца и мать прогнали,
А я за дверь, отъ страха, схоронился.
Хотѣлъ бѣжать, да увидалъ тебя,
На красоту твою я заглядѣлся
И простоялъ, какъ вкопанный!

Нянька.

Пошелъ!
Пошелъ скорѣй! Бѣды съ тобой дождешься!
Увидитъ самъ, тогда хоть въ гробъ ложись.

Людмила.

Некстати ты разговорилась много.
Задуй фонарь и не увидятъ.

Нянька *(задуваетъ)*.

Дѣло.

И то задуть.

Н. Редриковъ.

Постойте, не гоните!
Позволь сказать тебѣ одно лишь слово!

Людмила.

Ну, говори скорѣе!

Н. Редриковъ.

Вотъ что горе:
Сказалъ бы я, да словъ такихъ не знаю —
Не приберу по красотѣ твоей.
Что ни скажи тебѣ, все будетъ мало,
Да и сказать всего тебѣ не смѣю.

Людмила.

Ты глупъ еще и молодъ. Ты не знаешь
Цѣны себѣ. Ужъ если ты не смѣешь
Сказать дѣвицѣ ласковое слово,
Кому жъ и смѣть? Вотъ я не побоюся
Сказать тебѣ: ты писаный красавецъ,
Неслыханный! Всю ночку мнѣ не спать,
Все о тебѣ гадать и думать буду,
Твои сокольи очи вспоминать.
Бѣги скорѣй! Намъ больше не видаться.

Н. Редриковъ.

А свидимся?

Людмила.

Дай Богъ не разлучаться.

Нянька.

Ступай, ступай! Въ потемкахъ не замѣтятъ.

(Н. Редриковъ уходитъ.)

Людмила.

Вы, нянюшки и дѣвушки сѣнныя,
Ищите вы потѣшныхъ словъ и сказокъ
И присказокъ — утѣшьте вы меня!
Теперь всю ночь до бѣла дня мнѣ плакать,
А вамъ всю ночь сидѣть да утѣшать!

(Уходитъ въ свѣтелку.)

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Царь Василій Ивановичъ Шуйскій.
Князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій.
Князь Михайла Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, воевода Большого полка на Ходынскомъ полѣ.
Спальникъ.
Д. Редриковъ.
М. Редриковъ.
П. Редриковъ.
Бояре, воеводы и войско.

Царская палатка, въ станy, на берегу Прѣсни.

Входятъ царь Василій Ивановичъ *и* спальникъ.

Спальникъ.

Сегодня въ ночь пріѣхала корела
Поморская, вѣдунью привезла.

Царь.

Грядущее темно, его загадки
Отгадывать не намъ. Святые люди
Имѣютъ даръ пророчества — мы грѣшны.
Служители подземныхъ силъ къ намъ ближе,
И въ этой темной богоборной силѣ
Есть знаніе. Въ глухихъ лѣсахъ поморья,
Среди корелъ, гдѣ идольскія требы
Свершаются тайкомъ, подъ кровомъ ночи,
Мудреные таятся вѣдуны.
Подчинены имъ страшныя видѣнья
Ночныхъ часовъ. И грѣшный царь Василій,
Какъ царь Саулъ къ колдуньѣ аэндорской,
Къ волхвамъ идетъ за спросомъ и совѣтомъ. *(Спальнику.)*
Привесть ко мнѣ сегодня ночью вѣдьму,
Ту старую, что̀ привезли корелы.

Спальникъ.

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ
Пожаловалъ. Пришелъ и князь Димитрій
Ивановичъ.

Царь.

Ну, пусть они войдутъ.

(Спальникъ уходитъ. Входятъ князья Скопинъ-Шуйскій и Дмитрій Шуйскій).

Царь *(Скопину).*

Бѣгутъ?

Скопинъ-Шуйскій.

Бѣгутъ. Что день, то убываетъ
Въ моемъ Большомъ полку дѣтей боярскихъ.

Царь.

А что за сласть имъ въ Тушинѣ?

Скопинъ-Шуйскій.

Свобода,
Гульба, разбой. А тѣмъ, кто познатнѣй,
Боярскій санъ.

Царь.

Отъ бѣглаго дьячка?
Велика честь! Ружинскій и Сапѣга
Въ своей землѣ отъ висѣлицъ бѣжали,
А наши къ нимъ съ поклономъ за боярствомъ!
Хоть лыкомъ шитъ, а все-таки бояринъ.
(Д. Шуйскому.)
А что Москва?

Д. Шуйскій.

Пустѣетъ. Изъ приказовъ
Подьячіе бѣгутъ, купцы изъ лавокъ,
Бѣгутъ князья, бояре, воеводы
И ратники.

Царь.

И какъ не разбѣжаться
Отъ воеводъ такихъ!

Д. Шуйскій.

А чѣмъ мы плохи?

Царь.

Чѣмъ плохи-то? А тѣмъ, что воеводы.
Вотъ если-бъ вамъ съ Голицынымъ Васильемъ
Коровъ пасти, на это дѣло хватитъ
Ума у васъ; а васъ судьба въ бояре

Поставила, вамъ войска подавай!
Нарядится, всего себя обвѣсить
Досиѣхами, саженные набаты
Везутъ за нимъ, стотысячное войско
Кругомъ его, и шумъ, и звонъ оружій;
Гроза грозой идетъ на супостата,
А только лишь сойдется съ горстью ляховъ —
И побѣжитъ въ одномъ лишь зипунишкѣ
Для легкости. Нарядъ тяжелый броситъ
И рать свою; домой и прямо на печь,
И тамъ дрожитъ, боится, что догонятъ.
А царь не смѣй его и пальцемъ тронуть,
Бояринъ онъ большой, особь-статья.
Вотъ мнѣ Господь какихъ послалъ стратиговъ!
Одна у насъ надежда — ты, Михайла.

Д. Шуйскій.

Я плохъ тебѣ, ну есть Иванъ Никитичъ,
Иванъ Куракинъ, Лыковъ-Оболенскій!
А ты коришь мальчишкой бѣлогубымъ
Въ его глазахъ.

Царь.

Мальчишка бѣлогубый
И въ воеводахъ, и въ совѣтѣ ратномъ,
Такихъ головъ, какъ ваши, стóитъ сотни.
Я въ Новгородъ его пошлю, помóги
У Свейскаго просить. Съ ученымъ войскомъ
Онъ разомъ Русь очиститъ отъ воровъ.

Скопинъ-Шуйскій *(кланяясь).*

Ты, дядюшка и государь, въ остуду
Введешь меня съ дядьми; кого постарше
Отправь туда.

Д. Шуйскій.

Ему Господь послалъ,
По глупости и молодости, счастье,
А ты его къ большимъ дѣламъ приставилъ.
Посмотримъ мы, каковъ-то твой Михайла!
Возьми его себѣ, цѣлуйся съ нимъ! *(Уходитъ.)*

Скопинъ-Шуйскій.

Намъ пуще бы всего беречь отъ вора
Владимірскій и ярославскій путь.

Царь.

Тамъ Сергіевъ стоитъ оплотомъ твердымъ.

Скопинъ-Шуйскій.

А Сергіевъ и запереть легко,
И обойти съ Калязина недолго.
Чуть держатся Ростовъ съ Переяславлемъ,
Обсыпались валы, и городьба
Отъ ветхости едва стоитъ. Владиміръ
Не крѣпокъ намъ съ Иваномъ Годуновымъ.
Нельзя ему въ такое время вѣрить,
Того гляди своруетъ.

Царь.

Годунова
Отправлю я на воеводство въ Нижній:
И стѣны тамъ, и люди крѣпче. Князя
Сентова пошлемъ ему на смѣну,
Велимъ ему собрать дѣтей боярскихъ,
Изъ городовъ оберегать: Владиміръ,
Ростовъ и Суздаль, Шую, Юрьевъ, Муромъ
И Переславль. И грамота готова. *(Молчаніе.)*
Поди, вели собрать у нашей ставки
Со всѣхъ полковъ головъ и воеводъ;
Я буду рѣчь держать.

Скопинъ-Шуйскій.

Исполню тотчасъ. *(Уходитъ).*

Царь *(одинъ).*

Моя судьба — мудреная загадка!
Отъ плахи я перешагнулъ на тронъ,
На грозномъ тронѣ я сижу безъ власти!
Безъ власти царь московскій! Это дѣло
Не слыхано! Орлу парить высоко
Безъ крылъ нельзя! А я орелъ безъ крыльевъ.
Для мира я желалъ вѣнца; покоя
Землѣ родной, своей душѣ усталой,
Хотѣлось мнѣ; и только я на царство

Ступить успѣлъ, вся Русь заволновалась:
По городамъ украинскимъ измѣна,
Въ самомъ дворцѣ боярская крамола,
По всей землѣ свободно воры ходятъ.
Одна бѣда уляжется, другая,
Какъ валъ морской, встаетъ за ней и пухнетъ,
Растетъ горой, пугаетъ потопленьемъ!
Безъ недруговъ и царство не стоитъ,
Не страшенъ врагъ! Пошли, Творецъ небесный,
Мнѣ равнаго и честнаго врага!
Ведутъ войну цари съ царями, идутъ
На честный бой пытать и гнѣвъ и милость
Твою, Господь! И Ты даешь побѣду
Достойному, а гордаго смиряешь.
А я борюсь, а я воюю, Боже!
Съ холопами, съ ворами, съ бѣглецами!
Обругано Твое святое имя,
Обругано помазанье Твое.
Завѣдомо берутъ цѣпного вора,
Порфирою со смѣхомъ облачатъ,
Зовутъ меня на судъ съ шутомъ потѣшнымъ,
Его царемъ законнымъ величаютъ —
Измѣнникомъ помазанника Божья.
Ты, Господи, во гнѣвѣ рекъ народамъ:
Пошлю на васъ языкъ лицомъ безстыдный,
Пошлю на васъ ругателей толпу!
Ужъ если Ты казнишь за грѣхъ народа
Меня, царя, иль за меня народъ, —
Пошли намъ моръ и голодъ иль проказу!
Но отъ воровъ, ругателей помилуй!

(Входитъ спальникъ.)

Открыть шатеръ!

(Шатеръ открывается. Входятъ воеводы, головы; другіе стоятъ у входа.)

Въ моемъ благочестивомъ
И благовѣрномъ воинствѣ измѣна.
Измѣнники! Я съ вами говорю! (*Указывая на воеводъ*).
Ихъ много здѣсь. Не помня крестной клятвы
И не щадя души, сегодня къ вору
Бѣжать хотятъ, украдкой, воровски,

Таясь людей, боясь дневного свѣта,
Ночной порой, ползкомъ, дрожа, какъ Каинъ!
Жалѣючи ихъ душъ, я объявляю,
Что если кто служить захочетъ вору,
Пускай идетъ открыто, днемъ, не станемъ
Удерживать. Господь даетъ на волю
Добро и зло, на выборъ — рай и муку.
Кто въ Тушино? Ну, что же вы нейдете?
Вамъ совѣстно? Ну, я смотрѣть не буду,
Отворочусь! Идите! Ночью хуже,
Безчестнѣе тайкомъ ползти въ кропивѣ.
Не нужно мнѣ рабовъ лукавыхъ! Лучше
Съ немногими, да вѣрными останусь.
Я все сказалъ. Кто хочетъ оставаться —
Цѣлуйте крестъ; а кто итти — иди.

Войско.

Мы всѣ съ тобой! Священниковъ ведите!
Несите крестъ честной! Мы всѣ цѣлуемъ
Служить тебѣ и, не жалѣя жизни,
Итти войной на тушинскаго вора.

Скопинъ-Шуйскій.

Великій царь и государь, Василій
Ивановичъ, тебѣ слуга твой старый
Дементій Редриковъ челомъ ударить
И сыновей отдать желаетъ. Можно ль
Поставить ихъ передъ тобой?

Царь.

Поставь!

(Входятъ Д., М. и П. Редриковы и кланяются въ землю.)

Редриковъ.

Челомъ тебѣ, великій государь!
За старостью, недугами, увѣчьемъ
Я не слуга на жалованьи царскомъ,
Я вырастилъ дѣтей тебѣ на службу.
Возьми двоихъ за стараго меня.
За старшаго оставь ты мнѣ помѣстье,
А младшаго, что милость будетъ, дай!
Я ихъ училъ законъ Господень помнить,

Царю прямить, служить ему со страхомъ
И заповѣдь отцовскую блюсти.
Послушаютъ — навѣки нерушимо
Надъ ними будь мое благословенье;
На зло пойдутъ — въ твоихъ глазахъ царевыхъ
Я имъ сулю проклятье вѣковое
Изъ рода въ родъ, на чады ихъ и внуки.
Училъ добру, а жить своя имъ воля.
За чѣмъ пойдешь, то и найдешь.

Царь.

Спасибо
Тебѣ, старикъ! Дѣтей твоихъ устрою,
Въ жильцы возьму. Большой на ратномъ полѣ
Покажетъ намъ и удаль, и дородство,
А младшему найдемъ работу легче;
Онъ юнъ еще. Вотъ съ грамотой поѣдетъ
Къ Сентову, въ Ростовъ: по силамъ служба.
Да кстати ужъ свезетъ отъ патріарха
Онъ грамоту къ ростовскому владыкѣ.
Пусть бѣгаетъ покуда на посылкахъ.

(Редриковы кланяются въ землю.)

Скопинъ-Шуйскій.

Великій царь, священство въ облаченьи
Кресты несетъ, поставлены налои.
Отъ воиновъ тебѣ сказать я посланъ,
Что поголовно, всѣ безъ принужденья,
Цѣлуютъ крестъ тебѣ своею волей.

Царь.

Пойдемъ смотрѣть, какъ лгутъ царю и Богу.

(Уходятъ).

Сцена 3-я.

ЛИЦА:

М. Редриковъ.
Н. Редриковъ.
Савлуковъ.
Подъячій Василій Скурыгинъ.
Боярскій сынъ.
Посадскій.
Торговые и всякіе люди.

У Никольскихъ воротъ въ Москвѣ.

Входитъ Скурыгинъ; *къ нему подходятъ* боярскій сынъ, посадскій, *потомъ приходящіе и торговцы изъ лавокъ.*

Скурыгинъ.

Ай, воры! Ну! Хорошъ народъ московскій!

Посадскій.

Ты что̀ кричишь?

Скурыгинъ.

А то кричу: мы воры!
Мы воры всѣ. Я васъ не обижаю.
Чего еще, какого намъ царя!
Благочестивый царь и богомольный.
Когда бы мы царю служили правдой,
Давно бы воръ изъ Тушина бѣжалъ,
А воры мы. Ну, да! Не обижайтесь!
И про себя я то же говорю.

Посадскій.

Ни Бога въ насъ, ни совѣсти, ни правды!
Вчера клялись и цѣловали крестъ,
А нынче въ ночь бѣжали.

Боярскій сынъ.

Стыдно людямъ
Въ глаза глядѣть. Обманщиками стали
Передъ царемъ мы всѣ. Одинъ сворует̀ъ,
А стыдъ и срамъ на всѣхъ.

Первый изъ толпы.

А кто-жъ бѣжалъ?

Скурыгинъ.

Бѣжали тѣ, кто больше всѣхъ божился
Царю служить.

Боярскій сынъ.

Изъ стольниковъ бѣжали:
Князь Трубецкой, князья Черкасскій, Сицкій,
Засѣкиныхъ два брата, Бутурлинъ;
Дворянъ, дѣтей боярскихъ нѣтъ и счету.

Посадскій.

Бѣгутъ дьяки, бѣжитъ и ваша братья —
Подьячіе.

Скурыгинъ.

И ваша братья тоже,
Гдѣ есть барышъ, такъ душу продадутъ.
Такой базаръ, такая-то торговля
Подъ Тушиномъ, въ подметки не годится
Московскій нашъ гостиный дворъ.

Посадскій.

Ты, видно,
Изъ Тушина недавно самъ?

Первый изъ толпы.

Скурыгинъ?
Онъ только-что вернулся.

Скурыгинъ.

Это правда.
Я не сержусь за правду. Точно, бѣгалъ
Я въ Тушино, да я ужъ повинился
Великому царю и государю,
И онъ меня простилъ за то.

Посадскій.

Напрасно!
Въ мѣшокъ зашить, да съ камнемъ въ воду. Грѣхъ
Такихъ воровъ прощать; тебя простили,
А ты опять уйдешь.

Первый изъ толпы.

Ужъ это вѣрно!
И ворожить не надо.

Скурыгинъ.

Ну, наврядъ ли!

Второй изъ толпы.

Повадился кувшинъ...

Скурыгинъ.

Зачѣмъ бѣжать-то?
Сулили мнѣ и горы золотыя,
И почести, и думное дворянство.

Посадскій.

Не жирно ли!

Скурыгинъ.

На мѣстѣ провалиться!
Вотъ прихожу я въ Тушино. Явился,
Гдѣ слѣдуетъ: молъ, вышелъ изъ Москвы
На государево царево имя
Димитрія Иваныча, желаю
Служить ему; а самъ держу на мысли,
Чтобъ поглядѣть его въ глаза. На утро
Поѣхалъ воръ жену встрѣчать Маринку.
Какъ я взгляпулъ!... Какъ я взглянулъ! Потѣха!
Мужикъ простой, нетесаный, нескладный...
Такой-то царь у васъ? Такой-то?
Я говорю. Да развѣ глазъ-то нѣту
Во лбу у васъ?

Первый изъ толпы.

Вѣдь, можетъ, ты и врешь?

Скурыгинъ.

Вотъ разрази Господь на этомъ мѣстѣ!
И тушинскимъ царькомъ, и дикимъ воромъ
Ужъ я его ругалъ, ругалъ... Ну, въ шею
И выгнали изъ Тушина меня.

(Входитъ Савлуковъ, одѣтый посадскимъ.)

Посадскій.

Ты говоришь, Маринку: да когда же
Она къ нему бѣжала? Въ Ярославлѣ
Держали ихъ съ отцомъ назаперти.

Первый изъ толпы.

Удержишь ихъ!

Второй.

Да вовсе въ Ярославлѣ
И не было ея. Она сорокой
На родину тогда же улетѣла.
Всѣ видѣли.

Первый.

Все дѣло волшебство.

Второй.

Разстрига былъ и самъ-то чернокнижникъ,
Такъ писано и въ грамотѣ царевой.
Когда его убили, объявились
Его дѣла. Одинъ изъ нашихъ видѣлъ
И книгу-то, вся черная.

Первый.

Одинъ!
Всѣ видѣли, и доски по сажени,
И пятеро поднять ее не могутъ!
Вотъ дѣло-то какое!

Савлуковъ.

Полно, такъ-ли!
Убили-то его ли, не другого-ль?

Посадскій.

Толкуй еще! Москву-то не обманешь,
У всѣхъ въ глазахъ лежалъ убитый.

Савлуковъ.

Точно,
Не спорю я. Молчанова Михайла
Не зналъ ли кто?

Первый.

Ну, какъ его не знать!
Его кнутомъ за волшебство стегали.

Савлуковъ.

Стегали-то его при Годуновѣ.
Въ долгу за то онъ не остался: Ѳедоръ
Борисовичъ удавленъ имъ. А послѣ
Онъ близкимъ былъ пріятелемъ разстриги.

Первый.

И вмѣстѣ съ нимъ по книгамъ ворожили.

Савлуковъ.

Хитрѣй того, они лицомъ мѣнялись
Съ разстригою. Когда бѣда случилась,
Разстрига съ нимъ лицомъ и помѣнялся,
А самъ бѣжать. Молчанова убили,
А онъ-то живъ и въ Тушинѣ теперь.

Боярскій сынъ.

Напрасно ты мутишь народъ, пугаешь!
И безъ того не тверды!

Савлуковъ.

Что̀ пугать-то!
Я правдою служу царю Василью;
А говорю, что̀ знаю. Я за вора
Не постою, царемъ не называю,
Онъ воръ и есть, да только воръ мудреный.
Съ нимъ воевать хитро, бѣсовской силой
Онъ держится. Поди-ка, повоюй!
Онъ знаетъ все: и что̀, и ка́къ творилось
Здѣсь безъ него, и что̀ у насъ на мысли,
Кто хорошо о немъ, кто дурно думалъ.
Изъ вѣдуновъ — вѣдунъ.

Первый.

Вотъ времечко-то!

Второй.

Эхъ, страшно какъ, ужъ лучше отойти.

(Отходитъ.)

Третій.

Меня морозъ вотъ такъ и пробираетъ.

Посадскій.

Пойдемте прочь; некстати разговоръ
Затѣяли!

Первый *(другому)*.

Вотъ ты теперь и думай.

Савлуковъ *(посадскому)*.

Не обезсудь, безъ умысла сказалось.

Посадскій.

Да Богъ съ тобой. Ты думаешь, мы сами
Не знаемъ, что ль, того же? да молчимъ. *(Отходитъ.)*

(Входитъ М. Редриковъ и оглядываетъ проходящихъ.)

М. Редриковъ.

Кажись, что здѣсь велѣлъ онъ дожидаться.

Савлуковъ.

Ты что глядишь? Аль потерялъ кого?
Аль узнаешь?

М. Редриковъ.

Я брата дожидаюсь.
Проститься съ нимъ пришелъ.

Савлуковъ.

А развѣ ѣдетъ?
Далеко ли?

М. Редриковъ.

Въ Ростовъ. Пошелъ по лавкамъ
Купить себѣ съѣстного на дорогу.
Вотъ я и жду. Постой-ка, мнѣ знакомо
Лицо твое, а гдѣ встрѣчалъ — не помню.
Ужъ не тебя-ль я встрѣтилъ на дорогѣ?
Кажись, что ты! Да нѣтъ...

Савлуковъ.

Узнаешь послѣ.
Я самъ скажусь. Поговоримъ покуда.
Безъ брата, чай, тебѣ скученько будетъ,
Тоска возьметъ?

М. Редриковъ.

О чемъ мнѣ тосковать-то?
Не маленькій.

Савлуковъ.

Я вижу, ты скучаешь,
Въ лицѣ сейчасъ замѣтно. Сердце ноетъ,
Тоска сосетъ; ужъ ты не говори.

М. Редриковъ.

Сказать тебѣ по правдѣ: сердце ноетъ,
Сосетъ тоска, да только не отъ скуки.

Савлуковъ.

Съ зазнобы, что-ль, сердечной?

М. Редриковъ.

Нѣтъ, со зла,
Обиженъ я. Ни перенесть обиды,
Ни позабыть ее я не могу.
Грызетъ она, какъ лютый звѣрь, и гложетъ
Всю внутренность. Хоть руки наложить,
Вотъ каково мнѣ сладко.

Савлуковъ.

Эко дѣло!
А кто-жъ тебя обидѣлъ?

М. Редриковъ.

Онъ далеко.

Савлуковъ.

Чай, близко былъ, какъ обижалъ? Зачѣмъ же
Ты снесъ тогда?

М. Редриковъ.

Да руки коротки.
Неровня мы.

Савлуковъ.

Ну, если за обиду
Считаешь ты, что старшій поколотитъ,
Такъ много ты обидъ такихъ увидишь,
Притерпишься. У насъ такой порядокъ.

М. Редриковъ.

Да что тебѣ за дѣло до меня?
Поди ты прочь! Иди своей дорогой!

(Садится на камень у воротъ и тихонько напѣваетъ. Скурыгинъ и Савлуковъ подходятъ близко къ нему и стараются говорить такъ, чтобъ онъ слышалъ.)

Сурыгинъ.

А развѣ гдѣ другіе есть порядки?

Савлуковъ.

Кабъ не было, такъ жить нельзя на свѣтѣ.

Скурыгинъ.

А гдѣ же есть?

Савлуковъ.

Да въ Тушинѣ.

Скурыгинъ.

Ну, полно!

Савлуковъ.

Тамъ всѣ равны: живутъ по Божью слову,
Боярину большому, дворянину
И ратнику простому честь одна.
Обидѣлъ кто тебя — убей до смерти,
Отвѣта нѣтъ.

Скурыгинъ.

Вотъ это хорошо.

Савлуковъ.

А если ты давнишнюю обиду,
Хоть за десять годовъ, желаешь вспомнить
И выместить — охотники сберутся,
Товарищи, и вольною толпою
Пойдутъ съ тобой обидчика искать
На днѣ морскомъ, лишь покажи дорогу.

М. Редриковъ.

И что-жъ потомъ?

Савлуковъ.

И домъ его сожгутъ,
И самого на угольяхъ изжарятъ,
Разграбятъ все.

Скурыгинъ.

А гдѣ туда дорога?

Савлуковъ.

Я покажу.

Скурыгинъ.

Отецъ и благодѣтель!
Дуракъ ли я, чтобъ оставаться здѣсь.

Савлуковъ *(Скурыгину тихо)*.

Еще одинъ попался.

Скурыгинъ.

Ой, уйдетъ!

Глядѣть за нимъ.

Савлуковъ.

Нѣтъ, этотъ не сорвется.

(Входитъ Н. Редриковъ.)

М. Редрковъ.

Ты, братъ, совсѣмъ?

Н. Редриковъ.

Лишь сѣсть, да и поѣхать.

(Кланяясь.)

Приказывай, учи меня, ты старшій,
Родименькій, ты мнѣ въ отцово мѣсто,
Я глупъ еще и молодъ.

М. Редриковъ.

Эхъ, Никола!

Живи себѣ, какъ знаешь. Ты въ Ростовѣ
Останешься на-долго?

Н. Редриковъ.

Нѣтъ, я разомъ.

Прощай, Максимъ.

М. Редриковъ *(обнимаетъ).*

Прощай, Никола.

Н. Редриковъ.

Скоро

Увидимся.

М. Редриковъ.

Ну, врядъ ли!

Н. Редриковъ.

Ты на Прѣсню?

М. Редриковъ.

Я въ Тушино.

Н. Редриковъ.

Господь съ тобою, братецъ!
Давно-ль клялись служить мы государю,
Давно-ль отецъ проклятіемъ грозилъ.
Аль ты забылъ? Подумай, образумься,
Родимый мой!

М. Редриковъ.

Недавно мы клялися,
Недавно мнѣ отецъ грозилъ проклятьемъ,
А я-то, братъ, давно поклялся прежде.

Н. Редриковъ.

Ты въ чемъ же, братъ, поклялся? Что за клятва
Твоя была?

М. Редриковъ.

Что въ Тушино уйду;
Зачѣмъ уйду, про то узнаешь послѣ.

Н. Редриковъ.

Ну, какъ-же быть-то, если по дорогѣ
Заѣду я отца и мать провѣдать?
Что я скажу? Съ какимъ лицомъ явиться
Мнѣ къ матери, отцу? И ложь, и правду
Я вымолвить боюсь. Солгать грѣшно,
А правда ихъ сведетъ въ могилу.

М. Редриковъ.

Вотъ что
Скажи отцу: что я благословилъ
Тебя служить царю Василью правдой,
А самъ пошелъ искать душѣ отрады,
Свободушки плечамъ своимъ, простора
И сердцу ретивому успокоя,
Тоску свою печаль по бѣлу свѣту
Размыкивать и вымещать обиды
И старыя, и новыя, большія
И малыя, свои и стариковы.

Н. Редриковъ.

А если мы съ тобой на ратномъ полѣ
Лицомъ къ лицу сойдемся, какъ же руку
Я подниму на кровнаго, родного?
Родименькій, подумай! Милый братецъ,
Ты врагъ царю, ты врагъ землѣ родной.
Щадить тебя грѣшно, убить — такъ вдвое.

М. Редриковъ.

Да полно ты!

Н. Редриковъ.

Ужъ лучше ты при встрѣчѣ
Убей меня впередъ.

М. Редриковъ.

Изволь, убью.
Теперь прощай! И съ Богомъ въ путь-дорогу. *(Уходитъ.)*

Н. Редриковъ.

Остановись! Послушай! Братецъ, братецъ!
Родимый мой! Меня-то на кого же
Покинулъ ты?
(Становится на колѣни передъ воротами.)
О, Господи! за брата
Молю Тебя! Наставь его на разумъ!
Отъ гибели, отъ дьявольскаго кова
Освободи заблудшую овцу!
А если онъ злодѣйства не покинетъ,
То не введи меня во искушенье,
Ты разведи насъ въ разные концы,
И встрѣтиться не дай на ратномъ полѣ! *(Встаетъ.)*
Въ Ростовъ теперь! Пошлетъ Господь, увижу
Красавицу-боярышню! Тоскуетъ
Душа по ней! Запрыгаетъ сердечко
Отъ радости, когда изъ теремочка
Хоть разъ она привѣтно поглядитъ
На бѣднаго мальчишку-сиротинку.

(Уходитъ въ ворота. Входятъ съ разныхъ сторонъ М. Редриковъ и Савлуковъ.)

М. Редриковъ.

Скажи ты мнѣ, какой ты человѣкъ?

Савлуковъ.

А помнишь ли, въ дорогѣ побранились
И чуть съ тобой не подрались?

М. Редриковъ.

Ну, помню.
Считаться мы съ тобой теперь не станемъ,
А вотъ что, другъ, ты будь мнѣ вмѣсто брата
И всей семьи. Ты въ Тушино когда же?

Савлуковъ.

Пойдемъ теперь. Мои коротки сборы.
А ты готовъ?

М. Редриковъ.

Готовъ хоть въ преисподню,
Хоть въ Тушино, лишь только-бъ не на Пресню.

(Уходятъ.)

Сцена 4-я.

ЛИЦА:

Епифанецъ, атаманъ донской
Чика, прозваніемъ «Четыре Здоровья», атаманъ терскій
Безпута, боярскій сынъ
Асанъ Уразъ, романовскій мурза
} предводители шаекъ подъ начальствомъ пана Лисовскаго.

Савлуковъ.
М. Редриковъ.
Н. Редриковъ.
Скурыгинъ.
Старикъ-священникъ.

Тушинцы разныхъ націй: венгры, поляки, нѣмцы, запорожцы, казаки донскіе, боярскія дѣти, холопы, крестьяне.

Часть тушинскаго стана. Плетневые сараи, землянки, избы, позади высокій валъ.

Нѣсколько тушинцевъ сидятъ въ кружкѣ, по серединѣ скоморохъ.

Скоморохъ *(поетъ)*.

Напала пороша
На талую землю,
По той по порошѣ,
Что семеро саней,
По семеро въ саняхъ.
Какъ первыя сани
Ларька на Карькѣ.
Вторыя-то сани
Гришка на Рыжкѣ.

(Входятъ двое тушинцевъ.)

Первый тушинецъ.

Съ добычею вернулся Епифанецъ.
Запасъ везутъ и полону пригнали.

Второй тушинецъ.

Хорошъ полонъ! Крестьянишекъ голодныхъ,
Пятокъ старухъ, да стараго попа.

(Тушинцы расходятся. Входятъ Епифанецъ, Уразъ, шайка разнаго сброда, связанные пльнные крестьяне и старый священникъ.)

Епифанецъ.

Безпуту вы не троньте, не будите!

Казакъ.

Проснулся онъ, ругается, что связанъ.

Епифанецъ.

Такъ развязать скорѣе.

Казакъ.

Развязали. *(Входитъ Безпута.)*

Безпута.

Жить не мило кому-то! Какъ посмѣли
Связать меня?

Епифанецъ.

А ты скажи спасибо.
Я приказалъ, а то-бъ не жить тебѣ,
Болтаться бы на деревѣ, иль кожу
Крестьянишки содрали. Ты, Безпута,
Не бражничай! Сначала кончи дѣло,
Потомъ гуляй!

Безпута.

Велико дѣло грабить!
Что̀ пьянство, что̀ грабежъ — одно и то же.

Уразъ.

Не такъ сказалъ! Укралъ, когда не надо,
Не хорошо! А нечего кусать,
Воруй баранъ! Не грѣхъ!

Безпута.

Тебѣ ль, татаринъ,
Учить меня: какое дѣло грѣхъ
И что̀ не грѣхъ! Ты что̀ мнѣ за указчикъ!
Собака ты, а я крещеной вѣры!

Уразъ.

Не надо такъ! Нашъ Богъ одинъ!

Епифанецъ.

Безпута,
Ты самъ себя и сотню всю погубишь.
Коль хочешь пить, не пропивай ума.

Уразъ.

Ума кончалъ и голова кончалъ.

Епифанецъ.

А ты вчера и умъ, и память пропилъ.
Мы далеко зашли, кругомъ чужіе.
Тутъ некогда копаться! Взялъ, что надо,
Бѣги домой, покуда не догнали,
А ты рѣзню и буйство затѣваешь!
Ненужное кроворазлитье дѣешь!
Губилъ дѣтей грудныхъ, рубилъ на части,
Какъ бѣшеный, изъ дома въ домъ кидался,
Избу зажегъ. Ужъ мы тебя связали,
Да увезли; а надо бы на муку
Отдать тебя отцамъ и матерямъ.
Ты берегись, дойдетъ до государя
Димитрія Иваныча твое
Дурачество, спасиба онъ не скажетъ.

Безпута.

Не говори! Въ меня посаженъ дьяволъ,
Да не одинъ, а можетъ, много ихъ.
Въ своемъ нутрѣ я слышу разговоры,
Я самъ молчу, а онъ во мнѣ хохочетъ.
И въ тѣ поры зальется сердце кровью,
По тѣлу дрожь, а волосъ станетъ дыбомъ,
Въ глазахъ круги зеленые и искры,
И бѣсенята малецькіе скачутъ;
Мнѣ кровь тогда, что пьяному похмелье;
Готовъ пролить я рѣки алой крови.
И чѣмъ слабѣй, чѣмъ ворогъ мой безсильнѣй,
Тѣмъ слаще мнѣ губить его и мучить.
Что жъ дѣлать мнѣ?

Епифанецъ.

Я самъ враговъ гублю,
Да только тѣхъ, кто борется со мною.
На то война! А безоружныхъ мучить
Лишь только грѣхъ одинъ. Вѣдь мы не волки
Голодные, не псы!

Уразъ.

Бирюкъ — не батырь.

Безпута.

Я ѣсть хочу.

Казакъ.

Барана облупили
И на рожонъ воткнули.

Безпута.

Епифанецъ,
Садись за столъ. *(Уразу.)* Садись, кочанъ капустный!

Уразъ.

Не надо такъ! Такой не надо шутка!
Я убивалъ за то!

Безпута.

Вина боченокъ
Кати сюда! Налей въ мою братину
И ковшъ пусти.

Епифанецъ.

Не пей вина, Безпута!
Ты во хмелю нескладенъ.

Безпута.

Ну, свяжите
Опять меня! Давай полонъ раздѣлимъ.
Плакучихъ бабъ не надо мнѣ. На долю
Я мужиковъ возьму, къ конямъ приставлю.

Епифанецъ.

А я возьму товаръ дешевый — бабъ;
Придутъ мужья, дадутъ хоть по копейкѣ.

Уразъ.

А мнѣ старикъ отдай!

Безпута.

Тебѣ на что же?

Уразъ.

Ходи-гуляй пущу. Онъ Богу служитъ.

(Входитъ Скурыгинъ, за нимъ Чика и Н. Редриковъ связанный.)

Скурыгинъ.

Товарищество почтенное! Грозится
Убить меня!

Безпута.

За что? Коли за дѣло,
Пускай убьетъ.

Епифанецъ.

Ты, атаманъ, не трогай
Скурыгина. Онъ намъ впередъ годится
Въ пищахъ служить.

Чика.

Ему нужна наука!
Ты къ лыцарству казацкому ни шагу!
Ходи вокругъ да около.

(Садится, пьетъ и пѣстъ.)

Скурыгинъ.

Судите
Вы, головы и атаманы, чѣмъ же
Я лыцарей обидѣлъ? Говорю я,
Что плохо мы царю и государю
Димитрію Иванычу радѣемъ!
Пошли ему, Господь, въ дѣлахъ удачи,
И счастія, и всякаго таланту,
И дай ему, Господь, свой столъ московскій
И родовыя царства достущить,
И дай ему побѣду, одолѣнье,
Создай ему...

Чика.

Ты, полно распинаться!
Приказная, продажная душа!
Не смѣешь ты казакамъ-атаманамъ
Указывать ни въ чемъ.

Скурыгинъ.

Мое радѣнье
Великое извѣстно государю.
Судите насъ! Казаки изловили
На троицкой дорогѣ молодца,
(Указывая на Н. Редрикова.)
А я божусь, сквозь землю провалиться,
Что онъ гонецъ царевъ; его поймали,
А грамоты царевой не нашли;
А я его въ Москвѣ недавно видѣлъ,
Сбирался онъ въ Ростовъ, и вѣрно знаю,
Что грамоты онъ везъ.

Чика.

Куда-жъ имъ дѣться?
Гдѣ грамоты?

Н. Редриковъ.

Не знаю. Я, бояринъ,
Къ роднымъ бѣжалъ отъ службы изъ Москвы.
Ты, дяденька, не обижай сиротку!
Ты добренькій!

Скурыгинъ.

Ты сказочникъ, я вижу.
Пытать его!

Н. Редриковъ.

Пытайте, коль хотите,
Невиннаго. Теперь я въ вашей волѣ;
Въ чужомъ стану, одинъ, защиты нѣтъ.
Одна защита — матушки молитва
Передъ Творцомъ. Хоть до смерти замучьте,
Родимые, а не въ чемъ повиниться.
Не стану лгать. За правду мнѣ не страшно
И умереть.

Епифанецъ.

Вотъ молодецъ какой!
А сколько лѣтъ тебѣ?

Н. Редриковъ.

Годковъ осьмнадцать.

Чика.

Ну, изъ тебя иль добрый парень выйдетъ,
Иль ужъ такой разбойникъ, что на диво.

Скурыгинъ.

Онъ воръ прямой.

Безпута.

И вотъ мы завтра къ князю
Рожинскому сведемъ его. На дыбѣ
Онъ скажетъ все.

Н. Редриковъ.

Ведите, ваше дѣло.

Епифанецъ.

Теперь пока въ землянку запереть.

(Н. Редрикова уводятъ казаки.)

Скурыгинъ *(Чикѣ)*.

Ты на слова мои не обижайся,
Не про тебя я говорю, про всѣхъ.
Зачѣмъ мы здѣсь стоимъ? Давно пора бы
Въ Москвѣ намъ быть. Я самъ вчера оттуда.
Въ народѣ рознь, а мы сидимъ, зѣваемъ.
Стараюсь я одинъ; ужъ я не мало
По площадямъ московскимъ надрывался,
Уму училъ и въ чувство приводилъ.
Хотятъ итти съ повинной къ государю
Димитрію Иванычу. За службу
Пожалуютъ иль нѣтъ — не знаю. Яну,
Петръ Павлычу Сапѣгѣ нынче утромъ
Докладывалъ, какіе атаманы
Намъ Красное село дадутъ, какіе
Провесть хотятъ за деревянный городъ.
Лазейка есть, лазейку мы сыскали.
И кланялся я гетману и князю
Явить мое радѣнье государю,
Чтобъ вѣдомо ему старанье было
И неусыпный трудъ.

Чика.

Тебѣ бы встряску
Хорошую задать, ты больше скажешь.

Епифанецъ.

Ну, на тебѣ за службу ковшъ вина.

Безпута *(Уразу)*.

Давай играть, татаринъ.

Уразъ.

Деньга мало.

Безпута.

А денегъ нѣтъ, отдашь живымъ товаромъ,
Возьму полонъ.

Уразъ.

Якши! Давай играемъ!

Безпута *(вынимаетъ деньги; играютъ въ зернь)*.

Вѣдь, знаю я, что некрещенымъ счастье,
Таланъ во всемъ, а все съ тобой играю,
Съ татариномъ. Бери!

(Подвигаетъ деньги.)

Уразъ.

Играй еще!

Безпута *(играетъ)*.

Тащи опять! *(Подвигаетъ деньги.)*

Уразъ.

Играй еще!

Безпута.

Сыграемъ!
Въ послѣдній разъ. *(Играютъ.)* Подай сюда!

Уразъ.

Еще!

Безпута.

Опять мое. *(Беретъ деньги.)*

Уразъ.

Играй еще!

Безпута.

Да съ чѣмъ же
Играть тебѣ? На старика сыграемъ?

Уразъ.

Играй, играй!

Безпута.

Поди сюда, старикъ,
Мы на тебя играемъ. Что, татаринъ!
Онъ мой теперь. *(Старикъ кланяется.)*

Уразъ.

Пожалуйста, играй!
После отдамъ.

Безпута.

Безъ денегъ не играю.

Уразъ.

Пожалуйста.

Безпута.

Пошелъ! Гулять хочу! *(Пьетъ.)*
А ты, старикъ, намъ пѣсни пой, да громче!
Плясать гораздъ, найдемъ тебѣ плясунью,
И тѣшьте насъ.

Священникъ.

Мірскихъ не знаю пѣсенъ.
Мои уста поютъ Господню славу
Въ святыхъ церквахъ; въ разбойничьемъ вертепѣ
Не оскверюсь я срамнымъ празднословьемъ.

Епифанецъ.

Пусти его.

Безпута.

Онъ будетъ пѣть, увидишь!
Онъ мой теперь, я выигралъ его!
И что хочу, то и заставлю дѣлать.
Ну, пой, старикъ, а то убью! *(Вынимаетъ пистолетъ.)*

Священнияъ.

Ты глупый
И жалости достойный человѣкъ!
Я Господа боюсь, а ты не страшенъ.
Я для тебя губить души не стану.
А что мнѣ смерть? Давно прошу у Бога
Отъ бренныхъ узъ, отъ старческаго тѣла
Освободить тоскующую душу
О житіи небесномъ.

Безпута.

Если проспишь,
Такъ ты давно-бъ сказалъ.

Епифанецъ.

Бѣги, спасайся!

Священникъ.

Куда бѣжать? Отъ смерти не уйдешь.

(Безпута стрѣляетъ. Старикъ падаетъ.)

Уразъ.

Зачѣмъ убилъ? Зачѣмъ убилъ? Не надо
Убить его.

Безпута.

И ты того-жъ дождешься.

Уразъ *(Чикѣ).*

Хватай его!

Епифанецъ.

Вяжите кушаками.

Безпута.

Татаринъ, прочь! Убью тебя, собаку!

Чика.

Не вырвешься изъ нашихъ рукъ желѣзныхъ.
Съ татариномъ мы двое чорта свяжемъ,
Не даромъ мнѣ прозваніе: „Четыре
Здоровья“. Такъ скрутимъ его, что любо.

Безпута.

Дождусь же я, не все же буду связанъ.
Изъ-за угла перестрѣляю всѣхъ.

Чика.

Доводишь самъ. Проспишься, позабудешь.

Безпута *(лежитъ связанный).*

Проклятые! Чтобъ провалиться вамъ
Со всѣмъ гнѣздомъ разбойничьимъ! Разверзнись
Сыра земля до самой преисподней
И поглоти воровъ проклятыхъ стаю
И перваго меня!

Чика

Вотъ это ладно,
Что не забылъ себя.

Безпута.

Я околѣть-то
Давно бы радъ, да только вмѣстѣ съ вами.
Я радъ кипѣть въ смолѣ, въ горячей сѣрѣ,
Да только-бъ знать, что ты сидишь со мною
Въ одномъ котлѣ. Я боль свою забуду
И дьяволовъ-мучителей потѣшу
Я хохотомъ надъ мукою твоей.

(Входятъ Савлуковъ и М. Редриковъ; Безпута скоро засыпаетъ.)

Савлуковъ.

Товарищи, о чемъ шумите? *(Осматривается.)* Мертвый
И связанный! Не можемъ мы безъ драки
И смертнаго убійства выпить чарку.
(Редрикову.)
Теперь и ты съ волками вой по-волчьи:
И самъ дерись, и пей, и нашу волю
Не осуждай.

М. Редриковъ.

Мнѣ это ничего!
Я зарожденъ на зло. На свѣтъ съ зубами
Родился я, меня не испугаешь.

Савлуковъ.

Вы, головы и атаманы, братья!
Вотъ новый нашъ товарищъ-молодецъ!
Покинулъ онъ измѣнническій городъ
И цѣловалъ сегодня крестъ на службу
Природному царю и государю,
Димитрію Ивановичу.

Чика.

Откуда
И кто таковъ ты?

М. Редриковъ.

Редриковъ Максимъ.

Савлуковъ.

Онъ дворянинъ московскій.

Чика.

Ну и ладно.

Епифанецъ.

Вотъ мы его пригонимъ въ нашу вѣру
И окрестимъ. Давайте ковшъ вина! *(Наливаетъ.)*
Ну, пей, да только весь, смотри! О здравьи
Царя Димитрія всея Руссіи.

М. Редриковъ.

О здравіи царя и государя
Димитрія всея Руссіи.

Савлуковъ.

Вѣрой
И правдой служи царю и намъ,
Товарищамъ! Отца и мать покинуть
И всю родню забыть, а доведется,
Губить и ихъ, какъ недруговъ царевыхъ,
Клянись!

М. Редриковъ.

Клянусь!

Чика.

Ну, Богъ тебѣ на помочь!
Ты нашъ теперь!

Уразъ.

Ни бачка нѣтъ, ни мачка.
Твой бачка царь, а мачка ножъ-булатъ.

Епифанецъ.

Мы наберемъ холоповъ бѣглыхъ сотню,
И въ сотники тебя тотчасъ поставимъ.
А вотъ тебѣ на первый разъ и служба:
Стеречь полонъ, всю ночь ходить дозоромъ
По куренямъ, чтобъ стража не дремала.
А молодца въ землянкѣ пуще глазу
Ты береги; онъ завтра нуженъ намъ.
Ну, спать пора, пойдемте, атаманы! *(Уходятъ.)*

М. Редриковъ.

Эхъ, волюшка! Кому ты не мила?

Удалыхъ ты до Тушина доводишь.
По сердцу мнѣ веселое житье! *(Поетъ:)*

Прикажи-ка намъ, хозяинъ,
Поскакать, поплясать,
Поскакать, поплясать,
Про всѣ городы сказать!
И про верхни городки,
И про низовые.

Н. Редриковъ *(изъ землянки.)*

Максимъ! Максимъ!

М. Редриковъ *(оборачиваясь).*

Чего? Знакомый голосъ,
А никого не видно.

Н. Редриковъ.

Я въ землянкѣ,
Поди ко мнѣ.

М. Редриковъ *(подходя).*

Ты какъ сюда попалъ?

Н. Редриковъ.

Пусти, скажу.

М. Редриковъ.

Тебя беречь велѣли.

Н. Редриковъ.

Запрешь опять.

М. Редриковъ.

Ну, выходи на волю.

(Отворяетъ землянку. Н. Редриковъ выходитъ.)

Разсказывай, потомъ опять въ землянку
Запру тебя, сиди, да утра жди.

Н. Редриковъ.

Попался я казакамъ на дорогѣ.

М. Редриковъ.

А грамоты?

Н. Редриковъ.

У Троицы теперь.
Я отдалъ ихъ старухамъ-богомолкамъ,

Зачуявши погоню. Завтра утромъ
О грамотахъ сведутъ меня къ допросу
И накрѣпко пытать хотятъ.

М. Редриковъ.

Что-жъ дѣлать?
Не будь дуракъ, впередъ не попадайся!
Садись опять въ землянку, дожидайся
Судьбы своей.

(Садится къ столу, беретъ кости, въ которыя играли.)
Постой, я погадаю.

Н. Редриковъ.

О чемъ, Максимъ?

М. Редриковъ.

Пустить тебя, аль нѣтъ?

Н. Редриковъ.

Да какъ пустить! А крестно цѣлованье!

М. Редриковъ.

Толкуй еще! Ужъ заодно грѣшить.
Я утверждался крестнымъ цѣлованьемъ
Двоимъ царямъ служить: въ Москвѣ Василью,
А въ Тушинѣ Димитрію. Василья
Я обманулъ, а этотъ чѣмъ же лучше?
Тебя-то жаль, ты больно молодъ, парень,
И отпустить бѣда, спина въ отвѣтѣ,
А неравно и голову долой.
Поди, садись въ землянку, я опослѣ
Поворожу, пустить тебя, аль нѣтъ!

(Запираетъ землянку и уходитъ.)

Сцена 5-я.

ЛИЦА:

Дмитрій, тушинскій воръ.
Князь Рожинскій, великій гетманъ.
Янъ Петръ Павловичъ Сапѣга, начальникъ особаго отряда.
Князь Трубецкой.
Князь Масальскій.
М. Редриковъ.
Сафоновъ, дьякъ.
Коморникъ.
Свита царя изъ московскихъ выходцевъ и поляковъ.

Передній покой въ тушинскомъ дворцѣ.

Входятъ Рожинскій, Сапѣга *и* Коморникъ.

Коморникъ.

Нельзя входить! Не велѣно!

Рожинскій.

Холопъ,
Съ дороги прочь!

Коморникъ.

Не выходилъ изъ бани
Великій царь.

Рожинскій *(толкая его).*

Пошелъ! Я царскій гетманъ;
Когда входить къ нему, я знаю самъ. *(Сапѣгѣ.)*
Пришли мы рано, въ банѣ царь московскій.

Сапѣга.

Трудовъ ему довольно по утрамъ:
То молится, то въ банѣ кости паритъ.
Вотъ мы съ тобой всю ночь гуляли — пили,
А на ногахъ давно.

Рожинскій.

Ты, панъ Сапѣга,
Не позабылъ вчерашнихъ разговоровъ?

Сапѣга.

Не позабылъ.

Рожинскій.

Хоть мы и побратались
И саблями съ тобою помѣнялись,
А въ Тушинѣ двоимъ героямъ тѣсно;
Соперниковъ я не люблю, ты знаешь.
Ходынское и Прѣсненское поле
Прославлю я своимъ геройствомъ; ты же
Ищи себѣ урочища другія
Для подвиговъ: Россія велика.

Сапѣга.

Ужъ я нашелъ. Не бойся, панъ Рожинскій,
Другъ другу мы съ тобой не помѣшаемъ.
Бери Москву, сажай царя на тронъ
И управляй Московскимъ государствомъ!
А я для васъ возьму другіе за́мки,
Восточные, и путь къ богатой Волгѣ
Очищу вамъ.

Рожинскій.

Великою помѣхой
Стоитъ гнѣздо монаховъ на дорогѣ;
Какъ вороны изъ каменнаго гроба
Они и днемъ, и ночью стерегутъ
И разбиваютъ царскіе разъѣзды,
И Шуйскаго обозы прикрываютъ.
Подъ рясами сѣдые старики
Страшнѣе намъ всей рати. Этотъ за́мокъ
Должны мы взять.

Сапѣга.

Не за́мокъ, а лукошко
Лубочное; я разорю его
И выгоню воронъ. Мы, князь Рожинскій,
Творимъ дѣла великія: мы царства
Обширныя беремъ, на тронъ сажаемъ,
Кого хотимъ, **nostra armata manu**
Id facimus. Мы римляне, Рожинскій;
Romani sumus.

Рожинскій.

Что̀ Romani! Дрянь!
Мы лучше ихъ! Однако, панъ Сапѣга,
Вчерашній хмель гуляетъ въ головѣ.
То у тебя, то у меня пиры;
Ты уѣзжай скорѣй, а то сопьемся.

Сапѣга.

Пируемъ мы сегодня у царицы,
Красавицы, моей богини.

Рожинскій.

Что-то
Не понутру твоя богиня мнѣ
И льстивая родня ея.

Сапѣга.

Сегодня
Послѣдній пиръ, а завтра и въ походъ.
Насмотримся, какъ Юрій Мнишекъ будетъ
Передъ царемъ хитрить и унижаться,
И дочери кивать, и знаки дѣлать,
Чтобы была поласковѣе съ мужемъ.
Вѣдь, ласки дочери царю онъ продалъ
За триста тысячъ — выгодная сдѣлка!
Послушаемъ, какъ царь уставъ церковный
И весь псалтырь читаетъ наизусть
И величаетъ братомъ Сигизмунда.

Рожинскій.

Мнѣ мочи нѣтъ, я слышать не могу!
Какой онъ братъ ему? Такія рѣчи
На Господа хула. У Сигизмунда
И конюхи его такого братства
Не захотятъ.

Сапѣга.

Тихонько! Здѣсь бояре!

(Входятъ князья Трубецкой и Масальскій и прочіе выходцы, подаютъ Сапѣгѣ руки. Рожинскій руки не даетъ, а слегка киваетъ головою. Входитъ Дмитрій; его ведутъ подъ руки двое московскихъ выходцевъ изъ стольниковъ.)

Дмитрій *(садясь на тронъ)*.

Намъ сказывалъ нашъ гетманъ, князь Рожинскій,
Что Янъ Сапѣга, староста Усвятскій,
Покинуть насъ желаетъ?

Рожинскій.

Онъ для пользы
Твоей идетъ, великій государь:
Враговъ твоихъ разить, громить твердыню
Противниковъ твоихъ.

Дмитрій.

Ты, князь Рожинскій,
Не такъ сказалъ. Идетъ громить Сапѣга
Великую святыню православныхъ,
Святой оплотъ поборниковъ Христовыхъ,
Воздвигнутый отцомъ моимъ Иваномъ.
Мы, русскіе, святыню почитаемъ.

Рожинскій.

Измѣнникамъ святыня не защита.

Дмитрій.

Желаю я въ такомъ великомъ дѣлѣ
Своихъ бояръ, природныхъ русскихъ, слышать
Совѣтъ прямой! Скажите мнѣ, бояре,
Достойно ли московскому царю,
Блюстителю единой, православной,
Незыблемой и непорочной церкви,
Отдать свою святыню вѣковую
Въ разоръ и поруганье иноземцамъ?

Князь Масальскій.

Не видано у насъ такое дѣло
Споконъ вѣковъ.

Дмитрій.

Ты слышишь, князь Рожинскій?

Трубецкой.

Не трогай Троицы Живоначальной
Монастыря святого! Не милуетъ
Господень гнѣвъ за то. Побойся Бога,
Великій царь и государь Димитрій
Ивановичъ.

Дмитрій.

Я слышу гласъ народа
Въ рѣчахъ бояръ моихъ. Народъ московскій
Заговоритъ, что я не чту святыни.

Рожинскій *(съ нетерпѣніемъ)*.

Сапѣга ждетъ приказа твоего.

Сапѣга.

Не двинусь я безъ воли государя.

Дмитрій.

Вы слышали? Какого вамъ приказа?
И что еще сказать могу?

Рожинскій.

Ты скажешь,
Чтобъ собрался, не мѣшкая, Сапѣга
Къ монастырю; своимъ боярамъ новымъ
Молчать велишь, иль я молчать заставлю
По-своему.

Дмитрій *(обидѣвшись, боярамъ)*.

Мой гетманъ лучше знаетъ,
Что дѣлать мнѣ и говорить.

Рожинскій.

Еще бы!
Я знаю все. Ты царь благочестивый
И Троицкій старинный монастырь
Ты уберечь и сохранить желаешь.
Да твой ли онъ? Онъ Шуйскаго покуда,
И въ немъ враги твои сидятъ. Ты хочешь,
Чтобъ у тебя была святыня эта,
Такъ надо взять ее — и мы возьмемъ.
Вотъ мысль твоя. Ну, съ Богомъ, панъ Сапѣга,
Сбирайся въ путь.

Дмитрій.

Съ тобой пойдутъ поляки?

Сапѣга.

И русскіе.

Дмитрій.

Не вѣрю.

Сапѣга.

Панъ Лисовскій
Идетъ со мной и съ нимъ шесть тысячъ русскихъ,
Да я возьму съ собой людей охочихъ.

Дмитрій *(съ важностью).*

Ну, если такъ, иди! Мы, царь Димитрій
Ивановичъ, московскій и всей Руси,
Всѣхъ царствъ и княжествъ нашихъ самодержецъ,
Единый, Богомъ данный и хранимый,
Помазанный и вознесенный Богомъ
Надъ прочими царями и, подобно
Израилю, ведомый высшей силой,
Единый христіанскій царь съ востока
До запада, и многихъ государствъ
Самодержавный повелитель, нынѣ
Тебѣ, Янъ Петръ Сапѣга, указали
Итти войной на царскихъ супостатовъ,
Сидѣльцевъ Троицы Живоначальной
Монастыря, и промышлять надъ ними.
Поди къ рукѣ моей. *(Сапѣга кланяется.)*
Повелѣваемъ
Тебѣ, нашъ думный дьякъ Денисъ Сафоновъ,
И написать, и въ войскѣ объявить
Охочимъ людямъ, буде пожелаютъ,
Итти съ Петромъ Сапѣгою на нашихъ
Измѣнниковъ, которые доселѣ
Челомъ мнѣ, государю, не добили
И винъ своихъ не принесли; пусть идутъ,
Надежные на милости Господни
И Богородицы Его Пречистой,
Великаго Николы Чудотворца,
И жалованье царско неисчетно
Великое мое. *(Рожинскому.)* Великій гетманъ,
Въ моемъ стану и войскѣ все-ль спокойно?

Рожинскій.

Великій царь, давно пора тебѣ
Сидѣть въ Москвѣ на дѣдовскихъ престолахъ,
А здѣсь пока во временномъ стояньи,

Подъ Тушиномъ селомъ, и день вчерашній,
И ночь прошли, Богъ далъ, благополучно.
Нельзя сказать, чтобъ вовсе безъ грѣха,
А не было бѣды большой. Казаки
Московскаго гонца вчера поймали
И отдали его на бережепье
Изъ выходцевъ московскихъ дворянину,
А тотъ его не устерегъ.

Дмитрій.

Повѣсить!

Рожинскій.

Поссорился вчера Буявскій ротмистръ
Съ товарищемъ за дружеской попойкой
И во хмелю убилъ до смерти.

Дмитрій.

На колъ!

Рожинскій.

Мы строгостью такою всѣхъ разгопимъ.
Буявскаго, я думаю, простить.
Поляки намъ за жалованье служатъ,
Они пришли на помощь — наши гости,
А не рабы; мы жалованье прежде
Должны отдать.

Дмитрій.

И отдадимъ въ Москвѣ.

Рожинскій.

О деньгахъ рѣчь, такъ жди, а за провинность
Казнить сейчасъ, какая-жъ будетъ правда?
И кто-жъ служить поѣдетъ къ намъ изъ Польши?

Дмитрій.

А кто-жъ изъ русскихъ въ Тушино пойдетъ,
Когда казнить мы будемъ только русскихъ
И миловать поляковъ виноватыхъ?
Полякамъ ты заступникъ, а за русскихъ
Не вымолвишь и слова. Виноваты
Равно они, равно достойны казни;
Коль миловать, такъ надобно обоихъ.

Сапѣга

Рожинскій князь, проси за поляка,
А я челомъ за русскаго ударю.
Мнѣ русскіе нужнѣй; я въ сердцѣ Руси
Веду войну; развѣдать путь-дорогу
И кормъ найти свои скорѣе могутъ,
И лишнему я радъ. Не сотню тысячъ
Веду съ собой, мнѣ каждый ратникъ дорогъ.
Великій царь, пусти его со мною
Подъ Троицу!

Рожинскій.

Ждутъ милости иль казни
Буявскій панъ и Редриковъ Максимъ
У твоего крыльца.

Дмитрій.

Привесть виновныхъ.

(Вводятъ М. Редрикова и поляка.)

Хоть оба вы, за ваши воровства,
И довелись до лютой смертной казни,
Для радости свиданія съ женой,
Мариной Юрьевной всея Россіи,
Прощаю васъ. *(Кланяются.)*
Спроси его, Сафоновъ,
Пойдетъ ли онъ подъ Троицу съ Сапѣгой
Охотно?

Сафоновъ.

По царскому указу
Петръ Павловичъ Сапѣга, царскій ротмистръ,
Войной идетъ на недруговъ, сидѣльцевъ
У Троицы въ обители святой,
И вольно звать ему людей охочихъ.
Ты, Редриковъ, желаешь ли итти
Подъ Троицу и крѣпко, нерушимо
Стоять противъ врага и всякій поискъ,
И тѣсноту чинить по силѣ-мочи?

М. Редриковъ.

А что-жъ нейти?

Сафоновъ.

Святыни не боишься?

М. Редриковъ.

Ужъ заодно мнѣ Богу отвѣчать.
Коль въ Тушино пошелъ, такъ, значитъ, Бога
Не боюсь.

Сафоновъ.

Молчи ты, смердъ! Ты служишь
Здѣсь, въ Тушинѣ, природному царю.

М. Редриковъ.

А развѣ я его не величаю
Димитріемъ Иванычемъ, природнымъ
И подлиннымъ царемъ? Къ нему на службу
Я изъ Москвы пришелъ. Такая служба
Мнѣ по сердцу. Служа ему, мы грабить
И разорять въ Московскомъ государствѣ
Всѣ города у Шуйскаго должны,
А Сергіевъ, иной ли городъ грабить —
Ужъ все одно.

Дмитрій.

Гоните вонъ его!
Повѣсить бы его вѣрнѣе было
И Господу угоднѣй! Вотъ разбойникъ!

Сапѣга.

Такихъ-то мнѣ и нужно, государь.

Дмитрій *(вставая).*

Мнѣ, право, жаль, что я его простилъ.

(Всѣ уходятъ.)

Сцена 6-я.

ЛИЦА:

Третьякъ Сеитовъ, воевода.
Людмила.
Н. Редриковъ.
Нянька и сѣнныя дѣвушки.

Въ Ростовѣ. Свѣтлица въ теремѣ воеводы.

Входятъ Людмила, нянька *и двѣ сѣнныя дѣвушки.*

Людмила.

Нашелся онъ, мой суженый, желанный,
Нашла его душа моя. По немъ-то
Въ глухой тиши полночной снова горячка
Томитъ меня, а днемъ грызетъ тоска.

Придетъ пора — и дѣвушкѣ не плакать
Никакъ нельзя. Защемитъ ретивое,
Тоски и слезъ любовныхъ не минуешь.
Я дѣвушка — и плакать мнѣ не диво;
Но долго я не стану убиваться.
Поплакала и будетъ. Я на горе
Связать себя съ немилымъ не позволю.
Ужели мнѣ въ однѣхъ забавахъ воля,
А въ мужѣ нѣтъ? Кого отецъ укажетъ,
За тѣмъ и жить! Отдать красу дѣвичью
Немилому, постылому! Потѣшить
Родителя и погубить себя!
Потѣшь меня, старикъ, свое ты отжилъ,
И молодого счастья не губи!
Вы, дѣвки, что̀ стоите?

Дѣвки.

Ждемъ приказу.

Нянька.

Все дѣло ихъ, что за тобой ходить.

Людмила.

Приказу ждете? Мой приказъ короткій:
Подите вонъ! *(Дѣвки уходятъ.)* А ты, старушка Божья,
Поближе стань, поговори со мной.

Нянька.

Что, матушка-боярышня, прикажешь
Рабѣ твоей?

Людмила.

Утѣшь меня, старуха!

Нянька.

Тебѣ, кажись, о чемъ бы тосковать?

Людмила.

Ты видѣла мальчишку молодого,
Московскаго гонца?

Нянька.

Не разъ видала.
Пригоженькій мальчишка, вотъ и все.

Людмила.

Мальчишка, да! Ребенокъ-недоростокъ,
А высушилъ и вызнобилъ онъ сердце
Боярышни твоей.

Нянька.

Ахъ онъ разбойникъ!

Людмила.

Разсказывай! Ты видѣла, ты знаешь,
Пригожъ ли онъ, и вьются-ль русы кудри,
И ясны ли его сокольи очи,
И весело-ль глядятъ, или кручинны,
И любитъ ли меня?

Нянька.

Ахти! Не знаю,
Какую рѣчь вести, боюсь тебя.

Людмила.

Не бойся, няня! Сядь со мной.

Нянька.

Не смѣю.

Людмила.

Садись, садись! Прилягу я легонько
На грудь твою. Меня ты приголубишь. *(Садятся.)*
Тоскую я! Будь матушкой родимой,
Утѣшь меня, дѣвицу-сиротинку. *(Прилегаетъ къ ней.)*
Разсказывай про молодца-дѣтину,
Зазнобушку.

Нянька.

Не знаю, что и молвить.

Людмила *(вставая)*.

Да говори же, старая корга!

Нянька *(съ испугомъ)*.

Хорошъ... пригожъ... да только молодъ больно.

Людмила.

Ну, вотъ бѣда! Состариться успѣетъ.
За молодымъ-то веселѣе жить.
Ужъ такъ-то любъ, ужъ такъ-то любъ онъ, няня...

Нянька.

А любъ, такъ любъ. Не по хорошу милъ,

А по милу хорошъ, моя голубка!
Да гдѣ-жъ его ты видѣла?

Людмила.

Забыла
Ты, старая! А помнишь — на дорогѣ
Мы съѣхались?... А здѣсь въ сѣняхъ отцовыхъ
Два раза я тихонько поджидала,
Когда пойдетъ, и будто не нарочно
Встрѣчалась съ нимъ, и рѣчи говорила,
И какъ зовутъ узнала: Николаемъ!

Нянька.

Никакъ идетъ нашъ батюшка-бояринъ!
(Встаетъ. Входитъ Сеитовъ. Нянька уходитъ.)

Людмила *(Кланяется низко отцу; онъ ее цѣлуетъ).*

Хорошъ отецъ! О дочкѣ и не вспомнитъ,
Совсѣмъ забылъ.

Сеитовъ *(садясь).*

Заботы одолѣли
Великія. По царскому указу,
Мнѣ велѣно беречься отъ воровъ,
Къ Владиміру итти, крѣпить осаду
И воеводой быть во всемъ краю,
По городамъ сбирать дѣтей боярскихъ,
Изъ Суздаля, изъ Юрьева, изъ Шуи;
А скоро-ль ихъ сберешь? Сидятъ въ помѣстьяхъ,
Не двинутся, какъ пни, покуда силой
Не выбьютъ ихъ на службу батожьемъ.
Кругомъ мятежъ, остроги наши плохи,
Запасовъ нѣтъ и отсидѣться не въ чемъ.

Людмила.

Я дѣлъ твоихъ не знаю воеводскихъ,
И знать-то не хочу. Ужли ты часу
Не выберешь для дочери-сиротки?
На возрастѣ, на выданьи теперь
Я, дѣвушка, со скуки пропадаю;
Одна, какъ перстъ, я у тебя.

Сеитовъ.

Родная,
Прости меня! До солнышка проснулся
Сегодня я. Все утро собирался
Зайти къ тебѣ, да не поспѣлъ; съ дѣлами
Замѣшкался въ избѣ приказной. Надо
Московскаго гонца къ царю отправить
Съ отпискою о нашемъ утѣсненьи,
И скудости, и ветхости остроговъ,
И осыпѣ валовъ по городамъ,
Что зелья нѣтъ...

Людмила.

Я вижу, ты, родимый,
Состарѣлся и выжилъ изъ ума.
Ну можно ли мальчишку съ царскимъ дѣломъ,
Съ отписками, послать въ такую пору
Немирную? Пошли къ царю другого,
Постарше кто; его оставь.

Сеитовъ.

Не смѣю
Держать его: онъ присланъ съ оборотомъ.

Людмила.

А если онъ отписки потеряетъ,
Иль воры ихъ отнимутъ у него,
Тогда-то что? При старости почтенной,
Ты въ грамотѣ царевой прочитаешь,
Чтобъ такъ тебѣ не дуровать впередъ,
Иль хуже что. И самого-то воромъ,
Измѣнникомъ передъ царемъ поставятъ,
Нашепчутъ въ уши злые шептуны,
Безбожные.

Сеитовъ.

Ну, что ты мнѣ толкуешь!
Передъ царемъ въ отвѣтѣ я не буду.
Съ кѣмъ прислано, я съ тѣмъ и отпускаю.

Людмила.

Ты, батюшка родименькій, не любишь
Меня ничуть. Пойдешь ты на воровъ,

Подумай самъ, меня-то на кого же
Покинешь ты?

Сеитовъ.

Тебѣ не привыкать,
Не первый разъ одна ты остаешься.

Людмила.

Тогда не то, теперь другое время;
Я въ Тушино попасться не желаю
Къ мятежникамъ.

Сеитовъ.

Храни тебя Господь!
Оставлю я охрану понадежнѣй.

Людмила.

Не вѣрю я твоей охранѣ.

Сеитовъ.

Кто же
Убережетъ тебя?

Людмила.

Гонецъ московскій.
Его оставь.

Сеитовъ.

Въ умѣ ли ты, Людмила?
Не ты-ль сама сейчасъ же говорила,
Что молодъ онъ, и грамоты повѣрить
Нельзя ему? А какъ же я повѣрю
Тебя беречь?

Людмила.

Ты вотъ что̀, мой родимый,
Послушайся меня хоть въ жизни разъ,
Не отпускай его въ Москву.

Сеитовъ.

Людмила,
Не говори такихъ рѣчей безумныхъ!
Ты дочь моя, Сеитова княжна.

Людмила.

И онъ не смердъ, слуга царю такой же.
Ты погоди, не называй безумной,
Я въ разумѣ покуда. Если-жъ хочешь,
Чтобъ вправду я осталась безъ ума,
Такъ отпусти его.

Сеитовъ.

Молчи, Людмила!
Не заставляй отца сѣдого слушать
Пустыхъ рѣчей твоихъ! Молчи, покуда
Не понялъ я безстыднаго ихъ смысла.

Людмила.

Ты любишь дочь, иль нѣтъ? Моя погибель
Нужна тебѣ, иль ты желаешь счастья
И радости для дочери твоей? *(Сеитовъ встаетъ.)*
Уходишь ты?

Сеитовъ.

Прощай!

Людмила.

Скажи мнѣ толкомъ,
Отпустишь ты гонца, иль нѣтъ?

Сеитовъ.

Не стоитъ
И говорить съ тобою, полоумной!
Ты не стыди себя!

Людмила.

И это слово
Послѣднее?

Сеитовъ.

Послѣднее. Прощай!
(Уходитъ. Входитъ нянька и дѣвушки.)

Людмила.

Такъ вотъ она, неволя теремная!
Такъ вотъ когда высокій, чистый теремъ
Мнѣ тѣсенъ сталъ, и жизнь моя дѣвичья
Наскучила. Душа на волю рвется,
Хочу любить, любить... Ты, злой старикъ,
Ты баловалъ меня и тѣшилъ прежде!
Ты вырастилъ на волюшкѣ меня,
И дай ты мнѣ ту волю дорогую
За милаго пойти! Ты дашь мнѣ волю!
Не дашь ее, такъ я сама возьму.
Ну, нянюшка, старушка, поживѣе

Веди ко мнѣ любезнаго дружка
Николушку!

Нянька.

Ахъ батюшки! Да въ чью же
Ты голову?...

Людмила.

Ступай безъ разговору!
Приказано, и кончено.

Дѣвки.

Пропали
Мы бѣдныя, несчастныя...

Людмила.

Завыли!
На лѣстницу ступайте, стерегите,
Чтобъ не вошелъ бояринъ невзначай!

(Дѣвушки уходятъ.)

Пускай себѣ другія дѣвки плачутъ,
По теремамъ высокимъ взаперти,
И ждутъ въ слезахъ себѣ неволи злѣе:
Съ немилымъ жить, съ неровней вѣковать,
И дѣвичьи коротенькія слезы
Смѣнять на бабьи слезы безъ конца;
Не стану я томить себя слезами,
Ретивому сердечку волю дамъ
И дѣвичій обычай свой потѣшу!

(Входятъ нянька и Н. Редриковъ.)

Нянька.

Побережнѣй иди! Вотъ видишь, глупый,
Какая честь тебѣ! Ты не болтай,
Не сказывай, что я тебя водила
Къ боярышнѣ, а то себя погубишь,
Ее и насъ.

Н. Редриковъ.

Да ладно.

Людмила.

Ты не бойся!
Поди ко мнѣ, мой писаный красавчикъ.
Бывалъ ли ты въ дѣвичьемъ терему?
Ну, сказывай!

Н. Редриковъ.

Ни разу не случалось.
А хорошо у васъ, какъ словно въ сказкѣ,
Не вышелъ бы.

Людмила.

Ты ужъ не любишь ли кого?

Н. Редриковъ.

Я всѣхъ люблю. У матушки учился
Съиздѣтства я рѣчамъ ея любовнымъ
И ласковымъ словамъ; она велѣла
Мнѣ всѣхъ любить и миленькими звать.

Людмила.

А кто училъ любить красу дѣвичью?

Н. Редриковъ.

Своимъ умомъ дошелъ.

Людмила.

Меня ты любишь?

Н. Редриковъ.

Любить люблю, сказать боюсь; погонишь
Изъ терема.

Людмила.

Не погоню, не бойся.

Н. Редриковъ.

Такъ я скажу.

Людмила.

Ты говори, да больше!
Любовныхъ словъ не слышимъ мы совсѣмъ,
А сердце ихъ желаетъ.

Н. Редриковъ.

Мнѣ на свѣтѣ
Одна лишь ты и жизнь, и радость. Знаю,
Что ты неровня мнѣ, а все тоскую
И плачу по тебѣ. Со мной ты шутишь
И посмѣешься послѣ надо мной,
А мнѣ въ тоскѣ сидѣть да убиваться
Въ своемъ углу.

Людмила.

Постой! Постой! Неправда!

Н. Редриковъ.

Тебѣ игра, а мнѣ навѣки мука,
И все-таки люблю тебя.

Людмила.

Постой!
(Протягиваетъ руку.)
Возьми себѣ на память перстенечекъ!
Бери любой!

Н. Редриковъ.

Вотъ этотъ дай!

Людмила.

Изволь!
(Редриковъ беретъ перстень.)
Ну, что же ты стоишь? Иль не умѣешь
Благодарить?

Н. Редриковъ.

Умѣю, да не смѣю.

Людмила.

Благодари.

Н. Редриковъ *(цѣлуетъ ее.)*

Спасибо! Мой возьми!
Серебряный и плохенькій, а дорогъ:
Онъ матушкинъ подарокъ.

Людмила.

Вотъ спасибо!

Нянька.

Боярышня, бѣда! Отецъ идетъ!

Людмила *(Редрикову).*

Бѣги скорѣй ко мнѣ въ опочивальню
И спрячься тамъ! Не выходи, покуда
Не позову сама.
(Н. Редриковъ уходитъ. Входитъ Сеитовъ.)

Сеитовъ.

Послушай, дочка!
Немного мнѣ на свѣтѣ жить осталось.
Послѣднихъ дней срамить я не хочу.
Давалъ тебѣ я волю и поблажку,

Но съ той поры, когда въ дѣвичій теремъ,
Забывши стыдъ, водить ты парней стала,
Запру тебя и сторожей поставлю
Съ дубинами у оконъ и дверей,
И всякаго, кто въ теремъ твой заглянетъ,
Въ тюрьмѣ сгною, тебя — въ монастырѣ.

Людмила.

Мнѣ поздно въ монастырь, теперь я замужъ
Задумала; ты раньше бы хватился.

Сеитовъ.

Гдѣ Редриковъ?

Людмила.

Въ моей опочивальнѣ.
И выйдетъ онъ со мной оттуда въ церковь
Иль въ озеро.

Сеитовъ.

Не выйдете вы вовсе
Изъ терема; кругомъ законопатить
Всѣ выходы велю, и умирайте
Съ любовникомъ голодной смертью оба.
Мнѣ васъ не жаль.

Людмила.

Тебѣ меня не жаль?
Ты что̀ сказалъ? Морить голодной смертью
Родную дочь? Спасибо! Вотъ спасибо!
Любовь твою я вижу. Эка дура!
За что̀ же я любила старика!
За что̀ же я его любила столько!

(Отворяетъ опочивальню.)

Поди сюда, благодари отца! *(Редриковъ входитъ.)*
Скорѣй ко мнѣ бѣгите, няньки, мамки!

(Входятъ нянька и сънныя дѣвушки.)

Боярина благодарить за милость!
Челомъ ему! Валитесь въ ноги всѣ!
Послушайте, какъ дочь свою онъ любитъ!
Прошу его: родитель-государь,
Дозволь ты мнѣ, дѣвицѣ-сиротинкѣ,
За рабскую мою тебѣ покорность,

За скучное сидѣнье теремное,
За слезныя молитвы по тебѣ,
Позволь ты мнѣ пойти, дѣвицѣ, замужъ
За милаго — мнѣ Богъ его послалъ;
Отдай ты мнѣ, рабѣ твоей, на выборъ
Иль съ милымъ жить тебѣ и намъ на радость,
Иль умереть съ моимъ желаннымъ вмѣстѣ!
И батюшка пожаловалъ меня:
Онъ, государь, на милость тороватый,
Родную дочь и зятя запереть
И уморить сулитъ голодной смертью,
И закопать въ одну могилу вмѣстѣ.
Ну, кланяйтесь ему, благодарите.
Я говорить не стану съ нимъ. Недолго
На свѣтѣ жить, наговориться съ милымъ
Потороплюсь. *(Редрикову.)* Ты смерти не боишься?

Н. Редриковъ.

Чего же мнѣ бояться! Я съ тобою
Увидѣлъ рай; еще такой отрады
Мнѣ въ жизни не видать, зачѣмъ и жить!
Умремъ съ тобой, другъ другу въ очи глядя,
Цѣлуяся, милуяся любовно.

Сеитовъ.

Упряма ты! Упряма, какъ желѣзо,
Лукавая лиса!

Людмила.

Послушай, милый!
Не вѣритъ онъ, что мы другъ друга любимъ,
А то бы насъ жалѣлъ онъ погубить.
А, видитъ Богъ, тебя я полюбила —
Я такъ любила только одного,
Одинъ лишь былъ на бѣломъ свѣтѣ дорогъ
И такъ же милъ — сѣдой старикъ, отецъ,
Пока моимъ онъ не былъ душегубомъ.

Сеитовъ.

Ну, Богъ съ тобой! Забудь мою обиду,
Поди ко мнѣ.

Людмила.

Мы неразлучны стали;
Я не пойду одна.

Сеитовъ.

Подите оба!
Не жаль тебя мнѣ, дѣвки полоумной,
А жаль любви твоей. Пускай же дочка
Сеитова смѣется надъ отцомъ,
Да только бы не назвала злодѣемъ.
Благословлю и обвѣнчаю васъ,
И на воровъ пойду. Живите съ Богомъ.
Пойдемте внизъ, пошлемте за попомъ.

Людмила.

Теперь опять тебя я полюбила,
Упрямаго и злого старика.

Сеитовъ *(Редрикову).*

А ты гораздъ на дѣвокъ! Какъ сошелся
И видѣлъ гдѣ ты дочь мою?

Людмила.

Разскажемъ
Мы послѣ все.

Н. Редриковъ.

Я, батюшка-бояринъ,
Давно люблю ее. Не погнушайся
И прикажи, бояринъ, мнѣ, холопу,
Любить тебя.

Сеитовъ.

Люби и почитай,
Отцомъ роднымъ зови меня, разбойникъ,
И всякаго приказу слушай!

Н. Редриковъ.

Ладно! *(Уходятъ.)*

Сцена 7-я.

ЛИЦА:

Епифанецъ.
Чика.
Асанъ-Уразъ.
Безпута.
М. Редриковъ.
Савлуковъ.
Казаки.

Окопы Лисовскаго подъ Троицкимъ монастыремъ. Земляной валъ; за валомъ вдали видны стѣны монастыря. Ненастныя осеннія сумерки; дождь и сильный вѣтеръ.

(12-го октября 1608 г.)

Епифанецъ *лежитъ у костра. Есаулъ и нѣсколько казаковъ поддерживаютъ огонь. Вдали музыка и пальба изъ пушекъ и ружей. На валу казаки.*

Епифанецъ *(громко).*

Смотрѣть съ валовъ, не видно ли чего
Въ монастырѣ.

Казакъ *(съ валу).*

Покуда не видали.
Свѣтлѣетъ что-то!

Епифанецъ.

Господи, помилуй
Рабовъ твоихъ!

Казакъ.

Сіянье по стѣнамъ.

Епифанецъ.

Смотри вѣрнѣй, да съ вѣрою, со страхомъ,
А послѣ намъ скажи, коль что увидишь.

(Входитъ Чика съ казаками.)

Присядь къ огню, погрѣйся, обсушись.

Чика.

И холодно, и вьюга-непогода
Слѣпитъ глаза, и угощаютъ знатно
Каленными орѣхами со стѣнъ.
Съ добра ума убрался съ казаками
Цѣлехонекъ отъ келаревой башни,
Изъ-подъ огня, и больше не пойду.

Есаулъ.

Помилуй Богъ! помилуй Богъ! Охота-ль
На драку лѣзть ни съ чѣмъ.

Чика.

Поляки бойки,
Ну пусть они и бьются въ стѣны лбомъ!
Не прошибить — крѣпки, да и толсты.
Саженъ пяти отъ низу до зубцовъ,
А въ толщину — гдѣ три, а гдѣ и больше;
Попрыгаютъ поляки на бахматяхъ,
Полаются на каменныя стѣны,
Какъ песъ на мѣсяцъ — съѣлъ бы, да высоко —
И съ тѣмъ уйдутъ.

Есаулъ.

Не мало ихъ поляжетъ!
Монахи имъ живые не дадутся.

Епифанецъ.

Монахи что̀! Угодники Господни
Монастырю даютъ святую помощь;
Мы съ музыкой идемъ, съ гудѣньемъ, съ вопомъ,
Пьянёхоньки, а тамъ святые старцы
Молитвою укрѣплены, постомъ,
И ратники съ благословеньемъ Божьимъ
Отпоръ даютъ подъ звономъ колокольнымъ.
Я сунулся, да тоже взялъ назадъ,
Бѣжалъ, какъ воръ, дрожа какъ листъ, какъ Каинъ
Отъ Господа. Повелъ свои я сотни,
Когда совсѣмъ стемнѣло. Вотъ идемъ,
Потупившись, глаза поднять боимся
На темную ограду, что̀-то давитъ,
Гнететъ тебя. Я разъ взглянулъ и два —

И помертвѣлъ: въ сіяніи небесномъ
Угодники со стѣнъ на насъ грозятся
И отъ враговъ обитель ограждаютъ
Кажденіемъ и крестнымъ осѣненьемъ.
Святой водой кропятъ. Великій трепетъ
Объялъ меня! Махнулъ своимъ казакамъ,
Скорѣй назадъ, назадъ, давай Богъ ноги.
Да вотъ и здѣсь еще лежу, трясусь
И думаю: да что̀ мы черти, что̀ ли,
Что воевать пришли святое мѣсто?
Немного тутъ возьмешь! Сбираться на Донъ,
Домой итти, покаяться скорѣе,
Замаливать свой грѣхъ, покуда живъ.
Вѣдь, есть одно у насъ святое дѣло —
Крушить татаръ ногайскихъ; мало намъ!
Епитимью возьму себѣ на сотню —
Ты думаешь, поклоновъ? — нѣтъ, головъ
Татаръ поганыхъ! — можетъ, Богъ проститъ.

(Входитъ Уразъ съ татарами, за нимъ раненый Безпута.)

Ну, что̀, Асанъ, немного взялъ?

Уразъ.

Молчи!
Аллахъ! Аллахъ! Такой война не нада!

Безпута *(грозитъ кулакомъ монастырю).*

Дождетесь вы! Молитвы не помогутъ
И не спасутъ колокола̀. Безпута
Заплатитъ вамъ за раны и увѣчье
Сторицею! Пробьемъ до васъ дорогу,
Не пушками, такъ саблями продолбимъ,
Натѣшится душа моя.

Чика.

Безпута,
Ты о какомъ увѣчьи говоришь?

Безпута.

Нога болитъ, рукою не владѣю,
Я въ ровъ упалъ; стрѣлою угодили
Подъ лѣвое плечо.

Чика.

А, видно, ловко
Попалъ тебѣ; кольчугу продавило,
И хмель прошелъ!

Безпута.

Мы двигали тарасы
И лѣстницы; вдругъ свистнуло въ ушахъ,
И я, какъ снопъ, лечу.

Епифанецъ.

Щиты, тарасы
Къ монастырю свезли, а сами прочь
Ни съ чѣмъ ушли. Спасибо завтра скажутъ
Монахи вамъ — имъ топки на двѣ будетъ,
На братскій хлѣбъ, на монастырскій квасъ.
Къ монастырю тарасы! Панъ Лисовскій
Съ Сапѣгою и на небо полѣзутъ
По лѣстницамъ.

Безпута.

До неба намъ высоко,
А монастырь возьмемъ. Не отсидятся
Монахи въ немъ, хотя бы на защиту
Къ нимъ ангелы явились.

Епифанецъ.

Ошибетесь.

Безпута.

Спалимъ огнемъ его, порубимъ ратныхъ,
Мучительски монаховъ перемучимъ,
И поживемъ награбленнымъ добромъ
До сытости и до отвалу.

Епифанецъ.

Будто?
Поди-ка ты, какой проворный сталъ.

Безпута.

А вы зачѣмъ бѣжали?

Епифанецъ.

Надо было.
Не твоему уму про это вѣдать.
Безъ нужды я не побѣгу.

Безпута.

Вы трусы!

Уразъ.

Болтай, болтай! Бѣжалъ, боялся Бога.
А ты пошелъ, рука-нога болитъ;
Еще пошелъ, совсѣмъ кончалъ.

Епифанецъ.

Робятки!
Давайте намъ поѣсть чего-нибудь.
(Входитъ М. Редриковъ).

М. Редриковъ.

Хвастливое-то слово гнило. Утромъ
Хвалилися намъ паны, что монастырь
Возьмутъ они взятьемъ, что мы недолго
Подъ Троицей въ окопахъ простоимъ
И двинемся къ Переяславлю ратью,
Потомъ въ Ростовъ и дальше.

Епифанецъ.

Не повѣрить
Панамъ нельзя, повѣришь — ошибешься.

М. Редриковъ.

Придется намъ зазимовать.

Епифанецъ.

Пробьемся
И годъ, и два, и больше. Хорошенько
Насмотримся на каменныя стѣны
Издалека, а близко не допустятъ,
И прочь пойдемъ.

М. Редриковъ.

Утѣха не велика.
Тоска возьметъ и совѣсть одолѣетъ.
Я по себѣ скажу: по волѣ царской
Стоймъ мы здѣсь; да, видно, Богъ не хочетъ
Въ разоръ отдать святыни монастырской.
За разъ бы взять — и разговоръ короткій,
Покаялся-бъ ужъ послѣ заодно
За всѣ грѣхи. А годъ бороться съ Богомъ,

И каждый день, вставая и ложась,
На тѣ-жъ кресты молиться, по которымъ
Изъ пушекъ бьемъ, сшибать колокола
И съ музыкой ходить противъ святыни,
Разбойникомъ быть мало — окаяннымъ
Быть надобно.

Епифанецъ.

Что̀ правда, другъ, то правда.
Они поютъ молебны, по стѣнамъ
Съ иконами, съ крестами, съ водосвятьемъ,
А мы по нихъ стрѣляемъ изъ наряда.

М. Редриковъ.

Ползи къ стѣнѣ въ потемкахъ, не защита
Желѣзная кольчуга отъ пищалей.
Убьютъ тебя — не страшно, умирать же
Когда-нибудь, отъ смерти не уйдешь,
А вотъ бѣда: Господь-то занятнаетъ,
Да жизнь продлитъ; всего поискалѣчитъ,
Сведетъ дугой, отниметъ ноги, руки
И знаменье положитъ на челѣ.
Живи потомъ на свѣтѣ людямъ на-смѣхъ,
Калѣкою, дѣтямъ на поруганье,
Отмѣченный, что̀ ты боролся съ Богомъ.
Готовъ служить царю я, государю
Димитрію Иванычу, и буду
Измѣнниковъ его и жечь, и грабить,
Да только укажи другое мѣсто.
Хоть свой же домъ спалю, а здѣсь неволей
Опустишь руки, голову повѣсишь.

(Входитъ Савлуковъ.)

Нѣсколько голосовъ.

Здорово, братъ! Откуда?

Савлуковъ.

Въ Переславлѣ
Замѣшкался. Работы много было.
Да трудъ зато не даромъ; переславцы
Взялись за умъ, въ измѣнѣ повинились
И въ Тушино отправили гонца
Съ повинною. Сбираются къ Ростову

Отплачивать старинныя обиды
И приводить ростовцевъ ко кресту
Природному царю и государю
Димитрію. Мнѣ гетманъ, панъ Лисовскій,
Приказывалъ собрать людей немногихъ,
Кому стоять подъ Троицею скучно,
Въ Ростовъ вести, на помощь переславцамъ.
Пожива есть; кто хочетъ собирайся
Въ Ростовъ итти.

М. Редриковъ.

На свадьбу, на веселье
Зови меня, такъ, можетъ, не пойду,
А вотъ въ Ростовъ, такъ полечу на крыльяхъ.
Давно я жду отрады, добираюсь
До города Ростова. Ну, Безпута,
Ты жечь и грабить лютъ; тебя беру я
Въ товарищи. Ростовскимъ воеводой
Обиженъ я; пойдемъ считаться съ нимъ!
Я головы жалѣть не буду, только-бъ
Сойтиться съ нимъ лицомъ къ лицу, напомнить
Про старое. Не даромъ я божился,
Зарокъ давалъ: его обиды кровной
Не забывать.

Савлуковъ.

Ты мнѣ скажи спасибо,
Что я тебя и въ Тушино привелъ,
И указалъ въ Ростовъ дорогу.

М. Редриковъ.

Послѣ.
Душа горитъ теперь, и сплю и вижу
Въ Ростовѣ быть, въ гостяхъ у воеводы
Сеитова, незваннымъ и нежданнымъ,
И задушить хозяина руками,
И на вѣтеръ пустить его хоромы;
Тогда тебѣ я въ ножки поклонюсь.

Савлуковъ.

Соснемъ часокъ и, чуть забрезжетъ утро,
Собраться въ путь, въ Ростовъ.

Уразъ

Айда въ Ростовъ!

М. Редриковъ.

Идемъ! Идемъ! За мной не станетъ дѣло!

Безпута *и* Чика.

И мы пойдемъ, товарищу поможемъ. *(Всѣ уходятъ.)*

Сцена 8-я.

ЛИЦА:

Сеитовъ.
Д. Редриковъ.
Н. Редриковъ.
Людмила, жена его.
М. Редриковъ.
Безпута.
Уразъ.
Скурыгинъ.
Стрѣлецкій сотникъ.
Нянька.
Лисовскій.
Слуги воеводскіе.
Стрѣльцы.

Теремъ въ домѣ Сеитова въ Ростовѣ.

Входятъ Д. Редриковъ, Н. Редриковъ и Людмила.

Людмила.

Вотъ, батюшка, ты радости дождался:
Сынка женилъ и дочку взялъ.

Н. Редриковъ.

Родимый,
По сердцу ли тебѣ моя женитьба?

Д. Редриковъ.

Чего-жъ еще? По сыну мнѣ почетъ,
По дочери защита, отъ приказныхъ
Ея отецъ, мой сватъ, оборонитъ.
Домой пріѣхать да сказать старухѣ,
Не вспомнится отъ радости.

Людмила.

Мы вмѣстѣ
Поѣхали-бъ; сбираемся въ Москву,
Дорогъ-то нѣтъ, заложены ворами.

Д. Редриковъ.

Проселками проѣдемъ. Всѣ дорожки
Мнѣ вѣдомы лѣсныя. Ты старуху
Полюбишь ли? Она простая баба,
А ты княжна и дочка воеводы,
Богатая и знатная.

Людмила.

Да если
Ея сынка любимаго люблю я,
Такъ какъ же мать не полюбить!

Д. Редриковъ.

Ну, то-то!
Люби ее; хорошая старуха!
Добра, кротка и терпѣлива. Сына
Ты любишь ли?

Людмила *(обнимая Редрикова)*.

Его-то не любить?
Онъ жизнь моя, одна отрада; душу
Я за него отдамъ.

Д. Редриковъ.

Ну, такъ и надо,
Законъ велитъ. Онъ тоже парень тихій,
Незлобивый, онъ матушкинъ сынокъ
И весь въ нее. А ты, Никола, любишь
Жену свою?

Н. Редриковъ.

Спроси у вольной птички,
Мила ли ей свобода въ поднебесьи;
Потомъ спроси, мила ли мнѣ жена.

Д. Редриковъ.

Не гнѣвайтесь на старика. Привязчивъ,
Пытливъ старикъ и любитъ приказать;
Хоть дѣти ужъ давно его умнѣе,
А все-жъ нельзя, такой порядокъ. Право,
Не гнѣвайтесь.

Н. Редриковъ.

Помилуй Богъ! За что же?

Людмила.

Приказывай!

Д. Редриковъ.

Да только и приказу
Услышите: любите насъ съ старухой
И межъ собой живите поладнѣй!
Ты думала, какой приказъ мудреный,
А вотъ и все!

Людмила.

Послушаемъ приказу.
Другъ друга намъ любить и такъ ужъ сладко,
А по приказу слаще будетъ.

Д. Редриковъ.

Ну-ка,
Невѣстушка! я не видалъ покуда,
Ты какъ его цѣлуешь?

Людмила.

Охъ, ужъ стыдно,
А для тебя изволь. *(Цѣлуетъ мужа.)*

Д. Редриковъ.

А ты, Никола,
Цѣлуешь ли жену когда?

Н. Редриковъ.

Бываетъ,
Что изрѣдка, для вида, поцѣлую.

Д. Редриковъ.

Не постыдись отца, цѣлуй.

Н. Редриковъ.

Изъ воли
Не выходить отцовской. Что же дѣлать?
Ужъ какъ ни горько, надо цѣловать!

Д. Редриковъ.

Веселыя вы дѣтки. Утѣшайтесь!
Пошли Господь вамъ горя не видать! *(Входитъ Сеитовъ.)*

Сеитовъ.

Дурная вѣсть пришла. Переяславцы,
Забывъ Господень гнѣвъ, заворовали
И таборскому вору отдались.
Идутъ въ Ростовъ.

Д. Редриковъ.

Крѣпить осаду надо
И расписать людей по башнямъ.

Сеитовъ.

Сватъ,
Родня ты мнѣ, а все же погодилъ бы
Указывать! Въ Ростовѣ воеводой
Покамѣстъ я, а ты припека съ боку.

Д. Редриковъ.

Не обезсудь! Тебѣ я не указчикъ,
Ни по родству, ни по чему. Сказалось
Отъ жалости; мнѣ дороги родные
Ростовскіе, и сынъ, и дочка.

Сеитовъ.

Знаю.
И мнѣ они родные. Что съ тобою
И толковать! Крѣпить осаду нечѣмъ;
Не слушаютъ, нейдетъ никто. Навстрѣчу
Ворамъ пойду я въ поле.

Людмила.

Ты давно ужъ
Сбираешься, а все нейдешь; дождешься,
Что насъ они врасплохъ застанутъ.

Сеитовъ.

Дочка,
Ужъ не тебя-ль поставить воеводой?
Ты разомъ бы вскочила на коня
И прямо въ бой.

Людмила.

Мнѣ жаль, что я не парень!
Не завелись бы воры вкругъ Ростова,
Когда-бъ не ты, а я на воеводствѣ
Сидѣла здѣсь.

Сеитовъ.

Отцу митрополиту
Я сказывалъ, что здѣсь сидѣнье плохо,
И въ Ярославль съ собою звалъ, пойдетъ.
Посадскіе туда бѣгутъ.

Людмила.

А мы-то
Чего же ждемъ?

Сеитовъ.

Бѣгите въ Ярославль!
А я сберусь, пойду не нынче — завтра
Воровъ громить.

(Входитъ стрѣлецкій сотникъ.)

Сотникъ.

Поймали перелета:
Мутитъ народъ. Его было связали
И въ озеро хотѣли съ камнемъ бросить,
Да не далъ я. Кричитъ, чтобъ къ воеводѣ
Вели его; желаетъ повиниться
И замыслы воровъ, переяславцевъ,
Открыть тебѣ. Онъ здѣсь.

Сеитовъ.

Сюда ведите.

(Сотникъ отворяетъ дверь; двое стрѣльцовъ вводятъ Скурыгина.)

Ты кто таковъ?

Скурыгинъ.

Подьячій изъ Москвы.

Сеитовъ.

Зачѣмъ въ Ростовъ попалъ?

Скурыгинъ.

На богомолье
Къ Леонтію угоднику.

Сеитовъ.

За что же
Топить тебя, святого человѣка,
Народъ хотѣлъ, не скажешь ли?

Скурыгинъ.

Не знаю,
Народъ такой нескладный.

Сеитовъ.

Ты не знаешь?
Ну, жаль тебя; пришелъ на богомолье,
А попадешь въ застѣнокъ.

Скурыгинъ.

Ой! Что̀ нужно,
Я такъ скажу.

Сеитовъ.

Далеко-ль переславцы?

Скурыгинъ.

Сбираются. Гляди, на той недѣлѣ
Пожалуютъ къ Ростову. Берегитесь,
Не мало ихъ, и съ ними воры, Донъ
Ивановичъ Крузатовъ.

Сеитовъ.

Вотъ спасибо!
А все-таки въ застѣнокъ отведите.

Скурыгинъ.

Постой, не все! Я полагаю такъ,
Что неравно они и раньше придутъ.
Вы ждите ихъ! Оплошно вы живете.
Крѣпить острогъ скорѣе.

Сеитовъ.

Эй! Въ застѣнокъ!
Пытать его, да крѣпче.

Скурыгинъ.

Ой! Всю правду
Скажу сейчасъ! Сегодня дожидайтесь!
Кругъ озера идутъ, лѣсами.

(Вбѣгаетъ боярскій сынъ, за нимъ нянька и нѣсколько прислуги.)

Боярскій сынъ.

Воры
Со всѣхъ сторонъ!

Сеитовъ.

И близко?

Боярскій сынъ.

Близко.

Сеитовъ *(боярскому сыну).*

На конь
Садитесь всѣ! Сбирай дѣтей боярскихъ! *(Сотнику.)*
Стрѣльцовъ скорѣй разставить по острогу!
Съ посаду всѣхъ, отъ мала до велика,
Сбивайте въ городъ; пусть съ дубьемъ иль съ вилой
По городу становятся порядкомъ,
Кто съ чѣмъ попало. Ну, прощайте, дѣти!
(Обнимаетъ дѣтей.)

Н. Редриковъ.

И я съ тобой!

Сеитовъ *(сотнику).*

Подьячаго повѣсить!
(Стрѣльцы уводятъ Скурыгина.)
Посадъ зажечь! Кольчугу мнѣ! Коня! *(Уходитъ.)*

Н. Редриковъ *(обнимая Людмилу).*

Прощай, жена!

Людмила.

Прощай!

Н. Редриковъ.

Не лей напрасно
Горючихъ слезъ: меня ты не удержишь.

Людмила.

Я не держу тебя.

Н. Редриковъ.

Теперь я воинъ,
Я лютый звѣрь. Гнѣздо мое родное!
Гнѣздо мое! Жена моя! Отецъ!
Иду за васъ! Иду! Въ огонь пойду,
Доколѣ силы хватитъ, буду биться.
На тысячу смертей пойду безъ страха!
Мнѣ умереть легко: я умираю
За родину, за милую жену!

Людмила.

Мой милый другъ, ты жизни не жалѣй
И за жену не бойся! Я живая
Врагамъ моимъ не дамся въ руки! Помни!
Иди скорѣй!

Н. Редриковъ.

Прощай же! *(Отцу.)* Сколько силы
Въ твоей рукѣ осталось, защищай
Жену мою и дочь свою; не сможешь —
Убей ее! *(Убѣгаетъ).*

Нянька.

Боярыня, куда бы
Укрыться намъ?

Людмила.

Куда укрыться? Ножикъ
Подай сюда, другой себѣ возьми.

Нянька.

Не можемъ мы оборониться.

Людмила.

Сможемъ.
Себя убить — вотъ бабья оборона
Надежная и вѣрная.

Нянька.

И вправду.

(Уходитъ.)

Людмила.

Какой-то шумъ! Не слышишь ты?

Д. Редриковъ.

Не слышу.

Людмила.

Разбей окно, послушаемъ.

Д. Редриковъ *(выбивая раму).*

Набаты,
Стрѣльба кругомъ и крикъ, народъ толпится,
Сюда бѣгутъ.

Людмила.

Свои или чужіе?

Д. Редриковъ.

Не разберу. Никакъ чужіе! Воры!
Ну, дочушка, они и есть!

Людмила *(ломая руки.)*

Гдѣ-жъ наши?
Гдѣ мужъ, отецъ?

Д. Редриковъ.

Не знаю, воля Божья.
Богъ милостивъ! Не плачь! За дѣло взяться!
(Снимаетъ бердышъ со стѣны.)
Мнѣ, старому, остался старый бердышъ,
Заржавленный, изрубленный, какъ я.
Пришелъ къ рукамъ. *(Къ бердышу.)*
Давай, сослужимъ службу
Послѣднюю.

Людмила.

Впередъ меня убей.

Д. Редриковъ.

Постой-ка ты! Тебя убить поспѣю.
Ты дай царю немного послужить,
Воровъ его убавить. *(Слышны шаги.)* Ну-ка, первый!
Благослови Господь!

(Замахивается. Вбѣгаетъ Максимъ Редриковъ и нѣсколько времени отражаетъ удары.)

М. Редриковъ.

Отецъ!

Д. Редриковъ.

Максимъ!

М. Редриковъ.

Зачѣмъ ты здѣсь?

Д. Редриковъ.

Ростовъ святое мѣсто,
Не Тушино.

М. Редриковъ.

Не во-время пріѣхалъ
Молиться ты; съ ростовскимъ воеводой
Я счетъ веду за старую обиду
И головы его ищу.

Д. Редриковъ.

Обпженъ
Не ты одинъ, я тоже; только скоро
Простилъ ему; мы сваты съ нимъ. Коль хочешь
Ты зло сорвать свое, убей ужъ вмѣстѣ:
Его, меня и братнину жену.

М. Редриковъ.

Ахъ, батюшка, зачѣмъ ты породнился
Съ врагомъ моимъ?

Д. Редриковъ.

Мы всѣ твои враги!
Ты тушинецъ, мы слуги государя
Василія Иваныча; ты вору,
А мы царю-помазаннику служимъ.
Скажи ты мнѣ: неволей иль охотой
Ты къ тушинцамъ пристalъ?

М. Редриковъ.

Своей охотой.

Д. Редриковъ.

Да будетъ же...

М. Редриковъ.

Постой! Не проклинай!
Я пригожусь! Ничѣмъ не виноваты
Ни ты, ни дочь Сеитова, ни братъ.
Я васъ спасу.

Нянька *(выбѣгаетъ изъ опочивальни.)*

Горимъ, горимъ! Спасайтесь!
Боярыня, твою опочивальню
И дѣвичью зажгли со всѣхъ угловъ.

(Людмила уходитъ въ опочивальню, нянька къ выходу.)

М. Редриковъ.

Приставлю къ вамъ десятокъ молодцовъ
Оберегать тебя съ сестрой! Скорѣе!
Пожаръ въ дому.

Д. Редриковъ *(оглядываясь).*

А гдѣ-жъ она?

М. Редриковъ.

Я послѣ

Найду ее и приведу.

Д. Редриковъ *(громко).*

Людмила!

М. Редриковъ.

Скорѣй иди, а то сгоришь.

Д. Редриковъ *(громко).*

Людмила!

(М. Редриковъ насильно уводитъ его. Людмила выбѣгаетъ изъ опочивальни, преслѣдуемая Уразомъ.)

Уразъ.

Ты, дѣвка, мой!

Людмила.

Не тронь меня!

Уразъ.

Послушай,

Не бойсь мене, я добрый!

(Входитъ Безпута съ награбленной парчей.)

Безпута *(бросая парчу.)*

Стой, татаринъ!

Она моя! Твоей ли образинѣ
Красавица такая? *(Отнимаетъ Людмилу.)*

Уразъ.

Дѣвка мой!

Безпута.

Уйди добромъ!

Уразъ *(бросается на него съ саблею).*

Башка долой!

Безпута.

Далеко

До головы моей тебѣ, татаринъ!
Твоя скорѣй слетитъ! *(Дерутся. Уразъ падаетъ.)*
Лежи, собака!

Сгорѣть тебѣ въ хоромахъ воеводскихъ!
Не сжалюсь я, ты лучше не проси,
Не вытащу.

Людмила.

Спасите, Бога ради!
Въ огонь! Въ огонь меня!

Безпута.

Я не разстанусь
Съ тобой теперь! Ужъ только развѣ руки
Мнѣ по локоть отрубятъ. Ты утѣшься;
Красавицу такую не обижу.
Я въ бархаты, въ парчу тебя одѣну:
Награблено въ монастыряхъ довольно.
(Вбѣгаетъ М. Редриковъ, за нимъ Д. Редриковъ.)

М. Редриковъ.

Остановись! Она сестра моя!

Безпута.

Ну, вотъ бѣда! Съ тобою породниться
За честь сочту!

М. Редриковъ.

Не спорь со мной, Безпута!
Въ послѣдній разъ прошу: оставь ее!
Сказалъ: оставь, я не шучу съ тобой.
Оставишь ты? А то возьму насильно!

Безпута.

Пугай другихъ, а мнѣ тебя не страшно!
Асанъ убитъ, съ тобою будетъ то же.
(Н. Редриковъ съ ножомъ показывается въ окнѣ.)

М. Редриковъ.

Я породню тебя съ моею саблей,
Разбойника! *(Убиваетъ Безпуту.)*

Безпута.

Будь проклятъ!

М. Редриковъ.

Издыхай же!
Она моя!

Н. Редриковъ *(ударяя его ножомъ).*

И не твоя, а Божья!

(М. Редриковъ падаетъ.)

Д. Редриковъ.

Кого убилъ ты? Погляди! Максима!
Родной тебѣ!

Н. Редриковъ.

Туда ему дорога
Измѣнщику!

Д. Редриковъ.

Отъ Божьяго суда
Ты не ушелъ, Максимъ! Отцову руку
Отвелъ Господь; рукой родного брата
Отмстилъ тебѣ за крестопреступленье.

Людмила.

Отецъ? Отецъ?

Н. Редриковъ.

Въ плѣну съ митрополитомъ.

Людмила.

Спасенья нѣтъ?

Н. Редриковъ.

Всѣ улицы ворами
Наполнились. Куда бѣжать съ тобой?
Разлучать насъ, разлука хуже смерти.

Людмила *(подходитъ къ Д. Редрикову).*

Благослови, отецъ, на жизнь иную,
На вѣчное житье твоихъ дѣтей! *(Показываетъ на огонь.)*
Спасенье тамъ! Туда я съ милымъ мужемъ
Безъ трепета пойду.
(Подходитъ къ горящимъ покоямъ.)

Д. Редриковъ.

И я за вами.
Зачѣмъ мнѣ жить? Что видѣть? Святотатство,
Грабежъ церквей, мученье беззащитныхъ,
Дѣвицъ и женъ позоръ, и поруганье
Святынею и иноческимъ чиномъ,
Дѣтей убійцъ своихъ отцовъ сѣдыхъ, —
Всѣ лютости ужасной той годины,
Предсказанной пророками издревле,
Когда идетъ съ ножомъ на брата братъ?
(Н. Редриковъ и Людмила становятся на колѣни.)
Да будетъ вамъ мое благословенье!

ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВА.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Соч. А. Н. О. и Г***

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Царь Иванъ Васильевичъ Грозный.
Царица Анна Васильчикова.
Князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій.
Князь Василій Андреевичъ Сицкій.
Князь Василій Ивановичъ Шуйскій.
Князь Ряполовскій.
Князь Рѣпнинъ.
Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ.
Григорій Лукьянычъ Малюта-Скуратовъ.
Бояринъ Михаилъ Яковлевичъ Морозовъ.
Дворянинъ Андрей Колычевъ.
Шутъ.
Слуга Воротынскаго.
Василиса Игнатьевна Мелентьева, вдова изъ терема царицы.
Марья, дѣвица изъ терема царицы.
Бояре, дворяне, стрѣльцы; женская свита царицы.

Сцена 1-я.

Дворцовое крыльцо въ Кремлѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Бояре стоятъ кучами: въ одной — Морозовъ и князь Сицкій, *потомъ къ нимъ подходитъ* князь Ряполовскій; *въ другой* — Годуновъ, князь Шуйскій, князь Рѣпнинъ; *далѣе еще нѣсколько бояръ вмѣстѣ. По переходамъ изрѣдка пробѣгаютъ взадъ и впередъ дворцовые слуги и царицыны прислужницы. Боярскіе слуги стоятъ на ступеняхъ крыльца и держатъ въ рукахъ боярскія трости.*

Морозовъ.

Ну, полно, князь Василій, не дурачься!
Негоже прати противу рожна.

Кн. Сицкій.

Негоже-то, негоже, а съ Борисомъ
Въ товарищахъ мнѣ быть не вмѣстно.

Морозовъ.

Знаю.
А все-жъ терпи! Самъ царь рядилъ.

Кн. Сицкій.

Самъ царь!
А вотъ случись съ тобой такая притча...

Морозовъ.

Избави Богъ! Что-жъ дѣлать, князь Василій
Андреевичъ! Отъ дѣдовскихъ порядковъ
Отстанемъ мы не скоро. Наши дѣды
Собрали Русь; мы помогли великимъ
Князьямъ московскимъ — Тверь, Рязань и Суздаль,
Какъ шапкою, накрыть Москвою; въ томъ
И гордость наша! Мы князьямъ московскимъ
Не слугами, совѣтчиками были;
Боярами князья держали землю,
Боярами творили судъ и правду,

Съ боярами сидѣли о дѣлахъ.
Мы въ думѣ у князей, какъ дома, были
И не боялись говорить имъ встрѣчу.
Не рабски мы служили, доброхотно,
И отъѣзжать была намъ вольнымъ воля —
Вотъ старые порядки наши! Царь
Не любитъ ихъ, ну, значитъ не по нраву
Ему и мы. Ему холопы нужны!
(Указывая на Годунова и кн. Шуйскаго.)
Вонъ, молодые слуги лучше знаютъ,
Что̀ надобно царю; при немъ взросли,
Къ нему они умѣли приглядѣться.
Вонъ — Шуйскій! Онъ не старая лисица,
Не выкунѣлъ еще, не опушился,
А молодой лисенокъ, годовалый,
Такъ по землѣ хвостомъ и разстилаетъ:
Туда вильнулъ, сюда вильнулъ, и цѣлъ.

Кн. Сицкій.

А лучше, что̀-ль, мурза недокрещенный?

Морозовъ.

А погляди на старыхъ! Воротынскій
И родовитъ зѣло...

Кн. Сицкій.

И мы съ тобою
Не изъ жидовъ.

Морозовъ.

Да не къ тому я рѣчи
Веду теперь. Онъ спасъ царя и царство!
При Молодяхъ, на берегахъ Лопасни,
Побилъ татаръ, стяжалъ такую славу,
Что загремѣла по чужимъ землямъ,
А у царя чуть-чуть что не въ опалѣ.
(Къ нимъ подходитъ Ряполовскій.)

Кн. Ряполовскій *(Морозову).*

Ты въ отчинѣ позагостился долго,
Привольно тамъ; а здѣсь, что въ полѣ ратномъ:
И льется кровь, и головы валятся.

Кажись, измѣнъ и смуты не слыхать,
А поглядишь, и дума все пустѣетъ,
И въ головахъ боярскихъ недочетъ.

Морозовъ.

Тяжелые переживаемъ годы.

Кн. Сицкій.

Не намъ судить. Великій князь казнитъ
И жалуетъ; его святая воля!
Мы всѣ рабы его! Но чести нашей
Не властенъ онъ умалить. Нѣтъ! у Бога
Ведется счетъ родамъ боярскимъ. На колъ
Сажай меня, а ниже Годунова
Не сяду я — мнѣ честь дороже жизни.

Морозовъ.

Не накликай себѣ напрасно казни —
У насъ какъ разъ — и не тянись съ Борисомъ:
Ты не забудь одно — онъ зять Малюты
Скуратова... А вотъ и князь Михайла!

(Входитъ князь Воротынскій.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же и князь Воротынскій.

Кн. Воротынскій.

Здорово-ль, тёзка, поживаешь? Рѣдко
Мы видимся съ тобой.

Морозовъ.

Челомъ тебѣ,
Князь Михаилъ Ивановичъ! Откуда?
Гдѣ побывалъ?

Кн. Воротынскій.

У матушки-царицы.
Поклонъ принесъ тебѣ.

Морозовъ.

Спасибо ей,
Что не забыла стараго. Давно ли
Мы на рукахъ съ тобой ее носили,
Лелѣяли красавицу-сиротку

И говорили: „въ дѣвкѣ будетъ прокъ!“
По-нашему сбылось, за словомъ дѣло.

Кн. Воротынскій.

Я вырастилъ ее, какъ дочь. Съ Володей,
Съ сынкомъ моимъ, они погодки были
И въ отчинѣ росли въ моихъ глазахъ.
Богъ не судилъ мнѣ сыномъ красоваться:
Въ честномъ бою онъ голову сложилъ.
Я не ропщу, на то Господня воля,
Богъ далъ и взялъ. Зато въ почетѣ дочка
Названная: она женою стала
Великому царю.

Кн. Ряполовскій.

Пошли здоровья
Ей, Господи, и милости царевой,
И радости на многіе года!

Кн. Воротынскій.

Не ты одинъ, и мы того же просимъ
У Господа! Ея душѣ смиренной
Послалъ Господь такую благодать
И счастіе, что только водворилась
Она въ хоромахъ царскихъ — унялся
Гнѣвливый духъ владыки, въ царскій теремъ
Царица миръ забытый принесла,
Опричнина поганая исчезла,
Съ своей земли опалу царь сложилъ,
И стала Русь не земщиной, а царствомъ.
Но... грозный царь съ лѣтами сталъ измѣнчивъ;
Своихъ царицъ ласкаетъ онъ не долго —
И... все пошло попрежнему.

Кн. Ряполовскій.

Охота
И вспоминать тебѣ! Какъ разъ накличешь
Себѣ и намъ бѣду.

Морозовъ *(вполголоса)*.

Поберегись!
Перенесутъ, Михайла свѣтъ-Иванычъ!

Кн. Воротынскій.

Пускай себѣ, кто хочетъ, переноситъ.

Кн. Шуйскій.

Насъ позвали къ совѣту, а чего для —
Невѣдомо! Сегодня, слышалъ я,
Царь что-то гнѣвенъ.

Кн. Ряполовскій.

Господи, помилуй!

Кн. Шуйскій.

За утреней земныхъ поклоновъ двѣсти,
Не то и больше положилъ.

Кн. Сицкій.

Не ладно!
Недобрый знакъ!

Годуновъ.

Неволей будешь гнѣвенъ,
Коль всюду ложь, измѣна, самовольство!
Что день — то горе. И мужикъ — хозяинъ
Въ своей избѣ, а православный царь,
Что мученикъ на дѣдовскомъ престолѣ.

Кн. Воротынскій.

Да кто-жъ измѣнникъ? Укажи!

Годуновъ.

Ихъ много.
Да хоть бы Курбскій, князь Андрей! Вечорась
Поганый песъ, служитель сатаны,
Прислалъ опять безбожное писанье:
Коритъ царя въ убійствахъ и развратѣ,
Адашева, Сильвестра поминаетъ;
Свои дѣла и подвиги возноситъ,
А на царя законнаго дерзаетъ
Лесфимію и эллинскую брань!

Кн. Шуйскій.

Охъ! Курбскій князь! Покойно не сидится
Ему въ Литвѣ на Ковлю! Лучше-бъ самъ
Пожаловалъ, и мы-бъ цѣлѣе были.
Оттолѣ пишъ показывать не диво;
Онъ лается, а мы въ отвѣтѣ!

Кн. Воротынскій.

Курбскій —
Великій воръ! Онъ ради живота
Непродалъ насъ и сотворилъ измѣну.
Не могъ стерпѣть онъ гнѣва отъ царя!
Иль онъ забылъ, что Божій гнѣвъ страшнѣе?
Онъ взялъ Казань, громилъ въ Лифляндахъ нѣмцевъ,
За нимъ заслугъ довольно. Если будутъ
Такіе слуги бѣгать къ иноземцамъ,
Такъ на кого-жъ надѣяться царю?
Измѣнникъ онъ; его мы проклинаемъ
Изъ рода въ родъ.

Кн. Ряполовскій.

Да легче-ль отъ того?

Кн. Воротынскій.

Нашъ государь, царь правды, не захочетъ
Изъ-за него казнить невинныхъ. Братья,
Не Курбскій врагъ боярамъ, есть другой
Свирѣпый врагъ, что демонскимъ глаголомъ
Царя во гнѣвъ и казни разжигаетъ...
Малюта — врагъ боярскій.

(Общее смятеніе. При послѣднихъ словахъ князя входитъ шутъ.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же и шутъ.

Шутъ *(обнимая Воротынскаго).*

Здравствуй, дядя!

Кн. Воротынскій *(отталкивая его).*

Пошелъ, дуракъ!

Шутъ.

За что же ты дерешься?
Привыкъ татаръ лупить! Ишь разгулялся
И на своихъ — я русскій, не татаринъ.
Коль хочешь ты былую удаль-силу
Попробовать, татарина побить,
Такъ вотъ тебѣ мурза!

(Толкаетъ Годунова. Общій смѣхъ.)

Годуновъ.

Ты, шутъ, потише!
Татаринъ тотъ, кто плохо служитъ. Я же
Крещенъ давно, служу царю исправно
И бью враговъ его, не разбирая —
Татаринъ ли, иль русскій онъ измѣнникъ,
И больно бью! *(Замахиваясь на шута.)*

Шутъ.

Ни, ни! башка царева!
Не тронь, мурза, я пригожусь впередъ! *(Снова смѣются.)*

Морозовъ *(вполголоса шуту).*

Ты не дразни, и то онъ золъ на князя.

Шутъ *(Морозову).*

Боишься ты! у! у! смотри: Малюта
Живого съѣстъ.

Кн. Сицкій *(смѣясь).*

Потѣшилъ ты, потѣшникъ!
Держи пригоршни шире! *(Достаетъ деньги.)*

Шутъ.

Ахъ ты, олухъ!
Дарить меня задумалъ, будто царь!
Аль я тебѣ неровня, али хуже?

Кн. Сицкій.

Бери, когда даютъ.

Шутъ.

Добро, возьму я;
А вотъ ужотка дѣдушкѣ Ивану
Я на ушко шепну, что князь-де Сицкій
Дарилъ меня серебрянымъ рублемъ,
Знать, подкупалъ меня на государя.

Кн. Сицкій *(въ испугѣ).*

Молчи, дуракъ!

Шутъ.

Тебя сведутъ на площадь,
На сковродахъ пожарятъ, послѣ въ пузо
Гвоздей набьютъ.

Кн. Сицкій.

Ну, полно, перестань!
Умѣй шутить! О головѣ не шутятъ.

Шутъ.

О головѣ? А у тебя на плечахъ
Ужъ будто голова? Пустая тыква! *(Общій смѣхъ.)*

Кн. Воротынскій *(Морозову).*

Вотъ до чего мы дожили: Малюта
И шутъ его бояръ исконныхъ судятъ.

Морозовъ *(тихо Воротынскому).*

Молчать бы, князь!

Кн. Воротынскій.

Молчи, а я не стану,
Вѣдь, брань моя не новость для Малюты.

Шутъ *(въ сторону).*

Самъ въ петлю такъ и лѣзетъ! *(Вслухъ.)*
Эхъ, бояре!
На васъ на всѣхъ никакъ не угодишь!
Иному любъ Малюта, а другому
Не по душѣ — ему не разорваться!
(Указывая на Шуйскаго.)
Вотъ князь Василій, напримѣръ, съ поклономъ
Ранешенько былъ нынче у Григорья
Лукьяныча, провѣдалъ о здоровьи.

Кн. Шуйскій.

Я видѣлъ, какъ пришелъ къ нему Рѣпнинъ,
И я за нимъ.

Кн. Рѣпнинъ.

Я съ Сицкимъ заходилъ!

Кн. Сицкій.

А до меня зашелъ князь Ряполовскій.

Кн. Воротынскій.

Похвальное смиреніе, бояре!
Ну, что-жъ, здоровъ? Вы заходите чаще!
Съ медвѣдями онъ водится цѣпными,
Того гляди — сломаютъ.

Кн. Шуйскій.

А, вѣдь, правда:
Медвѣдь его чуть-чуть не изломалъ,
Да подвернулся наперъ.

Кн. Ряполовскій.

Вотъ дѣтина!

Кн. Сицкій.

А кто онъ родомъ? Изъ какого званья?
Его, кажись, мы прежде не видали.

Кн. Шуйскій.

Онъ дворянинъ, изъ рода Колычевыхъ.

Кн. Воротынскій.

Онъ у меня служилъ; я за родного
Держалъ его, и въ вотчинѣ нерѣдко
На Костромѣ живалъ со мной. Онъ храбрый
И грамотный, и я любилъ его,
Да что-то самъ ему не полюбился:
Онъ отъ меня пошелъ служить къ Малютѣ.
Насильно милъ не будешь.

Шутъ.

Князь-надёжа,
Коль слуги отъ тебя бѣгутъ, такъ плохо;
Передъ пожаромъ, говорятъ, изъ дома
Всѣ тараканы выползаютъ вонъ.

(Входятъ Малюта, Колычевъ и нѣсколько стрѣльцовъ. Малюта молча кланяется боярамъ; всѣ, кромѣ Воротынскаго, отвѣчаютъ на его поклонъ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же, Малюта и Колычевъ.

Малюта *(Колычеву).*

Ты здѣсь побудь покуда до приказа!
Я скоро выйду.

Шутъ *(Малютѣ).*

Али на медвѣдя
Собрался, кумъ?

Малюта *(шуту, взглянувъ на Воротынскаго).*

На стараго медвѣдя.

(Входитъ къ царю. Стрѣльцы становятся у двери въ царскій теремъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, *кромѣ* Малюты.

Шутъ *(Воротынскому).*

Ай, батюшки! Какъ онъ глядитъ-то косо,
Все въ сторону, и все въ твою, Михайла!

Годуновъ *(вполголоса Воротынскому).*

Побереги себя, князь Михаилъ,
Ты дорогъ намъ и родомъ, и дѣлами;
Такіе слуги — честь родной землѣ,
Краса царямъ.

Кн. Шуйскій *(тихо).*

Твой княжій родъ и служба —
Заступники твои предъ государемъ;
Заступимся и мы, что хватитъ силъ.

Морозовъ.

Ты пожалѣй себя и насъ.

Кн. Воротынскій.

Довольно
Терпѣли мы, пора обороняться!
Коль чести вы не цѣните боярской,
Коль нѣтъ стыда у васъ, князей природныхъ,
Передъ Малютой рабски унижаться,
Коль намъ ума и словъ недостаетъ
И смѣлости заговорить въ защиту
Головъ своихъ и чести, — Воротынскій
На царскій судъ Малюту позоветъ,
И передъ тономъ грознаго владыки
Тягаться станутъ о боярской чести:
Сѣдой старикъ, израненный врагами,

Въ бронѣ стальной и княжескомъ шеломѣ,
И злой бѣсоугодникъ, въ черной рясѣ,
Съ боярской кровью на рукахъ! Пойдемте!

(Хочетъ итти въ палату. Малюта, выйдя изъ царскихъ покоевъ, идетъ прямо на Воротынскаго со стрѣльцами.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Малюта.

Малюта.

Остановись! По царскому приказу
Поймать ты! Ты обвиненъ въ измѣнѣ
И волшебствѣ! Не бойся проволочки;
Мы волочить тебя не будемъ долго:
Сегодня же на царскій судъ поставимъ.

(Общее молчаніе.)

Кн. Воротынскій.

Я знаю, ты проворенъ, расторопный
Слуга царевъ. Ты забѣжалъ впередъ!
Да будетъ воля Божья и царева!
Пойдемъ, Малюта! Бью челомъ, бояре.

(Останавливается передъ Колычевымъ.)

Ты чутокъ, другъ, ты скоро догадался,
Что старый князь тебѣ не господинъ.
Ну, Богъ съ тобой! Иди своей дорогой,
Иди прямѣй, смотри, не спотыкнись!

Колычевъ *(низко кланяясь).*

Я не воленъ! Иду, куда прикажутъ,
Кому велятъ, тому служу. Я молодъ —
Ослушаться не смѣю я. На плечахъ
Головушка одна, и та царева.

(Воротынскій уходитъ въ сопровожденіи Малюты и стрѣльцовъ; за ними всѣ бояре, кромѣ Шуйскаго и Годунова. Шутъ и Колычевъ также остаются на своихъ мѣстахъ.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Годуновъ, кн. Шуйскій, Колычевъ и шутъ.

Годуновъ.

Что скажешь, князь Василій?

Кн. Шуйскій.

Что сказать-то?
Ни голымъ лбомъ, ни въ княжескомъ шеломѣ
Не прошибить стѣны. Зачѣмъ же биться?

Годуновъ.

А князя жаль!

Кн. Шуйскій.

Да какъ не пожалѣешь?
А если правду разсудить, такъ...

Годуновъ.

Что же?

Кн. Шуйскій.

Старенекъ сталъ.

Годуновъ.

Пора его и въ сломку,
Чтобъ молодымъ была дорога чище!

Кн. Шуйскій.

Ужъ что̀ за конь, коль началъ спотыкаться.
Пора итти.

Годуновъ.

Пойдемъ. *(Уходятъ.)*

Шутъ.

Какой я шутъ!
Мнѣ дураковъ лишь тѣшить! Эти двое
Шутить умѣютъ — не чета шутамъ!
И царь у насъ смѣется зло и шутки
Такія любитъ онъ, что волосъ дыбомъ
Становится; такъ надо поучиться,
За Годуновымъ съ Шуйскимъ походить.
(Бѣжитъ за Годуновымъ и Шуйскимъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Колычевъ, *потомъ* Василиса Мелентьева.

Колычевъ.

Никакъ Мелентьева бѣжитъ? И то.
Дождусь ее, словечко перекину —
Все на душѣ полегче. Эка баба!
Отъ сна меня, отъ хлѣба ты отбила,

Пустила сухоту по животу
И по плечамъ разсыпала печаль.
Я простоватъ, а ты тому и рада,
Попалъ тебѣ я въ руки.

(Василиса подходитъ къ нему; онъ кланяется.)

Василиса

Игнатьевна!

Василиса.

Царица приказала
Провѣдать мнѣ, о чемъ шумятъ бояре?
Всего-то мы боимся, дѣло бабье,
Трясемся мы и день, и ночь. Царицу
И малый шорохъ сталъ пугать.

Колычевъ.

Не даромъ
Пугается царица.

Василиса.

Ужъ не слышно-ль
Войны какой, храни Господь, измѣны?
Иль гнѣвенъ царь великій?

Колычевъ.

Воротынскій
Князь Михайлъ Иванычъ изобидѣлъ
Григорія Лукьяныча.

Василиса.

Напрасно:
Съ Лукьянычемъ бороться не легко.

Колычевъ.

И государь на князя опалился;
Назначенъ судъ надъ нимъ въ большой палатѣ.
Доносчики винятъ его въ измѣнѣ
И волшебствѣ. Бѣги скорѣй къ царицѣ:
Онъ былъ у ней вторымъ отцомъ.

Василиса.

Хоть жалко
Мнѣ стараго, да самъ онъ виноватъ:
Съ Лукьянычемъ не спорь. И ты, Андрюша,
Держись Малюты, будетъ крѣпче дѣло.

Колычевъ.

Тяжелую ты службу заставляешь
Меня служить. Я молодъ, не по силѣ,
Не по̀ мочи.

Василиса.

Зато ко мнѣ ты близко,
Зато меня ты видишь каждый день.
Не хочешь ли, я попрошу Григорья
Лукьяныча, чтобъ на городъ послали
Тебя служить иль къ войску на Украйну?
А будетъ жаль! Нашла себѣ красавца
Я по сердцу, убогая вдовица;
Утѣшно мнѣ, въ моей сиротской скукѣ,
Ласкать тебя, а ты бѣжать задумалъ.

Колычевъ.

Куда бѣжать! Ужъ, видно, не минуешь
Судьбы своей.

Василиса.

Аль гордость обуяла,
Что я тебѣ не по плечу, неровня,
Что я вдова?

Колычевъ.

Да нѣтъ же, Василиса
Игнатьевна!

Василиса.

Аль дѣвка приглянулась
Пригожая? Бѣлѣй дѣвичье тѣло,
Змѣей лежитъ шелковая коса
И треплется по плечамъ лентой алой;
А на моей безпутной головѣ
Тяжелый шлыкъ да вдовье покрывало!

Колычевъ.

Ей-ей же нѣтъ! Ты полно языкомъ-то
Язвить меня. Въ котлѣ горючей сѣры
Готовъ кипѣть, лишь только бы съ тобою
Не разлучаться мнѣ! Ужъ не Малютѣ,
Я радъ служить медвѣдю-костолому,
Весь день людей ломать, весь день точить
Потоки крови неповинной, только-бъ...

Василиса.

Что только-бъ? Только-бъ отдыхать тебѣ
Отъ службы той немилой на груди
У вдовушки? Не такъ ли?

Колычевъ.

Такъ.

Василиса.

Ну, ладно.

Колычевъ.

Мы шутимъ здѣсь, а князя Михаила
На казнь ведутъ, быть можетъ

Василиса.

Что-жъ тебѣ?
Служа царю Ивану да Малютѣ,
Ты береги себя! Съ тебя довольно
И тѣхъ хлопотъ, чтобъ голова своя-то
Была цѣла на плечахъ; ты заботу
О головахъ чужихъ оставь.

Колычевъ.

У князя
Я былъ слугой, и онъ меня любилъ!

Василиса.

Что было, то прошло. Ты государевъ
Теперь слуга и мой.

Колычевъ.

Я рабъ покорный
Тебѣ во всемъ.

Василиса.

Ну, то-то же, смотри!
Царицѣ я скажу; пускай, коль хочетъ,
Идетъ просить за князя Михаила,
Гнѣвить царя своимъ лицомъ плаксивымъ;
Да только врядъ ли князю будетъ помощь
Отъ слезъ ея! Не умолить царя
Женѣ постылой! Ну, прощай, Андрюша!

(Уходятъ.)

Сцена 2-я.

Грановитая палата. На лѣвой сторонѣ тронъ; по обѣимъ сторонамъ скамьи, крытыя краснымъ сукномъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Входитъ Царь. *За нимъ* князь Шуйскій, Годуновъ, кн. Рѣпнинъ, кн. Ряполовскій, Малюта *и другіе.* Царь *восходитъ на тронъ; бояре садятся на скамьяхъ.* Малюта *становится у порога.*

Царь *(вставъ съ мѣста).*

Съ молитвою приступимте! Во имя
Отца и Сына и Святого Духа!
Князьямъ, боярамъ и дворянамъ миръ! *(Всѣ кланяются.)*
Изъ Польши возвратился нашъ гонецъ,
Григорій Ельчаниновъ. Отъ поляковъ
Нежданныя до насъ доходятъ вѣсти:
Король бѣжалъ тайкомъ, боясь погони,
Во Францію; девятый Карлусъ померъ,
И Генрихъ тамъ нужнѣй теперь, чѣмъ въ Польшѣ.
Счастливый путь! Онъ лишній у поляковъ,
Во Франціи на что-нибудь годится.
Покойникъ былъ, не тѣмъ онъ будь помянутъ,
Мучительствомъ лютѣе всѣхъ владыкъ;
Безъ разума онъ много крови пролилъ,
На скорбь хрестьянскимъ государямъ. Польша
Безъ короля теперь, а государству
Безъ короля стоять нельзя, что̀ тѣлу
Безъ головы. Хотя въ коронѣ польской
И княжествѣ головъ у нихъ довольно,
Да доброй нѣтъ одной, чтобъ къ ней, какъ къ морю,
Стекалися потоки и ручьи.
Братъ цесаря и сынъ его Эрнестъ,
И свейскій королевичъ уже прежде
Литовскаго престола домогались
И снова шлютъ своихъословъ на раду.
Салтанъ, нашъ врагъ исконный, короля

Иного прочитъ Польшѣ — Обатуру,
Что̀ Седьмиградское княженье держитъ
Подъ турскою рукой, холопъ и данникъ!
Прискорбно намъ, что нашимъ несогласьемъ
Невѣрная возносится рука,
Что злобный песъ, губитель христіанства,
Престолами хрестьянскими торгуетъ.
Мы за чужимъ не гонимся; Господь
Благословилъ меня полночнымъ царствомъ;
На свѣтѣ нѣтъ славнѣе насъ владыкъ,
Отъ Августа мы родъ ведемъ. Извѣчный
Я государь — произволеньемъ Божьимъ,
Не человѣческой мятежной волей!
Но кто-жъ не знаетъ, что Литва и Русь
Должны служить единому владыкѣ?
Кто разлучитъ съ Москвою Кіевъ древній?
Скорбя душой о многомъ нестроеньи,
Паны хотятъ просить на королевство
Царевича отъ нашей царской крови,
Ѳеодора, и ждутъ отъ насъословъ
И грамоты. По многомъ разсужденьи
И помолясь, мы положили тако:
Ѳеодора не отпускать; онъ слабъ
И несвершенъ лѣтами; онъ не можетъ
Противустать врагамъ своимъ и нашимъ
И обуздать многомятежный духъ
Паповъ и рыцарства. Мы хощемъ сами
Принять во власть и польскую корону,
И княжество литовское: да будетъ
Едино стадо и единый пастырь,
Единъ Господь на вышнихъ небесахъ,
Единый царь на всѣхъ земляхъ славянскихъ!

Бояре *(встав съ своихъ мѣстъ)*.

Пошли, Господь! Пошли тебѣ, Господь,
Изъ рода въ родъ, и честь, и одолѣнье,
Великому царю и государю!

Царь.

Завтра быть собранью ближней думы:
Обсудимъ мы, кого послать посломъ.

Наказъ писать Щелкалову Андрею! *(Съ сердцемъ.)*
Сказать панамъ, что я хочу быть избранъ,
А если выберутъ они другого,
То я надъ ними буду промышлять!
Они меня злодѣемъ называютъ,
Мучителемъ. Я каюсь передъ всѣми:
Я золъ, гнѣвливъ! Да на кого я золъ?
Я золъ на злыхъ — для добраго не жаль
И цѣнь отдать съ себя, и это платье.
Измѣнникамъ нигдѣ пощады нѣтъ,
А я — съизмальства окруженъ измѣной,
Крамолою. На жизнь злоумышляютъ
Мою и чадъ моихъ, а я не смѣй
Казнить своихъ злодѣевъ! У престола,
Въ моемъ дворцѣ, совѣтники и слуги
Лукавствуютъ обычаемъ бѣсовскимъ,
А мнѣ молчать и по головкѣ гладить
Воровъ такихъ! Давно бы вы на части
И мой престолъ, и царство разнесли,
Сплоченное толикими трудами
Родителя и дѣда моего,
Когда бы вы опалы не боялись
И грознаго суда, и грозной казни!
Вотъ и теперь!... Повѣдай имъ, Малюта!

Малюта.

Велѣніемъ царя и государя
Изыманъ, связанъ и на судъ поставленъ
Великій воръ и ворогъ государевъ,
Князь Михаилъ Ивановъ Воротынскій,
Въ измѣнѣ, чародѣйствѣ, въ умышленьи
Царя известь. О чемъ царю являетъ
И послухомъ становится его же
Михайловъ рабъ, Кулибинъ Ванька. Въ очи
Михайлу онъ желаетъ уличить
Въ глазахъ царя.

Царь.

Вы слышите, бояре!
Иль глухи вы, иль вѣрится вамъ плохо?
Признаться вамъ, я самъ не больше вѣрю,

Чтобъ мой слуга, мой первый воевода
И милостникъ, бѣсовскимъ волхованьемъ
На жизнь мою задумалъ посягать,
Да послухъ есть. Позвать сюда обоихъ!

(По знаку Малюты, стража вводитъ князя Воротынскаго, связаннаго, и останавливается у дверей; онъ низко кланяется сперва царю, потомъ боярамъ; бояре отвѣчаютъ на поклонъ. Слуга Воротынскаго, выведенный Малютою на средину палаты, кланяется земно государю и, по знаку Малюты, встаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Тѣ же, Воротынскій и слуга.

Царь *(слугѣ)*.

Разсказывай, что̀ знаешь, безъ боязни:
Я самъ судья тебѣ, бояръ не бойся!

Слуга.

Царь-батюшка, грѣха таить не смѣю!
Лихой злодѣй, бояринъ Воротынскій,
Великое твое позоритъ имя
И непотребной лаей обзываетъ,
Въ ектенію, за царскимъ поминаньемъ,
Не крестится при имени твоемъ
И не кладетъ поклона, а воротитъ
Онъ въ сторону лицо свое.

Царь.

Бояре,
Вы слышите? Что̀ дальше?

Слуга.

Государь,
Въ Ивановъ день, о царскихъ именинахъ,
Пришелъ къ нему во дворъ съ поклономъ попъ
И подносилъ пирогъ для поздравленья;
А онъ ему, на ласковое слово,
Позорить сталъ тебя, что ты убивецъ,
Что крови-то людской ты не жалѣешь,

И въ Бога-то не вѣруешь, и срамно
Живешь-то ты. И вспоминалъ еще
Боярина большого... не припомню...
Прозванье позабылъ...

Малюта *(вполголоса)*.
Адашевъ.

Слуга.
Точно,
Адашевъ — да! Что яко бы безвинно
Ты уморилъ его.

Царь *(Воротынскому)*.
Ты долго помнишь
Пріятелей. Вамъ недруги царевы
Всегда друзья. Съ собакою Алешкой
Одна душа въ тебѣ *(Слугѣ.)*
А что еще?

Слуга.
Своимъ худымъ, холопскимъ разумѣньемъ
Я говорилъ ему: „Молъ, не пригоже
Тебѣ, рабу, порочить государя
Великаго! Онъ, батюшка, слугою
Пожаловалъ тебя своимъ“. Бояринъ
Отвѣтилъ мнѣ: „Какой-де я слуга!
Я родомъ-де ничѣмъ царя не хуже!“
И на меня за слово опалился,
И бить велѣлъ ослопами и кнутьемъ!
Отецъ ты нашъ и государь, безвинно
Я за тебя побои принимаю.

(Ропотъ между боярами. Царь бросаетъ на нихъ гнѣвный взглядъ, все утихаетъ.)

Царь.
А что еще онъ говорилъ?

Слуга *(оробѣвъ)*.
И помнилъ,
Да позабылъ со страха, государь.
Помилуй!

Малюта.
Ты про колдовство и чары
Разсказывалъ.

Слуга.

Да, было. Съ колдунами
Водился онъ. За бабою-шептуньей
Въ Микольское посылывалъ не разъ,
И выходили вмѣстѣ на дорогу
Московскую, бросали прахъ по вѣтру.
Да слухъ идетъ, что будто не впервые
Пускать имъ порчу.

Царь *(слугѣ)*.

Ну, ступай, довольно!
(Воротынскому.)
Ты слышалъ все? Теперь чередъ тебѣ.

Кн. Воротынскій.

Великій царь, я наученъ отъ дѣдовъ
Царю служить, а Господу молиться.
Зачѣмъ искать мнѣ помощи бѣсовской,
Коль милостью Господней я богатъ?
Единому Ему я поклонялся,
Единаго Его благодарилъ,
Единый Онъ давалъ мнѣ одолѣнье
И крѣпость мышцъ, когда я съ силой ратной
Гонялъ татаръ поганыхъ за Оку,
Спасалъ Москву, спасалъ тебя отъ страха!
Казни меня! Я говорить не стану:
Не гоже мнѣ. Природный русскій князь
Не судится съ холопомъ.

Царь.

Дерзкій песъ!
Я говорить тебя заставлю. Чего же
Молчите вы, бояре? Говорите! *(Короткое молчаніе.)*

Морозовъ *(вставая съ своего мѣста, становится на колѣни)*.

Великій царь, мы всѣ твои рабы,
Ты нашъ отецъ! не прикажи казнить,
Вели мнѣ слово молвить.

Царь.

Говори!

Морозовъ *(встаетъ)*.

Іуда сей, холопъ и лжецъ безстыдный,
Боярина окравши, убѣжалъ
И на него, по вражьему навѣту,
Идетъ теперь съ бѣсовской клеветой.
Великій царь, тебѣ не подобаетъ
Такихъ воровъ доносы слушать.

Царь.

Только?

Морозовъ.

Великій царь, бояре — честь державы!
Твой славный дѣдъ ихъ кровью дорожилъ;
Онъ вѣрилъ намъ, онъ зналъ, что мы годимся
На что-нибудь получше плахи. Нуженъ
Оплотъ землѣ — готовы наши брони
И головы. Великій царь, повѣрь,
Что головы бояръ нужнѣе въ думѣ
И на войнѣ, чѣмъ на шестѣ желѣзномъ
У палача въ рукахъ. Мы не боимся
И умереть, да только честной смертью —
Не отъ царя, а за царя. И нынѣ
Молю тебя, побереги бояръ,
Не изгубляй стратиговъ, Богомъ данныхъ,
И лучшаго межъ ними не казни!

Царь.

Молчи, холопъ! Я знаю васъ давно,
Адашевцы! Вамъ не любо, что воли
Я не даю вамъ прежней. Вы хотите,
По старому, связать мнѣ руки. Знаю
Боярское радѣнье ваше, помню!
Я съ дѣтскихъ лѣтъ у васъ въ долгу и долго
Не расплачусь! Моей не станетъ жизни,
Я понесу Всевышнему владыкѣ
Долги мои и счеты съ вами... Помню,
Какъ Шуйскіе съ ногами на постелю
Отцовскую садились. Помню
И Кубенскихъ, и Курбскихъ! Эй, Малюта,
Бери обоихъ!

(По знаку Малюты, стража беретъ Морозова и ставитъ вмѣстѣ съ Воротынскимъ.)

Бояре.

Государь, помилуй,
Не погуби! — Не вѣрь клеветникамъ!
Мы головой тебѣ за нихъ отвѣтимъ!

Царь *(привставъ).*

Вамъ головы предателей дороже
Боговѣнчанной царской головы!
Я не хищеньемъ сѣлъ на государство —
На дѣдовскомъ престолѣ я сижу.
Царей законныхъ жизнь оберегаютъ,
Ихъ волю чтутъ; бояре и народъ
Поручены въ работу имъ! Кого же
Вамъ больше жаль, рабовъ или меня?
Иль лучше есть у васъ, меня достойнѣй
На царствѣ быть? Скажите мнѣ, я брошу

(бросаетъ посохъ на средину палаты)

И скипетръ свой, и шапку Мономаха,
И царскій крестъ. Берите, отдавайте
Тому, кто любъ.

Бояре.

Помилуй, государь!
Казни, кого желаешь! Мы слагаемъ
Всѣ головы у ногъ твоихъ. Отказомъ
Отъ царскаго престола не губи
Рабовъ твоихъ, сиротъ безвинныхъ!

(Всѣ бросаются на колѣни.)

Царь.

Встаньте! *(Встаютъ.)*
Я головы вамъ жалую обратно
И милую на этотъ разъ!

Голоса.

Царица!

(Царица вбѣгаетъ и молча падаетъ къ ногамъ царя; за ней входятъ Василиса Мелентьева, Марья и нѣсколько женщинъ.)

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же, Царица, Василиса Мелентьева, Марья и прислуга.

Царь *(гнѣвно).*

Какъ смѣла ты, безъ нашего велѣнья,
Войти сюда? Кто звалъ тебя? Для бабы
Не мѣсто здѣсь.

Царица.

Великій государь,
Прости меня! Съ мольбою и слезами
Иду къ тебѣ! Коль я своей любовью
Тебѣ еще не вовсе опостыла,
Когда меня, молоденькой жены,
Ты милостью своею не оставилъ,
Прости его! *(Указываетъ на князя.)*
Онъ за отца родного
Взрастилъ меня и воспиталъ.

Царь.

Нельзя!
Не я одинъ, бояре осудили;
Измѣнникамъ и чародѣямъ милость
Грѣшно давать; мы ихъ прощать не властны.
Законъ велитъ огнемъ ихъ жечь. Ступай!
Въ мои дѣла впередъ не смѣй мѣшаться,
Свой уголъ знай! И помни: бабій разумъ
Не такъ великъ, чтобъ можно было людямъ
Показывать его. Для васъ довольно
Запечныхъ дѣлъ. И то проси у Бога,
Чтобъ въ пяльцахъ шить разсудку доставало.

Царица *(на колѣняхъ).*

Ахъ, государь!

(Молча плачетъ. Тишина. Царь пристально смотритъ на Василису Мелентьеву.)

Марья *(тихо Василисѣ).*

Смотри-ка, Василиса,
Какъ царь глядитъ сюда! Онъ на тебя
Уставился. Бѣда намъ!

Василиса.

Что за дѣло,
Пускай глядитъ, авось меня не сглазитъ
Убытка нѣтъ, а прибыль будетъ.

Царь *(взглянувъ на царицу)*

Прочь!

Кн. Воротынскій.

Ты, матушка-царица, успокойся
И не гнѣви царя, иди къ себѣ!
Противиться такъ долго не годится
Его приказу. Государь великій!
Измѣны нѣтъ за мной! Я въ оно время
Врагамъ твоимъ былъ грозенъ, государству
Я нуженъ былъ для вражьихъ одолѣній,
Тогда бы я съ клеветниками крѣпко
Судиться сталъ передъ тобой — тягаться
За жизнь мою — теперь на что я годенъ?
Великихъ службъ я сослужить не въ силахъ
И жизнь мою я отдаю безъ спора
Доносчикамъ. Прости мнѣ, государь!

(По знаку Малюты, стража уводитъ Воротынскаго и Морозова. Царица, тихо плача, уходитъ; за ней ея прислуга. Мелентьева оглядывается на царя. Царь встаетъ съ трона, беретъ Малюту за руку и отводитъ въ сторону; бояре встаютъ.)

Царь *(Малютѣ вполголоса).*

Красивая та баба кто такая
Въ царицыной прислугѣ?

Малюта.

Василиса
Мелентьева, вдова; она недавно
Къ царицѣ въ верхъ взята, а прежде съ мужемъ
Жила въ Москвѣ. Какъ померъ мужъ у ней,
Такъ и взяла ее къ себѣ царица.

Царь.

Ну, счастливъ онъ, что умеръ — догадался!
Красавица, не то что Анна — плакса:
Отъ слезъ ея я сталъ скучать, Малюта.

(Медленно уходитъ; всѣ молча слѣдуютъ за нимъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Царь.
Царица.
Василиса.
Марья.
Мамка царицы.
Малюта.
Стрѣльцы.

Садъ во дворцѣ на Неглинной.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Царица и мамка.

Мамка.

Ты, матушка-царица, не горюй!
Побереги свои сокольи очи!
Отъ горькихъ слезъ завянетъ красота,
Что съ непогоды цвѣтикъ.

Царица.

Какъ не плакать?
Умученъ князь Михайла...

Мамка.

Видно, доля —
Судьба ему такая!

Царица.

Я молилась
И плакалась царю; онъ только въ очи,
Предъ всѣмъ боярствомъ, мнѣ смѣялся
И съ глазъ прогналъ. Я точно не царица
И не жена ему... Какой онъ лютый,
Безжалостный! Глядѣть-то сердце мретъ!
Трясутся всѣ, а онъ на царскомъ мѣстѣ
Сидитъ и злобствуетъ.

Мамка.

Побойся Бога!
Грѣшно тебѣ! Охъ, видитъ Богъ, грѣшно!
Ну, кто-жъ ему, царю, казнить закажетъ
Рабовъ своихъ! На то Господня воля
Да царская...

Царица.

Какая-жъ я царица,
Когда ни въ чемъ мнѣ воли нѣтъ? Ни просьбой
Не упрошу, не умолю слезами
Я мужа-государя! Я — царица,
А за родню просить не смѣй! Зачѣмъ же
И бралъ меня онъ въ жены?

Мамка.

Что ты ропщешь
И Господа гнѣвишь грѣхомъ?

Царица.

Молчи,
Не говори ты мнѣ! Одна и радость,
За старикомъ живя, что родъ и племя
Въ богатство, въ честь введешь съ собой. Другія
Родныхъ своихъ царицы выводили
Въ почетъ, въ боярство, а моихъ казнятъ
Безъ милости и безъ вины.

Мамка.

Въ народѣ
Молва идетъ, что будто князь Михайла
Волшбой царя известь хотѣлъ.

Царица.

Не вѣрь!
Малютины все выдумки, безвинно
Умученъ князь! *(Плачетъ.)*

Мамка.

А безъ вины казненъ,
Ему же легче, въ Божій рай пойдетъ,
За батюшку-царя молиться будетъ
У Господа. Слезами не поможешь,

А разгнѣвить царя недолго. Полно!
Потѣшила-бъ тебя, да чѣмъ — не знаю;
Коль ты велишь, покличу я слѣпого
Пахомушку: про храбраго Егорья
Споетъ тебѣ. Самъ царь изволитъ слушать
И жаловать его.

Царица.

Не надо. Вотъ что̀
Скажи ты мнѣ! Ты, все-таки, на волѣ
Хоть изрѣдка бываешь, не видала-ль
Кого-нибудь изъ нашихъ ты, изъ близкихъ,
Изъ костромскихъ?

Мамка.

Андрея Колычева.

Царица.

Когда его ты видѣла?

Мамка.

Вечорась
У Василисы.

Царица.

Какъ онъ къ ней зашелъ?

Мамка.

Не вѣдаю. Не родственникъ ли дальній,
А можетъ быть, пріятель съ мужемъ, что̀ ли?
Не разберешь, а близки.

Царица.

Говорила
Съ Андреемъ ты о чемъ-нибудь?

Мамка.

Ну, какъ же!
Не мало мы про старое болтали.

Царица.

А про меня онъ спрашивалъ?

Мамка.

Еще бы
Не спрашивать про царское здоровье!

Царица.

Онъ спрашивалъ тебя лишь о здоровьи
Царицыномъ?

Мамка.

А то еще про что же?
Теперь не то, что прежде, не въ деревнѣ,
Не въ Костромѣ живешь. Какое дѣло
Спросить онъ смѣетъ? До Бога высоко,
А до царя далеко.

Царица.

Вотъ судьба-то!
Ни угадать, ни миновать ея!
Я въ дѣвушкахъ себѣ другого счастья
Не прочила, какъ за Андреемъ быть.
Я суженымъ его звала, о святкахъ
Гадала я объ немъ, а по ночамъ
И плакала, случалось.

Мамка.

Что ты! Что ты!

Царица.

А вотъ — царица я.

Мамка.

Никто, какъ Богъ!

Царица.

А знаешь ли, мнѣ въ умъ приходитъ часто,
Что съ нимъ была бы я счастливѣй.

Мамка.

Боже,
Оборони тебя!

Царица.

Тогда-бъ я знала,
Что за любовь на свѣтѣ. Молода я,
Безъ ласки жить легко ли, посуди?

Мамка.

Ахти, грѣхи!

Царица.

Царь милостью оставилъ
Совсѣмъ меня. *(Помолчавъ.)*
Пошли мнѣ Василису!

Мамка.

Ты, матушка-царица, съ Василисой
Не говори такихъ рѣчей. Помилуй
Тебя Господь, узнаетъ царь, бѣда
Головушкѣ: Андрея и себя
Загубишь ты, и намъ не сдобровать. *(Мамка уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Царица *(задумчиво).*

Мнѣ страшно здѣсь, мнѣ душно, непривѣтно
Душѣ моей: и царь со мной не ласковъ,
И слуги смотрятъ исподлобья. Слышны
Издалека мнѣ царскія потѣхи,
Веселья шумъ; на мигъ дворецъ унылый
И пѣснями, и смѣхомъ огласится,
Потомъ опять глухая тишь, какъ будто
Все вымерло, лишь только по угламъ,
По терему, о казняхъ шепчутъ. Нечѣмъ
Души согрѣть. Жена царю по плоти,
По сердцу я чужая. Онъ мнѣ страшенъ!
Онъ страшенъ мнѣ и гнѣвный, и веселый,
Въ кругу своихъ потѣшниковъ развратныхъ,
За срамными рѣчами и дѣлами.
Любви его не знаю я, ни разу
Не подарилъ онъ часомъ дорогимъ
Жену свою, про горе или радость
Ни разу онъ не спрашивалъ. Какъ звѣрь,
Ласкается ко мнѣ, безъ словъ любовныхъ,
А что въ душѣ моей, того не спроситъ.
Придешь къ царю съ слезами и любовью:
Отъ царскихъ рукъ людскою пахнетъ кровью.
(Входитъ Василиса.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Царица и Василиса.

Царица.

Мелентьева, ты здѣсь?

Василиса.

Тебѣ, царица,
За мной послать угодно было?

Царица.

Да.

Василиса.

Приказывай, царица!

Царица.

Я скучаю;
Сегодня такъ мнѣ тяжко, такъ грустится...
Хоть ты мою тоску развѣй.

Василиса.

Съ чего бы
Кручиниться тебѣ? Живешь ты въ радость,
Мы всѣ тебя и чествуемъ, и холимъ;
Забавъ тебѣ довольно; пожелаетъ
Душа твоя — и все тебѣ готово,
Чего во снѣ другая не увидитъ.

Царица.

Какихъ забавъ? Не дѣвка я — невѣста,
Чтобъ цѣлый день нарядомъ любоваться,
Да въ стеклышко глядѣть, черно ли брови
Подведены, румянено-ль лицо.

Василиса.

Чего-жъ тебѣ недостаетъ, не знаю.
Царь любитъ...

Царица.

Такъ ли любятъ, Василиса?
Ты замужемъ была, тебя любили,
А можетъ, любятъ и теперь...

Василиса.

Кому же
Любить меня... сиротку?

Царица.

Какъ, скажи мнѣ,
Тебя любилъ дружокъ?

Василиса.

Почемъ я знаю.
За старикомъ жила, потомъ онъ умеръ;
Я сиротой осталась.

Царица.

Не любила
Ты мужа своего?

Василиса.

Кому что надо:
Одинъ любви желаетъ, а другой
Покорности...

Царица.

Послушай, Василиса,
Вотъ третьи сутки я царя не вижу.
Онъ прежде безъ меня скучалъ. Намедни
Зашелъ ко мнѣ, угрюмый, не надолго;
Прощаясь, мнѣ сказалъ: „Ты съ тѣла спала,
Я не люблю худыхъ“. Моя-ль вина!
Не потолстѣешь съ горя. Мнѣ завидно
На полноту твою глядѣть.

Василиса.

Царица,
Смѣешься ты надъ бѣдною вдовой.
Грѣшно тебѣ!

Царица.

Мнѣ вовсе не до смѣха.

Василиса.

Тебѣ не мнится-ль, что великій царь
На вдовушку убогую польстится?

Царица.

Мудренаго тутъ нѣтъ.

Василиса.

Да на кого же
Твою красу онъ промѣняетъ?

Царица.

Полно!
Не любитъ онъ меня.

Василиса.

Смотри, качели
Въ твоемъ саду онъ выстроить велѣлъ.
Вонъ погляди!

Царица.

Качели! Такъ ли любятъ?
Кого полюбишь, въ чемъ тому откажешь,
А мнѣ во всемъ отказъ отъ государя.

Василиса.

Ужъ, право, я не знаю, что сказать?
Чего-жъ тебѣ? Заморскую собачку
Отъ нѣмца онъ принять тебя дозволилъ.

Царица.

Не вѣрю я тебѣ, чтобъ ты не знала,
Чего желаетъ женская душа
Отъ милаго.

Василиса.

Скажи, такъ буду знать.

Царица.

Такая ли любовь намъ грѣетъ сердце?
Я знаю, помню, я сама любила.

Василиса *(про-себя)*.

Обмолвилась.

Царица.

Любили и меня...
Кого полюбишь, все за тѣмъ и ходишь;
На мигъ одинъ разстаться жаль...

Василиса.

Ужли?

Царица.

Все въ очи бы глядѣлъ да ждалъ приказу,
Чтобъ поскорѣй исполнить. Вотъ какъ любятъ
Хорошіе мужья хорошихъ женъ.

Василиса.

Ужъ этого, кажись, и не бываетъ!
И не дождаться бабамъ отъ мужьевъ
Такой любви.

Царица.

Да если-бъ онъ былъ мужемъ,
Да онъ бы все на свѣтѣ сдѣлалъ, только-бъ
Утѣшить чѣмъ-нибудь меня.

Василиса.

Кто онъ-то?

Царица *(испугавшись).*

Зачѣмъ тебѣ? Онъ умеръ. Я шутила,
Я въ шутку рѣчь вела. Забудь про это!

Василиса.

Забуду я, какая мнѣ нужда?
Да и тебѣ-то помнить не годится. *(Входитъ Марья.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же и Марья.

Марья.

Царица-матушка, къ тебѣ Григорій
Лукьяновичъ Малюта! Приказалъ
Спросить тебя, дозволишь ли явиться
Ему предъ очи царскія твои?

Царица.

Добро пожаловать. Зови!
(Марья уходитъ.)
Давно ли
Онъ позволенья сталъ просить? Бывало,
Ходилъ ко мнѣ безъ спроса. *(Мелентьева хочетъ уйти.)*
Ты останься.
(Входитъ Малюта.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Малюта.

Малюта.

Я, матушка, великая царица,
Пришелъ къ тебѣ съ повинной головою!
Ты гнѣваться изволишь на меня
За то, что я, холопъ царя негодный,
Крамольникамъ потачки не даю. *(Молчаніе.)*
Я государевъ пёсъ, чутьемъ я слышу,
Кто другъ ему, кто недругъ; ты напрасно
За вороговъ царя вступаться хочешь.

Царица.

Я слышала, намедни ты въ бояре
Просился у царя.

Малюта.

Такъ что̀-жъ, царица?

Царица.

А онъ тебѣ отвѣтилъ, что не хочетъ
Сажать тебя въ бояре, что не сто́ишь
Ты этой чести.

Малюта.

Хоть и такъ, пожалуй.

Царица.

Вотъ отчего ты на бояръ и золъ,
Что самому тебѣ попасть въ бояре
Не удалось.

Малюта.

Что̀ дѣлать? Не по нраву
Пришлось тебѣ мое усердье, вижу.
На царской службѣ всѣмъ не угодишь.

Царица.

Завистливъ ты, твоимъ глазамъ завистны
Боярскія заслуги. Въ полѣ ратномъ,
За кровь свою, и въ думѣ за совѣтъ,
Они почету добыли не даромъ;

Твоя — какая служба? Стыдно молвить!
Какъ тать ночной, какъ придорожный воръ,
Съ ножомъ, съ дубьемъ ты ходишь. По заслугѣ
Тебѣ и честь. Ихъ славныя дѣла,
Ихъ лики свѣтлые тебѣ противны,
Что̀ свѣтлый день совѣ ночной.

Малюта.

Царица!..

Царица.

Молчи, холопъ! Не смѣешь ты царицу,
Не выслушавъ, перебивать. Не въ силахъ
За кровь князей, боярства и народа
Я мстить тебѣ — самъ царь твоя защита,
Такъ выслушай ты отъ меня хоть брань
Съ горючими слезами вмѣстѣ. Помни,
Что не всегда царь гнѣвенъ, отдыхаетъ
Отъ казней онъ; я часу подожду
Счастливаго и ласками осыплю
Я батюшку-царя; я угожденьемъ
Суровое въ немъ сердце размягчу
И на тебя тогда челомъ ударю.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Малюта и Василиса.

Василиса.

Откуда прыть? Смотри-ка ты, пожалуй!
Была такая скромница, водою
Не замутитъ.

Малюта.

Гордыня обуяла;
Она спесива, а Господь спесивымъ
Противится.

Василиса.

Обидно-то, обидно,
А дѣлать нечего, терпи, Григорій
Лукьяновичъ, тебѣ не спорить съ ней!
Она — царица!

Малюта.

Знаемъ, что царица,
Покуда мнѣ съ тобою такъ угодно!

Василиса

А я то что, убогая вдова?
Ужъ вотъ во снѣ не снилось.

Малюта.

Василиса
Игнатьевна, ты не хитри со мною!
Царю, ты знаешь, Анна надоѣла;
Ему теперь другая приглянулась.

Василиса.

Другая? Кто-жъ?

Малюта.

Да хоть бы ты!

Василиса.

Помилуй!
Господь съ тобой! Великій царь не слѣпъ.

Малюта.

Ну, какъ же дѣлу быть?

Василиса.

Она моложе,
Она меня красивѣй.

Малюта.

Ты красивѣй!
Не спорь со мной! Красѣ я цѣну знаю.
Въ совѣтѣ царь тобою любовался;
Не могъ отвесть очей, и разговора
Другого нѣтъ, лишь о тебѣ.

Василиса.

Вдова
Не царская корысть! Тебя, Григорій
Лукьяновичъ, я попрошу оставить,
Не говорить такихъ рѣчей; я честно
Жила до сей поры — я обѣщалась,

По смерти мужа, вѣкъ вдовой остаться —
И если ты еще хоть заикнешься,
Я въ монастырь уйду. Нашъ царь женатый;
Невѣстой быть я не могу; къ тому же
Не дѣвушка, вдова я. Хоть и скажешь,
Что честная вдова — честнѣе дѣвки,
Которая до свадьбы полюбила
Сердечнаго дружка...

Малюта.

Ужели Анна
Кого-нибудь до свадьбы...

Василиса.

Похвалялась
Сама сейчасъ.

Малюта.

Кого? Кого?

Василиса.

Не знаю.
Передъ тобой мы съ нею говорили,
Ты вдругъ вошелъ и помѣшалъ.

Малюта.

Ты слово
Такое мнѣ сказала, что не купишь
И золотомъ. Я вижу, надоѣла
Царю она; хоть малую вину
Сказать ему, и онъ ее прогонитъ
И въ монастырь запретъ. Мнѣ имя нужно.

Василиса.

Мекаю я, кажись, не ошибаюсь...
Жила она у князя Михаила,
А у него былъ сынъ и, говорятъ,
Собою молодецъ. Она сказала,
Что умеръ тотъ, кого она любила,
И этотъ былъ убитъ.

Малюта.

Ну, значитъ, опъ!
Твоя звѣзда восходитъ, Василиса
Игнатьевна. Царицей можешь быть;

Не позабудь и насъ, своихъ холопей!
По гробъ я твой!

Василиса.

Ужъ я тебя просила
Не искушать меня, вдову, Григорій
Лукьяновичъ. Тому нельзя и статься,
Чтобъ я была царицей; ты напрасно
Не обольщай меня.

Малюта.

Я радъ служить,
И случай есть.

Василиса.

Не говори! Помимо
Меня невѣсть найдется; у бояръ
Не мало дѣвокъ-дочерей.

Малюта.

Какъ хочешь.

Василиса.

А кто пойдетъ къ царю съ доносомъ?

Малюта.

Ты.

Василиса.

Убей меня, а не пойду!

Малюта.

Такъ кто же!
Постой, Андрей пойдетъ; онъ жилъ у князя
И въ Костромѣ бывалъ; царицу Анну
Съ младенчества онъ знаетъ.

Василиса.

Ты ко мнѣ
Вели ему зайти, мы потолкуемъ.
Я научу его.

Малюта.

Ну, ладно! Мамка
Не знаетъ ли? Не скажетъ ли она?
Тогда вѣрнѣй.

Василиса.

И правда! Мы догадкой
На князя Воротынскаго напали.

Малюта.

Покликать бы ее! Да вотъ она.

(Мамка выходитъ изъ терема.)

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и мамка.

Малюта.

Сюда скорѣе, старая колдунья!

Мамка.

Колдунья! Я? Царицына то мамка?
Въ своемъ ли ты умѣ? Проснись, кормилецъ!
Меня и царь Егоровной зоветъ.
Ужо тебѣ отъ матушки-царицы
Достанется.

(Хочетъ итти. Малюта грубо поворачиваетъ ее къ себѣ.)

Малюта.

Аль ты меня не знаешь?

Мамка.

Ахъ! батюшка!

Малюта.

Ну, сказывай скорѣе!
Мнѣ некогда съ тобою проклажаться —
Кого царица до вѣнца любила?

Мамка.

Помилуй ты, кормилецъ...

Малюта.

Говори!
Кто зналъ ее? Съ кѣмъ чаще всѣхъ видалась?
Кто ближе былъ? Володька Воротынскій?

Мамка *(бросаясь въ ноги Малютѣ).*

Отецъ ро...одной... не погуби...

Малюта.

Старуха!
Всю истину сейчасъ же говори!
Не скажешь правды — вытяну изъ тѣла
Всѣ жилья старыя твои.

Мамка.

Григорій
Лукьяновичъ!

Малюта.

Кого она любила?

Мамка.

Ей-Богу, нѣтъ? Ты отпу...сти меня. *(Василисѣ)*
Покланяйся ты за меня! Спасите!
Денной разбой въ царицыныхъ хоромахъ!

Малюта.

Ты погоди кричать, еще не время.
(Зажимаетъ ей ротъ руками.)
Проклятая, молчи!
(Свиститъ, входятъ двое стрѣльцовъ.)
Ребята, живо!
(Уходитъ съ ними и съ мамкой.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Василиса *(одна)*.

Хитеръ ты, песъ, а не хитрѣе бабы!
Царю по праву я пришлась! Спасибо,
Что объявилъ. Челомъ тебѣ, Григорій
Лукьяновичъ! Ты хочешь подслужиться
Царю нетрудной службою — посватать
Пригожую бабенку. За услугу
И за красу чужую хочешь милость
Добыть себѣ, и на чужомъ добрѣ
Барышъ нажить. Такъ нѣтъ же, старый грѣшникъ!
Ужъ если мнѣ судьба и доля вышла
Царицей быть, я сяду и сама.
Потомъ подумаю, не лучше-ль будетъ
Держать тебя подальше. Два медвѣдя
Въ одной берлогѣ не живутъ, имъ тѣсно!
(Входитъ царь.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Василиса и царь.

Василиса *(съ притворнымъ испугомъ)*.

Ахти, грѣхи! Куда теперь мнѣ дѣться?
Пожаловалъ нашъ соколъ ясный, царь,
Нашъ батюшка.

Царь.

Чего ты испугалась?
Поди ко мнѣ поближе, я не звѣрь —
Я человѣкъ, я рабъ грѣха и плоти.
Ты, грѣшница съ лукавыми глазами,
Съ манящимъ смѣхомъ на устахъ открытыхъ,
Чего боишься? Я тебя не на̀ духъ
Зову къ себѣ! За блудное житье
Епитимьи не положу тяжелой.
Не постникъ я! Подвижниковъ смиренныхъ
Постомъ и бдѣньемъ испитыя лица
Вамъ, грѣшнымъ бабамъ, видѣть тяжело;
Я такъ же слабъ своей грѣховной волей
И ежечасно помысломъ нечистъ,
И разговоромъ срамнымъ согрѣшаю,
Какъ вы же, бабы молодыя, — значитъ,
Тебѣ бояться нечего меня.

Василиса.

Царица здѣсь была передъ тобою,
Она изъ саду только что ушла.
Я упредить ее пойду.

Царь.

Поспѣешь.
Тебя я въ думѣ видѣлъ; ты давно ли
Въ царицыныхъ покояхъ?

Василиса.

Я недавно,
Недѣли съ двѣ.

Царь.

Тебѣ мои хоромы
По праву ли?

Василиса.

Съ младенчества молилась
И грезила, чтобъ царскія палаты
Привелъ Господь увидѣть, послужить
Тебѣ, царю. Какой же больше чести
Рабѣ твоей покорной?

Царь.

Ты вдова?

Василиса.

Вдовѣю съ годъ.

Царь.

Я чай, безъ мужа скучно?

Василиса.

О чемъ скучать? Я мужа не любила.

Царь.

За что̀, про что̀? Иль дурно жилъ съ тобою,
Иль золъ онъ былъ, иль старъ и дряхлъ, какъ я?

Василиса.

Не то, что старъ, а сердце не лежало.

Царь.

Ты съ норовомъ, тебѣ не угодишь!
Я знаю васъ: вы, бабы молодыя,
На молодость и красоту завистны.

Василиса.

Что̀ молодость! Кто силенъ, тотъ и молодъ;
Красавецъ тотъ, кто славенъ и могучъ.

Царь.

Меня бы ты могла любить?

Василиса *(закрывается)*.

Мнѣ стыдно!

Не говори! Ай, стыдно!

Царь.

Что за стыдъ?

Василиса.

Сказать, что не люблю, тебя обидѣть,
Да и неправда; а сказать люблю,

Сказать тебѣ всю правду — грѣхъ большой:
И ты женатъ, и я вдова, такъ лучше
Не спрашивай.

Царь *(подозрительно).*

Ты видѣла Малюту?

Василиса.

Малюту? Нѣтъ; на что̀ мнѣ твой Малюта?
Я утромъ въ думѣ видѣла твой взглядъ,
И этотъ взглядъ прожегъ насквозь мнѣ сердце.

Царь.

Со мною бабы такъ не говорили;
Я полюбилъ тебя, ты мнѣ по нраву.

(Обнимаетъ Василису; она его цѣлуетъ съ жаромъ, но, какъ бы испугавшись, вырывается и закрываетъ лицо.)

Василиса.

Меня во грѣхъ ты ввелъ. Не спохватилась!
Вотъ грѣхъ какой! *(Толкаетъ царя въ плечо.)*
Поди, поди къ царицѣ!

(Царь съ удивленіемъ смотритъ на нее; она продолжаетъ его толкать.)

Поди! поди! Она жена твоя,
Она красивѣй, лучше насъ, нарядне́й!
Поди, поди!

Царь.

Съ тобой мнѣ веселѣе!
Ты смѣлая!

Василиса.

Какая родилась,
Ужъ не взыщи. Великій государь,
Ты грамотникъ: мнѣ имя — Василиса,
А что̀ такое Василиса, знаешь?

Царь.

Царица!

Василиса.

Да? Ишь какъ меня назвали!
Какая я царица — я раба!
Да что̀ я, дура, такъ разговорилась,
Поди къ женѣ!

Царь.

Я не пойду къ царицѣ.
А ты сама царицей хочешь быть?

Василиса *(становясь на колѣни).*

Не искушай меня, великій царь,
Молю тебя!

Царь.

Захочешь, такъ и будешь. *(Уходитъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Царь.
Анна, царица.
Малюта.
Василиса.
Колычевъ.
Шутъ.

Рѣшетчатыя сѣни въ деревянномъ дворцѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Василиса *(у окна).*

Красна Москва широкая! Далеко
Раскинулись концы ея! На солнцѣ
Огнемъ горятъ кресты церквей; въ Кремлѣ
Красуются палаты золотыя
Московскаго великаго царя!
Ты, думушка, лети въ высокій теремъ
Расписанный! Войду ли я въ тебя
Не рабскою ногою, а хозяйской,
На зависть всѣмъ боярынямъ московскимъ
Нарядами цвѣтными красоваться?
Поблекнетъ ихъ краса передъ моею;
Красавицъ-женъ мужья свои разлюбятъ,
Какъ поглядятъ на красоту царицы!
Отдай ты мнѣ свое цвѣтное платье,
Отдай добромъ, не спорь со мной, царица!

И не къ лицу тебѣ кокошникъ царскій,
Да и носить его ты не умѣешь.

(Входятъ Малюта и Колычевъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Василиса, Малюта и Колычевъ.

Малюта *(Василисѣ).*

Опочиваетъ царь. Скучать сталъ больно,
Утѣхи нѣтъ ему. Жена постыла.
Свой царскій вѣкъ царица доживаетъ,
На смѣну ей жену другую нужно
Великому царю. Спасибо, случай
Помогъ бѣдѣ; сама себя царица
Намъ выдала, сама вину такую
На голову свою наговорила,
Что лучше не придумаешь. И любо!
А то поди, придумывай вину,
Да послуховъ ищи. *(Колычеву.)*
Андрей, послушай!
Ты помни все, что̀ я тебѣ скажу,
И толкомъ говори царю: у Мишки
Ты въ Костромѣ служилъ; въ дѣвицахъ Анну
Ты видывалъ и слышалъ не однажды,
Что промежъ нихъ съ Володькой Воротынскимъ
Любовь была.

Колычевъ.

Освободи, Григорій
Лукьяновичъ, заставь другую службу
Служить тебѣ!

Малюта.

Не даромъ говорили,
Что ты такой-сякой, что ты бывало
Съ крамольниками знался зачастую!
Смотри, Андрей!

Колычевъ.

Ты самъ мнѣ говоришь,
Что полюбилъ меня, за что̀-жъ ты хочешь

Мнѣ на душу взвалить такую тягость
Безвинную царицу загубить?
Ея душа-то чище голубиной
Предъ Господомъ!

Малюта.

Да ты въ умѣ, аль нѣтъ?
Опомнись, смердъ! Кому ты говоришь?
Тебя къ Малютѣ въ службу не тянули;
Ты самъ пришелъ ко мнѣ, своей охотой,
А первой службы сослужить не хочешь!
И безъ тебя найдемъ, коль ты негоденъ.
Охотники найдутся! Только помни:
Кто служитъ мнѣ, тотъ мой душой и тѣломъ;
Негодныхъ слугъ я не держу: иль рѣжь,
Иль самого зарѣжутъ.

Колычевъ.

Я зарѣзать
Скорѣй возьмусь. Вели ты мнѣ, Григорій
Лукьяновичъ, повыточить острѣе
Булатный ножъ, пойти въ ея покои
И, какъ овечку, приколоть ее.
Мнѣ будетъ легче видѣть, какъ трепещетъ
Подъ воровскимъ ножомъ лебяжья грудь,
Чѣмъ клеветать и срамными рѣчами
Безвинную позорить передъ мужемъ.
Я радъ служить, да только-бъ не безчестить
Іудинскимъ предательствомъ свой родъ.

Малюта.

Безчестья нѣтъ на службѣ! Такъ ты малъ
Передъ царемъ великимъ, что какую-бъ
Позорную и срамную послугу
Ты ни служилъ въ утѣху государю,
Все въ честь тебѣ, холопу!

Василиса.

Ты, Григорій
Лукьяновичъ, не гнѣвайся! Онъ молодъ
И глупъ еще. Постой-ка, я два слова
Скажу ему, послушаетъ, не бойся!

Малюта.

Наставь его на разумъ, Василиса
Игнатьевна! Онъ бабьяго ума
Послушаетъ, авось умнѣе будетъ.
Смотри же! Я теперь пойду къ царю,
А ты въ сѣняхъ пообожди. Покличу,
Такъ подходи къ царю смѣлѣй, безъ страха,
И объяви, что̀ сказано. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Колычевъ и Василиса.

Колычевъ.

За что̀ же
Вы губите царицу?

Василиса.

Вотъ за что̀:
Царю она, ты знаешь, надоѣла,
А царь еще не старъ. На насъ, порою,
На слугъ царицыныхъ, на бабъ и дѣвокъ,
Онъ смотритъ такъ, что кто грѣха боится,
Такъ, со стыда, хоть провались сквозь землю
И каждый мигъ дрожи.

Колычевъ.

И на тебя?

Василиса.

А на меня всѣхъ чаще.

Колычевъ.

Неужели?

Василиса.

Чему же ты дивишься? Во дворцѣ
Я никого не хуже; что̀-жъ за диво,
Что на меня заглядываться сталъ
Великій царь?

Колычевъ.

О, Господи!

Василиса.

Что̀, видно,
Не по сердцу тебѣ? Что̀ дѣлать, парень,
Съ царемъ не спорить.

Колычевъ.

Ты сама нарочно
Въ глаза ему безъ совѣсти глядишь,
Сама къ нему навстрѣчу забѣгаешь,
Безстыдная!

Василиса.

А развѣ худо дѣло?

Колычевъ.

Такъ Богъ съ тобой!

Василиса.

Постой! Послушай прежде!
Хоть стоило-бъ тебя за эти рѣчи
Съ очей прогнать, да Богъ тебя проститъ —
Сердиться-то не хочется. Я лучше
На умъ тебя наставлю. Мы царицу
Развесть хотимъ съ царемъ. Онъ будетъ радъ
Хоть малую вину найти за нею;
Запретъ ее, какъ Анну Колтовскую,
Во монастырь и, не промедливъ часу,
Возьметъ себѣ жену шестую. Мало-ль
Боярышень-красавицъ на Москвѣ?
Утѣшится, какъ новою игрушкой,
Женой своей; отъ насъ же, недостойныхъ
Рабынь своихъ, взоръ царскій отвратитъ.
Минуется мой страхъ, и на свободѣ
Могу тогда любить тебя. Ну, понялъ?
Ну, понялъ ты?

Колычевъ.

Все понялъ; все, что̀ хочешь,
Исполню я. Прости мнѣ, Василиса
Игнатьевна, безумныя слова!
Я обомлѣлъ отъ страха, обезумѣлъ,
Почудилось мнѣ, бѣдному, что старый
Тебя изъ рукъ моихъ, голубку, вырвалъ.

Василиса.

На первый разъ вину тебѣ прощаю,
Ужъ такъ и быть; поберегись впередъ
Гнѣвить меня! Не ты ли мнѣ божился,
Что мой приказъ — законъ? Ты не гордись!
Ты возмечталъ, что красенъ ты молодчикъ,
Разбойникъ, соблазнитель глупыхъ бабъ!
Такъ знай, найдутся, если поискать,
Хоть не тебѣ чета — поплоше будутъ —
Да гдѣ ужъ намъ, сиротамъ, бѣднымъ вдовамъ,
За красотой гоняться, лишь бы только
Любилъ меня да слушалъ; вотъ что надо
Мнѣ, сиротѣ. Прощай, Андрей, голубчикъ! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Колычевъ *(одинъ)*.

О, Господи! Какъ тяжко, непривычно
Бѣсовскую личину надѣвать!
Несчастна ты, Васильчикова Анна!
Я зналъ тебя, у князя Михаила,
Въ его дому большомъ, дѣвицей кроткой.
Дивились мы тогда твоей красѣ,
И тихому обычью, и глазамъ
Потупленнымъ. Мнѣ часто тихомолкомъ
Болтали сѣнныя дѣвицы, будто
Вздыхаешь ты и слезы льешь по мнѣ;
Но ты сама, не только-что словечкомъ,
И взглядомъ ласковымъ не подарила
Меня ни разу. Съ молоду мы глупы —
Несбыточному вѣримъ: я бывало
Подумывалъ у князя Михаила
Посватать Анну, да, спасибо, скоро
За умъ взялся. Не намъ, мизинным людямъ,
По княжескимъ домамъ невѣсть искать,
Коль царь Иванъ беретъ невѣсть оттуда-жъ;
То царскій вкусъ — не нашъ. Да не на радость
Попала Анна въ царскія палаты!
Пока любилъ тебя твой государь —

И слуги земно кланялись: минулась
Любовь царя — и слуги стали грубы,
И служатъ нéхотя, и смотрятъ косо,
Не въ радость имъ служить женѣ постылой,
Избыть тебя хотятъ. И скоротаешь
Ты дни свои въ монастырѣ далекомъ.
Ты не жалѣй о царской долѣ! Лучше
Въ уютной кельѣ; отъ любви и гнѣва,
Отъ милости и казней укрываясь,
Ты помолись за землю, за царя,
И помяни меня въ своихъ молитвахъ!
Не я твоей погибели желаю —
Твоя погибель прежде суждена.
Мой грѣхъ невольный. Я слуга царевъ:
Его беречь и тѣшить наше дѣло.
Чѣмъ грозному царю ты провинилась,
Не намъ судить; но ты ему помѣха,
И мы тебя не смѣемъ пожалѣть!
Не я, другой найдется и погубитъ
Тебя вѣрнѣй, чѣмъ я. Прости меня!

(Уходитъ. Входятъ царь и Малюта.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Царь и Малюта.

Царь.

Мелентьевой она призналась?

Малюта.

Да,
Великій государь, и похвалялась...

Царь.

Притворщица! Со мной и разговору
Не вдругъ найдетъ, сидитъ, потупясь въ землю,
Смиренницей такою смотритъ, точно
Она овца, а я мясникъ.

Малюта.

Лишь имя
Не назвала; но вѣрный твой слуга,

Андрюшка Колычевъ, насъ надоумилъ.
Онъ жилъ у князя въ Костромѣ и слышалъ,
И самъ видалъ кой-что. И по примѣтамъ
Выходитъ такъ. Царица говорила,
Что милый другъ былъ суженый ея,
Что за тобой она лишь горе терпитъ
И слезы льетъ; что если-бъ жить за милымъ,
За суженымъ, иную-бъ жизнь узнала,
Совѣтную; что онъ ее любилъ
Не такъ, какъ ты, и что она любила
Сама его, и до сего дня любитъ;
Что умеръ онъ, а быть бы ей за нимъ!...
Не кто иной — Володька Воротынскій:
Онъ въ ту пору былъ подъ Москвой убитъ.

Царь.

А жалко мнѣ, что бабы не воюютъ;
Послалъ бы я свою женишку, Анну,
На веретенный бой, чтобъ съ милымъ другомъ
Ей умереть одною смертью. *(Молчаніе.)*
Нѣтъ,
Ошибся я въ самомъ себѣ — я думалъ:
Пора моихъ грѣховныхъ помышленій
Совсѣмъ прошла, что старческое око
Не соблазнитъ моей грѣховной плоти,
Что время мнѣ въ постѣ и покаяньи
Замаливать грѣхи минувшихъ лѣтъ,
И въ черной рясѣ постника, въ молитвѣ,
И день и ночь стоять на послушаньи
И слезы лить. Ошибся я, Малюта:
Еще грѣховъ во мнѣ гнѣздится много,
Къ духовной скорби сердце не готово.
Я увидалъ Мелентьеву — и вновь
Былымъ грѣхомъ мечта моя смутилась,
Былая страсть зажглась въ моей груди!

Малюта.

Отъ насъ тафья и ряса не уйдутъ!
Въ монахи изъ царей попасть не трудно.
Грѣха не бойся: мудрый Соломонъ
Набралъ себѣ не шесть, а сотни женъ.

Царь.

Молчи! Я трезвый не люблю кощунства!
Послѣдній грѣхъ, послѣдній, а потомъ
Покаемся; вѣдь, не сейчасъ надъ нами
Господень судъ, покаяться успѣю.
Послѣдній грѣхъ, я выкуплю его
Тяжелымъ послушаньемъ; я сегодня-жъ
Поклоны класть начну земные. Эй!
Позвать сюда царицу. *(Слуга уходитъ. Малютъ.)*
Колычева
Пошли ко мнѣ!

(Малюта идетъ къ дверямъ и дѣлаетъ знакъ рукою; Колычевъ входитъ и кланяется.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Колычевъ.

Царь.

Ты изъ какихъ людей?

Колычевъ.

Я дворянинъ
Изъ рода Колычевыхъ, государь.

Царь.

Ты въ дѣвкахъ зналъ царицу Анну? Правда-ль,
Что до вѣнца Володька Воротынскій
Былъ суженымъ ея?

Колычевъ.

Царица Анна
У Воротынскихъ въ отчинѣ жила;
Я раза два видалъ ее. Холопы
Несли молву, что молодого князя
Она къ себѣ приворожила такъ,
Что въ ней души не чаялъ, что, пожалуй,
Молъ, женится на ней.

Царь.

А что потомъ?

Колычевъ.

Великій царь, мы — маленькіе люди;
Увидишь ли, что̀ въ княжескихъ свѣтлицахъ,
Что̀ въ дѣвичьихъ высокихъ теремахъ,
Въ широкихъ сѣняхъ дѣлось.

Царь.

И правда!

Малюта.

Не видишь глазомъ, такъ ушами слышишь.

Колычевъ.

Да я, что̀ слышалъ, то и молвилъ. Знамо,
Что про бояръ хорошаго не скажутъ
Холопы ихъ, а что̀ случись дурного,
Такъ зазвонятъ, что̀ въ колоколъ. Негоже
И сказывать, что̀ люди говорили
Про молодого князя.

Царь.

Кликнуть мамку:
Она жила при ней: она разскажетъ
Про всѣ дѣла, про дѣвичьи забавы
Царицыны.

Малюта.

Я спрашивать пытался.

Царь.

Ну, что̀-жъ она?

Малюта.

Да старая колдунья,
Со страху, что̀ ли, вовсе онѣмѣла;
Я попыталъ ее, кажись, легонько:
На дыбу вздѣлъ да раза два ударилъ,
Она сквозь зубы что-то бормотала
И околѣла, не сказавъ ни слова.

Царь.

Ни слова не сказала? Ужъ и ты
Пытаешь такъ, что старой не подъ силу;
Въ старухѣ еле держится душа,
А онъ ее на дыбу! Ты-бъ поджарилъ
Легонечко, такъ все бы разсказала. *(Входитъ царица.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же и царица.

Царица.

Ты повелѣть изволишь, государь...

Царь *(Малютѣ).*

Смотри, Малюта! Кто бы могъ подумать,
Что подъ такимъ смиреньемъ зло таится
И ненависть къ царю и мужу?

Царица.

Боже!
Великій царь, о чемъ ты говоришь?
Я словъ твоихъ не разумѣю.

Царь.

То-то!
Не разумѣешь! Подними глаза!
Гляди на насъ!

Царица.

Могу глядѣть я смѣло!
Смотри въ мои глаза, ты въ нихъ увидишь,
Что я чиста передъ тобой и Богомъ.

Царь.

Обманщица! Ты лжешь теперь глазами
И языкомъ.

Царица.

Великій государь,
Не мучь меня, скажи мнѣ, въ чемъ виновна
Передъ тобой жена твоя...

Царь.

Во всемъ!
Произнося обѣтъ передъ налоемъ,
Ты солгала попу лукавымъ, женскимъ,
Обманчивымъ, болтливымъ языкомъ,
А сердцемъ лживымъ Бога обманула!
Ты мнѣ лгала своимъ лицомъ веселымъ
И дѣтской радостью, что изъ дѣвчонки

Заброшенной, ты сдѣлалась царицей;
Притворствуя, въ своемъ холопскомъ сердцѣ,
Ты о другомъ скучала въ то же время!
Лукавая, ты ласкъ моихъ дичилась,
Ты мужа-государя отдаляла
Стыдомъ своимъ притворнымъ, а холопу
Безъ совѣсти въ дѣвицахъ позволяла
Ласкать тебя.

Царица.

Кому, кому? Когда?

Царь.

Мнѣ ложь гадка, притворство ваше бабье
Наскучило: потѣшь меня хоть разъ,
Скажи всю правду въ очи мнѣ; послушать
Мнѣ хочется, какъ будешь ты крушиться
И горевать, подпершись локоткомъ,
На горькую судьбу свою — злодѣйку,
На долю разнесчастную свою,
На мужа старика, на ворчуна
Беззубаго; какъ будешь вспоминать
Касатика, сердечнаго дружка,
Что долги-то осенни вечера
И темны зимни ночи вы сидѣли
И миловались, крѣпко цѣловались,
Да разлучили злые люди васъ. *(Смѣется.)*

Царица *(плачетъ)*.

Какой дружокъ? Я никого не знаю.
Какой, скажи?

Царь.

Володька Воротынскій!

Царица.

Володю я ребенкомъ только знала:
Родными мы росли, потомъ на службу
Уѣхалъ онъ.

Царь.

Ты лжешь! Эй, Колычевъ!
Скажи ты ей въ глаза, что лжетъ она.

(Колычевъ подходитъ.)

Царица *(удивленная)*.

Андрей! Андрей! Ты, князя Михаила
Слуга и милостникъ, и ты посмѣешь
Оклеветать его родного сына,
За родину страдальца, и меня,
Безвинную!

Колычевъ *(потупясь)*

Что̀ люди, то и я!

Царица.

Великій царь, мнѣ, бѣдненькой сироткѣ,
Когда была въ дѣвицахъ я, могло ли
И въ умъ взойти, чтобъ свѣтлый князь, природный,
И знатнаго отца любимый сынъ
Польститься могъ на дѣвушку-сиротку,
Безродную! Обычаемъ дѣвичьимъ
Гадала я о женихахъ, какъ всѣ.
Я суженымъ назвать не смѣла князя
Въ своихъ дѣвичьихъ думахъ. Я гадала,
Я думала, что суженымъ мнѣ будетъ
Не князь Владиміръ Воротынскій — гдѣ ужъ!
А развѣ вотъ Андрюшка Колычевъ.

Царь.

Долой съ очей моихъ! Ступай! Довольно!
Наслушался я вдоволь словъ позорныхъ
Для царскаго величья своего,
Для мужней гордости и чести. Прочь!
Очей моихъ ты больше не увидишь,
Теперь тюрьмой тебѣ твой теремъ будетъ:
Молись, сиди, замаливай грѣхи,
Пока другого мѣста не найдется
Для грѣшницы. Я не хочу быть мужемъ
Тебѣ, женѣ развратной и безстыдной,
За то, что ты смѣнять царя готова
На перваго холопа! Прочь поди!

Царица.

Прости меня, великій государь! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Царь, Малюта и Колычевъ.

(Послѣ долгаго молчанія царь идетъ прямо на Колычева и, поставивъ ему на ногу остроконечный свой посохъ, хочетъ опереться).

Царь.

Что̀ значатъ эти рѣчи, Колычевъ,
Что Анна говорила: „Не Володька
Былъ суженымъ, былъ женихомъ желаннымъ,
А Колычевъ Андрюшка?“ Говори!

Колычевъ.

Не знаю, что царица говорила;
Въ ея душѣ я не былъ, государь.
Не мало винъ на мнѣ передъ тобою,
И передъ Господомъ грѣховъ великихъ —
За тѣ казни; а этой нѣтъ вины.

Царь *(отнимая посохъ).*

Вели ему помѣстнаго прибавить
Изъ вотчинъ Воротынскаго удѣльныхъ,
Да шубу дай!

Колычевъ *(кланяется).*

Челомъ тебѣ за милость
Великую, великій государь!

Малюта.

Твой рабъ служить тебѣ, твоимъ велѣньямъ,
И праведному гнѣву твоему
Готовъ всегда. Я строгій твой приказъ
Не побоюсь исполнить, если-бъ даже
Касался онъ жены твоей виновной.

Царь *(задумчиво).*

Виновной! Да! Она виновна, знаю.
Державный Генрихъ, аглицкій король,
Отецъ сестры моей Елизаветы,
Двухъ королевъ казнилъ. У насъ другіе
Обычаи. Заговорятъ въ народѣ,
Митрополитъ что̀ скажетъ! Англичане

Почета больше къ королямъ имѣютъ,
Чѣмъ вы къ царямъ своимъ; не только волю,
Они намекъ умѣютъ понимать
И королевскій взглядъ, и такъ ведется
Во всѣхъ иныхъ великихъ государствахъ.
Шута ко мнѣ! *(Шутъ вбѣгаетъ въ двери.)*

Шутъ.

Я, дѣдушка Иванъ,
Давно тебя ищу по всѣмъ покоямъ.

Царь.

Пляши и пой, вертись передо мною
И тѣшь меня сегодня!

Шутъ.

Наше дѣло! *(Поетъ:)*
Кабы бабѣ молока, молока,
Была-бъ баба молода, молода!
Кабы бабѣ киселя, киселя,
Была-бъ баба весела, весела!

Царь.

По всей Москвѣ собрать пропойныхъ пьяницъ,
Пріятелей, потѣшниковъ моихъ!
Съ женой теперь, я съ плаксой развязался:
Былое надо вспомнить, надо встрѣтить
Повеселѣе холостую жизнь!

Шутъ *(идетъ къ дверямъ и пляшетъ).*
Кабы бабѣ сапоги, сапоги,
Пошла-бъ баба въ три ноги, въ три ноги!

(Царь, Малюта и шутъ уходятъ. Изъ другой двери выходитъ Василиса.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Колычевъ и Василиса.

Василиса.

Зайди ко мнѣ сегодня, послѣ звона
Вечерняго. Я буду дожидаться
И выбѣгу тебя встрѣчать далеко,
И поведу за ручки въ теремъ свой,
Хорошій, милый мой дружокъ, Андрюша.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЛИЦА:

Царица.
Василиса.
Колычевъ.
Марья.
Женщины и дѣвушки.

Сцена 1-я.

Небольшая комната Василисы Мелентьевой.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Василиса *(одна).*

Задумала я думушку, запала
На сердце мнѣ завѣтная мечта —
Царицей быть. Дурное-ль это мѣсто,
Да занято, другая не пускаетъ,
Сидитъ на немъ. Ошиблись мы съ Григорьемъ
Лукьянычемъ; гнѣвился царь не очень,
И пожалѣлъ онъ пятую жену,
Плаксивую царицу Анну; не далъ
Своимъ рукамъ онъ воли, костылемъ
Не уходилъ, не растопталъ ногами,
Не захотѣлъ мнѣ мѣста опростать.
А мы, было, признаться, такъ и ждали!
Старѣетъ царь, и пылкость въ немъ проходитъ,
Отходчивъ сталъ; не такъ бывало прежде,
Не проходилъ гнѣвъ царскій безъ убойства.
А что̀ теперь? Потопалъ, покричалъ,
Деньковъ пятокъ посердится на Анну
И на другихъ, кто подвернется; съ мѣсяцъ
Коситься будетъ на нее, а все же
Она останется моей помѣхой,
Хоть брошенной, постылой, но женою,
Царицею, а я ея рабою.

Я не слѣпа, я вижу, что царю
По нраву я; старикъ на Василису,
Какъ котъ на мышь, глядитъ; но Василисѣ
Наложницей быть мало. Пробиралась,
Ползла ползкомъ я ко двору царицы,
За сиротство и бѣдность натерпѣлась
Позору я и брани отъ боярынь,
Отъ толстыхъ дуръ, унизанныхъ серьгами
И кольцами. Какъ козы въ сарафанахъ,
Кичатся тѣмъ, что аксамитъ тяжелый
Коробится лубкомъ на ихъ плечахъ!
Умнѣй меня онѣ, иль краше, что ли?
Одна краса у нихъ, что растолстѣютъ
Кошка-кошкой — отъ вѣчнаго лежанья,
Да отъ шитья хмельного втихомолку,
Подъ страхомъ мужней плети. Злыя бабы!
Имъ ѣсть да спать, да хохотать весь день
Рѣчамъ безстыднымъ сказочницъ дворовыхъ!
Лишь по мужьямъ и честь имъ — я обиды
Сумѣла бы имъ выместить сторицей.
Я краше ихъ и въ смирномъ вдовьемъ платьѣ.
Надѣнь-ка я наряды дорогіе,
Ну, пусть тогда покажутъ, кто въ Москвѣ
Съ Мелентьевой красой сравниться можетъ?

(Идетъ къ поставцу.)

Хоть полюбуюсь на себя немного,
Вѣнчальный свой нарядъ надѣну. Вотъ онъ!

(Вынимаетъ кокошникъ и ферязь.)

Поставлю здѣсь я зеркальце стальное.

(Одѣвается и смотрится въ зеркало.)

Ахъ, какъ давно себя я не видала
Красавицей такой! И оставаться
Рабою мнѣ! Такъ нѣтъ же! Нѣтъ! Цареву
Я видѣла любовь и ласку — быть
Хочу царицей я, и буду! Маша! *(Входитъ Маша.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Василиса и Марья.

Марья *(вдругъ взглянувъ на Василису)*.

Ахъ!

Василиса.

Что же ты? Чего ты испугалась?

Марья.

Ни разу мнѣ въ такомъ богатомъ платьѣ
Видать тебя не приходилось. Больно
Пригожа ты, на заглядѣнье, право!
И властный видъ такой, какъ у царицы.
На радости какой же нарядилась
Такъ цвѣтно ты?

Василиса.

Покуда нѣтъ, а будетъ
И радость у меня. Увидишь скоро
И не въ такомъ нарядѣ! Побогаче
И епанчу, и лѣтникъ я надѣну,
И жемчугомъ осыплюсь съ головы
До самыхъ пятъ.

Марья.

Пошли Господь на долю
Сиротскую твою!

Василиса.

Скажи мнѣ, Маша,
Такая ли походка у царицы?
Умѣетъ ли она, какъ лебедь, плавно,
Неслышными шагами, выступать,
Не колыхаясь?

Марья.

Нѣтъ! съ развальцемъ ходитъ,
Качается по сторонамъ она
Легонечко. Ты лучше ходишь.

Василиса.

То-то!
Такъ прямо стать, такъ гордо поклониться
На земные боярскіе поклоны,

Такъ нéхотя имъ кланяться, чтобъ знали,
Чтобъ чуяли они, лежа во прахѣ,
Ничкомъ, у ногъ твоихъ, что этой чести
Они не стóятъ?

Марья.

Я не понимаю,
Мнѣ въ толкъ не взять, къ чему такія рѣчи?

Василиса.

Умѣетъ ли царица Анна бровью,
Безъ словъ, сказать тебѣ и гнѣвъ, и ласку?

Марья.

Да гдѣ же! Нѣтъ! Она у насъ такая
Смиренница. Пошли ей Богъ здоровья
И всякаго добра...

Василиса.

А я умѣю!

Марья.

Тебя взяли на то!

Василиса.

Такъ ты пойми же,
Какъ горько мнѣ, что я, съ такой красою,
Съ такой осанкой царской, я — раба,
Раба! — тогда какъ ей моей рабою
Пристойнѣй быть! Зачѣмъ въ хоромахъ царскихъ
Она сидитъ — сидитъ и не пускаетъ *(топаетъ ногой)*
Меня съ царемъ Иваномъ рядомъ сѣсть?

Марья.

Господь съ тобой! Мнѣ страшно, Василиса
Игнатьевна! Молчи, молчи! Услышатъ
И донесутъ царю, бѣда моей
Головушкѣ!

Василиса.

Пускай самъ царь услышитъ!

Марья.

Здорова-ль ты, въ тебя недугъ не вшелъ ли?
Тебѣ не врагъ ли эти рѣчи шепчетъ?
Прости меня, съ тобою оставаться

Мнѣ боязно; я въ сѣняхъ постою,
Разокъ-другой передохну на волѣ.

Василиса.

Счастлива ты на свѣтѣ родилась!
И проживешь на свѣтѣ, не узнаешь
Ни радости большой, ни адской муки!
Когда царицей буду на Москвѣ,
Приди ко мнѣ за милостью, я вспомню,
Я награжу тебя по-царски.

Марья.

Полно!
Не надо мнѣ. О, Господи, помилуй!
Съ тобой, того гляди, что пропадешь. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Василиса *(одна)*.

О, какъ я зла на Анну! Если-бъ можно,
Прикинулась бы я змѣей шипучей,
Мѣдяницей въ холодной пестрой шкуркѣ.
Я поползла-бъ по частымъ переходамъ
Рѣшетчатымъ, по кленовымъ сѣнямъ,
До терема ея и обвилась бы
Вокругъ ея лебяжьей бѣлой груди,
И жалила, и жалила ее!
Не дожила-бъ она до завтра, только-бъ
До вечера ей жить, да непривычны
Къ такому дѣлу наши бабьи руки!
Такъ есть въ запасѣ молодецъ у насъ!
За то мы ихъ ласкаемъ и голубимъ,
Чтобъ вывести изъ разума, чтобъ парень,
Какъ вѣрный пёсъ, по твоему приказу
Въ огонь и въ воду шелъ! Глупа ты, баба,
Коль молодого парня не заставишь
На всякій грѣхъ съ охотою пойти. *(Входитъ Марья.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Василиса, Марья, *потомъ* Колычевъ.

Марья.

Да есть ли стыдъ въ твоихъ глазахъ?

Василиса.

А что?

Марья.

Въ покои къ намъ не ходятъ холостые.

Василиса.

А кто-жъ пришелъ?

Марья.

Къ тебѣ Андрей Петровичъ,
По зо́ву говоритъ.

Василиса.

Ну, пусть идетъ,
Большой бѣды не вижу.

Марья.

Аль ты хочешь
Дурной молвы? Хоть насъ то пожалѣй. *(Уходитъ.)*

Василиса.

Пришелъ Андрей. Ужъ то-то радъ сердечный!
Награды ждетъ, а чуетъ ли онъ духомъ,
Что я ему еще работу дамъ? *(Входитъ Колычевъ.)*

Колычевъ *(кланяется).*

Челомъ тебѣ! *(Взглянувъ)* Ахъ, что ты, Василиса
Игнатьевна? Зачѣмъ ты нарядилась?
Не гостя ли ждала?

Василиса.

Тебя!

Колычевъ.

Спасибо! *(Цѣлуетъ ее.)*

Василиса *(обнимая его).*

Кого-жъ мнѣ ждать? Одинъ ты у меня,
Одна моя отрада ты, Андрюша!
Не вѣришь ты?

Колычевъ.

Не вѣрить, какъ не вѣрить!
Да только все мнѣ кажется, что шутишь
Со мною ты! Вотъ я одинъ съ тобою,
Держу въ рукахъ тебя, цѣлую крѣпко,
А въ головѣ такая дума бродитъ,
Что выскользнешь изъ рукъ моихъ ты змѣйкой
И спрячешься.

Василиса.

Напрасно обижаешь!
Ну, видишь ты, что я твоя? Чего же
Тебѣ еще? *(Колычевъ обнимаетъ ее.)* Постой!
такое счастье
Ужъ на роду написано тебѣ,
Что баба я простая, что на сердцѣ,
То на устахъ, безъ хитрости.
(Колычевъ ее обнимаетъ; она освобождается.)
Постой-ка!
Подумай ты, когда полюбитъ парень
Замужнюю, вдову или дѣвицу,
Кому труднѣй на свѣтѣ жить? Чего же
Для милаго дружка мы пожалѣемъ?
Да вотъ хоть я: и женскій стыдъ забытъ,
И не боюсь, что люди скажутъ. Могутъ
Прогнать меня съ позоромъ отъ двора
И запереть въ монастырѣ. А парню
Ни горя нѣтъ, ни страха, ни хлопотъ.
Ты только словъ для бабы не жалѣй,
Да уговаривать не подѣнися!
И въ томъ труда большого нѣтъ: мы глупы,
Что ни скажи, все вѣримъ; ты вотъ мигомъ
Уговорилъ меня.

Колычевъ *(обнимаетъ ее)*

Родная! жизни
Я для тебя не пожалѣю.

Василиса.

Правда-ль?
Вотъ на умѣ я и держу, что только-бъ
Мнѣ увидать на дѣлѣ, какъ ты любишь,

Увѣриться глазами, ну, потомъ ужъ
И спорить я не буду.

Колычевъ.

Все на свѣтѣ,
Что̀ хочешь ты!...

Василиса *(лаская его)*.

Ужли? Ахъ, мой родной!

Колычевъ *(обнимаетъ ее)*.

Голубка ты!

Василиса *(освобождаясь)*.

Охъ! перестань!

Колычевъ.

Да что̀ же
Изъ рукъ моихъ ты рвешься?

Василиса *(стыдливо)*.

Съ непривычки!
Отъ ласки-то давно отстала, парень!
Да что̀ тебѣ смотрѣть на робость бабью.
Стыда боишься, не пускай милова!
Моя вина, что я тебя пустила.
А коль пришелъ, такъ ты хозяинъ здѣсь:
Я гостю отказать ни въ чемъ не смѣю.
Глупехонька я, баба; ну, а ты
Исполнишь все, что̀ попрошу?

Колычевъ.

Исполню!
Приказывай!

Василиса.

Боюсь, обманешь.

Колычевъ.

Богомъ
Клянусь тебѣ!

Василиса.

Ахъ, милый мой, сердечный!

Колычевъ.

Проси скорѣй, во мнѣ душа кипитъ,
На всякую готовъ итти послугу,
Чтобъ знала ты, какъ я люблю тебя.

Василиса *(ласкаясь)*.

Голубчикъ бѣлый! Отрави царицу!

Колычевъ.

Безумная! Побойся Бога! Что ты!
Возьми назадъ слова! Проси у Бога,
Чтобъ Онъ простилъ тебя, что дерзкимъ словомъ
И помышленіемъ ты согрѣшила!
Говѣй, постись!

Василиса.

Куда мнѣ торопиться?
Успѣю поговѣть и въ пость великій,
Во всѣхъ грѣхахъ тогда покаюсь кстати.

Колычевъ.

Что сдѣлала тебѣ царица Анна!
За все добро ее убить ты хочешь!

Василиса.

Не я хочу! За что такой злодѣйкой
Считаешь ты меня! Могу-ль желать я
Царицѣ зла? Она вдовѣ несчастной
Пріютъ дала, была мнѣ госпожею
И матерью, и милостью дарила
И ласками. По царскому приказу
Малюта мнѣ велѣлъ убить ее...

Колычевъ.

Онъ говорилъ, я помню, да! Сгубили
Царицу вы!

Василиса.

И я объ ней жалѣю,
Да какъ же быть? Подумай ты, Андрюша,
Что дѣлать мнѣ? Поднимутся ли руки
Невинную убить?

Колычевъ.

Грѣха боишься?
Съ души своей ты хочешь на мою
Тяжелый грѣхъ свалить? Да развѣ хуже
Во всей царевой дворнѣ не нашлось,
Что за меня взялась ты?

Василиса.

Да кому же
Повѣрю я цареву тайну? Развѣ
Довѣриться могу я нашимъ бабамъ?
А больше я не знаю никого.
Коль любишь ты меня, такъ выручай!

Колычевъ.

Любить-то я люблю тебя, да грѣхъ-то
Незамолимъ. Ужель тебѣ не жалко
Души моей?

Василиса.

Отъ царскаго стола,
Отъ ужина ты понесешь царицѣ,
Какъ будто царь прислалъ, въ царевомъ кубкѣ,
Сыченый медъ. Тебѣ отдастъ Малюта,
И ты придешь...

Колычевъ.

Освободи! Послушай,
Великій грѣхъ!

Василиса.

И слушать не хочу!
Я проведу тебя, и ты заставишь
Испить до дна серебряную стопу
За здравіе...

Колычевъ *(беретъ ее за руку)*.

Такъ знай же, Василиса
Игнатьевна! Тебѣ, для ради женской
Красы твоей, души я не жалѣю!
Но ты смотри, въ послѣдній это разъ
Я твой слуга.

Василиса.

Ну да, Андрей, въ послѣдній!

Колычевъ.

Запомни ты! Свершивши это дѣло
Грѣховное, я буду господиномъ,
А ты моей рабой. Заставлю я

Не ласкою, а грознымъ словомъ тѣшить
Любовь мою и норовъ молодецкій —
Женой возьму къ себѣ, въ свой домъ.

Василиса.

Согласна.

Колычевъ.

И будешь ты любить меня и холить,
И пуще грома Божьяго бояться.

(Беретъ ее за руку.)

Василиса.

Ой! больно, больно!

Колычевъ.

Ну, ужъ не взыщи!
А ты спроси, легко ли мнѣ? Прощай!

(Уходитъ.)

Сцена 2-я.

Передній покой въ теремѣ царицы.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Входитъ царица, *за нею* Василиса Мелентьева.

Царица.

Оставь меня! Къ чему за мной ты ходишь?
Тебя мнѣ видѣть страшно.

Василиса.

Что же дѣлать?
Какъ быть, мой свѣтъ? Мнѣ и самой не любо,
Да царь велѣлъ.

Царица.

Безстыжая ты баба!
Ты горькою обидой отплатила
За милости и ласку, и смѣешься
И тѣшишься мученьями моими!
О, Господи!

Василиса.

А кто же виноватъ?

Царица.

Не знаю я, но я не виновата!
Не думаешь ли ты, что я заплачу,
Передъ тобой оправдываться стану,
Передъ холопкой? Я на судъ боярскій,
На судъ митрополита позову
Доносчиковъ своихъ. Святая правда
Возьметъ свое.

Василиса.

Боярамъ не придется
Судить тебя. Великій государь
Не отдастъ себя на судъ холоповъ:
Онъ самъ судья надъ женами.

Царица.

Я вижу,
Вы продали меня, вы сторговались
Съ Малютою. Кто деньги вамъ платилъ?
Кому нужна моя погибель? Вижу,
Царю жену другую прочатъ. Нужно
Ей мѣсто опростать. Нельзя двумъ женамъ
Подъ крышей жить одной. Скажи, кому
Я уступлю и теремъ златоверхій,
И батюшку-царя?

Василиса.

Почемъ я знаю.

Царица.

Нѣтъ, видно, я предъ Господомъ грѣшна,
Великій грѣхъ какой-нибудь за мною!
За гордость ли Господь меня казнитъ
Своимъ судомъ, за Анну-ль Колтовскую?
Она жива, ее зовутъ царицей;
А я чужое мѣсто заняла
И радуюсь. Легко ли ей теперь?
Вотъ такъ и мнѣ — отплата зломъ за зло!
Когда была я въ счастьѣ и почетѣ,
Не думала о ней, а надъ собою

Увидѣла грозу и вспомнила
Несчастную. Вотъ такъ-то мы всегда!
Поѣхать къ ней да попросить прощенья,
Упасть въ слезахъ къ ногамъ; авось Господь
И надо мною сжалится.

Василиса.

Не поздно-ль
Хватилась ты?

Царица.

А развѣ рѣшена
Судьба моя? О, Господи, какъ страшно!
Скажи ты мнѣ: убьютъ меня?

Василиса.

Не знаю!
Почемъ мнѣ знать, что̀ на душу положить
Царю Господь?

Царица.

Недужится мнѣ что̀-то,
И голова горитъ; того гляжу,
Забрежу я. Ты ничего не слышишь?
Мнѣ кажется, что гдѣ-то ударяютъ
Ко всенощной, да только рѣдко что-то.
(Прислушивается.)
Ну, вотъ! Уже-ль не слышишь?

Василиса.

Нѣтъ, не слышу.

Царица.

А гдѣ шумятъ?

Василиса.

Пирушка у царя
Веселая идетъ.

Царица.

У нихъ веселье;
Пируетъ онъ, обидчикъ мой, а я
Съ тоски мечусь и умираю.

Василиса.

Полно
Кручиниться. Быть можетъ, царь проститъ.

Царица.

Нѣтъ, не жилица я на этомъ свѣтѣ!
Коль царь проститъ, такъ вы меня убьете!
(Входитъ Марья.)

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и Марья.

Марья.

Пожалуй насъ, рабынь своихъ, царица,
Поужинать изволь на сонъ грядущій,
Покушай, матушка!

Царица.

Пойдемъ, пойдемъ.
Ты, Маша, сядь за столъ со мною вмѣстѣ,
Не отходи, не оставляй меня! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Василиса, *потомъ* Колычевъ.

Василиса.

У ней кружится голова, у бѣдной,
И у меня кружится: подкосились,
Не держать ноги — мнѣ-бъ заснуть теперь,
Заснуть бы крѣпко, и потомъ проснуться
Царицею. Чтѳ-жъ Колычевъ нейдетъ?
Теперь пора. *(Заглядываетъ въ дверь.)*
Она за столъ садится;
Вотъ молится! Скорѣй бы шелъ Андрей!
Бомелій говоритъ, что безъ мученій,
Что сразу, мучиться она не будетъ.
Готово зелье...

(Вынимаетъ склянку, спрятанную у ней на груди.)

Вотъ и я готова...
А онъ нейдетъ... Еще лишь мигъ одинъ,
Одинъ лишь мигъ — я кинусь предъ царицей
Съ повинною...

(Колычевъ входитъ съ кубкомъ въ рукахъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Василиса и Колычевъ.

Василиса.

Ну, что же ты такъ долго?

(Дрожащими руками выливаетъ склянку въ кубокъ, потомъ подходитъ къ двери въ царицынъ покой.)

Царица-матушка, къ тебѣ съ присыломъ
Отъ батюшки-царя. Иди скорѣй!
Онъ кубокъ меду шлетъ тебѣ, откушай
За царское его здоровье!

Царица *(за дверью).*

Гдѣ онъ,
Посолъ царевъ?

(Выходитъ. Василиса уходитъ въ ту дверь, въ которую царица вышла, и затворяетъ ее.)

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Царица и Колычевъ.

Царица.

За что такая милость
Къ женѣ своей опальной отъ царя? *(Беретъ кубокъ.)*
Покланяйся на жалованьи царскомъ,
Да хорошенько поклонись! Постой,
Чѣмъ одарить тебя, посла, не знаю;
Возьми кольцо.

Колычевъ.

Не надо мнѣ, царица. *(Хочетъ уйти.)*

Царица.

Постой! сказать тебѣ хотѣла что-то,
Хоть словомъ приласкать. *(Тихо.)* Андрей, ты помнишь,

Когда въ деревнѣ ты у князя жилъ,
Разъ въ сумерки прошелъ ты подъ окошкомъ,
Изъ терема упалъ къ тебѣ вѣнокъ
Изъ васильковъ? Ты думалъ, что шутили
Сѣнныя дѣвушки, а это я...

Колычевъ.

Царица!

Царица.

А зимой еще ты помнишь...

Колычевъ.

Царица, отпусти меня!

Царица.

Послушай!
Мнѣ кажется, что въ этотъ кубокъ зелье
Положено.

Колычевъ.

Положено, царица;
Не пей его! (*Хочетъ взять кубокъ, царица не отдаетъ.*)

Царица.

Я выпью, надо выпить!
Не все-ль равно: не той, другою смертью
Они убьютъ меня. Мнѣ хуже смерти,
Коль надо мной они ругаться будутъ,
Коль, заживо, другой царицѣ мѣсто
Заставятъ уступить. Каковъ онъ ни былъ,
Мой государь и мужъ, а страшно будетъ
Жену другую видѣть у него!
И вздумать не могу! Нѣтъ, страшно, страшно!
Поди, скажи, молъ, выпила до дна
Царица Анна жалованный кубокъ. (*Пьетъ.*)
Пошли, Господь, царю и государю
Веселія и радости, и счастья
На многіе, на многіе года!

(*Уходитъ. Колычевъ плачетъ. За дверью слышенъ голосъ царицы:*)

Ой, больно, больно! Жжетъ меня огонь!
О, Господи, помилуй! Умираю! (*Выбѣгаетъ Василиса.*)

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Колычевъ, Василиса, *потомъ* Марья *и женщины царицы.*

Василиса.

Бѣгите! Эй! Бѣгите за царемъ,
Боярыни, прислужницы сѣнныя!
Скажите вы: царица угорѣла!
Скажите вы: царица отъ угара
Скончалася! Скорѣе!

Марья *(выбѣгаетъ изъ двери).*

Плачьте, войте!
Скончалася, скончалася царица!

(Нѣсколько женщинъ пробѣгаютъ изъ наружной двери въ покои царицы.)

Василиса *(Колычеву).*

А ты о чемъ расплакался?

Колычевъ.

Да какъ же
Не плакать мнѣ о матушкѣ-царицѣ!

Василиса.

Не плачь, Андрей! Не долго сиротами
Останетесь! У васъ на государствѣ
Чрезъ день иль два царицей буду я:
Ты мѣсто мнѣ очистилъ. За услугу
Мы наградимъ тебя по-царски. Только
Ты отъ двора подальше убирайся,
А то съ тобою будетъ то же.

Колычевъ.

Горе
Головушкѣ! Кому повѣрилъ я?

Василиса.

Ступай скорѣй, тебѣ не мѣсто здѣсь!

Марья.

Ступай отсюда, царь идетъ.

Колычевъ.

О, Боже!
Убей меня твоимъ небеснымъ громомъ!
Зачѣмъ ты терпишь на сырой землѣ
Такихъ злодѣевъ окаянныхъ? Мало
Мнѣ лютой смерти за мои грѣхи! *(Василисѣ.)*
Мы встрѣтимся съ тобой! Гора съ горой
Не сходятся, а мы съ тобой сойдемся.
(Убѣгаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

Царь.
Василиса.
Малюта.
Бомелій.
Колычевъ.
1-й, 2-й и 3-й молодые дворяне.

Рѣшетчатыя сѣни въ деревянномъ дворцѣ. Ночь. Сѣни освѣщены одною лампадой, стоящей на столѣ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Нѣсколько молодыхъ дворянъ.

1-й спальникъ.

Несчастливъ царь на женъ! Ужъ какъ здорова
Мелентьева была.

2-й спальникъ.

А что-жъ?

1-й спальникъ.

Хворастъ.

2-я спальникъ.

А что за хворь?

1-й спальникъ.

Не знаю; слышалъ мелькомъ,
Прислужницы ея болтали, будто
Пугается.

2-й спальникъ.

Чего бы ей пугаться?

1-й спальникъ.

Чего? Грѣхи! Сказать-то страшно къ ночи.

2-й спальникъ.

Ну, сказывай, коль началъ.

1-й спальникъ.

Я, пожалуй,
Сказать не прочь, да только вы молчите,
Чтобъ никому... пожалуй, головою
Поплатишься за новость.

2-й спальникъ.

Мы не скажемъ

1-й спальникъ.

Ну, слушайте! Покойная царица
По терему ночной порою ходитъ.

2-й спальникъ.

О, Господи! Кто-жъ видѣлъ?

1-й спальникъ.

Я не знаю,
А говорятъ, что ходитъ.

2-й спальникъ.

Эко дѣло
Мудреное!

1-й спальникъ.

А развѣ не бываетъ?
Да сплошь и въ рядъ.

2-й спальникъ.

Къ чему-жъ: къ добру иль къ худу?

1-й спальникъ.

Какого ждать добра! Толкуютъ люди
Бывалые, что если гдѣ увидятъ
Покойника, такъ, значитъ, быть другому.
Не утаишь грѣха: еще не вышло
Шести недѣль, какъ Анна померла,

А царь ужъ взялъ себѣ жену другую.
До сорочинъ душа еще блуждаетъ
По тѣмъ мѣстамъ, гдѣ за́живо грѣшила;
Ей до шести недѣль покоя нѣтъ.
Знать, новую царицу выживаетъ
Покойница. Да лучше помолчать!

2-й спальникъ.

И то молчать! Не наше дѣло, братцы.

1-й спальникъ.

Что̀ не видать Андрея Колычева,
Малютина любимца, аль услали
Куда гонцомъ его?

2-й спальникъ.

Онъ посланъ въ Суздаль
Усопшую царицу хоронить
Въ монастырѣ дѣвичьемъ.

1-й спальникъ.

Ужъ пора бы
Назадъ ему вернуться.

2-й спальникъ.

За недугомъ
Замѣшкался онъ, видно. Что̀-то хворость
Одолѣвать Андрея больно стала:
Онъ съ тѣла спалъ, въ лицѣ перемѣнился,
Не пьетъ, не ѣстъ и бродитъ, словно тѣнь.
Того гляди, уйдетъ въ монахи.

1-й спальникъ.

Полно!
Не такъ глядитъ, чтобъ въ монастырь итти.
Скучаетъ онъ, что одинокъ на свѣтѣ.
Женить его, такъ онъ скучать забудетъ.

3-й спальникъ.

Потише вы! Сюда идетъ Григорій
Лукьяновичъ, а съ нимъ и Колычевъ.

(Входятъ Малюта и Колычевъ.)

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Малюта и Колычевъ.

Малюта.

Ты съ похоронъ на свадьбу угодилъ;
Да только жаль, что не попалъ къ началу,
Замѣшкался. Мы безъ тебя попойку
Отправили, а ты попалъ къ похмелью.
Покончилъ все?

Колычевъ.

Покончилъ, схоронили;
Надъ сиротой поплакала родня,
Поплакала игуменья, черницы
Да братія убогая, да я.
Заупокой и на поминъ царицы
Я жалованьемъ царскимъ, хлѣбной дачей,
Сестеръ и причтъ церковный одѣлилъ,
И кормъ давалъ, какъ водится, убогимъ
И всякому, кто съ теплою молитвой
Пролить слезу ко гробу приходилъ.

Малюта.

Покончили, и ладно! перестань же
Печалиться; всѣхъ мертвыхъ не оплачешь!
Повеселѣй гляди, печальныхъ лицъ
Не любимъ мы, когда у насъ веселье.

Колычевъ.

Не обезсудь, я скоморохомъ не былъ
И не гожусь въ потѣшники.

Малюта.

Плясать
И пѣсни пѣть тебя мы не заставимъ.

Колычевъ.

А я тебѣ, мой государь, Григорій
Лукьяновичъ, покланяться хотѣлъ
И милости просить твоей великой,

Чтобъ за меня царю челомъ ударилъ.
Прошусь въ монахи я къ Евонмью въ Суздаль.
Отецъ родной, покланяйся, пожалуй,
За сироту.

Малюта.

Да ты въ умѣ иль нѣтъ?
Покланяться царю и государю,
Сказать, что рабъ его служить не хочетъ,
Что жалованье царское и милость
Великую онъ ни во что не ставитъ!
Одумайся! Ты что? Червякъ ползучій!
Кто вздумалъ, тотъ и растопталъ ногой,
И пропадешь безъ вѣсти и помину!
По милости царя ты человѣкъ.
Великій царь своимъ орлинымъ окомъ
Призрѣлъ на насъ, и мы живемъ, и дышимъ,
И движемся. И то велика милость,
Что живы мы; а если Божья воля
И царская пошлетъ тебѣ на долю
Близъ трона стать, царевы очи видѣть,
Тогда забудь себя и стань собакой
Послушною и принимай равно
И царскій гнѣвъ, и ласку съ умиленьемъ!
Напрасно съ насъ собачьи хари сняли,
Мы псы царя. По младости твоей,
Я отдаю вину твою, но болѣ
И думать не моги о томъ, иль будешь
Ты выкинутъ, какъ неключимый рабъ,
Изъ царскаго чертога и поверженъ
Въ злосмрадную тюрьму, и будешь отданъ
Мучителямъ. Ты въ спальники поставленъ.
Не всякому изъ княжескихъ дѣтей
Такая честь. Ты скоро выйдешь въ люди!
Ты близокъ былъ царицѣ новой?

Колычевъ.

Близокъ.

Малюта.

Ну, что-нибудь да ждетъ тебя; ты знаешь,
Что близъ царя...

Колычевъ.

Близъ смерти.

Малюта.

Или чести.

(Спальникамъ.)

Изъ спальниковъ останься здѣсь одинъ,
Хоть ты; а ты, Андрей, и остальные
Въ сѣняхъ стоять, беречь крыльцо. За мной!

(Уходитъ.)

1-й спальникъ *(Колычеву)*.

Здорово братъ!

Колычевъ.

Ты мнѣ скажи: царицу
Вы видите?

1-й спальникъ.

Не рѣдко.

Колычевъ.

Что-жъ она?
Привѣтлива?

1-й спальникъ.

Властна превыше мѣры.
Въ ней кротости не видно; намъ, сиротамъ,
Заступницей она не будетъ.

Колычевъ.

Гдѣ ужъ!
А любитъ царь ее?

1-й спальникъ.

По всѣмъ примѣтамъ,
Она ему милѣй всѣхъ женъ; по нраву,
Что поперекъ ему не молвитъ слова,
Не плачется за горькихъ, беззащитныхъ,
Не тушитъ гнѣвъ его, а разжигаетъ.
Повѣришь ли ты чуду, самъ Григорій
Лукьяновичъ ее боится.

Колычевъ.

Будто?

1-й спальникъ.

Самъ царь ее и нѣжитъ, и ласкаетъ,
И ластится, какъ парень неумѣлый
На посѣдкахъ за дѣвкою упрямой,
Что закрываетъ очи рукавомъ
И локтемъ прочь толкаетъ.

Колычевъ.

Это — диво!

(Входятъ царь и Бомелій. Спальникъ, поклонившись, становится у дверей.)

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Царь, Бомелій и тѣ же.

Царь.

Вотъ погляди, быть можетъ, и сегодня
Случится съ ней. Всего шестыя сутки,
Какъ я хожу въ ея опочивальню,
Какъ мы живемъ, какъ мужъ съ женой, и диво!
Одну лишь ночь спала она спокойно,
А со второй во снѣ мятется духомъ,
Кричитъ, слова невнятныя бормочетъ,
Пугается и, пробудясь внезапно,
Безъ памяти, съ открытыми глазами,
Изъ терема старается бѣжать,
И говоритъ безсмысленныя рѣчи,
И все по чемъ-то жалится, и видитъ...
Такое видитъ, что сказать негоже...
Покойную царицу Анну видитъ.
Не порча-ль то?

Бомелій.

Не порча, а болѣзнь.

Царь.

А какъ она зовется?

Бомелій.

Paramirum
Зоветъ ее, ночное прохожденье —
Noctambulatio, иль недугъ лунный.

Царь.

А вылѣчить ты можешь?

Бомелій.

Лунный камень
Врачи даютъ въ такой болѣзни; если-жъ
Нечистый духъ войдетъ...

Царь.

Такъ въ Василису
Ты думаешь, что лунный бѣсъ посаженъ?

Бомелій.

Луна чиста; но въ области луны
Витаетъ бѣсъ...

Царь.

А можетъ онъ изъ гроба
Усопшихъ вызвать?

Бомелій.

Бѣсъ не можетъ,
А можетъ волхвъ, по-нашему волшебникъ,
Пиѳія тоже, спрѣчь Пиѳонисса.
Эндорская Пиѳія Самуила
Царю Саулу вызвала изъ гроба.

Царь.

Но кто же могъ вселить въ нее недугъ?
Чьимъ волшебствомъ въ ней бѣсъ посаженъ? Страшно
На свѣтѣ жить, Бомелій! Въ часъ раздумья,
Ночной порой, мнѣ душу страхъ объемлетъ.
Мерещатся мнѣ замыслы и ковы
Боярскіе. Въ глубокихъ подземельяхъ,
Въ глухихъ порахъ, въ лѣсахъ непроходимыхъ
Чаровники и вѣщуны гнѣздятся,
Несутся къ намъ ихъ чары, злыя порчи.
То умыселъ и злой навѣтъ бояръ
Крамольниковъ.

Бомелій.

Лихихъ людей, злодѣевъ
Не мало у тебя. Щадить не надо

Того, кто самъ другого не щадитъ.
Кто милостей не цѣнитъ, тѣхъ не надо
И миловать: казни ихъ, государь!

(Вбѣгаетъ Василиса въ испугѣ.)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Царь, Бомелій и Василиса.

Царь.

Смотри, смотри! Она идетъ. Спаси насъ,
Заступница!

Василиса *(обратясь къ двери).*

Поди ты прочь, поди!
Зачѣмъ за мной ты ходишь?

Царь.

Слышишь, слышишь?

Василиса.

Зачѣмъ глядишь ты мертвыми глазами,
Закрытыми, мнѣ прямо въ сердце? Сгинь!
Исчезни ты! Исчезни! Да воскреснетъ!...
Тяжелый сонъ какой! Да расточатся...

(Стоитъ, задумавшись, никого не видя.)

Царь.

Ну, видишь ты, Бомелій?

Бомелій.

Въ ней раздраженъ тяжелой думой мозгъ.

Василиса *(вскрикиваетъ).*

Спасите! Ай! Она ко мнѣ подходитъ!
Она стояла у моей постели
И за руки меня брала, она хотѣла
Увесть меня... А руки не успѣли
Похолодѣть еще! Она, она!

Царь.

Ну, слышишь ты? Тутъ видимая порча.
Я знаю ихъ! Кого-бъ ни полюбилъ я,

Сейчасъ они отнимутъ иль испортятъ:
И первую мою жену сгубили,
Испортили мою невѣсту, Марѳу,
Испортили и эту. Ихъ работа!

Бомелій.

Великій царь, покличь ее къ себѣ,
Ты назови по имени — очнется!

Василиса.

О, какъ мнѣ страшно, страшно!

Царь.

Василиса!

Василиса.

Ахъ, что со мной? Куда зашла я? Царь!
(Падаетъ на колѣни передъ царемъ.)

Царь.

Вставай! Поди въ свою опочивальню!

Василиса.

Царь-государь, я умираю! Ходитъ
Она за мной, все ходитъ. Защити!
Защиты у тебя прошу.

Бомелій.

Царица!
Поди усни, я дамъ тебѣ лѣкарство.

Василиса.

Нѣтъ, я не буду пить; отравишь, нѣмецъ!
Какія зелья ты варишь, я знаю;
Спасибо! Нѣтъ! Не надо.

Царь.

Выдь, Бомелій.
(Бомелій уходитъ.)
Опомнись ты! О комъ ты говоришь?
Кто гонится, кто ходитъ за тобою,
Безумная?

Василиса.

Она, царица Анна,
Она за мной приходитъ по ночамъ,

Манитъ меня къ могилѣ. Государь,
Пусти меня, я съѣзжу помолиться
На гробъ ея. Быть можетъ, умолю
Слезами я и щедрымъ подаяньемъ
Усопшую, и, грѣшная, во гробѣ
Уляжется она покойно.

Царь.

Съ Богомъ!
Я не держу тебя. Пустому страху
Не очень ты вдавайся — малодушенъ
Вашъ женскій родъ. Вотъ то-то, коротка
Душа у бабъ.

Василиса.

Нѣтъ, я не малодушна;
Недаромъ я жена твоя. Мнѣ совѣсть
И память дѣлъ прошедшихъ и грѣховъ
Ни жить, ни веселиться не мѣшаютъ;
Я весела весь день, а только ночью...
Вольно же ей въ полночный часъ являться!
Ужъ это мнѣ, помилуй, не подъ силу,
Тутъ женскихъ силъ не хватитъ! Ты, скажи мнѣ,
Къ тебѣ *они* приходятъ ночью?

Царь.

Кто?

Василиса.

Убитые тобою: князь Владиміръ,
Михайла Воротынскій, Евдокія.

Царь *(встаетъ въ испугѣ, оглядывается по сторонамъ).*

Молчи! языкъ тебѣ я вырву. Къ ночи
Заводишь ты такую рѣчь. Накличешь!
Храни Господь! Надъ нами крестна сила,
Великая! Чуръ! Наше мѣсто свято!
Безумная! Да развѣ я убійца?
Я судія; по данной Богомъ власти,
Караю злыхъ, крамольныхъ, лиходѣевъ,
И жалую покорныхъ, вѣрныхъ слугъ.

Василиса.

Всегда-ль и ты караешь за вину?
Не гибнутъ ли, по вражьему навѣту,
Безвинные?

Царь.

Повѣрь мнѣ, Василиса,
Что я казню не даромъ, но отвѣта
Я никому не дамъ, а только Богу.
Я милостивъ сегодня, но впередъ
Гнѣвить меня ты бойся! Это дѣло
Не бабьяго ума.

Василиса.

Ну, вотъ и ладно!
Казни кого ты хочешь, лишь съ женою
Въ любви живи, люби меня и тѣшь,
Мой государь, Иванъ Васильичъ!

Царь.

Время
И на покой! Поди въ опочивальню
И спи себѣ.

Василиса.

Боюсь!

Царь.

Чего бояться?
Не мало бабъ съ тобой.

Василиса.

Отъ нихъ защиты
Не будетъ мнѣ; она придетъ опять!
Мы посидимъ съ тобою здѣсь до свѣту!
Я женщина, мнѣ страшно, пожалѣй!
Какой ты злой!

Царь.

Я для тебя не мальчикъ,
Сидѣть съ тобой и забавлять тебя.

Василиса.

А коли старъ, зачѣмъ же ты женился?
Молился бы по четкамъ.

Царь.

Василиса!

Василиса.

Завистливы на молодое тѣло
Глаза твои, а угождать не хочешь
Женѣ своей! Такъ помни-жъ!

Царь.

Василиса!

Василиса.

Ты что̀ кричишь? Меня не испугаешь!
Мнѣ выходцы изъ гроба только страшны,
А грознаго царя я не боюсь.

Царь *(хватаясь за ножъ).*

Увижу я, какъ ты не побоишься!

Василиса *(становясь передъ нимъ).*

Ужель убьешь?

Царь.

Убью, не пожалѣю.

Василиса.

Убить убьешь, а лучше не найдешь.

Царь.

Ты не шути со мною, Василиса!
Не ровенъ часъ, я на руку тяжелъ.

Василиса.

Я спать хочу.

Царь.

Иди въ опочивальню!

Василиса.

Я здѣсь усну. Покрой мнѣ ноги.

Царь.

Чѣмъ?

Василиса.

Сними кафтанъ съ плеча.

Царь.

Да ты въ умѣ ли?
Иль хочешь ты, чтобъ свѣтъ перемѣнился,

Чтобъ къ ястребу, стервятнику, подъ крылья
Безъ страха жалась кроткая голубка?
Чтобъ онъ своимъ кривымъ кровавымъ клювомъ
Ей перышки любовно разбиралъ?

Василиса.

А отчего-бъ не такъ?

Царь.

Эхъ, дура баба!
(Снимаетъ кафтанъ и покрываетъ ее.)

Василиса.

Не больно дура, не глупѣй тебя.
Иль для жены ты соболя жалѣешь?
Эхъ, старенькій, поди ко мнѣ, присядь! *(Ласкаетъ его.)*
Не спорь со мной! За красоту и младость
Утѣшь меня, зови меня царицей!
Царица я?

Царь.

Какая ты царица!
Невѣнчанной царица не бываетъ!
И не жена ты мнѣ, жена шестая —
Полу-жена. Да развѣ мало чести
Тебѣ, рабѣ моей, что царской волей
Ты выбрана изъ тысячи, что взглядъ мой,
Властительскій, тебя изъ низкой доли
Достойной сдѣлалъ ложа моего,
Что, вмѣсто рабской службы царскимъ женамъ,
Ты самому царю забавой служишь?

Василиса.

Раба твоя и Божья, Василиса,
Отъ радости, съ такой великой чести,
Съ ума сошла и вовсе одурѣла.
Прости меня! Ты царь, я баба дура,
Что̀ маленькій ребенокъ я болтлива;
Моихъ рѣчей хоть слушать ты не слушай,
А не гнѣвись — хочу я быть царицей;
Почета я хочу и поклоненья,
Поцарствовать хочу, повеличаться.
Хоть день, да мой, а тамъ хоть умереть —

И умереть-то хорошо царицей.
И что тебѣ, царю и государю,
Терять слова, трудить себя напрасно?
Не сговоришь ты съ бабой безтолковой!
Плюнь на нее, и сдѣлай по ея?
Потѣшь жену, что̀ малаго ребенка!
Потѣшишь, что̀-ль?

Царь *(смѣясь).*

Да, ладно.

Василиса *(приподнимается, тянется, цѣлуетъ царя, потомъ руку его).*

Ну, прощай!
Я сплю совсѣмъ. *(Скоро засыпаетъ.)*

Царь *(смѣясь).*

Ну, спи, Господь съ тобой!
Красавица заснула сладкимъ сномъ;
Прошелъ испутъ, легко ея дыханье.
Ты, глупая, отъ соннаго мечтанья,
Отъ темноты пустой, отъ мертвецовъ
Незлобивыхъ, безкровныхъ, безтѣлесныхъ,
Ко мнѣ бѣжишь искать защиты, — къ звѣрю,
Къ мучителю! Кругомъ меня трепещутъ
Всѣ близкіе — всѣ ненавистью дышатъ,
Злорадно ждутъ и крестятся тихонько
Въ моемъ дворцѣ, въ углахъ, моимъ иконамъ,
Чтобъ старыя, дрожащія, больныя,
Державныя окостенѣли руки,
Которыя держали въ смертномъ страхѣ
Злодѣйскія, крамольныя ихъ души.
Я одинокъ на дѣдовскомъ престолѣ:
Ни родственной, ни дружней теплой ласки
Душа моя не знаетъ; только совѣсть
Нечистая да страхъ суда Господня
И день, и ночь грызутъ меня. Съ тобою
Узнаю я покой души и ласку.
Люби меня и лаской молодою
Напомни мнѣ жену мою, Настасью!

Люби меня, и въ сердцѣ оскотѣломъ,
Богъ дастъ, опять откликнется былое,
Забытое и изжитое счастье.

(Осторожно подходитъ къ двери и знакомъ призываетъ изъ сѣней Малюту. Входятъ Малюта и Колычевъ.)

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Царь, Василиса, Малюта и Колычевъ.

Царь.

Покличь-ка бабъ царицыныхъ и дѣвокъ,
Перенести ее въ опочивальню
Побережнѣй. *(Малюта хочетъ итти.)*
Постой! Я полюбуюсь
На красоту ея. Какая кротость!
Какой покойный, безмятежный сонъ!
Ужель меня лицо твое обманетъ?
Ужель подъ этой тишиной таится
Змѣиное лукавство? Ложь и грѣхъ
Привыкли мы по лицамъ загрубѣлымъ
Угадывать. Подъ этимъ бѣлымъ тѣломъ,
Подъ кроткою и ясною улыбкой
Ужель душа черна? Не дай, о Боже,
Чтобъ грѣхъ тебя попуталъ предо мной!
Мнѣ будетъ жаль своей рукой окончить
Такую жизнь цвѣтущую! Не вѣрю,
Не можетъ быть! Твоя душа чиста,
Какъ ясный день, какъ камень самоцвѣтный.
Такъ нѣжно, свято улыбаться могутъ
Лишь ангелы небесные да дѣти!
Уста твои, какъ маковъ цвѣтъ, раскрылись
И шевелятся, точно поцѣлуемъ
Дарить меня ты хочешь, прошептать
Мнѣ ласку. Ну, шепни скорѣй!
(Наклоняется къ ея лицу.)

Василиса *(во снѣ).*
Андрюша!
Голубчикъ мой! Прости меня! сгубила
Я молодость твою. *(Пораженный прислушивается.)*

Хотѣлось мнѣ
Царицей быть, но я не разлюбила
Тебя, дружокъ... А стараго, сѣдого,
Нѣтъ!... Я любить не въ силахъ...
Ахъ, Андрюша!
Ахъ, милый мой! люблю, люблю...

Царь *(вскрикиваетъ)*.
Малюта!

Малюта.
Я здѣсь.

Царь.
Проснись, царица Василиса!
(Василиса просыпается.)
Гдѣ милый твой? Указывай!

Василиса *(съ испугомъ)*.
Во снѣ я
Не назвала-ль кого?

Царь.
Живую въ землю
Зарыть ее!

Колычевъ *(беретъ ее за руку и ставитъ на колѣни)*.
Ну, кайся передъ смертью!
Ну, сказывай дѣла свои, винися
Передъ царемъ, что ты царицу Анну
Невинную оболгала!

Василиса.
Винюсь.

Колычевъ.
Что извела ее...

Василиса.
Во всемъ винюсь.

Колычевъ.
Ты повинись и въ томъ, что обѣщала
Любить меня и быть рабой навѣкъ —
И разомъ ты слугу и государя
Въ обманъ ввела. Великій царь, я мало

Служилъ тебѣ, вели мнѣ сослужить,
Отъ рабскаго тебѣ усердья, службу!
Вели убить мнѣ бабу-лиходѣйку,
Что̀ заползла змѣею подколодной,
Украдучись, въ твой теремъ златоверхій!
(Ударяетъ ножомъ въ грудь Василису.)
Коль говоришь, что любишь, такъ люби,
А не вертись; забудь обычай женскій
Обманывать!

Царь.

Вотъ славно, вотъ спасибо!
Андрюшка, ты слуга хорошій! Только
Ты старому мнѣ въ слуги не годишься:
Не даромъ же тобою бабы бредятъ.
Мнѣ, старому, въ своемъ дворцѣ, при женахъ
Молоденькихъ держать тебя не слѣдъ!
Румянъ, кудрявъ, лицомъ ты красенъ больно,
А женскій родъ по-заячьи трусливъ,
По-кошачьи блудливъ. *(Малютѣ.)* Возьми, Малюта,
И прибери Андрюшку Колычева
Отъ нашихъ глазъ куда-нибудь подальше...
Хоть въ тотъ же гробъ, гдѣ Василиса будетъ!

НА ВСЯКАГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ.

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЛИЦА:

Егоръ Дмитріевичъ Глумовъ, молодой человѣкъ.

Глафира Климовна Глумова, его мать.

Нилъ Ѳедосѣевичъ Мамаевъ, богатый баринъ, дальній родственникъ Глумова.

Егоръ Васильевичъ Курчаевъ, гусаръ.

Голутвинъ, человѣкъ, не имѣющій занятій.

Манева, женщина, занимающаяся гаданьемъ и предсказыванъемъ.

Человѣкъ Мамаева.

Чистая, хорошо меблированная комната; письменный столъ, зеркало; одна дверь во внутреннія комнаты; на правой сторонѣ другая комната.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глумовъ и Глафира Климовна *(за сценой)*.

Глумовъ *(за сценой)*.

Вотъ еще! Очень нужно! Итти на-проломъ, да и кончено дѣло. *(Выходя изъ боковой двери.)* Дѣлайте, что вамъ говорятъ, и не разсуждайте!

Глумова *(выходя изъ боковой двери)*.

Зачѣмъ ты заставляешь меня писать эти письма? Право, мнѣ тяжело.

Глумовъ.

Пишите, пишите!

Глумова.

Да что толку? Вѣдь, за тебя не отдадутъ. У Турусиной тысячъ двѣсти приданаго, родство, знакомство, она княжеская невѣста или генеральская. И за Курчаева не отдадутъ; за что я взвожу на него, на бѣднаго, разныя клеветы и небывальщины?

Глумовъ.

Кого вамъ больше жаль: меня или гусара Курчаева? На что ему деньги? Онъ, все равно, ихъ въ карты проиграетъ. А еще хнычете: я тебя носила подъ сердцемъ.

Глумова.

Да если бы польза была!

Глумовъ.

Ужъ это мое дѣло.

Глумова.

Имѣешь ли ты хоть какую-нибудь надежду?

Глумовъ.

Имѣю. Маменька, вы знаете меня: я уменъ, золъ и завистливъ; весь въ васъ. Что я дѣлалъ до сихъ поръ? Я только злился и писалъ эпиграммы на всю Москву, а самъ баклуши билъ. Нѣтъ, довольно. Надъ глупыми людьми не надо смѣяться, надо умѣть пользоваться ихъ слабостями. Конечно, здѣсь карьеры не составишь — карьеру составляютъ и дѣло дѣлаютъ въ Петербургѣ, здѣсь только говорятъ. Но и здѣсь можно добиться теплаго мѣста и богатой невѣсты — съ меня и довольно. Чѣмъ въ люди выходятъ? Не все дѣлами, чаще разговоромъ. Мы въ Москвѣ любимъ поговорить. И чтобъ въ этой обширной говорильнѣ я не имѣлъ успѣха? Не можетъ быть! Я сумѣю поддѣлаться и къ тузамъ, и найду себѣ покровительство, вотъ вы увидите. Глупо ихъ раздражать — имъ надо льстить грубо, безпардонно. Вотъ и весь секретъ успѣха. Я начну съ неважныхъ лицъ, съ кружка Турусиной, выжму изъ него все, что нужно, а потомъ заберусь и повыше. Ходите, пишите! Мы еще съ вами потолкуемъ.

Глумова.

Помоги тебѣ Богъ! *(Уходитъ.)*

Глумовъ *(садится къ столу).*

Эпиграммы въ сторону! Этотъ родъ поэзіи, кромѣ вреда, ничего не приноситъ автору. Примемся за панегирики. *(Вынимаетъ изъ кармана тетрадь.)* Всю желчь, которая будетъ накипать въ душѣ, я буду сбывать въ этотъ дневникъ, а на устахъ останется только медъ. Одинъ, въ ночной тиши, я буду вести лѣтопись людской пошлости. Эта рукопись не предназначается для публики, я одинъ буду и авторомъ, и читателемъ. Развѣ, со временемъ, когда укрѣпилюсь на прочномъ фундаментѣ, сдѣлаю изъ нея извлеченіе. *(Входятъ Курчаевъ и Голутвинъ; Глумовъ встаетъ и прячетъ тетрадь въ карманъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глумовъ, Курчаевъ и Голутвинъ.

Курчаевъ.

Bon jour!

Глумовъ.

Очень радъ; чему обязанъ?

Курчаевъ *(садясь къ столу на мѣсто Глумова).*

Мы за дѣломъ. *(Указывая на Голутвина.)* Вотъ рекомендую.

Глумовъ.

Да я его знаю давно. Что вы его рекомендуете?

Голутвинъ.

Тонъ мнѣ вашъ что-то не нравится. Да-съ.

Глумовъ.

Это какъ вамъ угодно. Вы вѣрно, господа, порядочно позавтракали?

Курчаевъ.

Малымъ дѣломъ. *(Беретъ карандашъ и бумагу и чертитъ что-то.)*

Глумовъ.

То-то, оно и видно У меня, господа, времени свободнаго немного. Въ чемъ дѣло? *(Садится; Голутвинъ тоже.)*

Курчаевъ.

Нѣтъ ли у васъ стиховъ?

Глумовъ.

Какихъ стиховъ? Вы, вѣрно, не туда зашли.

Голутвинъ.

Нѣтъ, туда.

Глумовъ *(Курчаеву)*.

Не марайте, пожалуйста, бумагу!

Курчаевъ.

Намъ эпиграммъ нужно. Я знаю, что у васъ есть.

Глумовъ.

Никакихъ нѣтъ.

Курчаевъ.

Ну, полно вамъ! Всѣ знаютъ. У васъ на весь городъ написаны. Вонъ онъ хочетъ сотрудникомъ быть въ юмористическихъ газетахъ.

Глумовъ *(Голутвину)*.

Вотъ какъ! Вы писали прежде?

Голутвинъ.

Писалъ.

Глумовъ.

Что?

Голутвинъ.

Все: романы, повѣсти, драмы, комедіи...

Глумовъ.

Ну, и что же?

Голутвинъ.

Ну, и не печатаютъ нигдѣ ни за что; сколько ни просилъ, и даромъ не хотятъ. Хочу за скандальчики приняться.

Глумовъ.

Опять не напечатаютъ.

Голутвинъ.

Попытаюсь.

Глумовъ.

Да, вѣдь, опасно?

Голутвинъ.

Опасно? А что, прибьютъ?

Глумовъ.

Пожалуй.

Голутвинъ.

Да, говорятъ, что въ другихъ мѣстахъ бьютъ; а у насъ что-то не слыхать.

Глумовъ.

Такъ пишите!

Голутвинъ.

Съ кого мнѣ писать-то? Я никого не знаю.

Курчаевъ.

У васъ, говорятъ, дневникъ какой-то есть, гдѣ вы всѣхъ по косточкѣ разобрали.

Голутвинъ.

Ну, вотъ и давайте, давайте его сюда!

Глумовъ.

Ну, да, какъ же не дать!

Голутвинъ.

А ужъ мы бы ихъ распечатали.

Глумовъ.

И дневника никакого у меня нѣтъ.

Курчаевъ.

Разговаривайте! Видѣли его у васъ.

Голутвинъ.

Ишь, какъ прикидывается; а тоже, вѣдь, нашъ братъ, Исакій.

Глумовъ.

Не братъ я вамъ, и не Исакій.

Голутвинъ.

А какія бы мы деньги за него взяли...

Курчаевъ.

Да, въ самомъ дѣлѣ, ему деньги нужны. „Будетъ, говоритъ, на чужой счетъ пить; трудиться хочу". Это онъ называетъ: трудиться. Скажите, пожалуйста!

Глумовъ.

Слышу, слышу.

Голутвинъ.

Матеріаловъ нѣтъ.

Курчаевъ.

Вонъ, видите, у него матеріаловъ нѣтъ. Дайте ему матеріалъ, пусть его трудится.

Глумовъ *(вставая)*

Да не марайте же бумагу!

Курчаевъ.

Ну, вотъ еще, что̀ за важность?

Глумовъ.

Какихъ-то пѣтуховъ тутъ рисуете.

Курчаевъ.

Ошибаетесь. Это не пѣтухъ, а мой уважаемый дядюшка, Нилъ Федосѣичъ Мамаевъ. Вотъ *(дорисовываетъ)* и похоже, и хохолъ похожъ.

Голутвинъ.

А интересная онъ личность? Для меня, напримѣръ?

Курчаевъ.

Очень интересная. Во-первыхъ, онъ считаетъ себя всѣхъ умнѣе и всѣхъ учитъ. Его хлѣбомъ не корми, только приди совѣта попроси.

Голутвинъ.

Ну, вотъ, подпишите подъ пѣтухомъ-то: новѣйшій самоучитель! *(Курчаевъ подписываетъ.)* Да и пошлемъ напечатать.

Курчаевъ.

Нѣтъ, не надо, все-таки, дядя. *(Отталкиваетъ бумагу, Глумовъ беретъ и прячетъ въ карманъ.)*

Голутвинъ.

А еще какія художества за нимъ водятся?

Курчаевъ.

Много. Третій годъ квартиру ищетъ. Ему и не нужна квартира, онъ просто ѣздитъ разговаривать, все какъ-будто дѣло дѣлаетъ. Выѣдетъ съ утра, квартиръ десять осмотритъ, поговоритъ съ хозяевами, съ дворниками; потомъ поѣдетъ по лавкамъ пробовать икру, балыкъ; тамъ разсядется, въ разсужденія пустится. Купцы не знаютъ, какъ выжить его изъ лавки, а онъ доволенъ: все-таки утро у него не пропало

даромъ. *(Глумову.)* Да, вотъ еще я и забылъ сказать. Тетка въ васъ влюблена, какъ кошка.

Глумовъ.

Какимъ же это образомъ?

Курчаевъ.

Въ театрѣ видѣла, всѣ глаза проглядѣла, шею было свернула. Все у меня спрашивала: кто такой? Вы этимъ не шутите!

Глумовъ.

Я не шучу, вы всѣмъ шутите.

Курчаевъ.

Ну, какъ хотите. Я-бъ на вашемъ мѣстѣ... Такъ вы стиховъ дадите?

Глумовъ.

Нѣтъ.

Голутвинъ.

Что съ нимъ разговаривать? Поѣдемъ обѣдать!

Курчаевъ.

Поѣдемъ! Прощайте! *(Кланяется и уходитъ.)*

Глумовъ *(останавливая Курчаева).*

Зачѣмъ вы съ собой его возите?

Курчаевъ.

Умныхъ людей люблю.

Глумовъ.

Нашли умнаго человѣка.

Курчаевъ.

Но насъ и эти хороши. Настоящіе-то умные люди съ какой стати станутъ знакомиться съ нами. *(Уходитъ.)*

Глумовъ *(вслѣдъ ему).*

Ну, смотрите! Маменька! *(Входитъ Глумова.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глумовъ и Глумова.

Глумовъ *(показываетъ портретъ Мамаева).*

Поглядите! Вотъ съ кѣмъ нужно мнѣ сойтись прежде всего.

Глумова.

Кто это?

Глумовъ.

Нашъ дальній родственникъ, мой дядюшка, Нилъ Ѳедосѣичъ Мамаевъ.

Глумова.

А кто рисовалъ?

Глумовъ.

Все тотъ же гусаръ, племянникъ его, Курчаевъ. Эту картину надо убрать на всякій случай. *(Прячетъ ее.)* Вся бѣда въ томъ, что Мамаевъ не любитъ родственниковъ. У него человѣкъ тридцать племянниковъ; изъ нихъ онъ выбираетъ одного, и въ пользу его завѣщаніе пишетъ, а другіе ужъ и не показывайся. Надоѣстъ любимецъ, онъ его прогонитъ и возьметъ другого, и сейчасъ же завѣщаніе перепишетъ. Вотъ теперь у него въ милости этотъ Курчаевъ.

Глумова.

Вотъ кабы тебѣ...

Глумовъ.

Трудно, но попробую. Онъ даже не подозрѣваетъ о моемъ существованіи.

Глумова.

А хорошо бы сойтись. Во-первыхъ, наслѣдство, потомъ отличный домъ, большое знакомство, связи.

Глумовъ.

Да! вотъ еще обстоятельство: я понравился теткѣ, Клеопатрѣ Львовнѣ, она меня гдѣ-то видѣла. Вы это на всякій случай запомните! Сблизиться съ Мамаевымъ для меня первое дѣло — это первый шагъ на моемъ поприщѣ. Дядя познакомитъ меня съ Крутицкимъ, съ Городулинымъ; во-первыхъ, это люди съ вліяніемъ; во-вторыхъ, близкіе знакомые Турусиной. Мнѣ бы только войти къ ней въ домъ, а ужъ я женюсь непремѣнно.

Глумова.

Такъ, сынокъ, но первый-то шагъ самый трудный.

Глумовъ.

Успокойтесь, онъ сдѣланъ. Мамаевъ будетъ здѣсь.

Глумова.

Какъ же это случилось?

Глумовъ.

Тутъ ничего не случилось, все это было разсчитано впередъ. Мамаевъ любитъ смотрѣть квартиры, вотъ на эту уточку мы его и поймали. *(Входитъ человѣкъ Мамаева.)*

Человѣкъ.

Я привезъ Нила Ѳедосѣича.

Глумовъ.

И прекрасно. Получай! *(Даетъ ему ассигнацію.)* Вели его сюда.

Человѣкъ.

Да, пожалуй, они разсердятся: я сказалъ, что квартира хорошая.

Глумовъ.

Я беру отвѣтственность на себя. Ступайте, маменька, къ себѣ; когда нужно будетъ, я васъ кликну. *(Человѣкъ Мамаева уходитъ. Глумовъ садится къ столу и дѣлаетъ видъ, что занимается работой. Входитъ Мамаевъ, за нимъ человѣкъ его.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глумовъ, Мамаевъ и человѣкъ Мамаева.

Мамаевъ *(не снимая шляпы, оглядываетъ комнату).*

Это квартира холостая.

Глумовъ *(кланяется и продолжаетъ работать).*

Холостая.

Мамаевъ *(не слушая).*

Она не дурна, но холостая. *(Человѣку.)* Куда ты, братецъ, меня завелъ?

Глумовъ *(подвигаетъ стулъ и опять принимается писать).*

Не угодно ли присѣсть?

Мамаевъ *(садится).*

Благодарю. Куда ты меня завелъ, я тебя спрашиваю?

Человѣкъ.

Виноватъ-съ!

Мамаевъ.

Развѣ ты, братецъ, не знаешь, какая нужна мнѣ квартира? Ты долженъ сообразить, что я статскій совѣтникъ, что жена моя, а твоя барыня, любитъ жить открыто. Нужна гостиная да не одна. Гдѣ гостиная, я тебя спрашиваю?

Человѣкъ.

Виноватъ-съ.

Мамаевъ.

Гдѣ гостиная? *(Глумову.)* Вы меня извините!

Глумовъ.

Ничего-съ, вы мнѣ не мѣшаете.

Мамаевъ *(человѣку).*

Ты видишь, вонъ сидитъ человѣкъ, пишетъ! Можетъ быть, мы ему мѣшаемъ; онъ, конечно, не скажетъ по деликатности; а все ты, дуракъ, виноватъ.

Глумовъ.

Не браните его, онъ не виноватъ, а я. Когда онъ тутъ на лѣстницѣ спрашивалъ квартиру, я ему указалъ на эту и сказалъ, что очень хороша; я не зналъ, что вы семейный человѣкъ.

Мамаевъ.

Вы хозяинъ этой квартиры?

Глумовъ.

Я.

Мамаевъ.

Зачѣмъ же вы ее сдаете?

Глумовъ.

Не по средствамъ.

Мамаевъ.

А зачѣмъ же нанимали, когда не по средствамъ? Кто васъ неволилъ? Что васъ за воротъ, что ли, тянули, въ шею толкали? Нанимай, нанимай! А вотъ теперь, чай, въ должникахъ запутались? На цугундеръ тянутъ? Да ужъ, конечно, конечно. Изъ большой-то квартиры да придется въ одной комнатѣ жить; пріятно это будетъ?

Глумовъ.

Нѣтъ, я хочу еще больше нанять.

Мамаевъ.

Какъ такъ больше? На этой жить средствъ нѣтъ, а напимаете больше! Какой же у васъ резонъ?

Глумовъ.

Никакого резона. По глупости.

Мамаевъ.

По глупости? Что за вздоръ!

Глумовъ.

Какой же вздоръ? Я глупъ.

Мамаевъ.

Глупъ! это странно. Какъ же такъ, глупъ?

Глумовъ.

Очень просто, ума недостаточно. Что-жъ тутъ удивительнаго? Развѣ этого не бываетъ? Очень часто.

Мамаевъ.

Нѣтъ, однако, это интересно! Самъ про себя человѣкъ говоритъ, что глупъ.

Глумовъ.

Что-жъ, мнѣ дожидаться, когда другіе скажутъ? Развѣ это не все равно? Вѣдь, ужъ не скроешь.

Мамаевъ.

Да, конечно, этотъ недостатокъ скрыть довольно трудно.

Глумовъ.

Я и не скрываю.

Мамаевъ.

Жалѣю.

Глумовъ.

Покорно благодарю.

Мамаевъ.

Учить васъ, должно быть, некому?

Глумовъ.

Да, некому.

Мамаевъ.

А вѣдь, есть учителя, умные есть учителя, да плохо ихъ слушаютъ — нынче время такое. Ну, ужъ отъ старыхъ и требовать нечего: всякій думаетъ, что, коли старъ, такъ и уменъ. А если мальчишки не слушаются, такъ чего отъ нихъ

ждать потомъ? Вотъ я вамъ разскажу случай. Гимназистъ недавно бѣжитъ чуть не бѣгомъ изъ гимназіи; я его, понятное дѣло, остановилъ и хотѣлъ ему, знаете, въ шутку поученіе прочесть: „въ гимназію-то, молъ, тихо идешь, а изъ гимназіи домой бѣгомъ, а надо, милый, наоборотъ“. Другой бы еще благодарилъ, что для него, щенка, солидная особа среди улицы останавливается, да еще ручку бы поцѣловалъ; а онъ что-жъ?

Глумовъ.

Преподаваніе нынче, знаете...

Мамаевъ.

„Намъ, говоритъ, въ гимназіи наставленія-то надоѣли. Коли вы, говоритъ, любите учить, такъ наймитесь къ намъ въ надзиратели. А теперь, говоритъ, я ѣсть хочу, пустите!“ Это мальчишка-то, мнѣ-то!

Глумовъ.

На опасной дорогѣ мальчикъ. Жаль!

Мамаевъ.

А куда ведутъ опасныя-то дороги, знаете?

Глумовъ.

Знаю.

Мамаевъ.

Отчего нынче прислуга нехорошая? Оттого, что свободна отъ обязанности выслушивать поученія. Прежде, бывало, я у своихъ подданныхъ во всякую малость входилъ. Всѣхъ поучалъ, отъ мала до велика. Часа по два каждому наставленія читалъ; бывало, въ самыя высшія сферы мышленія заберешься, а онъ стоитъ передъ тобой, постепенно до чувства доходитъ; одними вздохами, бывало, онъ у меня истомится. И ему на пользу, и мнѣ благородное занятіе. А нынче, послѣ всего этого... Вы понимаете, послѣ чего?

Глумовъ.

Понимаю.

Мамаевъ.

Нынче, подите-ка, съ прислугой, попробуй! Раза два ему метафизику-то прочтешь, онъ и идетъ за расчетомъ. Что, говоритъ, за наказаніе! Да, что, говоритъ, за наказаніе!

Глумовъ.

Безнравственность!

Мамаевъ.

Я, вѣдь, не строгій человѣкъ, я все больше словами. У купцовъ вотъ обыкновеніе глупое: какъ наставленіе, сейчасъ за волосы, и при всякомъ словѣ и качаетъ, и качаетъ. Этакъ, говоритъ, крѣпче, понятнѣе. Ну, что хорошаго! А я все словами, и то нынче не нравится.

Глумовъ.

Да-съ, послѣ всего этого, я думаю, вамъ непріятно.

Мамаевъ *(строго)*.

Не говорите, пожалуйста, объ этомъ, я васъ прошу. Какъ меня тогда кольнуло насквозь вотъ въ это мѣсто *(показываетъ на грудь)*, такъ до сихъ поръ, словно какъ какой-то...

Глумовъ.

Въ это мѣсто?

Мамаевъ.

Повыше.

Глумовъ.

Вотъ здѣсь-съ?

Мамаевъ *(съ сердцемъ)*.

Повыше, я вамъ говорю.

Глумовъ.

Извините, пожалуйста! Вы не сердитесь! Ужъ я вамъ сказа́лъ, что я глупъ.

Мамаевъ.

Да-съ, такъ вы глупы... Это не хорошо. То-есть, тутъ ничего нѣтъ дурного, если у васъ есть пожилые, опытные родственники или знакомые.

Глумовъ.

То-то и бѣда, что никого нѣтъ. Есть мать, да она еще глупѣе меня.

Мамаевъ.

Ваше положеніе, дѣйствительно, дурно. Мнѣ васъ жаль, молодой человѣкъ.

Глумовъ.

Есть, говорятъ, еще дядя, да все равно, что его нѣтъ.

Мамаевъ.

Отчего же?

Глумовъ.

Онъ меня не знаетъ, а я съ нимъ и видѣться не желаю.

Мамаевъ.

Вотъ ужъ я за это и не похвалю, молодой человѣкъ, и не похвалю.

Глумовъ.

Да помилуйте! Будь онъ бѣдный человѣкъ, я бы ему, кажется, руки цѣловалъ, а онъ человѣкъ богатый; придешь къ нему за совѣтомъ, а онъ подумаетъ, что за деньгами. Вѣдь, какъ ему растолкуешь, что мнѣ отъ него ни гроша не надобно, что я только совѣта жажду, жажду-алчу наставленія, какъ манны небесной. Онъ, говорятъ, человѣкъ замѣчательнаго ума, я готовъ бы цѣлые дни и ночи его слушать.

Мамаевъ.

Вы совсѣмъ не такъ глупы, какъ говорите.

Глумовъ.

Временемъ это на меня просвѣтленіе находитъ; вдругъ какъ будто прояснится, а потомъ и опять. Большею частью я совсѣмъ не понимаю, что̀ дѣлаю. Вотъ тутъ-то мнѣ совѣтъ и нуженъ.

Мамаевъ.

А кто вашъ дядя?

Глумовъ.

Чуть ли я фамилію-то не забылъ. Мамаевъ, кажется, Нилъ Ѳедосѣичъ.

Мамаевъ.

А вы-то кто?

Глумовъ.

Глумовъ.

Мамаевъ.

Дмитрія Глумова сынъ?

Глумовъ.

Такъ точно-съ.

Мамаевъ.

Ну, такъ этотъ Мамаевъ-то — это я.

Глумовъ.

Ахъ, Боже мой! Какъ же это! Нѣтъ, да какъ же! Позвольте вашу руку! *(Почти со слезами.)* Впрочемъ, дядюшка, я слышалъ, вы не любите родственниковъ; вы не безпокойтесь, мы можемъ быть такъ же далеки, какъ и прежде. Я

не посмѣю явиться къ вамъ безъ вашего приказанія; съ меня довольно и того, что я васъ видѣлъ и наслаждался бесѣдой умнаго человѣка.

Мамаевъ.

Нѣтъ, ты заходи, когда тебѣ нужно о чемъ-нибудь посовѣтоваться.

Глумовъ.

Когда нужно! Мнѣ постоянно, каждую минуту. Я чувствую, что погибну безъ руководителя.

Мамаевъ.

Вотъ заходи сегодня вечеромъ.

Глумовъ.

Покорно васъ благодарю. Позвольте ужъ мнѣ представить вамъ мою старуху; она не дальняя, но добрая, очень добрая женщина.

Мамаевъ.

Что-жъ, пожалуй.

Глумовъ *(громко)*.

Маменька! *(Выходитъ Глумова.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Глумова.

Глумовъ.

Маменька! Вотъ! *(Указывая на Мамаева.)* Только не плакать! Счастливый случай привелъ къ намъ дядюшку, Пила Осдосѣича, котораго вы такъ порывались видѣть.

Глумова.

Да, батюшка-братецъ, давно желала. А вы вотъ родныхъ и знать-то не хотите.

Глумовъ.

Довольно, маменька, довольно! Дядюшка имѣетъ на то свои причины.

Мамаевъ.

Родня роднѣ рознь.

Глумова.

Позвольте, батюшка-братецъ, поглядѣть на васъ! Жоржъ! а вѣдь, не похожъ!

Глумовъ *(дергаетъ за платье)*.

Полноте, маменька, перестаньте!

Глумова.

Да что, перестаньте! Не похожъ, совсѣмъ не похожъ.

Мамаевъ *(строго)*.

Что̀ вы шепчете? На кого я тамъ не похожъ? Я самъ на себя похожъ.

Глумовъ *(матери)*.

Очень нужно толковать пустяки.

Мамаевъ.

Ужъ коли начали, такъ говорите.

Глумова.

Я говорю, что портретъ на васъ не похожъ.

Мамаевъ.

Какой портретъ? Откуда у васъ портретъ?

Глумова.

Вотъ видите, у насъ бываетъ иногда Егоръ Васильичъ Курчаевъ. Онъ, кажется, вамъ родственникъ тоже доводится?

Глумовъ.

Такой отличный, веселый малый.

Мамаевъ.

Да; ну, такъ что̀-жъ?

Глумова.

Онъ все васъ рисуетъ. Покажи, Жоржъ!

Глумовъ.

Да я, право, не знаю, куда я его дѣлъ.

Глумова.

Поищи хорошенько! Еще онъ давеча рисовалъ, ну, помнишь. Съ нимъ былъ, какъ ихъ называютъ? Вотъ что критики стихами пишутъ. Курчаевъ говоритъ: я тебѣ дядю буду рисовать, а ты подписи подписывай. Я, вѣдь, слышала, что̀ они говорили.

Мамаевъ.

Покажи мнѣ портретъ! Покажи сейчасъ!

Глумовъ *(подавая портретъ)*.

Никогда, маменька, не нужно говорить такихъ вещей, которыя другому могутъ вредъ сдѣлать.

Мамаевъ.

Да, вотъ учи мать-то лицемѣрію. Не слушай, сестра, живи

по простотѣ! По простотѣ лучше. *(Разсматриваетъ портретъ.)* Ай да молодецъ, племянничекъ!

Глумовъ.

Бросьте, дядюшка! И не похоже совсѣмъ, и подпись къ вамъ не подходитъ: „Новѣйшій самоучитель".

Мамаевъ.

Похоже-то оно похоже, и подпись подходитъ; ну, да это ужъ до тебя не касается, это мое дѣло. *(Отдаетъ портретъ и встаетъ.)* Ты на меня карикатуръ рисовать не будешь?

Глумовъ.

Помилуйте! за кого вы меня принимаете? Что за занятіе!

Мамаевъ.

Такъ ты вотъ что, ты непремѣнно приходи ужо вечеромъ. И вы пожалуйте!

Глумова.

Ну, я то ужъ... я вѣдь, пожалуй, надоѣмъ своими глупостями. *(Мамаевъ уходитъ; Глумовъ его провожаетъ.)* Кажется, дѣло-то улаживается. А много еще труда Жоржу будетъ. Ахъ, какъ это трудно и хлопотно въ люди выходить! *(Глумовъ возвращается.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Глумова, Глумовъ *и потомъ* Манеода.

Глумовъ.

Маменька, Манеода идетъ. Будьте къ ней внимательнѣе, слышите! Да не только внимательнѣе — подобострастнѣе, какъ только можете.

Глумова.

Ну, ужъ унижаться-то передъ бабой.

Глумовъ.

Вы барствовать-то любите, а гдѣ средства? Кабы не моя оборотливость, такъ вы бы чуть не по міру ходили. Такъ помогайте же, помогайте же мнѣ, я вамъ говорю. *(Заслышавъ шаги, бѣжитъ въ переднюю и возвращается вмѣстѣ съ Манеодой.)*

Манеода *(Глумову).*

Убѣгай отъ суеты, убѣгай!

Глумовъ *(съ постнымъ видомъ и со вздохами).*

Убѣгаю, убѣгаю!

Манеѳа.

Не будь корыстолюбивъ!

Глумовъ.

Не знаю грѣха сего.

Манеѳа *(садясь, не обращая вниманія на Глумову, которая ей часто кланяется).*

Летала, летала да къ вамъ попала.

Глумовъ.

Охъ, чувствуемъ, чувствуемъ!

Манеѳа.

Была въ нѣкоемъ благочестивомъ домѣ, дали десять рублей на милостыню. Моими руками творятъ милостыню. Святыми-то руками доходчивѣе, нечѣмъ грѣшными.

Глумовъ *(вынимая деньги).*

Примите пятнадцать рублей отъ раба Егорья.

Манеѳа.

Благо дающимъ!

Глумовъ.

Не забывайте въ молитвахъ!

Манеѳа.

Въ ономъ благочестивомъ домѣ пила чай и кофей.

Глумова.

Пожалуйте, матушка, у меня сейчасъ готово. *(Манеѳа встаетъ; они ее провожаютъ подъ руки до двери. Глумовъ возвращается и садится къ столу.)* Записать! *(Вынимаетъ дневникъ.)* Человѣку Мамаева три рубля, Манеѳѣ пятнадцать рублей. Да ужъ кстати весь разговоръ съ дядей. *(Пишетъ. Входитъ Курчаевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Глумовъ и Курчаевъ.

Курчаевъ.

Послушайте-ка! Былъ дядя здѣсь?

Глумовъ.

Былъ.

Курчаевъ.

Ничего онъ не говорилъ про меня?

Глумовъ.

Ну, вотъ! Съ какой стати? Онъ даже едва ли знаетъ, гдѣ былъ. Онъ заѣзжалъ, по своему обыкновенію, квартиру смотрѣть.

Курчаевъ.

Это интрига, адская интрига!

Глумовъ.

Я слушаю, продолжайте!

Курчаевъ.

Представьте себѣ, дядя меня встрѣтилъ на дорогѣ и...

Глумовъ.

И... что?

Курчаевъ.

И не велѣлъ мнѣ показываться ему на глаза. Представьте!

Глумовъ.

Представляю.

Курчаевъ.

Пріѣзжаю къ Турусиной — не принимаютъ; высылаютъ какую-то плюху-приживалку сказать, что принять не могутъ. Слышите?

Глумовъ.

Слышу.

Курчаевъ.

Объясните мнѣ, что это значитъ?

Глумовъ.

По какому праву вы требуете отъ меня объясненія?

Курчаевъ.

Хоть по такому, что вы человѣкъ умный и больше меня понимаете.

Глумовъ.

Извольте! Оглянитесь на себя: какую вы жизнь ведете?

Курчаевъ.

Какую? Всѣ ведутъ такую — ничего, а я виноватъ. Нельзя же за это лишать человѣка состоянія, отнимать невѣсту, отказывать въ уваженіи?

Глумовъ.

А знакомство ваше? Напримѣръ, Голутвинъ.

Курчаевъ.

Ну, что-жъ, Голутвинъ?

Глумовъ.

Язва! Такіе люди на все способны. Вотъ вамъ и объясненіе! И зачѣмъ вы его давеча привели ко мнѣ? Я на знакомства очень остороженъ — я берегу себя. И поэтому, я васъ прошу не посѣщать меня.

Курчаевъ.

Что вы, съ ума сошли?

Глумовъ.

Дядюшка васъ удалилъ отъ себя, а я желаю этому во всѣхъ отношеніяхъ достойному человѣку подражать во всемъ.

Курчаевъ.

А! Теперь я, кажется, начинаю понимать.

Глумовъ.

Ну, и слава Богу!

Курчаевъ.

Послушайте-ка вы, миленькій, ужъ это не вы ли? Если мои подозрѣнія оправдаются, такъ берегитесь! Такія вещи даромъ не проходятъ. Вы у меня того... Вы берегитесь!

Глумовъ.

Буду беречься, когда будетъ нужно; а теперь пока серьезной опасности не вижу. Прощайте!

Курчаевъ.

Прощайте! *(Уходитъ.)*

Глумовъ.

Дядя его прогналъ. Первый шагъ сдѣланъ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЛИЦА:

Мамаевъ.
Клеопатра Львовна Мамаева, его жена.
Крутицкій, старикъ, очень важный господинъ.
Иванъ Ивановичъ Городулинъ, молодой, важный господинъ.
Глумовъ.
Глумова.
Человѣкъ Мамаева.

Зала; одна дверь входная, двѣ по сторонамъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Мамаевъ *и* Крутицкій *выходятъ изъ боковой двери.*

Мамаевъ.

Да, мы куда-то идемъ, куда-то ведутъ насъ; но ни мы не знаемъ — куда, ни тѣ, которые ведутъ насъ. И чѣмъ все это кончится?

Крутицкій.

Я, знаете ли, смотрю на все это, какъ на легкомысленную пробу, и особенно дурного ничего не вижу. Нашъ вѣкъ, по преимуществу, легкомысленный. Все молодо, неопытно, — дай то попробую, другое попробую, то передѣлаю, другое перемѣню. Перемѣнять легко. Вотъ возьму да поставлю всю мебель вверхъ ногами, вотъ и перемѣна. Но гдѣ же, я васъ спрашиваю, вѣковая мудрость, вѣковая опытность, которая поставила мебель именно на ноги? Вотъ стоитъ столъ на четырехъ ножкахъ, и хорошо стоитъ, крѣпко?

Мамаевъ.

Крѣпко.

Крутицкій.

Солидно?

Мамаевъ.

Солидно.

Крутицкій.

Дай, попробую поставить его вверхъ ногами. Ну, и поставили.

Мамаевъ *(махнувъ рукой)*.

Поставили.

Крутицкій.

Вотъ и увидятъ.

Мамаевъ.

Увидятъ ли, увидятъ ли?

Крутицкій.

Что вы мнѣ говорите? Странное дѣло! Ну, а не увидятъ, такъ укажутъ, есть же люди.

Мамаевъ.

Есть, есть! Какъ не быть! Я вамъ скажу, и очень есть, да не слушаютъ, не слушаютъ. Вотъ въ чемъ вся бѣда: умныхъ людей, насъ не слушаютъ.

Крутицкій.

Мы сами виноваты: не умѣемъ говорить, не умѣемъ заявлять своихъ мнѣній. Кто пишетъ? Кто кричитъ? Мальчишки. А мы молчимъ да жалуемся, что насъ не слушаютъ. Писать надо, писать, больше писать.

Мамаевъ.

Легко сказать: писать! На это нуженъ навыкъ, нужна какая-то сноровка Конечно, это вздоръ, но, все-таки, нужно. Вотъ я! Говорить я хоть до завтра, а примись писать — и Богъ знаетъ, что выходитъ. А вѣдь, не дуракъ, кажется. Да вотъ и вы. Ну, какъ вамъ писать?

Крутицкій.

Нѣтъ, про меня вы не говорите! Я пишу, я пишу, я много пишу.

Мамаевъ.

Да! Вы пишете? Не зналъ. Но, вѣдь, не отъ всякаго же можно этого требовать?

Крутицкій.

Прошло время, любезнѣйшій Нилъ Федосѣичъ, прошло время. Коли хочешь приносить пользу, умѣй владѣть перомъ.

Мамаевъ.

Не всякому дано.

Крутицкій.

Да, вотъ кстати. Нѣтъ ли у васъ на примѣтѣ молодого человѣка, поскромнѣе и образованнаго, конечно, чтобы могъ

свободно излагать на бумагѣ разныя тамъ мысли, проэкты, ну и прочее?

Мамаевъ.

Есть, есть именно такой.

Крутицкій.

Онъ не болтунъ, не изъ нынѣшнихъ зубоскаловъ?

Мамаевъ.

Ни-ни-ни! Только прикажите, будетъ нѣмъ, какъ рыба.

Крутицкій.

Вотъ видите ли, у меня написанъ очень серьезный проэктъ, или записка, какъ хотите назовите; но, вѣдь, вы сами знаете, я человѣкъ стараго образованія...

Мамаевъ.

Крѣпче было, крѣпче было.

Крутицкій.

Я съ вами согласенъ. Излагаю я стилемъ старымъ, какъ бы вамъ сказать? Ну, близкимъ къ стилю великаго Ломоносова.

Мамаевъ.

Старый стиль сильнѣе былъ. Куда! Далеко нынче.

Крутицкій.

Я согласенъ; но, все-таки, какъ хотите, въ настоящее время писать стилемъ Ломоносова или Сумарокова, вѣдь, пожалуй, засмѣютъ. Такъ вотъ можетъ ли онъ дать моему труду, какъ это говорится? Да, литературную отдѣлку.

Мамаевъ.

Можетъ, можетъ, можетъ.

Крутицкій.

Ну, я заплачу ему тамъ, что̀ слѣдуетъ.

Мамаевъ.

Обидите, за счастье почтетъ.

Крутицкій.

Ну, вотъ! Съ какой же стати я буду одолжаться? А кто онъ?

Мамаевъ.

Племянникъ, племянничекъ, да-съ.

Крутицкій.

Такъ скажите ему, чтобы зашелъ какъ-нибудь пораньше, часу въ восьмомъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Мамаевъ и тѣ же.

Мамаевъ.

А, здравствуйте!

Глумова.

Я ужъ не знаю, кому на васъ жаловаться, Нилъ Ѳедосѣичъ!

Мамаевъ.

А что такое?

Глумова.

Сына у меня совсѣмъ отбили. Онъ меня совсѣмъ любить пересталъ, только вами и грезитъ. Все про вашъ умъ да про ваши разговоры; только ахаетъ да удивляется.

Мамаевъ.

Хорошій мальчикъ, хорошій.

Глумова.

Онъ ребенкомъ былъ у насъ очень удивителенъ.

Мамаева.

Да онъ и теперь почти дитя.

Глумова.

Тихій, такой тихій былъ, что удивленіе. Ужъ никогда, бывало, не забудетъ у отца или у матери ручку поцѣловать; у всѣхъ бабушекъ, у всѣхъ тетушекъ расцѣлуетъ ручки. Даже, бывало, запрещаешь ему: подумаютъ, что нарочно научили; такъ потихоньку, чтобъ никто не видалъ, подойдетъ и поцѣлуетъ. А то одинъ разъ, было ему пять лѣтъ, вотъ удивилъ-то онъ насъ всѣхъ! Приходитъ поутру и говоритъ: „какой я видѣлъ сонъ! Слетаютъ ко мнѣ, къ кроваткѣ, ангелы и говорятъ: люби папашу и мамашу и во всемъ слушайся! А когда вырастешь большой, люби своихъ начальниковъ. Я имъ сказалъ: ангелы! я буду всѣхъ слушаться...“ Удивилъ онъ насъ, ужъ такъ обрадовалъ, что и сказать нельзя. И такъ мнѣ этотъ сонъ памятенъ, такъ памятенъ...

Мамаевъ.

Ну, прощайте, я ѣду; у меня дѣла-то побольше вашего. Я вашимъ сыномъ доволенъ. Вы ему такъ и скажите, что я

имъ доволенъ. *(Надѣвая шляпу.)* Да, вотъ было забылъ. Я знаю, что вы живете небогато и жить не умѣете; такъ зайдите ко мнѣ какъ-нибудь утромъ, я вамъ дамъ...

Глумова.

Покорно благодаримъ.

Мамаевъ.

Не денегъ — нѣтъ, а лучше денегъ. Я вамъ дамъ совѣтъ относительно вашего бюджета. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мамаева и Глумова.

Глумова.

Довольны, такъ и слава Богу! Ужъ никто такъ не умѣетъ быть благодарнымъ, какъ мой Жоржъ.

Мамаева.

Очень пріятно слышать.

Глумова.

Онъ не то, что благодарнымъ быть, онъ можетъ обожать своихъ благодѣтелей.

Мамаева.

Обожать? Ужъ это слишкомъ.

Глумова.

Нѣтъ, не слишкомъ. Такой характеръ, душа такая. Разумѣется, матери много хвалить сына не годится, да и онъ не любитъ, чтобы я про него разсказывала.

Мамаева.

Ахъ, сдѣлайте одолженіе! Я ему ничего не передамъ.

Глумова.

Онъ даже ослѣпленъ своими благодѣтелями; ужъ для него лучше ихъ на свѣтѣ нѣтъ. По уму, говоритъ, Нилу Федосѣичу равныхъ нѣтъ въ Москвѣ, а ужъ что про вашу красоту говоритъ, такъ печатать, право, печатать надо.

Мамаева.

Скажите, пожалуйста!

Глумова.

Какія сравненія находитъ!

Мамаева.

Неужели?

Глумова.

Да онъ васъ гдѣ-нибудь прежде видалъ?

Мамаева.

Не знаю. Я его видѣла въ театрѣ.

Глумова.

Нѣтъ, должно быть, видалъ.

Мамаева.

Почему же?

Глумова.

Да какъ же? Онъ такъ недавно васъ знаетъ, и вдругъ такое...

Мамаева.

Ну, ну! Что же?

Глумова.

И вдругъ такое родственное расположеніе почувствовалъ.

Мамаева.

Ахъ, милый мальчикъ!

Глумова.

Даже непонятно. Дядюшка, говоритъ, такой умный, такой умный, а тетушка, говоритъ, ангелъ, ангелъ, да...

Мамаева.

Пожалуйста, пожалуйста говорите! Я, право, очень любопытна.

Глумова.

Да вы не разсердитесь за мою глупую откровенность?

Мамаева.

Нѣтъ, нѣтъ.

Глумова.

Ангелъ, говоритъ, ангелъ; да ко мнѣ на грудь, да въ слезы...

Мамаева.

Да, вотъ что... Какъ же это? Странно.

Глумова *(перемѣнивъ тонъ)*.

Ужъ очень онъ радъ, что его, сироту, обласкали; отъ благодарности плачетъ.

Мамаева.

Да, да, съ сердцемъ мальчикъ, съ сердцемъ!

Глумова.

Да ужъ что говорить! Натура кипятокъ.

Мамаева.

Это въ его возрастѣ понятно и... извинительно.

Глумова.

Ужъ извините, извините его. Молодъ еще.

Мамаева.

Да въ чемъ же мнѣ его извинить? Чѣмъ онъ передо мною виноватъ?

Глумова.

Ну, знаете ли, вѣдь, можетъ быть, въ первый разъ въ жизни видитъ такую красавицу женщину; гдѣ-жъ ему было? Она къ нему ласкова, снисходительна... конечно, по-родственному... голова-то горячая, поневолѣ съ ума сойдешь.

Мамаева *(задумчиво)*.

Онъ очень милъ, очень милъ!

Глумова.

Оно, конечно, его расположеніе родственное... А вѣдь, какъ хотите... близость-то такой очаровательной женщины въ молодые его года... вѣдь, ночи не спитъ, придетъ отъ васъ, мечется, мечется...

Мамаева.

Онъ къ вамъ довѣрчивъ; онъ отъ васъ своихъ чувствъ не скрываетъ?

Глумова.

Грѣхъ бы ему было. Да, вѣдь, и чувства-то его дѣтскія.

Мамаева.

Ну, конечно, дѣтскія... Ему еще во всемъ нужны руководители. Подъ руководствомъ умной женщины онъ со временемъ... да, онъ можетъ...

Глумова.

Поруководите его! Ему это для жизни очень нужно будетъ. Вы такая добрая...

Мамаева *(смѣется)*.

Да, да, добрая. Но, вѣдь, это, вы знаете, вѣдь, это опасно; можно и самой... увлечься...

Глумова.

Вы, право, такая добрая.

Мамаева.

Вы, я вижу, очень его любите.

Глумова.

Одинъ, какъ не любить!

Мамаева *(томно)*.

Такъ давайте его любить вмѣстѣ.

Глумова.

Вы меня заставите завидовать сыну. Да, именно, онъ себѣ счастье нашелъ въ вашемъ семействѣ. Однако, мнѣ и домой пора. Не сердитесь на меня за мою болтовню... А бѣда, если сынъ узнаетъ, ужъ вы меня не выдайте. Иногда и стыдно ему, что у меня ума-то мало, иногда бы и надо ему сказать: какія вы, маменька, глупости дѣлаете, а вѣдь, не скажетъ. Онъ этого слова избѣгаетъ изъ почтенія къ родительницѣ. А ужъ я бы ему простила, только бы впередъ отъ глупостей остерегалъ. Прощайте, Клеопатра Львовна!

Мамаева *(обнимаетъ ее)*.

Прощайте, душа моя, Глафира Климовна! На-дняхъ я къ вамъ, мы съ вами еще потолкуемъ о Жоржѣ. *(Провожаетъ ее до двери.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мамаева, *потомъ* Глумовъ.

Мамаева.

Какая болтушка! Ну, если-бъ услыхалъ ея сынъ, не сказалъ бы ей спасибо. Онъ такъ гордъ, подходитъ ко мнѣ съ такою холодною почтительностью, а дома вонъ что дѣлаетъ. Значитъ, я могу еще внушить молодому человѣку истинную страсть. Такъ и должно быть. Въ послѣднее время, конечно, очень чувствителенъ былъ недостатокъ въ обожателяхъ; но, вѣдь, это оттого, что окружающіе меня люди отжили и износились. Ну, вотъ, наконецъ-то. А, мой милый! Теперь я буду смотрѣть за тобой. Какъ онъ ни робокъ, но истинная страсть должна же прорываться. Это очень интересно наблюдать, когда впередъ знаешь, что человѣкъ влюбленъ въ тебя. *(Входитъ Глумовъ, кланяется и останавливается*

въ почтительной позѣ.) Подите, подите сюда. *(Глумовъ робко подходитъ.)* Что же вы стойте? Развѣ племянники ведутъ себя такъ?

Глумовъ *(цѣлуетъ ей руку).*

Здравствуйте, Клеопатра Львовна, съ добрымъ утромъ.

Мамаева.

Браво! Какъ это вы осмѣлились, наконецъ? Я удивляюсь!

Глумовъ.

Я очень робокъ.

Мамаева.

Будьте развязнѣе! Чего вы боитесь? Я такой же человѣкъ, какъ и всѣ. Будьте довѣрчивѣе, откровенѣй со мной, повѣряйте мнѣ свои сердечныя тайны! Не забывайте, что я ваша тетка.

Глумовъ.

Я былъ бы откровеннѣе съ вами, если бы...

Мамаева.

Если-бъ что?

Глумовъ.

Если-бъ вы были старуха.

Мамаева.

Что за вздоръ такой! Я совсѣмъ не хочу быть старухой.

Глумовъ.

И я тоже не желаю. Дай вамъ Богъ цвѣсти, какъ можно долѣе. Я говорю только, что мнѣ тогда было бы не такъ робко, мнѣ было бы свободнѣе.

Мамаева.

Отчего же? Садитесь сейчасъ ко мнѣ ближе и разсказывайте все откровенно: отчего вамъ было бы свободнѣе, если-бъ я была старухой?

Глумовъ *(беретъ стулъ и садится подлѣ нея).*

У молодой женщины есть свои дѣла, свои интересы; когда же ей заботиться о бѣдныхъ родственникахъ? А у старухи только и дѣла.

Мамаева.

Отчего-жъ молодая не можетъ заботиться о родныхъ?

Глумовъ.

Можетъ, но ее совѣстно просить объ этомъ; совѣстно надоѣдать. У нея на умѣ веселье, забавы, развлеченія, а тутъ скучное лицо племянника, просьбы, вѣчное нытье. А для старухи это было бы даже удовольствіемъ; она бы ѣздила по Москвѣ, хлопотала. Это было бы для нея и занятіе отъ скуки, и доброе дѣло, которымъ она послѣ могла бы похвастаться.

Мамаева.

Ну, если-бъ я была старуха, о чемъ бы вы меня попросили?

Глумовъ.

Да, если-бъ вы были; а вѣдь, вы не старуха, а, напротивъ, очень молодая женщина. Вы меня ловите.

Мамаева.

Все равно, все равно, говорите!

Глумовъ.

Нѣтъ, не все равно. Вотъ, напримѣръ, я знаю, что вамъ стóитъ сказать только одно слово Ивану Ивановичу, и у меня будетъ очень хорошее мѣсто.

Мамаева.

Да, я думаю, что довольно будетъ одного моего слова.

Глумовъ.

Но я, все-таки, не буду безпокоить васъ этой просьбой.

Мамаева.

Почему же?

Глумовъ.

Потому, что это было бы насиліе. Онъ такъ вами очарованъ.

Мамаева.

Вы думаете?

Глумовъ.

Я знаю навѣрное.

Мамаева.

Какой вы всевѣдущій. Ну, а я?

Глумовъ.

Ужъ это ваше дѣло.

Мамаева *(про себя)*

Онъ не ревнивъ, это страшно.

Глумовъ.

Онъ не смѣетъ отказать вамъ ни въ чемъ. Потомъ, ему ваша просьба будетъ очень пріятна: заставить васъ просить — все равно, что̀ дать ему взятку.

Мамаева.

Все это вздоръ, фантазіи! Такъ вы не желаете, чтобъ я за васъ просила?

Глумовъ.

Рѣшительно не желаю. Кромѣ того, мнѣ не хочется быть у васъ въ долгу. Чѣмъ же я могу заплатить вамъ?

Мамаева.

А старухѣ чѣмъ вы заплатите?

Глумовъ.

Постояннымъ угожденіемъ: я бы ей посилъ собачку, подвигалъ подъ ноги скамейку, цѣловалъ постоянно руки, поздравлялъ со всѣми праздниками и со всѣмъ, съ чѣмъ только можно поздравить. Все это только для старухи имѣетъ цѣну.

Мамаева.

Да, конечно.

Глумовъ.

Потомъ, если старуха дѣйствительно добрая, я могъ бы привязаться къ ней, полюбить ее.

Мамаева.

А молодую развѣ нельзя полюбить?

Глумовъ.

Можно, но не должно смѣть.

Мамаева *(про себя)*.

Наконецъ-то!

Глумовъ.

И къ чему же бы это повело? Только линіи страданія *(Входитъ человѣкъ.)*

Человѣкъ.

Иванъ Иванычъ Городулинъ-съ.

Глумовъ.

Я пойду къ дядюшкѣ въ кабинетъ, у меня есть работа-съ. *(Кланяется очень почтительно.)*

Мамаева *(человѣку)*.

Проси! *(Человѣкъ уходитъ; входитъ Городулинъ.)*

Бѣльскій *(беретъ бердышъ у нѣмца)*.

Нельзя терпѣть! Освободи намъ руки,
И мы его на части разнесемъ!

Басмановъ *(беретъ бердышъ у другого)*.

Измѣнникъ тотъ, кто можетъ равнодушно
Въ глазахъ царя такія рѣчи слушать!

Дмитрій.

Ты, Осиповъ, себѣ желаешь смерти;
Ты заслужилъ ее. Иди на казнь!

Осиповъ.

Чего же ждать иного отъ разстриги!

Басмановъ *(занося бердышъ)*.

Не изрыгай своихъ ругательствъ сквернихъ,
А то убью!

Бѣльскій *(занося бердышъ)*.

Молчи! Ни слова больше!

Осиповъ.

Я смерти жду. Постомъ и покаяньемъ
Я оградилъ себя отъ страха смерти,
И, причастясь святыхъ Христовыхъ таинъ,
Пришелъ къ тебѣ изъ Божьей церкви прямо—
Принять изъ рукъ твоихъ вѣнецъ страдальца,
Съ которымъ я на небеса предстану.
(Басмановъ и Бѣльскій опускаютъ бердыши.)
Придетъ пора, то время недалеко,
И смерть моя тебѣ завидна будетъ.

Дмитрій.

Увесть его! *(Идетъ къ двери.)*

Басмановъ.

Пытать его прикажешь?

Дмитрій.

Казнить его! Остановись, Басмановъ!
Простить, иль нѣтъ? *(Молчаніе)*. Жестокій, непроклонный,
Безчувственный и твердый, какъ желѣзо,
Безжалостенъ къ себѣ народъ московскій;
Онъ милостей не цѣнитъ и не стоитъ.
(Указывая на Осипова.)

Стеречь его до моего приказа!
Свести въ тюрьму! *(Быстро уходитъ.)*

Басмановъ.

Исполню, государь. *(Уходитъ.)*

Василій Шуйскій *(Голицыну)*.

Вотъ мученикъ святой! Идя на смерть,
Онъ вымолвилъ пророческое слово:
„Завидовать моей ты будешь смерти“. *(Уходитъ.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Дмитрій.
Панъ Юрій Мнишекъ, воевода сандомирскій.
Марина Юрьевна, его дочь.
Камеристка.

Деревянная келья въ Москвѣ.

(5-го мая 1606 года.)

Входятъ Мнишекъ *и* Марина.

Марина.

Скажи, отецъ, зачѣмъ меня, какъ птичку,
Здѣсь заперли?

Мнишекъ.

Чтобъ ты не улетѣла
Отъ сокола, московскаго царя.

Марина.

Ты знаешь самъ, какой тяжелой цѣпью
Взаимныхъ клятвъ, обѣтовъ, вздоховъ нѣжныхъ
Мы связаны съ державнымъ женихомъ,
Какъ вѣрны мы, и я, и онъ, другъ другу!
И вотъ, за то должна я въ заключеньи
Сидѣть и ждать, когда угодно будетъ
Великому царю съ собою вмѣстѣ
Меня на тронъ московскій посадить.
Смѣшной народъ, обычаевъ старинныхъ
Онъ измѣнить не можетъ.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Мамаева и Городулинъ.

Городулинъ.

Имѣю честь представиться.

Мамаева *(съ упрекомъ)*.

Хорошъ, хорошъ! Садитесь! Какимъ вѣтромъ, какой бурей занесло васъ ко мнѣ?

Городулинъ *(садится)*.

Вѣтромъ, который у меня въ головѣ, и бурей страсти, которая бушуетъ въ моемъ сердцѣ.

Мамаева.

Благодарю. Очень мило съ вашей стороны, что вы не забыли меня, брошенную, покинутую.

Городулинъ.

Гдѣ онъ? Гдѣ тотъ несчастный, который васъ покинулъ? Укажите мнѣ его! Я нынче въ особенно воинственномъ расположеніи духа.

Мамаева.

Вы первый, васъ-то и надобно убить, или что-нибудь другое.

Городулинъ.

Ужъ лучше что-нибудь другое.

Мамаева.

Я ужъ придумала вамъ наказаніе.

Городулинъ.

Позвольте узнать. Объявите рѣшеніе, безъ того не казнять. Если вы рѣшили задушить меня въ своихъ объятіяхъ, я апеллировать не буду.

Мамаева.

Нѣтъ, я хочу явиться къ вамъ просителемъ.

Городулинъ.

То-есть, помѣняться со мной ролями?

Мамаева.

Развѣ вы проситель? Вы сами гдѣ-то чуть ли не судья.

Городулинъ.

Такъ, такъ-съ. Но передъ дамами я всегда...

Мамаева.

Полно вамъ болтать-то! У меня серьезное дѣло.

Городулинъ.

Слушаю-съ.

Мамаева.

Моему племяннику нужно...

Городулинъ.

Что же нужно вашему племяннику? Курточку, панталончики?

Мамаева.

Вы мнѣ надоѣли. Слушайте и не перебивайте! Мой племянникъ совсѣмъ не ребенокъ; онъ очень милый молодой человѣкъ, очень хорошъ собой, уменъ, образованъ.

Городулинъ.

Тѣмъ лучше для него и хуже для меня.

Мамаева.

Ему нужно мѣсто.

Городулинъ.

Какое прикажете?

Мамаева.

Разумѣется, хорошее! У него отличныя способности.

Городулинъ.

Отличныя способности? Жаль! Съ отличными способностями теперь некуда дѣться; онъ остается лишній. Такія всѣ мѣста заняты: одно Бисмаркомъ, другое Бейстомъ.

Мамаева.

Послушайте, вы меня выведете изъ терпѣнія, мы съ вами поссоримся. Говорите, есть ли у васъ въ виду мѣсто?

Городулинъ.

Для обыкновеннаго смертнаго найдется.

Мамаева.

И прекрасно.

Городулинъ *(нѣжно)*.

Намъ люди нужны. Позвольте мнѣ хоть однимъ глазкомъ взглянуть на этотъ феноменъ, тогда я вамъ скажу опредѣли-

тельно, на что онъ годенъ и на какое мѣсто можно будетъ его рекомендовать.

Мамаева.

Егоръ Дмитричъ! Жоржъ! Подите сюда. *(Городулину.)* Я васъ оставлю съ нимъ на нѣсколько времени. Вы послѣ зайдите ко мнѣ! Я васъ подожду въ гостиной. *(Глумовъ входитъ.)* Представляю вамъ моего племянника: Егоръ Дмитричъ Глумовъ. *(Глумову.)* Иванъ Иванычъ хочетъ съ вами познакомиться.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Городулинъ и Глумовъ.

Городулинъ *(подавая Глумову руку).*

Вы служите?

Глумовъ *(развязно).*

Служилъ, теперь не служу, да и не имѣю никакой охоты.

Городулинъ.

Отчего?

Глумовъ.

Умѣнья не далъ Богъ. Надо имѣть очень много различныхъ качествъ, а у меня ихъ нѣтъ.

Городулинъ.

Мнѣ кажется, нужно только умъ и охоту работать.

Глумовъ.

Положимъ, у меня за этимъ дѣло не станетъ! но что толку съ этими качествами? Сколько ни трудись, вѣкъ будешь канцелярскимъ чиновникомъ. Чтобы выслужиться человѣку безъ протекціи, нужно совсѣмъ другое.

Городулинъ.

А что же именно?

Глумовъ.

Не разсуждать, когда не приказываютъ, смѣяться, когда начальство вздумаетъ сострить, думать и работать за начальниковъ и въ то же время увѣрять ихъ со всевозможнымъ смиреніемъ, что я, молъ, глупъ, что все это вамъ самимъ угодно было приказать. Кромѣ того, нужно имѣть еще нѣкоторыя лакейскія качества, конечно, въ соединеніи съ извѣст-

ною долей граціозности: напримѣръ, вскочить и вытянуться, чтобы это было и подобострастно, и холопски, и вмѣстѣ съ тѣмъ благородно, и прямолинейно, и граціозно. Когда начальникъ пошлетъ за чѣмъ-нибудь, надо умѣть производить легкое поръханье, среднее между галопомъ, маршъ-маршемъ и обыкновеннымъ шагомъ. Я еще и половины того не сказалъ, что надо знать, чтобъ дослужиться до чего-нибудь.

Городулинъ.

Прекрасно. То-есть, все это очень скверно, но говорите вы прекрасно; вотъ важная вещь. Впрочемъ, все это было прежде, теперь совсѣмъ другое.

Глумовъ.

Что̀-то не видать этого другого-то. И притомъ, все бумага и форма. Цѣлыя стѣны, цѣлыя крѣпости изъ бумагъ и формъ. И изъ этихъ крѣпостей только вылетаютъ, въ видѣ бомбъ, сухіе циркуляры и предписанія.

Городулинъ.

Какъ это хорошо! Превосходно, превосходно! Вотъ талантъ!

Глумовъ.

Я очень радъ, что вы сочувствуете моимъ идеямъ. Но какъ мало у насъ такихъ людей!

Городулинъ.

Намъ идеи что̀! Кто же ихъ не имѣетъ, такихъ идей? Слова, фразы очень хороши. Знаете ли, вы можете сдѣлать для меня великое одолженіе.

Глумовъ.

Все, что вамъ угодно.

Городулинъ.

Запишите все это на бумажку!

Глумовъ.

Извольте, съ удовольствіемъ. На что̀ же вамъ?

Городулинъ.

Вамъ-то я откроюсь. Мы съ вами оба люди порядочные и должны говорить откровенно. Вотъ въ чемъ дѣло: мнѣ завтра нужно спичъ говорить за обѣдомъ, а думать рѣшительно некогда.

Глумовъ.

Извольте, извольте!

Городулинъ *(жметъ ему руку).*

Сдѣлайте для меня это по-дружески.

Глумовъ.

Стóитъ ли говорить, помилуйте! Нѣтъ, вы дайте мнѣ такую службу, гдѣ бы я могъ лицомъ къ лицу стать съ моимъ меньшимъ братомъ. Дайте мнѣ возможность самому видѣть его насущныя нужды и удовлетворять имъ скоро и сочувственно.

Городулинъ.

Отлично, отлично! Вотъ ужъ и это запишите! Какъ я васъ понимаю, такъ вамъ, по вашему честному образу мыслей, нужно мѣсто смотрителя или эконома въ казенномъ или благотворительномъ заведеніи?

Глумовъ.

Куда угодно. Я работать не прочь и буду работать прилежно, сколько силъ хватитъ, но съ однимъ условіемъ, чтобы моя работа приносила дѣйствительную пользу, чтобы она увеличивала количество добра, нужнаго для благосостоянія массы. Переливать изъ пустого въ порожнее, считать это службой и получать отличія — я не согласенъ.

Городулинъ.

Ужъ и это бы кстати: „увеличивать количество добра". Прелесть!

Глумовъ.

Хотите, я вамъ весь спичъ напишу?

Городулинъ.

Неужели? Вотъ видите, долго ли порядочнымъ людямъ сойтись! Перекинули нѣсколько фразъ — и друзья. А какъ вы говорите! Да, намъ такіе люди нужны, нужны, батюшка, нужны! *(Взглянувъ на часы.)* Заѣзжайте завтра ко мнѣ часу въ двѣнадцатомъ. *(Подаетъ ему руку.)* Очень пріятно, очень пріятно! *(Уходитъ въ гостиную. Входитъ Мамаевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Мамаевъ и Глумовъ.

Мамаевъ.

А, ты здѣсь! Поди сюда! *(Таинственно.)* Крутицкій давеча заѣзжалъ ко мнѣ посовѣтоваться объ одномъ дѣлѣ. Добрый старикъ! Онъ тамъ написалъ что-то, такъ нужно ему обдѣлать, выгладить слогъ. Я указалъ на тебя. Онъ у насъ въ кружкѣ не считается умнымъ человѣкомъ и написалъ, вѣроятно, глупость какую-нибудь, но ты, когда увидишься съ нимъ, польсти ему нѣсколько.

Глумовъ.

Вотъ, дядюшка, чему вы меня учите.

Мамаевъ.

Льстить не хорошо, а польстить немного — позволительно. Похвали что-нибудь изъ пятаго въ десятое, это пріятно будетъ старику. Онъ можетъ впередъ пригодиться. Ругать его будемъ мы, отъ этого онъ не уйдетъ, а ты, все-таки, долженъ хвалить, ты еще молодъ. Мы съ тобой завтра къ нему поѣдемъ. Да, вотъ еще одно тонкое обстоятельство. Въ какія отношенія ты поставилъ себя къ теткѣ?

Глумовъ.

Я человѣкъ благовоспитанный, учтивости меня учить не надо.

Мамаевъ.

Ну, вотъ и глупо, ну, вотъ и глупо. Она еще довольно молода, собой красива; нужна ей твоя учтивость! Врага, что ли, ты нажить себѣ хочешь?

Глумовъ.

Я, дядюшка, не понимаю.

Мамаевъ.

Не понимаешь, такъ слушай, учись! Слава Богу, тебѣ есть у кого поучиться. Женщины не прощаютъ тому, кто не замѣчаетъ ихъ красоты.

Глумовъ.

Да, да, да! Скажите! Изъ ума вонъ!

Мамаевъ.

То-то же, братецъ! Хоть ты и седьмая вода на кисслѣ, а все-таки родственникъ; имѣешь больше свободы, чѣмъ просто знакомый; можешь иногда, какъ будто по забывчивости, лишній разъ ручку поцѣловать, ну, тамъ глазами что-нибудь. Я думаю, умѣешь?

Глумовъ.

Не умѣю.

Мамаевъ.

Экой ты, братецъ! Ну, вотъ такъ. *(Заводитъ глаза кверху.)*

Глумовъ.

Полноте, что вы! Какъ это можно?

Мамаевъ.

Ну, да ты передъ зеркаломъ хорошенько поучись. Ну, иногда вздохни съ томнымъ видомъ. Все это немножко щекочетъ ихъ самолюбіе.

Глумовъ.

Покорнѣйше васъ благодарю.

Мамаевъ.

Да и для меня-то покойнѣе. Пойми, пойми!

Глумовъ.

Опять не понимаю.

Мамаевъ.

Она женщина темперамента сангвиническаго, голова у ней горячая, очень легко можетъ увлечься какимъ-нибудь франтомъ; чортъ его знаетъ, что за механикъ попадется, можетъ быть, совсѣмъ каторжный. Въ этихъ прихвостняхъ Бога нѣтъ. Вотъ оно куда пошло! А тутъ, понимаешь ты, не угодно ли вамъ, молъ, свой, испытанный человѣкъ. И волки сыты, и овцы цѣлы. Ха, ха, ха! Понялъ?

Глумовъ.

Ума, ума у васъ, дядюшка!

Мамаевъ.

Надѣюсь.

Глумовъ.

А вотъ еще обстоятельство! Чтобъ со стороны не подумали чего дурного — вѣдь люди злы — вы меня познакомьте съ Турусиной. Тамъ ужъ я открыто буду ухаживать за пле-

мяницей, даже, пожалуй, для васъ, если вамъ угодно, посватаюсь. Вотъ ужъ тогда, дѣйствительно, будутъ и волки сыты, и овцы цѣлы.

Мамаевъ.

Вотъ, вотъ, вотъ! Дѣло, дѣло!

Глумовъ.

Клеопатрѣ Львовнѣ мы, разумѣется, не скажемъ про Турусину ни слова. Не то что ревность, а знаете, есть такое женское чувство.

Мамаевъ.

Кому ты говоришь? Знаю, знаю. Ни-ни-ни! и запираться не надо.

Глумовъ.

Когда же мы къ Турусиной?

Мамаевъ.

Завтра вечеромъ. Ну, теперь ты знаешь, что дѣлать тебѣ?

Глумовъ.

Что дѣлать? Удивляться уму вашему. *(Входятъ Мамаева и Городулинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Мамаевъ, Глумовъ, Мамаева и Городулинъ.

Городулинъ *(Мамаевой тихо).*

Черезъ двѣ недѣли онъ будетъ опредѣленъ.

Мамаева.

Черезъ двѣ недѣли я васъ поцѣлую.

Мамаевъ.

А, Иванъ Иванычъ! Я къ вамъ заѣзжалъ сегодня, я хотѣлъ дать вамъ совѣтъ по клубному дѣлу.

Городулинъ.

Извините, Нилъ Осдосѣичъ, некогда. *(Подаетъ руку Глумову.)* До свиданья.

Мамаевъ.

Такъ поѣдемте вмѣстѣ, я вамъ дорогой. Мнѣ въ сенатъ нужно. *(Уходятъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

Мамаева и Глумовъ.

Мамаева *(садится въ кресло)*.

Цѣлуйте ручку, ваше дѣло улажено.

Глумовъ.

Я васъ не просилъ.

Мамаева.

Нужды нѣтъ, я сама догадалась.

Глумовъ *(цѣлуетъ руку)*.

Благодарю васъ. *(Беретъ шляпу.)*

Мамаева.

Куда же вы?

Глумовъ.

Домой. Я слишкомъ счастливъ. Я побѣгу подѣлиться моею радостью съ матерью.

Мамаева.

Вы счастливы? Не вѣрю.

Глумовъ.

Счастливъ, на сколько можно.

Мамаева.

Значитъ, не совсѣмъ; значитъ, вы еще не всего достигли?

Глумовъ.

Всего, на что только я смѣлъ надѣяться.

Мамаева.

Нѣтъ, вы говорите прямо: всего вы достигли?

Глумовъ.

Чего же мнѣ еще? Я получу мѣсто.

Мамаева.

Не вѣрю, не вѣрю. Вы хотите въ такихъ молодыхъ годахъ показать себя матеріалистомъ, хотите увѣрить меня, что думаете только о службѣ, о деньгахъ.

Глумовъ.

Клеопатра Львовна. .

Мамаева.

Хотите увѣрить, что у васъ никогда не бьется сердце, что вы не мечтаете, не плачете, что вы не любите никого,

Глумовъ.

Клеопатра Львовна, я не говорю этого.

Мамаева.

А если любите, можете ли вы не желать, чтобы и васъ любили?

Глумовъ.

Я не говорю этого.

Мамаева.

Вы говорите, что всего достигли.

Глумовъ.

Я достигъ всего возможнаго, всего, на что я могу позволить себѣ надѣяться.

Мамаева.

Значитъ, вы не можете позволить себѣ надѣяться на взаимность? Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вы даромъ тратите ваши чувства? Вѣдь, это перлы души. Говорите, кто эта жестокая?

Глумовъ.

Но, вѣдь, это пытка, Клеопатра Львовна.

Мамаева.

Говорите, негодный, говорите сейчасъ! Я знаю, я вижу по вашимъ глазамъ, что вы любите. Бѣдный! Вы очень, очень страдаете?

Глумовъ.

Вы не имѣете права прибѣгать къ такимъ средствамъ. Вы знаете, что я не посмѣю ничего скрыть отъ васъ.

Мамаева.

Кого вы любите?

Глумовъ.

Сжальтесь!

Мамаева.

Стóитъ ли она васъ?

Глумовъ.

Боже мой, что вы со мною дѣлаете!

Мамаева.

Умѣетъ ли она оцѣнить вашу страсть, ваше прекрасное сердце?

Глумовъ.

Хоть убейте меня, я не смѣю!

Мамаева *(шопотомъ).*

Смѣлѣе, мой другъ, смѣлѣе!

Глумовъ.

Кого люблю я?

Мамаева.

Да.

Глумовъ *(падая на колѣно).*

Васъ!

Мамаева *(тихо вскрикивая).*

Ахъ!

Глумовъ.

Я вашъ рабъ на всю жизнь. Карайте меня за мою дерзость, но я люблю. Заставьте меня молчать, заставьте меня не глядѣть на васъ, запретите мнѣ любоваться вами, еще хуже, заставьте меня быть почтительнымъ; но не сердитесь на меня! Вы сами виноваты. Если-бъ вы не были такъ очаровательны, такъ снисходительны ко мнѣ, я, можетъ быть, удержалъ бы мою страсть въ предѣлахъ приличія, чего бы мнѣ это ни стоило. Но вы ангелъ доброты, вы красавица, изъ меня, благоразумнаго человѣка, вы сдѣлали бѣшенаго сумасброда! Да, я сумасшедшій! Мнѣ показалось, что меня манитъ блаженство, и я не побоялся кинуться въ пропасть, въ которой могу погибнуть безвозвратно. Простите меня!

(Склоняетъ голову.)

Мамаева *(цѣлуя его въ голову).*

Я васъ прощаю. *(Глумовъ, почтительно кланяясь, уходитъ. Мамаева провожаетъ его долгимъ взглядомъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ЛИЦА:

Софья Ивановна Турусина, богатая вдова, барыня родомъ изъ купчихъ.
Машенька, ея племянница.
Манева.
Приживалка 1-я.
Приживалка 2-я.
Крутицкій.
Городулинъ.
Мамаевъ.
Глумовъ.
Григорій, человѣкъ Турусиной.

Богатая гостиная на дачѣ въ Сокольникахъ; одна дверь по срединѣ, другая съ боку.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Машенька и Турусина *выходятъ изъ средней двери.*

Машенька.

Поѣдемте, ma tante! Поѣдемте! Ну, пожалуйста, поѣдемте!

Турусина.

Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ! Я ужъ велѣла лошадей отложить.

Машенька.

Помилуйте, ma tante, на что же это похоже? Въ кои-то вѣки мы соберемся выѣхать, и то не въ часъ; десяти шаговъ отъ воротъ не отъѣхали, и назадъ.

Турусина *(садясь).*

Мой другъ, я очень хорошо знаю, что дѣлаю. Зачѣмъ напрасно подвергать себя опасности, когда можно избѣжать ее?

Машенька.

Но почему же намъ непремѣнно угрожала опасность?

Турусина.

О чемъ ты еще спрашиваешь, я не понимаю. Ты сама видѣла: въ самыхъ воротахъ намъ перешла дорогу какая-то

женщина. Я хотѣла приказать остановиться, но такъ ужъ, скрѣпя сердце, поѣхала дальше, и вдругъ встрѣча...

Машенька.

Да что-жъ такое, что встрѣча?

Турусина.

Да, если-бъ съ лѣвой стороны, а то съ правой.

Машенька.

Да и съ правой, и съ лѣвой — все равно.

Турусина.

Не говори такъ, я этого не люблю. Я не терплю вольнодумства въ моемъ домѣ. Я и такъ довольно слышу кощунства отъ гостей, которые бываютъ у насъ. Постороннимъ я запретить не могу, а тебѣ запрещаю. Мы должны беречь свою жизнь. Конечно, слишкомъ много заботиться о себѣ грѣхъ, но беречь свою жизнь мы обязаны. Не надо быть упрямымъ! Мало ли мы видимъ несчастныхъ случаевъ: разобьютъ лошади, сломается экипажъ, кучеръ напьется пьянъ и завезетъ въ канаву. Провидѣніе печется о людяхъ. Если тебѣ прямо говорятъ: не ѣзди туда-то, ты подвергнешь себя опасности, такъ кто же виноватъ, если ты не послушаешь благого совѣта и сломишь себѣ голову?

Машенька.

Намъ никто не говорилъ: не ѣзди!...

Турусина.

Развѣ непремѣнно нужны слова? Дурная встрѣча краснорѣчивѣй всякихъ словъ. Еще если-бъ была крайняя необходимость, ну, ужъ нечего дѣлать, а то ѣхать Богъ знаетъ зачѣмъ! Для того только, чтобъ провести вечеръ въ пустыхъ разговорахъ, въ пересудахъ о ближнемъ, и для этого пренебрегать указаніями свыше и подвергать себя очевидной опасности! Нѣтъ ужъ, покорно благодарю. Я понимаю, зачѣмъ тебѣ хочется ѣхать туда! Ты думаешь встрѣтить тамъ Курчаева, самаго нераскаяннаго безбожника, котораго я къ себѣ пускать не велю. Вотъ ты и тянешь тетку, нисколько не разсуждая о томъ, что я изъ-за твоего удовольствія могу переломить ногу или руку.

Машенька.

Я не понимаю, ma tante, что вамъ не понравился Курчаевъ?

Турусина.

Какъ онъ можетъ мнѣ понравиться? Онъ смѣется въ моемъ присутствіи надъ самыми священными вещами.

Машенька.

Когда же, ma tante, когда?

Турусина.

Всегда, постоянно, онъ смѣется надъ моими странницами, надъ юродивыми.

Машенька.

Вы говорите, что онъ смѣется надъ священными вещами.

Турусина.

Ну, конечно; я ему говорю какъ-то: посмотрите, у моей Матрени, отъ святости, ужъ начинаетъ лицо свѣтиться; это, говоритъ, не отъ святости, а отъ жиру. Ужъ этого я ему никогда въ жизни не прощу. До чего вольнодумство-то доходитъ, до чего позволяютъ себѣ забываться молодые люди! Я въ людяхъ рѣдко ошибаюсь; вотъ и оказалось, что онъ за человѣкъ. Я вчера два письма получила. Прочти, если хочешь.

Машенька.

Развѣ вѣрятъ безыменнымъ письмамъ?

Турусина.

Если-бъ одно, можно бы еще сомнѣваться, а то вдругъ два и отъ разныхъ лицъ. *(Входитъ человѣкъ и подаетъ Турусиной письмо.)*

Григорій.

Скитающіе люди пришли-съ.

Турусина.

Что онъ говоритъ, Богъ его знаетъ. Ну, да все равно; вѣроятно, богомольцы. Вели ихъ накормить. *(Человѣкъ уходитъ. Турусина читаетъ письмо.)* Вотъ еще письмо. Видно, что пишетъ женщина солидная! *(Читаетъ вслухъ.)* Милостивая государыня, Софья Игнатьевна, хотя я не имѣю счастія... *(Читаетъ про-себя.)* Вотъ слушай: „Выборъ вами такого человѣка, какъ Егоръ Васильевичъ Курчаевъ, заставляетъ меня заранѣе проливать слезы объ участи бѣдной Машеньки...“ ну, и такъ далѣе.

Машенька.

Удивительно. Я не знаю, что и думать объ этомъ.

Турусина.

Неужели ты и теперь станешь спорить со мной? Впрочемъ, мой другъ, если ты непремѣнно желаешь, такъ выходи за него. *(Нюхаетъ спиртъ.)* Я не хочу, чтобъ меня звали тиранкой. Только ты знай, что ты меня этимъ огорчаешь, и что едва ли ты въ правѣ будешь жаловаться, если я тебѣ...

Машенька.

Не дадите денегъ...

Турусина.

И, главное-то, благословенія.

Машенька.

Нѣтъ, ma tante, не бойтесь! Я московская барышня, я не пойду замужъ безъ денегъ и безъ позволенія родныхъ. Мнѣ Жоржъ Курчаевъ очень нравится; но если вамъ не угодно, я за него не пойду и никакой чахотки со мной отъ этого не будетъ. Но, ma tante, пожалѣйте меня! У меня, благодаря вамъ, есть деньги. Мнѣ хочется пожить.

Турусина.

Понимаю, мой другъ, понимаю.

Машенька.

Найдите мнѣ жениха какого угодно, только порядочнаго человѣка, я за него пойду безъ всякихъ возраженій. Мнѣ хочется поблестѣть, покрасоваться. Такъ жить, какъ мы живемъ, подумайте сами, мнѣ скучно, очень скучно.

Турусина.

Я вхожу въ твое положеніе. Суетность въ твоемъ возрастѣ извинительна.

Машенька.

Когда я буду постарше, ma tante, я, весьма вѣроятно, буду жить такъ же, какъ и вы — это у насъ въ роду.

Турусина.

Дай Богъ, я тебѣ отъ всей души желаю. Это прямой путь, настоящій.

Машенька.

Такъ, ma tante, но мнѣ прежде надо выйти замужъ.

Турусина.

Не хочу скрывать отъ тебя, что я въ большомъ затрудне-

ніи. Нынче молодежь такъ испорчена, что очень трудно найти такого человѣка, который бы мнѣ понравился; ты мои требованія знаешь."

Машенька.

Ахъ, ma tante, ужъ въ Москвѣ-то не найти! Чего-чего въ ней нѣтъ. Все, что̀ угодно. У васъ такое большое знакомство. Можно обратиться къ тому-другому; Крутицкій, Мамаевъ, Городулинъ вамъ помогутъ, укажутъ или найдутъ для васъ точно такого жениха, какого вамъ нужно. Я въ этомъ увѣрена.

Турусина.

Крутицкій, Городулинъ! Вѣдь, они люди, Marie! Они могутъ обмануть, или сами обмануться.

Машенька.

Но какъ же быть?

Турусина.

Надо ждать указанія. Безъ особаго указанія я никакъ не рѣшусь.

Машенька.

Но откуда же явится это указаніе?

Турусина.

Ты скоро узнаешь, откуда; оно явится сегодня же.

Машенька.

Курчаеву не отказывайте отъ дому, пусть ѣздитъ.

Турусина.

Только ты знай, что онъ тебѣ не женихъ.

Машенька.

Я вполнѣ полагаюсь на васъ; я ваша покорная, самая покорная племянница.

Турусина *(цѣлуетъ ее)*.

Ты милое дитя.

Машенька.

Я буду богата, буду жить весело. Вѣдь, и вы прежде весело жили, ma tante?

Турусина.

Откуда ты знаешь?

Машенька.

Я знаю, знаю, что вы жили очень весело.

Турусина.

Да, ты знаешь кое-что, но ты не можешь и не должна всего знать.

Машенька.

Все равно. Вы самая лучшая женщина, какую я знаю, и васъ я беру примѣромъ для себя. *(Обнимаетъ тетку.)* Я тоже хочу жить очень весело; если согрѣшу, я покаюсь. Я буду грѣшить и буду каяться, такъ, какъ вы.

Турусина.

Празднословіе, Магіе! празднословіе!

Машенька *(сложивъ руки).*

Виновата!

Турусина.

Ужъ ты разговорилась очень. Я устала, дай мнѣ отдохнуть, немного успокоиться. *(Цѣлуетъ Машеньку; она уходитъ.)* Милая дѣвушка! На нее и сердиться нельзя; она и сама, я думаю, не понимаетъ, что̀ болтаетъ. Гдѣ же ей понимать? Такъ лепечетъ. Я всѣ силы употреблю, чтобы она была счастлива; она вполнѣ этого заслуживаетъ. Сколько въ ней благоразумія и покорности! Она меня тронула почти до слезъ своею дѣтскою преданностію. Право, такъ взволновала меня. *(Нюхаетъ спиртъ. Входитъ Григорій.)*

Григорій.

Господинъ Крутицкій.

Турусина.

Проси! *(Входитъ Крутицкій.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Турусина и Крутицкій.

Крутицкій *(беретъ ее за руку).*

Что̀, все нервы? а?...

Турусина.

Нервы.

Крутицкій.

Нехорошо! Вотъ и руки холодныя. Ужъ вы того, очень...

Турусина.

Что?

Крутицкій.

Очень, то-есть, прилежно... ну, очень изнурять себя... не надо очень-то...

Турусина.

Я ужъ васъ просила не говорить мнѣ объ этомъ.

Крутицкій.

Ну, ну, не буду.

Турусина.

Садитесь.

Крутицкій.

Нѣтъ, ничего, я не усталъ. Я вотъ гулять пошелъ, ну, дай, думаю, зайду навѣстить старую знакомую, пріятельницу старую... хе, хе, хе... Помните, вѣдь, мы...

Турусина.

Ахъ, не вспоминайте! Я теперь ..

Крутицкій.

А что-жъ такое? Что не вспоминать-то... У васъ въ прошедшемъ было много хорошаго. А если и было кой-что на вашъ взглядъ дурное, такъ ужъ вы, вѣроятно, давно покаялись. Я, признаться вамъ сказать, всегда съ удовольствіемъ вспоминаю и нисколько не раскаиваюсь, что...

Турусина *(съ умоляющимъ видомъ).*

Перестаньте! *(Входитъ Григорій.)*

Григорій.

Сударыня, уродливый пришелъ.

Крутицкій.

Что такое?

Турусина.

Григорій, какъ тебѣ не стыдно! Какой уродливый? Юродивый. Вели его накормить. *(Григорій уходитъ.)* Какъ глупы эти люди, самаго обыкновеннаго назвать не умѣютъ.

Крутицкій.

Ну, я не скажу, чтобы въ нынѣшнее время юродивые были очень обыкновенны. Кромѣ васъ, едва ли ихъ гдѣ встрѣтишь. Обращаюсь къ прежнему разговору. Вы извините, я хотѣлъ вамъ только сказать, что прежде, когда вы вели другой образъ жизни, вы были здоровѣе.

Турусина.

Здоровѣе тѣломъ, но не душою.

Крутицкій.

Ну, ужъ этого я не знаю, это не мое дѣло. Вообще вы съ виду были здоровѣе. Вы еще довольно молоды... вамъ бы еще можно было пожить, какъ слѣдуетъ.

Турусина.

Я живу, какъ слѣдуетъ.

Крутицкій.

Ну, то-есть, рано бы ханжить-то.

Турусина.

Я васъ просила...

Крутицкій.

Ну, виноватъ, виноватъ! не буду.

Турусина.

Вы странный человѣкъ. *(Входитъ Григорій.)*

Григорій.

Сударыня, странный человѣкъ пришелъ.

Турусина.

Откуда онъ, ты не спрашивалъ?

Григорій.

Говоритъ, изъ странъ невѣдомыхъ.

Турусина.

Пустить его и посадить за столъ вмѣстѣ съ тѣми.

Григорій.

Да вмѣстѣ-то они, сударыня, пожалуй...

Турусина.

Поди, поди! *(Григорій уходитъ.)*

Крутицкій.

Вы у этихъ, что изъ невѣдомыхъ-то странъ приходятъ, хоть бы паспорты велѣли спрашивать.

Турусина.

Зачѣмъ?

Крутицкій.

Затѣмъ, что съ ними до бѣды недолго. Вонъ у одного тоже три странника спасались.

Турусина.

Такъ что же?

Крутицкій.

Ну, всѣ трое и оказались граверы хорошіе.

Турусина.

Что-жъ за бѣда?

Крутицкій.

Да ремесло-то плохое.

Турусина.

Чѣмъ же плохое ремесло — гравированіе?

Крутицкій.

Не портреты же они въ земляникахъ-то гравируютъ.

Турусина *(тихо)*.

Лики?

Крутицкій.

Какъ же не лики! Цѣлковые.

Турусина *(съ испугомъ)*.

Ахъ, что вы!

Крутицкій *(садится)*.

Вотъ то-то же! Добродѣтель добродѣтелью, а и осторожность не мѣшаетъ. Вамъ особенно надо беречься. Ужъ это дѣло извѣстное: коли барыня черезчуръ за добродѣтель возьмется, такъ ужъ тутъ мошенникамъ пожива. Потому что обмануть васъ въ это время очень просто.

Турусина.

Я дѣлаю добро для добра, не разбирая людей. Я съ вами хотѣла посовѣтоваться объ одномъ очень важномъ дѣлѣ.

Крутицкій *(подвигаясь)*.

Что такое? Говорите! Я радъ, радъ вамъ служить, чѣмъ могу.

Турусина.

Вы знаете, что Машенька теперь ужъ въ такомъ возрастѣ, что...

Крутицкій.

Да, да, знаю.

Турусина.

Нѣтъ ли у васъ на примѣтѣ молодого человѣка? Вы знаете, какого мнѣ нужно?

Крутицкій.

Какого вамъ нужно? Вотъ это-то и закорючка. Мало ли молодыхъ людей... Да постойте же! Есть, именно такой есть, какого вамъ нужно.

Турусина.

Вѣрно?

Крутицкій.

Я вамъ говорю. Скроменъ не по лѣтамъ, уменъ, дворянинъ, можетъ сдѣлать отличную карьеру. Вообще славный малый... малый славный. Его рекомендовали мнѣ для нѣкоторыхъ занятій; ну, я, того, знаете ли, попыталъ его, что̀, молъ, ты за птица! Парень хоть куда! Далеко пойдетъ, далеко, вотъ увидите.

Турусина.

А кто онъ?

Крутицкій.

Какъ его! Дай Богъ память! Да вотъ, постойте, онъ мнѣ адресъ далъ, онъ мнѣ теперь не нуженъ, люди знаютъ. *(Вынимаетъ бумагу.)* Вотъ! *(Читаетъ.)* Егоръ Дмитріевъ Глумовъ! Каково пишетъ! Чисто, ровно, красиво! По почерку сейчасъ можно узнать характеръ! Ровно — значитъ аккуратенъ... кругло, безъ росчерковъ, — ну, значитъ, не вольнодумецъ. Вотъ возьмите, можетъ быть, и пригодится.

Турусина *(беретъ адресъ).*

Благодарю васъ.

Крутицкій.

Что̀ за благодарность! Вотъ еще! Нашъ долгъ. *(Встаетъ.)* Прощайте. Заходить, а? Или сердитесь?

Турусина.

Ахъ, что̀ вы! Всегда, всегда рада.

Крутицкій.

То-то! Я, вѣдь, любя. Жаль!

Турусина.

Павѣщайте.

Крутицкій.

По старой памяти? хе, хе, хе!... Ну, до свиданья! *(Уходитъ.)*

Турусина.

Вотъ и старый человѣкъ, а какъ легкомысленъ. Какъ ему повѣрить? *(Прячетъ адресъ въ карманъ.)* А все-таки, надо будетъ справиться объ этомъ Глумовѣ. *(Входитъ Григорій.)*

Григорій.

Господинъ Городулинъ.

Турусина.

Проси! *(Григорій уходитъ. Входитъ Городулинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Турусина и Городулинъ.

Турусина.

Очень рада васъ видѣть. Не стыдно вамъ! Что вы пропали?

Городулинъ.

Дѣла, дѣла. То обѣды, то вотъ желѣзную дорогу открывали.

Турусина.

Не вѣрится что-то. Просто, вамъ скучно у меня. Ну, да спасибо и за то, что вотъ изрѣдка навѣщаете. Что̀ наше дѣло?

Городулинъ.

Какое дѣло?

Турусина.

Вы ужъ и забыли? Вотъ прекрасно! Покорно васъ благодарю. Да и я-то глупо сдѣлала, что поручила вамъ. Вы человѣкъ занятый важными дѣлами; когда вамъ помнить о бѣдныхъ, несчастныхъ, угнетенныхъ! Стоитъ заниматься этою малостью!

Городулинъ.

Угнетенныхъ, вы изволите говорить? Насчетъ угнетенныхъ я не могу припомнить ничего-съ. А вотъ, позвольте, я теперь вспомнилъ: вы, кажется, изволили просить меня справиться насчетъ ворожеи?

Турусина.

Не ворожеи, а гадальщицы — это большая разница; къ ворожеѣ я бы не поѣхала ни за что̀.

Городулинъ.

Извините, я сознаюсь въ своемъ невѣжествѣ: я въ этихъ тонкостяхъ не силенъ. Однимъ словомъ, вдова коллежскаго регистратора, Улита Шмыгаева.

Турусина.

Какого бы она званія ни была, это все равно: во всякомъ случаѣ она дама почтенная, строгой жизни, и я горжусь тѣмъ, что пользовалась ея особеннымъ расположеніемъ.

Городулинъ.

Особеннымъ-то ея расположеніемъ, какъ изъ дѣла видно, пользовался отставной солдатъ.

Турусина.

Что вы говорите! Это все вздоръ, клевета! Она имѣла успѣхъ, имѣла знакомство съ лучшими домами, ей позавидовали и оклеветали ее. Но я надѣюсь, что ее оправдали, невинность должна торжествовать.

Городулинъ.

Нѣтъ-съ, ей по Владиміркѣ.

Турусина *(привставъ)*.

Какъ! Вотъ онъ, вашъ хваленый судъ! Сослать невинную женщину! За что же? За то, что она приноситъ пользу другимъ?

Городулинъ.

Да, вѣдь, ее не за гаданье судили.

Турусина.

Нѣтъ, вы мнѣ не говорите! Все это сдѣлано въ угоду нынѣшнему модному невѣрію.

Городулинъ.

Ее судили за укрывательство завѣдомо краденыхъ вещей, за пристанодержательство и за опоеніе какого-то купца.

Турусина.

Ахъ, Боже мой! Что вы говорите!

Городулинъ.

Святую истину. Жена этого купца просила у нея приворотнаго зелья для мужа, чтобы больше любилъ; ну, и сварили зелье по всѣмъ правиламъ, на мадерѣ; только одно забыли — спросить дозволеніе медицинской управы.

Турусина.

Что же купецъ?

Городулинъ.

Подѣйствовало. Умеръ-было, только не отъ любви.

Турусина.

Вамъ все это смѣшно, я вижу. У юристовъ и у медиковъ сердца нѣтъ. И неужели не нашлось ни одного человѣка, который бы заступился за эту бѣдную женщину?

Городулинъ.

Помилуйте, ее защищалъ одинъ изъ лучшихъ адвокатовъ. Краснорѣчіе лилось, клубилось, выходило изъ береговъ и, наконецъ, стихло въ едва замѣтное журчанье. Ничего сдѣлать было нельзя, сама призналась во всемъ. Сначала солдатъ, который пользовался ея особеннымъ расположеніемъ, потомъ она.

Турусина.

Я этого не ожидала! Какъ легко ошибиться! Нельзя жить на свѣтѣ.

Городулинъ.

Не то, что нельзя, а при смутномъ пониманіи вещей, дѣйствительно, мудрено. Теперь ученіе о душевныхъ болѣзняхъ довольно подвинулось, и галлюцинаціи...

Турусина.

Я васъ просила не говорить со мною объ этомъ.

Городулинъ.

Виноватъ, забылъ.

Турусина.

Пусть я ошибаюсь въ людяхъ. Пусть меня обманываютъ. Но помогать людямъ, хлопотать о несчастныхъ — для меня единственное блаженство.

Городулинъ.

Блаженство — дѣло не шуточное. Нынче такъ рѣдко можно встрѣтить блаженнаго человѣка. *(Григорій входитъ.)*

Григорій.

Блаженный человѣкъ пришелъ.

Городулинъ.

Неужели?

Турусина.

Кто онъ такой?

Григорій.

Надо полагать, изъ азіатцевъ-съ.

Городулинъ.

И я тоже полагаю.

Турусина.

Почему ты думаешь, что азіатецъ?

Григорій.

Ужъ очень страшенъ-съ. Такъ даже жутко глядѣть-съ. Ежели, сударыня, къ вечеру, не приведи Господи!

Турусина.

Какъ страшенъ? Что̀ за вздоръ!

Григорій.

Такая свирѣпость необыкновенная-съ. Обросъ весь волосами, только одни глаза видны-съ.

Турусина.

Грекъ, должно быть.

Григорій.

Не очень, чтобы грекъ-съ, еще цвѣтомъ не дошелъ. А какъ вотъ есть, венгерецъ-съ.

Турусина.

Какой венгерецъ? Что̀ ты глупости говоришь!

Григорій.

Вотъ, что мышеловки продаютъ.

Турусина.

Принять его, накормить и спросить, не нужно ли чего ему.

Григорій.

Его, я думаю, особенно-съ...

Турусина.

Ну, ступай, не разсуждай!

Григорій.

Слушаю-съ. *(Уходитъ.)*

Турусина.

У меня къ вамъ просьба, Иванъ Иванычъ.

Городулинъ.

Весь вниманіе.

Турусина.

Я насчетъ Машеньки. Нѣтъ ли у васъ кого на примѣтѣ?

Городулинъ.

Жениха? Помилуйте! Что̀ за фантазія пришла вамъ просить меня? Ну, съ какой стороны я похожъ на сваху московскую? Мое призваніе — рѣшить узы, а не связывать. Я противникъ всякихъ цѣпей, даже и супружескихъ.

Турусина.

А сами носите.

Городулинъ.

Оттого-то я и не желаю ихъ никакому лихому татарину.

Турусина.

Кромѣ шутокъ, нѣтъ ли?

Городулинъ.

Постойте, кого-то я на-дняхъ видѣлъ; такъ у него крупными буквами на лбу и написано: хорошій женихъ. Вотъ, такъ того и гляди, что сію минуту женится на богатой невѣстѣ.

Турусина.

Вспомните, вспомните.

Городулинъ.

Да, да... Глумовъ.

Турусина.

Хорошій человѣкъ?

Городулинъ.

Честный человѣкъ, я больше ничего не знаю. Кромѣ шутокъ, отличный человѣкъ.

Турусина.

Постойте, какъ вы назвали? *(Вынимаетъ бумагу изъ кармана.)*

Городулинъ.

Глумовъ.

Турусина.

Егоръ Дмитричъ?

Городулинъ.

Да.

Турусина.

Вотъ и Крутицкій мнѣ про него же говорилъ.

Городулинъ.

Ну, значитъ, ему и быть, такъ у него и на лбу, то-есть, на роду написано. Прощайте! *(Кланяется и уходитъ.)*

Турусина.

Что это за Глумовъ? Въ другой разъ сегодня я слышу имя этого человѣка. И хотя я не вѣрю ни Крутицкому, ни Городулину, но, все-таки, тутъ что-нибудь да есть, коли его хвалятъ люди совершенно противоположныхъ убѣжденій. *(Зво-*

нитъ. Входитъ Григорій.) Зови барышню и скажи, чтобы всѣ шли сюда. *(Григорій уходитъ.)* Какая потеря для Москвы, что умеръ Иванъ Яковличъ! Какъ легко и просто было жить въ Москвѣ при немъ. Вотъ теперь я ночи не сплю, все думаю, какъ пристроить Машеньку: ну, ошибешься какъ-нибудь, на моей душѣ грѣхъ будетъ. А будь живъ Иванъ Яковличъ, мнѣ бы и думать не о чемъ, съѣздила, спросила — и покойна. Вотъ когда мы узнаемъ настоящую-то цѣну человѣку, когда его нѣтъ! Не знаю, замѣнитъ ли его Манеоа, а много и отъ нея сверхъестественнаго. *(Входятъ: Машенька, 1-я приживалка съ колодой картъ, которую держитъ передъ собой, какъ книгу, 2-я приживалка съ собачкой на рукахъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

1-я приживалка *садится у стола,* 2-я приживалка *садится на скамейкѣ у ногъ Турусиной.*

1-я приживалка.

Прикажете разложить?

Турусина.

Погоди! Ну, Машенька, я говорила о тебѣ и съ Крутицкимъ, и съ Городулинымъ.

Машенька *(съ волненіемъ).*

Говорите. Продолжайте. Я покорилась вашей волѣ и теперь съ трепетомъ жду рѣшенія.

Турусина.

Они оба рекомендовали одного человѣка, точно сговорились.

Машенька.

И прекрасно. Значитъ, человѣкъ достойный. Кто же онъ?

Турусина.

Но я имъ не вѣрю.

1-я приживалка.

Прикажете?

Турусина.

Гадай! Правду ли они говорили? *(Машенькѣ.)* Я имъ не вѣрю; они могутъ ошибаться.

Машенька.

Почему же, ma tante?

Турусина.

Они люди. *(2-й приживалкѣ.)* Не урони собачку!

Машенька.

Кому же вы повѣрите, ma tante? Оракулу? Мнѣ что-то страшно.

Турусина.

Очень естественно. Такъ и надо, и должно быть страшно. Мы не можемъ, не должны безъ страха поднимать завѣсу будущаго. Тамъ, за этой завѣсой, и счастье, и несчастье, и жизнь, и смерть твоя.

Машенька.

Кто же намъ приподниметъ завѣсу?

Турусина.

Тотъ, кто имѣетъ власть. *(Входитъ Григорій).*

Григорій.

Манеѳа-съ.

Турусина.

Вотъ кто! *(Встаетъ, идетъ навстрѣчу Манеѳѣ и всѣ за ней. Входитъ Манеѳа.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же и Манеѳа.

Турусина.

Милости просимъ, пожалуйте.

Манеѳа.

И то иду. Пошла шабала и пришла шабала.

1-я приживалка *(съ умиленіемъ).*

Охъ, батюшки мои!

Турусина *(грозно).*

Молчи!

Манеѳа *(садясь).*

Пришла да сѣла, какъ квашня.

2-я приживалка *(со вздохомъ).*

О, о, о, охъ! Ахъ, премудрость!

1-я приживалка.

Привелъ Господь, дожили!

Манеѳа *(тише)*.

Что вы бѣльмы-то выпучили?

Турусина.

Очень рады, что сподобились видѣть тебя.

1-я приживалка.

Охъ, сподобились!

2-я приживалка.

Всѣ сподобились.

Турусина.

Ждемъ! Что скажешь, мати Манеѳа?

Манеѳа.

Ждемъ! Ждали въ сапогахъ, а пріѣхали въ лаптяхъ.

1-я приживалка.

Батюшки, батюшки! Запоминайте, запоминайте хорошенько!

Турусина.

Я хотѣла спросить тебя...

Манеѳа.

Не спрашивай, впередъ знаю. Знайка бѣжитъ, а незнайка лежитъ. Дѣвкой меньше, такъ бабой больше.

2-я приживалка.

Такъ, такъ, такъ!

Турусина.

Намъ человѣка-то знать нужно. Не скажешь ли чего рабѣ Маріи? Можетъ быть, во снѣ или въ видѣніи тебѣ...

Манеѳа.

Было видѣніе, было. Идетъ Егоръ съ высокихъ горъ.

2-я приживалка.

Скажите! Егоръ!

Машенька *(тихо Турусиной)*.

Вѣдь, и Курчаевъ Егоръ.

Турусина.

Погоди. Кто же онъ такой?

Манеѳа.

А я почемъ знаю? Увидишь, такъ узнаешь!

Турусина.

Когда же мы его увидимъ?

Манеѳа.

Желанный гость зову не ждетъ.

1-я приживалка.

Замѣчайте! Замѣчайте!

Турусина.

Ты намъ хоть примѣты скажи.

2-я приживалка.

Первое дѣло: надо спросить, волосомъ каковъ. Всегда такъ спрашиваютъ, какъ это вы не знаете?

Турусина.

Ну, ужъ ты молчи! Волосомъ каковъ?

Манеѳа.

Къ кому бѣдокуръ, а къ вамъ бѣлокуръ.

Машенька.

Бѣлокурый. Вѣдь, и Курчаевъ бѣлокурый. Можетъ быть, онъ?

Турусина.

Да, вѣдь, ты слышала — видѣніе было. Развѣ можетъ гусаръ благочестивымъ людямъ въ видѣніяхъ являться? Какая ты легкомысленная!

1-я приживалка.

Ахъ, даже удивительно! И по картамъ выходитъ Егоръ.

Турусина.

Что ты мелешь! Какъ ты по картамъ имя увидала?

1-я приживалка.

Тьфу ты! Обмолвилась. Языкъ-то нашъ... то-есть, бѣлокурый по картамъ-то.

Турусина *(Манеѳѣ).*

Тебѣ все извѣстно, а мы грѣшные люди, мы въ сомнѣніи. Егоровъ много, и бѣлокурыхъ тоже довольно.

Манеѳа.

Чужъ чужениинъ далеко, а суженый у воротъ.

Турусина *(и прочіе).*

У воротъ?

Манеѳа.

Сряжайтеся, собирайтеся, гости будутъ.

Турусина.

Когда?

Манеѳа.

Въ сей часъ, въ сей мигъ. *(Всѣ обращаются къ дверямъ. Входитъ Григорій.)* Пріѣхали съ орѣхами. *(Встаетъ.)*

Григорій.

Пилъ Оедосѣичъ Мамаевъ.

Турусина.

Одинъ?

Григорій.

Съ ними молодой баринъ, такой бѣлокурый.

1-я приживалка.

Ахъ! Будемъ ли мы живы?

2-я приживалка.

Не во снѣ ли мы все это видѣли?

Турусина.

Проси! *(Обнимая Машеньку.)* Ну, Машенька, услышаны мои молитвы! *(Садится, нюхаетъ спиртъ.)*

Машенька.

Это такъ необыкновенно, ma tante, я вся дрожу.

Турусина.

Поди, успокойся, другъ мой: ты послѣ выйдешь. *(Машенька уходитъ.)*

Манеѳа.

Конецъ всему дѣлу вѣнецъ. *(Идетъ къ двери.)*

Турусина *(приживалкамъ).*

Возьмите ее подъ руки, да чаю ей, чаю.

Манеѳа.

Кто пьетъ чай, тотъ отчаянный.

Турусина.

Ну, чего только ей угодно. *(Приживалки берутъ подъ руки Манеѳу и идутъ къ двери. Въ дверяхъ останавливаются.)*

1-я приживалка.

Однимъ бы глазкомъ взглянуть.

2-я приживалка.

Умрешь, такихъ чудесъ не увидишь. *(Входятъ Мамаевъ и Глумовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Турусина, Мамаевъ, Глумовъ, Манефа *и приживалки.*

Мамаева.

Софья Игнатьевна, позвольте представить вамъ моего племянника, Егора Дмитріевича Глумова.

Приживалки *(въ дверяхъ).*

Ахъ, Егоръ! Ахъ, бѣлокурый!

Мамаева.

Полюбите его.

Турусина *(встаетъ).*

Благодарю васъ! Я полюблю его, какъ родного сына. *(Глумовъ почтительно цѣлуетъ ея руку. Занавѣсъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена 1-я.

ЛИЦА:

Крутицкій.
Глумовъ.
Мамаева.
Человѣкъ Крутицкаго.

Пріемная у Крутицкаго. Дверь выходная, дверь направо въ кабинетъ, налѣво въ гостиную. Столъ и одинъ стулъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Входитъ Глумовъ, человѣкъ *у двери, потомъ* Крутицкій.

Глумовъ.

Доложи!

Человѣкъ *(заглядывая въ дверь кабинета).*

Сейчасъ выдутъ-съ! *(Выходитъ Крутицкій. Человѣкъ уходитъ.)*

Крутицкій *(кивая головой).*

Готово?

Глумовъ.

Готово, ваше превосходительство. *(Подаетъ тетрадь.)*

Крутицкій.

Чотко, красиво, отлично. Браво, браво! Трактатъ... Отчего же не прожектъ?

Глумовъ.

Прожектъ, ваше превосходительство, когда что-нибудь предлагается новое; у вашего превосходительства, напротивъ, все новое отвергается... *(съ заискивающею улыбкой)* и совершенно справедливо, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Такъ вы думаете, трактатъ?

Глумовъ.

Трактатъ лучше-съ.

Крутицкій.

Трактатъ! Да, ну пожалуй. „Трактатъ о вредѣ реформъ вообще“. „Вообще-то“ не лишнее ли?

Глумовъ.

Это главная мысль вашего превосходительства, что всѣ реформы вообще вредны.

Крутицкій.

Да, коренныя, рѣшительныя; но если неважное что-нибудь измѣнить, улучшить, — я противъ этого ничего не говорю.

Глумовъ.

Въ такомъ случаѣ это будутъ не реформы, а поправки, починки.

Крутицкій *(ударяя себя карандашомъ по лбу)*.

Да, такъ, правда! Умно, умно! У васъ есть тутъ, молодой человѣкъ, есть. Очень радъ; старайтесь!

Глумовъ.

Покорнѣйше благодарю, ваше превосходительство.

Крутицкій *(надѣвая очки)*.

Пойдемъ далѣе. Любопытствую знать, какъ вы начинаете экспликацію моей главной цѣли. „Артикулъ 1-й. Всякая реформа вредна уже по своей сущности. Что заключаетъ въ себѣ реформа? Реформа заключаетъ въ себѣ два дѣйствія: 1) отмѣну

стараго и 2) поставленіе на мѣсто онаго чего-либо новаго. Какое изъ сихъ дѣйствій вредно? И то, и другое одинаково: 1) отметая старое, мы даемъ просторъ опасной пытливости ума проникать причины, почему то или другое отметается, и составлять таковыя умозаключенія: отметается нѣчто непригодное; такое-то учрежденіе отметается, значитъ, оно непригодно. А сего быть не должно, ибо симъ возбуждается свободомысліе и дѣлается какъ бы вызовъ обсуждать то, что̀ обсужденію не подлежитъ". Складно, толково.

Глумовъ.

И совершенно справедливо.

Крутицкій *(читаетъ)*.

„2-е. Поставляя новое, мы дѣлаемъ какъ бы уступку такъ называемому духу времени, который есть не что̀ иное, какъ измышленіе праздныхъ умовъ". Ясно изложено. Надѣюсь, будетъ понятно для всякаго; такъ сказать, популярно.

Глумовъ.

Мудрено излагать софизмы, а неопровержимыя истины...

Крутицкій.

Вы думаете, что это неопровержимыя истины?

Глумовъ.

Совершенно убѣжденъ, ваше превосходительство.

Крутицкій *(оглядывается)*.

Что̀ это они другого стула не ставятъ?

Глумовъ.

Ничего-съ, я и постою, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Конечно, нельзя всякому дозволить: другой, пожалуй, разсядется... магазинщикъ со счетомъ, или портной пріѣдетъ...

Глумовъ.

Не извольте безпокоиться, ваше превосходительство. Я долженъ буду просить извиненія у вашего превосходительства.

Крутицкій.

Что̀ такое, мой любезный, что̀ такое?

Глумовъ.

Въ вашемъ трактатѣ нѣкоторыя слова и выраженія оставлены мной безъ всякаго измѣненія.

Крутицкій.

Почему?

Глумовъ.

Слабъ современный языкъ для выраженія всей граціозности вашихъ мыслей.

Крутицкій.

Напримѣръ?

Глумовъ.

Въ двадцать-пятомъ артикулѣ: о положеніи мелкихъ чиновниковъ въ присутственныхъ мѣстахъ...

Крутицкій.

Ну?

Глумовъ.

Вашимъ превосходительствомъ весьма сильно выражена прекрасная мысль о томъ, что не слѣдуетъ увеличивать содержаніе чиновникамъ и вообще улучшать ихъ положеніе, что, напротивъ, надобно значительное увеличеніе жалованья предсѣдателямъ и членамъ.

Крутицкій.

Не помню. *(Перелистываетъ тетрадь.)*

Глумовъ.

Я, ваше превосходительство, помню наизусть, да не только этотъ параграфъ, а и весь трактатъ.

Крутицкій.

Вѣрю, но удивляюсь. Для чего?

Глумовъ.

У меня, вѣдь, цѣлая жизнь впереди: нужно запасаться мудростію; не часто можетъ представиться такой случай, а если представится, такъ надо имъ пользоваться. Не изъ журналовъ же учиться уму-разуму?

Крутицкій.

Еще бы!

Глумовъ.

Молодому человѣку и свихнуться не трудно!

Крутицкій.

Похвально, похвально! Пріятно видѣть такой образъ мыслей въ молодомъ человѣкѣ. Что тамъ ни толкуй, а благонамѣренность хорошее дѣло.

Глумовъ.

Первое, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ну, такъ что-жъ у меня тамъ, въ двадцать-пятомъ артикулѣ?

Глумовъ.

Артикулъ двадцать-пятый. „Увеличеніе окладовъ въ присутственныхъ мѣстахъ, если почему-либо таковое потребуется, должно быть производимо съ крайней осмотрительностію и то только предсѣдателямъ и членамъ присутствія, а отнюдь не младшимъ чиновникамъ. Увеличеніе окладовъ старшимъ можетъ быть произведено на тотъ конецъ, дабы сіи наружнымъ блескомъ поддерживали величіе власти, которое должно быть ей присуще. Подчиненный же, сытый и довольный, получаетъ несвойственныя его положенію осанистость и самоуваженіе, тогда какъ, для успѣшнаго и стройнаго теченія дѣлъ, подчиненный долженъ быть робокъ и постоянно трепетенъ".

Крутицкій.

Да, такъ, вѣрно, вѣрно!

Глумовъ.

Вотъ слово: „трепетенъ", ваше превосходительство, меня очаровало совершенно.

Крутицкій *(погрузившись въ чтеніе, изрѣдка взглядываетъ на Глумова).*

(Какъ бы мелькомъ.) Коли куришь, такъ кури. Спички на каминѣ.

Глумовъ.

Я не курю, ваше превосходительство. А впрочемъ, какъ прикажете?

Крутицкій.

Вотъ еще! Мнѣ-то какое дѣло? Дядя не видалъ твоей работы?

Глумовъ.

Какъ можно! Какъ же бы я осмѣлился!

Крутицкій.

Ну, то-то же. Онъ только говоритъ, что уменъ, а вѣдь, онъ болванъ совершенный.

Глумовъ.

Не смѣю спорить съ вашимъ превосходительствомъ.

Крутицкій.

Онъ только другихъ учитъ, а самъ попробуй написать, вотъ мы и увидимъ. А жена тоже, вѣдь, дура замѣчательная.

Глумовъ.

Не заступлюсь и за нее.

Крутицкій.

Какъ ты съ ними уживаешься — не понимаю?

Глумовъ.

Нужда, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ты служишь?

Глумовъ.

Поступаю. По протекціи тетушки, Иванъ Иванычъ Городулинъ обѣщалъ достать мѣсто.

Крутицкій.

Вотъ еще нашли человѣка. Опредѣлитъ онъ тебя. Ты ищи прочнаго мѣста; а эти всѣ городулинскія-то мѣста скоро опять закроются, вотъ увидишь. Онъ у насъ считается человѣкомъ опаснымъ. Ты это замѣть.

Глумовъ.

Я не по новымъ учрежденіямъ...

Крутицкій.

Да, да. А ужъ я думалъ... Ну, что-жъ, поступай. Безъ службы болтаться хуже. Потомъ, если хочешь, я тебѣ могу письма дать, въ Петербургъ перейдешь; тамъ служить виднѣе. У тебя прошедшее-то хорошо, чисто совершенно? Тебя можно рекомендовать?

Глумовъ.

Я лѣнивъ былъ учиться, ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ну, что-жъ, это не важно. Очень-то заучишься, такъ оно, пожалуй, и хуже. Нѣтъ ли чего важнѣе?

Глумовъ.

Мнѣ совѣстно признаться передъ вашимъ превосходительствомъ.

Крутицкій *(съ серьезнымъ видомъ)*.

Что такое? Ужъ ты лучше говори прямо.

Глумовъ.

Въ молодости грѣшки, увлеченія...

Крутицкій.

Говори, не бойся.

Глумовъ.

Въ студенческой жизни, ваше превосходительство... только я больше старыхъ обычаевъ придерживался.

Крутицкій.

Какихъ старыхъ обычаевъ? Что ты, раскольникъ, что ли?

Глумовъ.

То-есть, не такъ велъ себя, какъ нынѣшніе студенты.

Крутицкій.

А какъ же?

Глумовъ.

Покучивалъ, ваше превосходительство; случались кой-какія исторіи не въ указные часы, небольшія стычки съ полиціей.

Крутицкій.

И только?

Глумовъ.

Больше ничего, ваше превосходительство. Сохрани меня Богъ, сохрани Богъ!

Крутицкій.

Что-жъ, это даже очень хорошо. Такъ и должно быть. Въ молодыхъ лѣтахъ надо пить, кутить. Чего тутъ стыдиться? Вѣдь, ты не барышня. Ну, такъ, значитъ, я на твой счетъ совершенно покоенъ. Я не люблю оставаться неблагодарнымъ. Ты мнѣ съ перваго раза понравился; я ужъ за тебя замолвилъ въ одномъ домѣ словечко.

Глумовъ.

Мнѣ сказывала Софья Игнатьевна. Я не нахожу словъ благодарить ваше превосходительство.

Крутицкій.

Ты приставался, что ли? Тутъ, вѣдь, купецъ очень порядочный.

Глумовъ.

Я на деньги глупъ, ваше превосходительство; дѣвушка очень хороша.

Крутицкій.

Ну, не умѣю тебѣ сказать. Онѣ, братъ, всѣ одинаковы; вотъ тетка, знаю, что ханжа.

Глумовъ.

Любовь нынче не признаютъ, ваше превосходительство, а я знаю по себѣ, какое это великое чувство.

Крутицкій.

Пожалуй, не признавай, никому отъ того ни тепло, ни холодно; а какъ заберетъ, такъ скажешься. Со мной было въ Бессарабіи, лѣтъ 40 тому назадъ: я было умеръ отъ любви. Что ты смотришь на меня?

Глумовъ.

Скажите, пожалуйста, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Горячка сдѣлалась. Вотъ ты и не признавай. Ну, что-жъ, давай Богъ, давай тебѣ Богъ! Я очень радъ. Будешь капиталистомъ, найдемъ тебѣ мѣсто видное, покойное. Намъ такіе люди нужны. Ты, вѣдь, будешь изъ нашихъ? Намъ теперь поддержка нужна, а то молокососы одолѣвать начали. Но, однако, мой милый, сколько же я тебѣ долженъ за твой трудъ?

Глумовъ.

Не обижайте, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Ты меня не обижай!

Глумовъ.

Если ужъ хотите вознаградить меня, такъ осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Что такое? Въ чемъ дѣло?

Глумовъ.

Бракъ — такое дѣло великое, такой важный шагъ въ жизни... не откажитесь!... благословеніе такого высокодобродѣтельнаго лица будетъ служить залогомъ... уже знакомство съ особой вашего превосходительства есть счастіе, а въ нѣкоторомъ родѣ родство, хотя и духовное, это даже и для будущихъ дѣтей...

Крутицкій.

Въ посажёные отцы, что ли? Я что-то не пойму.

Глумовъ.

Осчастливьте, ваше превосходительство!

Крутицкій.

Изволь, изволь! Ты бы такъ и говорилъ. Это дѣло не мудреное.

Глумовъ.

Я передамъ и Софьѣ Игнатьевнѣ.

Крутицкій.

Передавай, пожалуй.

Глумовъ.

Я не нуженъ вашему превосходительству?

Крутицкій.

Нѣтъ.

Глумовъ.

Честь имѣю кланяться.

Крутицкій.

О моемъ мараньи молчи. Оно скоро будетъ напечатано, безъ моего имени, разумѣется; одинъ редакторъ просилъ; онъ, хотя это довольно странно, очень порядочный человѣкъ, пишетъ такъ учтиво: ваше превосходительство, осчастливьте, ну и прочее. Коли будетъ разговоръ о томъ, кто писалъ, — будто ты не знаешь.

Глумовъ.

Слушаю, ваше превосходительство! *(Кланяется и уходитъ.)*

Крутицкій.

Прощай, мой любезный! Что ужъ очень бранятъ молодежь? Вотъ, значитъ, есть же и изъ нихъ: и съ умомъ, и съ сердцемъ малый. Онъ льстивъ и, какъ будто, немного надменъ, ну, да вотъ оперится, такъ это, можетъ быть, пройдетъ. Если эта подлость въ душѣ, такъ не хорошо, а если только въ манерахъ, такъ большой бѣды нѣтъ; съ деньгами и съ чинами это постепенно исчезаетъ. Родители, должно быть, были бѣдные, а мать попрошайка: „у того ручку поцѣлуй, у другого поцѣлуй": ну, вотъ оно и въѣлось. Впрочемъ, это, все-таки, лучше, чѣмъ грубость. *(Входитъ человѣкъ.)*

Человѣкъ.

Госпожа Мамаева! Онѣ въ гостиной-съ. Я докладывалъ, что ея превосходительства дома нѣтъ-съ.

Мамаева *(за дверью).*

Не помѣшаю?

Крутицкій.

Нѣтъ, нѣтъ! *(Человѣку.)* Подай кресло! *(Человѣкъ уходитъ, возвращается съ кресломъ. Входитъ Мамаева.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Крутицкій и Мамаева.

Мамаева.

Будетъ вамъ дѣлами-то заниматься! Что бы съ молодыми дамами полюбезничать! А то сидитъ въ своемъ кабинетѣ! Такой нелюбезный старичокъ.

Крутицкій.

Гдѣ ужъ мнѣ? Былъ конь, да уѣздился! Хе-хе-хе! Пора и молодымъ дорогу дать.

Мамаева *(садясь).*

Нынче и молодежь-то хуже стариковъ.

Крутицкій.

Жалуетесь?

Мамаева.

Развѣ неправда?

Крутицкій.

Правда, правда. Никакой поэзіи нѣтъ, никакихъ благородныхъ чувствъ. Я думаю, это оттого, что на театрѣ трагедій не даютъ. Возобновить бы Озерова, вотъ молодежь-то бы и набиралась этихъ деликатныхъ, тонкихъ чувствъ. Да чаще давать трагедіи, черезъ день. Ну, и Сумарокова тоже. У меня прожектъ написанъ объ улучшеніи нравственности въ молодомъ поколѣніи: для дворянъ трагедіи Озерова, для простого народа продажу сбитня дозволить. Мы, бывало, всѣ трагедіи наизусть знали, а нынче скромно! Они и по книгѣ-то

прочесть не умѣютъ. Вотъ оттого въ насъ и рыцарство было, и честность, а теперь одни деньги. *(Декламируетъ.)*

Мнѣ ждать ли, чтобъ судьба прервала свой теченье,
Когда къ страданію даны мнѣ грустны дни?
Прерву.

Помните?

Мамаева.

Ну, какъ же не помнить! Вѣдь, чай, этому лѣтъ пятьдесятъ — не больше, такъ какъ же мнѣ не помнить?

Крутицкій.

Извините, извините! Я считаю васъ моей ровесницей. Ахъ, я и забылъ вамъ сказать! Я вашимъ родственникомъ очень доволенъ. Прекрасный молодой человѣкъ.

Мамаева.

Не правда ли, милъ?

Крутицкій.

Да, да. Вѣдь, ужъ и вы его балуете.

Мамаева.

Да чѣмъ же?

Крутицкій.

Позвольте, вспомнилъ еще. *(Декламируетъ.)*

О, боги! Не прошу отъ васъ рѣчей искусства:
Но дайте нынѣ мнѣ языкъ души и чувства!

Очаровательно!

Мамаева.

Чѣмъ же балуемъ?

Крутицкій.

Ну, да какъ же! Жените. Какую невѣсту нашли...

Мамаева *(съ испугомъ).*

Какую? Вы ошибаетесь.

Крутицкій *(декламируетъ).*

О, матерь, слезный токъ, коль можно, осуши!
А ты, сестра, умѣрь унынiе души!

Мамаева.

На комъ же, на комъ?

Крутицкій.

Да, Боже мой! На Трусиной. Будто не знаете? Двѣсти тысячъ приданаго.

Мамаева *(встаетъ)*.

Не можетъ быть, не можетъ быть, я говорю вамъ.

Крутицкій *(декламируетъ)*

При вѣсти таковой задумчивъ пребываешь;
Вздыханья тяжкія въ груди своей скрываешь,
И горесть мрачная въ чертахъ твоихъ видна!

Мамаева.

Ахъ, вы надоѣли мнѣ съ вашими стихами!

Крутицкій.

Но онъ, кажется, парень съ сердцемъ. Вы, говоритъ, ваше превосходительство, не подумайте, что я изъ-за денегъ. Звалъ меня въ посажёные отцы: сдѣлайте, говоритъ, честь. Ну, что-жъ не сдѣлать? Я, говоритъ, не изъ приданаго; мнѣ, говоритъ, дѣвушка нравится. Ангелъ, ангелъ, говоритъ, и такъ съ чувствомъ говоритъ. Ну, что-жъ, прекрасно! Дай ему Богъ. Нѣтъ, а вы возьмите, вотъ въ Донскомъ. *(Декламируетъ.)*

Когда россіянинъ рѣшится слово дать,
То безъ стыда ему не можетъ измѣнять.

Мамаева.

Ой!

Крутицкій.

Что съ вами?

Мамаева.

Мигрень. Ахъ, я больна совсѣмъ!

Крутицкій.

Ну, ничего. Пройдетъ. *(Декламируетъ.)*

Ты знаешь, что союзъ сей вѣренъ до того...

Мамаева.

Ахъ, подите вы! Скажите вашей женѣ, что я хотѣла ее подождать, да не могу, очень дурно себя чувствую. Ахъ! Прощайте!

Крутицкій.

Да ничего. Что вы? У васъ видъ такой здоровый. *(Декламируетъ.)*

Чтобъ при соперницѣ въ измѣнѣ обличить
И ревностью его веселье отравить...

Мамаева.

Прощайте, прощайте! *(Быстро уходитъ.)*

Крутицкій.

Что ее кольнуло? Поди вотъ съ бабами! Хуже, чѣмъ дивизіей командовать. *(Беретъ тетрадь.)* Заняться на досугѣ. Никого не принимать! *(Уходитъ въ кабинетъ.)*

Сцена 2-я.

ЛИЦА:

Глумовъ.
Глумова.
Мамаева.
Голутвинъ.

Комната 1-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Глумовъ *выходитъ изъ боковой двери съ дневникомъ, потомъ* Глумова.

Глумовъ.

Насилу кончилъ. Интересный разговоръ съ Крутицкимъ записанъ весь. Любопытный памятникъ для потомства! Чего стоило весь этотъ вздоръ запомнить! Я, кажется, въ разговорѣ съ нимъ пересолилъ немного. Еще молодъ, увлекаюсь, увлекаюсь. Ну, да это не мѣшаетъ, кашу масломъ не испортишь. Вотъ дядюшка у меня прелесть! Самъ научилъ за женой ухаживать. И тутъ я увлекся. Это дѣло ужъ не шуточное! Тутъ надо держать ухо востро. Какъ мы отъ нея ни скрываемъ наше сватовство, а все-жъ узнаетъ; пожалуй, и помѣшаетъ, хоть не изъ любви, такъ изъ ревности; женщины завистливы, любить-то не всякая умѣетъ, а ревновать-то вся-

кая мастерица. *(Входитъ Глумова.)* Маменька, вы къ Турусиной?

Глумова.

Къ Турусиной.

Глумовъ *(глядя на часы и строго).*

Вы немного поздно, маменька! Туда надо съ утра итти. И каждый день, каждый день. Такъ и живите тамъ.

Глумова.

Можно и надоѣсть.

Глумовъ.

Ну, да ужъ что дѣлать. Сойдитесь съ прислугой, съ гадальщицами, съ странницами, съ приживалками; не жалѣйте для нихъ никакихъ подарковъ. Зайдите теперь въ городъ, купите двѣ табакерки серебряныхъ, небольшихъ. Всѣ эти приживалки табакъ нюхаютъ зло и очень любятъ подарки.

Глумова.

Хорошо, хорошо!

Глумовъ.

Главное, блюдите всѣ входы и выходы, чтобъ ничто сомнительное ни подъ какимъ видомъ не могло проникнуть въ домъ. Для этого ублажайте прислугу: у прислуги чутье хорошее. Ну, прощайте! Торопите, чтобъ поскорѣе парадный сговоръ.

Глумова.

Говорятъ, ближе, какъ черезъ недѣлю, нельзя. *(Уходитъ.)*

Глумовъ.

Ухъ, долго! Измучаешься. Богатство само прямо въ руки плыветъ; прозѣвать такой случай будетъ и жалко, и грѣхъ непростительный. *(Садится къ столу.)* Что-то я хотѣлъ добавить въ дневникъ? Да, расходъ записать. *(Записываетъ.)* Двѣ табакерки приживалкамъ. *(Заслыша стукъ экипажа подходитъ къ окну.)* Это кто? Клеопатра Львовна. Что за чудо! Знаетъ она или не знаетъ? Сейчасъ увидимъ. *(Входитъ Мамаева.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Глумовъ и Мамаева.

Глумовъ.

Могъ ли я ожидать такого счастія! Если бы всѣ олимпійскіе боги сошли съ неба...

Мамаева.

Не горячитесь, я не къ вамъ: я зашла вашу матушку навѣстить.

Глумовъ *(про-себя).*

Не знаетъ. *(Громко.)* Она только вышла передъ вами.

Мамаева.

Жаль!

Глумовъ *(подавая стулъ).*

Присядьте! Осчастливьте мою хату, освѣтите ее своимъ блескомъ.

Мамаева *(садясь).*

Да, мы счастливимъ, а насъ дѣлаютъ несчастными.

Глумовъ.

Несчастными? Да вы знаете ли, какое это преступленіе? Даже огорчить-то васъ чѣмъ-нибудь, и то надо имѣть черную душу и звѣрское сердце.

Мамаева.

Черную душу и звѣрское сердце! Да, вы правду говорите.

Глумовъ.

Ни черной души, ни звѣрскаго сердца у меня нѣтъ, значитъ...

Мамаева.

Что̀ „значитъ“?

Глумовъ.

Значитъ, я и не огорчу васъ ничѣмъ.

Мамаева.

Вѣрить прикажете?

Глумовъ.

Вѣрьте!

Мамаева.

Будемъ вѣрить.

Глумовъ *(про-себя).*

Не знаетъ. *(Громко.)* Какъ мнѣ огорчить васъ? Я, страстный, робкій юноша, давно искалъ привязанности, давно искалъ теплаго женскаго сердца; душа моя пила въ одиночествѣ. Съ трепетомъ сердца, съ страшной тоской я искалъ глазами ту женщину, которая бы позволила мнѣ быть ея рабомъ. Я бы назвалъ ее своей богиней, отдалъ ей всю жизнь, всѣ свои мечты и надежды. Но я былъ бѣденъ, незначителенъ, и отъ меня отворачивались. Мои молитвы, мои вздохи про-

падали, гасли даромъ. И вотъ явились передо мною вы, сердце мое забилось сильнѣй прежняго; но вы не были жестокой красавицей, вы не оттолкнули меня, вы снизошли къ несчастному страдальцу, вы согрѣли бѣдное сердце взаимностью, и я счастливъ, счастливъ, безконечно счастливъ! *(Цѣлуетъ руку.)*

Мамаева.

Вы женитесь?

Глумовъ.

Какъ? Нѣтъ... да... но!

Мамаева.

Вы женитесь?

Глумовъ.

То-есть, вашъ мужъ хочетъ женить меня, а я не думалъ. Да я и не расположенъ совсѣмъ, и не желаю.

Мамаева.

Какъ онъ васъ любитъ, однако! Противъ воли хочетъ сдѣлать счастливымъ!

Глумовъ.

Онъ хочетъ женить меня на деньгахъ. Не все же мнѣ быть бѣднымъ писарькомъ, пора мнѣ быть самостоятельнымъ человѣкомъ, имѣть значеніе. Очень естественно, онъ хочетъ мнѣ добра; жаль только, что не справился о моихъ чувствахъ.

Мамаева.

На деньгахъ? А невѣста вамъ не нравится?

Глумовъ.

Конечно, не нравится. Да развѣ можетъ...

Мамаева.

Такъ вы ее не любите?

Глумовъ.

Да могу ли я? Кого же я буду обманывать: ее, или васъ?

Мамаева.

Можетъ быть, обѣихъ.

Глумовъ.

За что вы меня мучаете подозрѣніями? Нѣтъ, я вижу, это надо кончить.

Мамаева.

Какъ кончить?

Глумовъ.

Пусть дядюшка сердится, какъ хочетъ, я скажу ему рѣшительно, что не хочу жениться.

Мамаева.

Правда?

Глумовъ.

Сегодня же скажу.

Мамаева.

И прекрасно. Безъ любви что̀ за бракъ!

Глумовъ.

И вы могли подумать? И вамъ не совѣстно?

Мамаева.

Теперь, когда я вижу такое безкорыстіе, разумѣется, совѣстно.

Глумовъ *(съ жаромъ).*

Я вашъ, вашъ, всегда вашъ! Только ужъ вы ни слова: ни дядюшкѣ, никому; я самъ все устрою. А то вы себя выдадите.

Мамаева.

Конечно, конечно.

Глумовъ.

Вотъ что̀ значитъ застѣнчивость! Я боялся сказать прямо дядюшкѣ, что не хочу жениться, отдѣлывался полусловами: посмотримъ, увидимъ, къ чему сѣшить! А вотъ что̀ изъ этого вышло! Я далъ поводъ подозрѣвать себя въ низости. *(Звонокъ.)* Кто это? Вотъ очень нужно. *(Идетъ къ дверямъ.)*

Мамаева *(про-себя).*

Онъ меня обманываетъ. Это ясно. Ему хочется успокоить меня, чтобъ я не мѣшала.

Глумовъ.

Клеопатра Львовна, войдите въ маменькину комнату, кто-то пришелъ ко мнѣ. *(Мамаева уходитъ. Входитъ Голутвинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глумовъ и Голутвинъ.

Глумовъ *(пристально глядя на Голутвина).*

Ну-съ?

Голутвинъ.

Во-первыхъ, такъ не принимаютъ, а во-вторыхъ, я усталъ, потому что на своихъ къ вамъ. *(Садится.)*

Глумовъ.

Что̀ вамъ нужно отъ меня?

Голутвинъ.

Пустяки. Minimum 25 рублей, а больше — сколько хотите, я не обижусь.

Глумовъ.

Да, вотъ что̀! На бѣдность? Да кто же вамъ сказалъ, что я имѣю возможность давать такую щедрую милостыню?

Голутвинъ.

Я не милостыню прошу, я за трудъ.

Глумовъ.

За какой?

Голутвинъ.

Я ходилъ за вами, наблюдалъ, собиралъ свѣдѣнія, черты изъ жизни вашей, написалъ вашу біографію и приложилъ портретъ. Въ особенности живо изобразилъ послѣднюю вашу дѣятельность. Такъ не угодно ли вамъ купить у меня оригиналъ, а то я продамъ въ журналъ. Вы видите, я прошу недорого, цѣню себя невысоко.

Глумовъ.

Меня не испугаете. Печатайте! Кто васъ читаетъ?

Голутвинъ.

Да, вѣдь, я и не тысячу рублей прошу. Я знаю, что большого вреда вамъ сдѣлать не могу; ну, а все-таки, непріятность, скандальчикъ. Вѣдь, лучше для васъ, если-бъ его не было совсѣмъ, ну, такъ и заплатите!

Глумовъ.

Знаете, какъ называется вашъ поступокъ?

Голутвинъ.

Знаю. Умѣнье пользоваться обстоятельствами.

Глумовъ.

Да честно ли это?

Голутвинъ.

Вотъ этого не знаю. А все-таки, должно быть, честнѣе, чѣмъ посылать безыменныя письма.

Глумовъ.

Какія письма? Чѣмъ вы докажете?

Голутвинъ.

Не горячитесь! Заплатите лучше; я вамъ совѣтую.

Глумовъ.

Ни копейки!

Голутвинъ.

У васъ теперь богатая невѣста въ виду. Что̀ хорошаго, прочитаетъ. „Ахъ!“ скажетъ... Не ссорьтесь со мной, заплатите! И мнѣ-то хлѣбъ, и вамъ покойнѣе. Право, дешево прошу.

Глумовъ.

За что̀ платить? Вы этакъ, пожалуй, повадитесь, въ другой разъ придете.

Голутвинъ.

Честное слово. За кого вы меня принимаете?

Глумовъ *(указывая на дверь)*.

Прощайте.

Голутвинъ.

А то, вѣдь, въ слѣдующемъ нумерѣ.

Глумовъ.

Въ какомъ хотите!

Голутвинъ.

Пять рублей уступлю, деньги пустыя.

Глумовъ.

Пяти копеекъ не дамъ.

Голутвинъ.

Ну, какъ хотите. Напироски нѣтъ у васъ?

Глумовъ.

Нѣтъ. Освободите меня отъ вашего посѣщенія.

Голутвинъ.

Сейчасъ. Отдохну немного.

Глумовъ.

Васъ Курчаевъ подослалъ?

Голутвинъ.

Нѣтъ, мы съ нимъ поругались. Онъ тоже гусь порядочный, въ родѣ васъ.

Глумовъ.

Ну, довольно.

Голутвинъ *(встаетъ и заглядываетъ въ дверь).*

Что это у васъ тамъ?

Глумовъ.

Что за низость! Убирайтесь!

Голутвинъ.

Любопытно.

Глумовъ.

Убирайтесь, говорю вамъ.

Голутвинъ *(уходя).*

Вы не умѣете цѣнить чужого благородства оттого, что въ васъ своего нѣтъ. *(Идетъ въ переднюю.)*

Глумовъ.

Вотъ еще принесло! Ну, да пусть печатаетъ! *(Идетъ за Голутвинымъ.)*

Голутвинъ *(изъ двери).*

Два слова только. *(Глумовъ уходитъ за нимъ въ переднюю и затворяетъ дверь. Выходитъ Мамаева.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Мамаева *одна, потомъ* Глумовъ.

Мамаева.

Никого нѣтъ. Куда же онъ дѣлся? *(Подходитъ къ столу.)* Это что? Дневникъ его. Ай, ай, какъ зло! Это ужасно! А вотъ о невѣстѣ! Я такъ и знала; онъ меня обманываетъ! Какой глупый человѣкъ! Ахъ, Боже мой! Это про меня-то! Мнѣ дурно, я падаю... Низкій, низкій человѣкъ! *(Отираетъ слезы. Подумавши.)* Вотъ мысль! Онъ никакъ не подумаетъ на меня. *(Прячетъ дневникъ въ карманъ и отходитъ отъ стола.)* О, какъ я могу его унизить! Какъ мнѣ пріятно будетъ видѣть его униженіе! Когда всѣ отвернутся отъ него, бросятъ, выкинутъ его, какъ негодную вещь, какой кроткой овечкой онъ приползетъ ко мнѣ. *(Входитъ Глумовъ.)*

Глумовъ.

Это ужъ изъ рукъ вонъ!

Мамаева.

Кто былъ у васъ?

Глумовъ.

Такихъ людей нельзя пускать ни подъ какимъ видомъ. Написалъ ругательную статью на меня и пришелъ за деньгами, а то, говоритъ, напечатаю.

Мамаева.

Что вы за ужасы говорите! Это тѣ же брави. Кто онъ такой, желаю знать!

Глумовъ.

Зачѣмъ вамъ?

Мамаева.

Ну, хоть для того, чтобы беречься его.

Глумовъ.

Голутвинъ.

Мамаева.

Гдѣ живетъ?

Глумовъ.

Гдѣ день, гдѣ ночь. Адресъ можно узнать въ редакціи. Да зачѣмъ вамъ?

Мамаева.

А если кто меня обидитъ, вотъ и мщеніе! Другого нѣтъ у женщинъ: дуэли для насъ не существуютъ.

Глумовъ.

Вы шутите?

Мамаева.

Конечно, шучу. Вы дали ему денегъ?

Глумовъ.

Немного. Онъ, вѣдь, не дорогъ. Все-таки, покойнѣе. Всякій скандалъ не хорошъ.

Мамаева.

А если ему дадутъ больше?

Глумовъ.

Кому же нужно? У меня враговъ нѣтъ.

Мамаева.

Значитъ, вы покойны. Ахъ, бѣдный! Какъ онъ васъ разстроилъ! Такъ вы рѣшительно отказываетесь отъ невѣсты?

Глумовъ.

Рѣшительно.

Мамаева.

Да вы знаете ли, чего вы себя лишаете?

Глумовъ.

Денегъ. Промѣняю ли я рай на деньги?

Мамаева.

Да, вѣдь, много денегъ, двѣсти тысячъ.

Глумовъ.

Знаю.

Мамаева.

Кто же это дѣлаетъ?

Глумовъ.

Тотъ, кто истинно любитъ.

Мамаева.

Да, вѣдь, этого не бываетъ.

Глумовъ.

Вотъ вамъ доказательство, что бываетъ.

Мамаева.

Вы герой! Вы герой! Ваше имя будетъ записано въ исторію. Придите въ мои объятія. *(Обнимаетъ его.)* Ну, прощайте, душа моя! Жду васъ сегодня вечеромъ. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Глумовъ *(одинъ)*.

Ну, какъ гора съ плечъ! Пора къ невѣстѣ. *(Беретъ шляпу и смотрится въ зеркало.)* Разумѣется, все это мелочи; но когда дѣло-то рискованное, такъ всего боишься. Правъ-то у меня на эту невѣсту и, главное, на это приданое никакихъ. Все взято одной энергіей. Цѣлый замокъ виситъ на воздухѣ безъ фундамента. Все это можетъ лопнуть и разлетѣться въ прахъ каждую минуту. Поневолѣ будешь пугливъ и остороженъ. Ну, да теперь мнѣ бояться нечего! Клеопатру Львовну успокоилъ. Голутвину заплачено. Пока я все уладилъ. *(Напѣвъ.)* Все уладилъ, все уладилъ. Я съ этими хлопотами разсѣянъ сталъ. Шляпа, перчатки... Гдѣ перчатки, гдѣ перчатки? Вотъ онѣ. *(Подходитъ къ столу.)* Въ этомъ карманѣ бумажникъ, въ этомъ дневникъ *(Не глядя, шаритъ рукой по столу, а другую опускаетъ въ задній карманъ.)* Платокъ

здѣсь. *(Оборачивается къ столу.)* Что такое? Гдѣ же? *(Открываетъ ящикъ.)* Куда я его засунулъ? Да что же это такое? Вотъ еще бѣда-то! Да нѣтъ, не можетъ быть? Я его здѣсь положилъ. Я сейчасъ видѣлъ его. А-ахъ!... Гдѣ же онъ? Нельзя, нельзя... *(Стоитъ молча.)* Падаетъ, все падаетъ... и я валюсь, въ глубокую пропасть валюсь. Зачѣмъ я его завелъ? Что за подвиги въ него записывалъ? Глупую, дѣтскую злобу тѣшилъ. Нѣтъ, ужъ если такія дѣла дѣлать, такъ нечего ихъ записывать! Ну, вотъ и представилъ публикѣ „Записки подлеца, имъ самимъ написанныя". Да что же я самъ-то себя ругаю? Меня еще будутъ ругать, всѣ ругать. Кто же это? Онъ или она? Если онъ, я выкуплю: онъ на деньги пойдетъ; еще бѣда не велика. А если она? Ну, тутъ ужъ одно краснорѣчіе. Женское сердце мягко. Мягко-то оно мягко; за то ужъ, вѣдь, и злѣй-то женщины ничего на свѣтѣ нѣтъ, если ее обидѣть чувствительно. Страшно становится. Женщина отомститъ ужасно, она можетъ такую гадость придумать, что мужчинѣ и въ голову не придетъ. Ну, ужъ дѣлать нечего. Бездѣйствіе хуже. Пойду прямо въ пасть къ гіенѣ. *(Уходитъ.)*

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

ЛИЦА:

Турусина.
Машенька.
Мамаевъ.
Мамаева.
Крутицкій.
Городулинъ.
Глумовъ.
Курчаевъ.
Григорій.

Большая терраса на дачѣ; прямо садъ; по сторонамъ двери.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Курчаевъ *и* Машенька *выходятъ изъ гостиной.*

Курчаевъ.

Какъ все это быстро сдѣлалось.

Машенька.

Я сама не понимаю. Тутъ или самая тонкая интрига, или...

Курчаевъ.

Что вы думаете?

Машенька.

Я ничего не думаю; я просто голову потеряла.

Курчаевъ.

Я его знаю давно, и ничего особеннаго въ немъ не замѣчалъ; кажется, человѣкъ хорошій.

Машенька.

Онъ явился какимъ-то неотразимымъ. Все за него. Всѣ знакомые тетушки рекомендуютъ прямо его; приживалки во снѣ его видятъ каждую ночь, станутъ на картахъ гадать — выходитъ онъ; гадальщицы указываютъ на него, странницы тоже; наконецъ, Манеоа, которую тетушка считаетъ чуть не за святую, никогда не видавъ его, описала наружность и предсказала минуту, когда мы его увидимъ. Какія же могутъ быть возраженія? Судьба моя въ рукахъ тетушки, а она имъ совершенно очарована.

Курчаевъ.

Значитъ, отдадутъ ему васъ, отдадутъ деньги, — добродѣтель награждается, порокъ наказанъ. Съ вашей стороны возраженій нѣтъ, а про меня и говорить нечего: я долженъ въ молчаніи удалиться. Еще съ кѣмъ другимъ я бы поспорилъ, а передъ добродѣтельнымъ человѣкомъ я пасъ; я никогда этимъ не занимался.

Машенька.

Тише! Они идутъ. *(Входятъ Турусина и Глумовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Тѣ же, Турусина и Глумовъ.

(Турусина садится въ кресло. Глумовъ останавливается съ лѣвой стороны и кладетъ руку на спинку кресла. Курчаевъ стоитъ справа, нѣсколько потупившись, въ самой почтительной позѣ. Машенька у стола перелистываетъ книгу.)

Глумовъ.

Когда я почувствовалъ призваніе къ семейной жизни, я взглянулъ на это дѣло серіозно. Жениться для того, чтобы

взять деньги, это не въ моихъ правилахъ — это была бы торговая сдѣлка, а не бракъ — установленіе священное! Жениться по любви... но, вѣдь, любовь чувство преходящее, плотское! Я понялъ, что въ выборѣ подруги на всю жизнь должно быть нѣчто особое, нѣчто роковое для того, чтобы бракъ былъ крѣпокъ. Мнѣ нужно было найти кроткое женское сердце, связать его съ своимъ неразрывными узами; я говорю: судьба, укажи мнѣ это сердце, и я покорюсь твоимъ велѣніямъ. Я вамъ признаюсь, я ждалъ чего-то чудеснаго! Чудеснаго много на свѣтѣ, только мы не хотимъ замѣтить его.

Турусина.

Я сама то же говорю, но не всѣ вѣрятъ. *(Взглядываетъ на Курчаева, тотъ шаркаетъ ногой и кланяется.)*

Глумовъ.

Я ждалъ чуда, и дождался чуда.

Курчаевъ.

Скажите! Дождались. Это чрезвычайно любопытно.

Глумовъ.

Я поѣхалъ къ одной благочестивой женщинѣ.

Курчаевъ.

Не къ Манеоѣ ли?

Глумовъ.

Нѣтъ, къ другой. Я Манеоы не знаю. Только я вошелъ, не успѣлъ промолвить слова, она, даже не видя лица моего — она сидѣла ко мнѣ задомъ — заговорила: „не ты невѣстъ ищешь, онѣ тебя ищутъ. Ступай зажмуривши и найдешь“. Куда итти, говорю, укажите мнѣ! — „Какъ войдешь“, говоритъ, „въ первый незнакомый домъ, гдѣ ты ни разу не бывалъ, тамъ и ищи, тамъ тебя знаютъ!“ Я, знаете ли, сначала удивился и какъ-будто не совсѣмъ повѣрилъ. Поутру она мнѣ это сказала, вечеромъ дядюшка привезъ меня къ вамъ. Тутъ есть невѣста, и тутъ меня знаютъ.

Турусина.

Да, много чудеснаго, но мало избранныхъ...

Курчаевъ.

У насъ тоже, когда мы стояли въ Малороссіи, былъ случай съ однимъ евреемъ...

Турусина.

Вы бы пошли по саду погуляли. *(Курчаевъ шаркаетъ ногой и кланяется.)*

Глумовъ.

Не ясно ли тутъ предопредѣленіе? Я даже не успѣлъ еще хорошенько освѣдомиться о чувствахъ моей невѣсты... *(Машенькѣ.)* Извините, Марья Ивановна! Я довольствовался только ея согласіемъ.

Турусина.

Ничего больше и не нужно.

Глумовъ.

Если я, можетъ быть, не совсѣмъ нравлюсь теперь, такъ понравлюсь послѣ. Такой бракъ долженъ быть счастливъ и благополученъ.

Курчаевъ.

Непремѣнно.

Глумовъ.

Въ этомъ бракѣ нѣтъ людского произвола; слѣдовательно, нѣтъ и ошибки.

Турусина.

Вотъ правила! Вотъ у кого надо учиться, какъ жить. *(Входитъ Григорій.)*

Григорій.

Иванъ Иванычъ Городулинъ.

Турусина.

Я пойду одѣнусь потеплѣе, здѣсь сыро становится. *(Уходитъ.)*

Машенька *(Курчаеву).*

Пойдемте въ садъ. *(Уходятъ въ садъ. Входитъ Городулинъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Глумовъ и Городулинъ.

Городулинъ.

Здравствуйте! Сколько вы денегъ берете?

Глумовъ.

Кажется, двѣсти тысячъ.

Городулинъ.

Какъ же вы это сдѣлали?

Глумовъ.

Да, вѣдь, вы же сами меня рекомендовали; мнѣ Софья Игнатьевна сказывала.

Городулинъ.

Когда же? Да, да, помню! Да какъ же вы поладили съ Турусиной; вѣдь, вы вольнодумецъ?

Глумовъ.

Я съ ней не спорю.

Городулинъ.

А если она вздоръ говоритъ?

Глумовъ.

Ее исправить невозможно. Къ чему же трудиться?

Городулинъ.

Да, такъ вы вотъ какъ! Это хорошо. Вы теперь будете имѣть состояніе. Я васъ въ клубъ запишу.

Глумовъ *(тихо)*.

На-дняхъ будетъ напечатанъ трактатъ Крутицкаго.

Городулинъ.

Неужели? Вотъ бы его отдѣлать хорошенько!

Глумовъ.

Это очень легко.

Городулинъ.

Еще бы, съ вашими способностями. Но вамъ неловко, вы еще очень молодой человѣкъ, можете себѣ повредить. Васъ надо будетъ выгородить. Вы напишете, а ужъ я, такъ и быть, пожертвую собой, выдамъ за свое. Надо ихъ, старыхъ, хорошенько.

Глумовъ.

Надо, надо. Вѣдь, только посмотрите, что пишутъ.

Городулинъ.

Осмѣять надо. Я бы и самъ, да некогда. Очень радъ вашему счастью. Поздравляю! Намъ такіе люди, какъ вы, нужны. Нужны. А то, признаться вамъ, чувствовался недостатокъ. Дѣльцы есть, а говорить некому. Нападутъ старики врасплохъ. Ну, и бѣда. Есть умные изъ молодыхъ людей, да очень молодые, въ разговоръ пустить нельзя, съ ними разговаривать не станутъ. Хоръ-то есть, да запѣвалы нѣтъ. Вы будете запѣвать, а мы вамъ подтягивать. Гдѣ Марья Ивановна?

Глумовъ.

Вонъ, въ саду гуляетъ.

Городулинъ.

Пойду поболтать съ ней. *(Идетъ въ садъ.)*

Глумовъ *(вслѣдъ).*

Я сейчасъ васъ догоню. Кажется, Мамаевы пріѣхали. Какъ я урезонилъ! Мало того, что дала согласіе на мой бракъ, но и сама пріѣхала. Вотъ это мило съ ея стороны. *(Входитъ Мамаева.)*

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Глумовъ и Мамаева.

Мамаева.

Ну, что, нашли?

Глумовъ.

Нѣтъ, Голутвинъ клянется, божится, что не бралъ. Даже слезы на глазахъ у него показались. Я, говоритъ, безъ куска хлѣба останусь, а такой гнусности не сдѣлаю.

Мамаева.

Кому же взять? Потеряли какъ-нибудь.

Глумовъ.

И представить себѣ не могу.

Мамаева.

Найдетъ кто-нибудь и броситъ.

Глумовъ.

Хорошо, какъ броситъ.

Мамаева.

А чего же вы боитесь? Развѣ тамъ было что-нибудь такое?

Глумовъ.

Ничего особеннаго! Сердечныя изліянія, любовныя замѣтки, страстныя тирады, стишки, очи, кудри. Все то, что пишется про себя и что въ чужихъ рукахъ видѣть стыдно.

Мамаева.

Такъ у васъ въ дневникѣ очи да кудри? Ну, такъ не безпокойтесь, никто не обратитъ вниманія. Такихъ дневниковъ бездна. Что же вы здѣсь одни? Гдѣ ваша невѣста?

Глумовъ.

Гуляетъ въ саду съ молодыми людьми. Вотъ вамъ доказательство, что я женюсь не по склонности. Мнѣ нужны деньги, нужно положеніе въ обществѣ. Не все же мнѣ быть милымъ молодымъ человѣкомъ, пора быть милымъ мужчиной. Посмотрите, какимъ молодцомъ я буду, какихъ лошадей заведу. Теперь меня не замѣчаютъ, а тогда всѣ вдругъ заговорятъ: ахъ, какой красавецъ появился! — точно какъ-будто я изъ Америки пріѣхалъ. И всѣ будутъ завидовать вамъ.

Мамаева.

Отчего же мнѣ?

Глумовъ.

Оттого, что я вашъ.

Мамаева.

Да хорошо, если-бъ можно было взять деньги безъ невѣсты, а то у васъ будетъ молодая жена.

Глумовъ.

Это не мѣшаетъ. Я предложилъ руку невѣстѣ, карманъ для денегъ, а сердце остается вамъ.

Мамаева.

Вы опасный человѣкъ, васъ слушаешь, слушаешь, да, пожалуй, и повѣришь.

Глумовъ.

На какихъ рысакахъ я буду подъѣзжать къ вамъ!

Мамаева.

Подъѣзжайте, подъѣзжайте. А теперь, поди́те къ невѣстѣ, не хорошо оставлять ее. Если она вамъ и не нравится, такъ вы хоть для виду, изъ приличія полюбезничайте съ ней.

Глумовъ.

Вотъ вы сами посылаете.

Мамаева.

Ступайте, ступайте! *(Глумовъ уходитъ.)* Какъ онъ торжествуетъ! Погоди, мой другъ, не рано ли ты вздумалъ радоваться! *(Входитъ Курчаевъ.)*

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Мамаева и Курчаевъ.

Мамаева.

Куда вы?

Курчаевъ.

Домой-съ.

Мамаева.

Домой, такой печальный? Погодите, я догадываюсь. *(Курчаевъ кланяется.)* Погодите! я вамъ говорю. *(Курчаевъ кланяется.)* Ахъ, какой противный! Подождите! я вамъ говорю. Мнѣ васъ нужно. *(Курчаевъ кланяется и остается.)* Вы влюблены? *(Курчаевъ кланяется и хочетъ уйти.)* Вы ничего не знаете?

Курчаевъ.

Позвольте мнѣ удалиться.

Мамаева.

Я поѣду домой рано, одна, вы меня проводите. *(Курчаевъ кланяется.)* Что вы всегда молчите? Послушайте, будьте со мной откровенны; я приказываю вамъ, какъ тетка. Вы влюблены, я знаю. Она васъ любитъ? Ну! *(Курчаевъ кланяется.)* Я увѣрена, что любитъ. Не теряйте надежды. Мало ли какіе сюрпризы бываютъ!

Курчаевъ.

Во всякомъ другомъ случаѣ я могъ бы...

Мамаева.

А здѣсь, что же?

Курчаевъ.

Софья Игнатьевна заявляетъ такія требованія...

Мамаева.

Какія?

Курчаевъ.

Я никакъ не могъ ожидать этого. Притомъ же, это несовмѣстно съ моею службой.

Мамаева.

Что несовмѣстно?

Курчаевъ.

Я и воспитаніемъ не приготовленъ...

Мамаева.

Я васъ не понимаю.

Курчаевъ.

Софья Игнатьевна ищетъ для племянницы...

Мамаева.

Ну?

Курчаевъ.

Могъ ли я этого ожидать? Это такъ рѣдко бываетъ...

Мамаева.

Что, что?

Курчаевъ.

Я никогда не слыхивалъ...

Мамаева.

Да объяснитесь хорошенько.

Курчаевъ.

Она ищетъ добродѣтельнаго человѣка.

Мамаева.

Ну, такъ что-жъ?

Курчаевъ.

Я никакихъ добродѣтелей не имѣю

Мамаева.

Какъ никакихъ? Что же, въ васъ только пороки?

Курчаевъ.

Я и пороковъ не имѣю, я просто обыкновенный человѣкъ. Это странно, искать добродѣтельнаго человѣка. Ну, не будь Глумова, гдѣ бы она взяла? Во всей Москвѣ только онъ одинъ и есть. И чудеса съ нимъ бываютъ, и видѣнія онъ видитъ. Ну, позвольте васъ спросить, какъ же можно этого требовать отъ всякаго?

Мамаева.

Погодите, погодите! Можетъ быть, это еще и лучше не имѣть добродѣтелей, но не имѣть и пороковъ! *(Входитъ изъ сада Машенька.)*

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Мамаева, Курчаевъ, Машенька, *потомъ* Турусина, Мамаевъ *и* Крутицкій.

Мамаева.

Поздравляю васъ! Вы съ каждымъ днемъ все больше расцвѣтаете. Очень рада вашему счастію.

Машенька.

Въ господинѣ Глумовѣ такъ много хорошихъ качествъ, мнѣ становится страшно, я не считаю себя достойною такого мужа.

Мамаева.

Гдѣ же и искать добродѣтелей, какъ не въ вашемъ домѣ? Вы можете пользоваться и наставленіемъ, и примѣромъ отъ вашей тетушки.

Машенька.

Я ей очень благодарна! Добродѣтельной быть, дѣйствительно, очень недурно, но изъ всѣхъ добродѣтелей я могу похвалиться только одною: послушаніемъ. *(Входятъ Турусина, Мамаевъ и Крутицкій.)*

Мамаевъ *(Крутицкому).*

Въ принципѣ я съ вами согласенъ, но въ подробностяхъ нѣтъ.

Крутицкій.

Да почему же?

Мамаевъ.

Зачѣмъ непремѣнно трагедія, отчего не комедія?

Крутицкій.

А затѣмъ, что комедія изображаетъ низкое, а трагедія высокое, а намъ высокое-то и нужно.

Мамаевъ.

Да, но позвольте! Разсмотримъ этотъ предметъ со всѣхъ сторонъ. *(Отходятъ въ глубину.)*

Турусина *(Мамаевой).*

У насъ теперь принято не вѣрить ничему, это въ модѣ; только и слышишь, зачѣмъ вы пускаете къ себѣ Манеоу, она обманщица. Вотъ бы я и пригласила господъ невѣрующихъ посмотрѣть, какая она обманщица. Я очень рада за нее; она теперь войдетъ въ моду, получитъ большую практику. И мнѣ Москва должна быть благодарна, что я нашла такую женщину; я этимъ много для Москвы сдѣлала.

Мамаевъ.

Но гдѣ же вашъ женихъ? Я его не вижу.

Турусина.

Машенька, гдѣ Егоръ Дмитричъ?

Машенька.

Онъ въ саду съ Городулинымъ.

Турусина.

По рекомендаціямъ всѣхъ моихъ знакомыхъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ, я уже ожидала, что встрѣчу примѣрнаго молодого человѣка. Но когда я познакомилась съ Егоромъ Дмитричемъ покороче, тутъ я увидала, что онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія.

Мамаевъ *(подходя).*

Кто это превзошелъ всѣ ожиданія?

Турусина.

Вашъ племянникъ.

Мамаевъ.

Я зналъ, что вы будете меня благодарить за него. Знаю, кому что нужно, знаю. Не сталъ сватать ему другую невѣсту, прямо къ вамъ.

Турусина.

Вамъ бы грѣшно было; вы знаете, я сирота.

Крутицкій.

Да, Глумовъ можетъ далеко пойти.

Мамаевъ.

Разумѣется, съ нашею помощью. *(Входитъ Григорій.)*

Турусина.

И за что мнѣ такое счастіе? Развѣ за мои... *(Григорію.)* Что тебѣ? Развѣ за мои добрыя дѣла? *(Человѣкъ подаетъ конвертъ.)* Что это такое? *(Распечатываетъ.)* Какая-то газета! Должно быть, не ко мнѣ.

Мамаевъ *(беретъ конвертъ).*

Нѣтъ, къ вамъ. Вотъ видите, адресъ.

Турусина.

Это, должно быть, ошибка. Кто принесъ?

Григорій.

Почтальонъ-съ.

Турусина.

Гдѣ онъ?

Григорій.

Онъ давно ушелъ-съ.

Мамаевъ.

Дайте-ка сюда. Я вамъ разберу и объясню. *(Беретъ конвертъ и вынимаетъ изъ него печатный листъ.)* Во-первыхъ, газета, да и не газета, а только одинъ листъ изъ газеты, одна статья.

Турусина.

Но, вѣдь, это не изъ редакціи?

Мамаевъ.

Нѣтъ, кто-нибудь изъ знакомыхъ прислалъ.

Турусина.

Что же такое тамъ?

Мамаевъ.

А вотъ сейчасъ разсмотримъ. Статья называется: „Какъ выходятъ въ люди“.

Турусина.

Это до насъ не касается. Бросьте.

Мамаевъ.

Зачѣмъ же? Надо посмотрѣть. Вотъ и портретъ съ подписью: „Мужъ, какихъ мало“. Ба, ба, ба! Да это Егоръ Дмитричъ!

Мамаева.

Покажите сюда, это интересно. *(Мамаевъ отдаетъ газету.)*

Турусина.

Это какая-нибудь гнусная интрига; у него, должно быть, много враговъ. *(Мамаевъ косо взглядываетъ на Курчаева.)*

Курчаевъ.

Вы не меня ли подозрѣваете? Я въ живописи не мастеръ, только васъ и умѣю рисовать.

Мамаевъ *(строго).*

Да, да. Я знаю.

Мамаева.

Тотъ, кто писалъ эту статью, долженъ очень хорошо знать Егора Дмитрича: тутъ всѣ малѣйшія подробности его жизни, если это только не выдумки.

Мамаевъ *(вынимаетъ изъ конверта тетрадь).*

Вотъ еще что-то.

Крутицкій.

Это его рука, я къ ней приглядѣлся. Его, его! Чѣмъ хотите отвѣчаю!

Мамаевъ.

Да, это его рука, а вотъ подпись другой рукой: „Въ доказательство того, что все въ статьѣ справедливо, прилагается сей дневникъ". Что намъ читать: статью или дневникъ?

Крутицкій.

Лучше ужъ оригиналъ.

Мамаевъ.

Начнемъ съ той страницы, которая заложена закладкой. Тутъ счетъ. „Манеоѣ двадцать пять руб., ей же еще двадцать пять руб... Дура набитая, а берется предсказывать! Училъ, училъ, насилу наладилъ. Ей же послано: бутылка рому. Ей же дано на дому у меня пятнадцать руб... Очень непріятно, что такимъ прибыльнымъ ремесломъ занимаются глупые люди. Любопытно узнать, что она возьметъ съ Турусиной; спросить послѣ! Двумъ приживалкамъ Турусиной за гаданье на картахъ и за разсказыванье сновъ, въ которыхъ онѣ должны видѣть каждый день меня, по семи руб. съ полтиной и по серебряной табакеркѣ, десять рублей за обѣ".

Турусина *(нюхая спиртъ)*.

Всѣхъ прогоню, всѣхъ! Злой быть грѣшно, а доброй глупо! Какъ жить послѣ этого?

Мамаева.

Не жалуйтесь, не васъ одинъ обманываютъ.

Мамаевъ.

„За три анонимныхъ письма къ Турусиной пятнадцать коп.. "

Машенька.

Такъ вотъ откуда письма-то, ma tante!

Турусина.

Вижу, мой другъ. Извини меня. Я очень дурно сдѣлала, что взяла на себя заботу устроить твою судьбу; я вижу, что это мнѣ не по уму и не по силамъ. Располагай собой, какъ хочешь, я тебѣ мѣшать не буду.

Машенька *(тихо)*.

Мой выборъ ужъ сдѣланъ, ma tante.

Турусина.

И прекрасно! Въ немъ ты не обманешься, потому что онъ ничего хорошаго и не обѣщаетъ. *(Курчаевъ кланяется.)* А этихъ приживалокъ я прогоню непремѣнно.

Крутицкій.

И заведете себѣ другихъ?

Турусина.

Не знаю.

Мамаевъ.

Прикажете продолжать?

Турусина.

Ужъ теперь продолжайте, все равно.

Мамаевъ.

„Человѣку Мамаева за то, что привезъ ко мнѣ своего барина обманомъ, пользуясь его слабостью къ отдающимся внаймы квартирамъ — этому благодѣтелю моему три рубля. Чувствую, что мало". Тутъ дальше разговоръ со мной, совсѣмъ неинтересный. „Первый визитъ Крутицкому. Муза! Воспоемъ доблестнаго мужа и его прожекты. Нельзя довольно налюбоваться тобой, маститый старецъ! Повѣдай намъ, повѣдай міру, какъ ты ухитрился, доживъ до шестидесятилѣтняго возраста, сохранить во всей неприкосновенности умъ шестилѣтняго ребенка?"

Крутицкій.

Ну, довольно! это пасквиль... Кому пріятно?...

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же *и* Городулинъ, *потомъ* Глумовъ.

Мамаевъ *(не замѣчая Городулина).*

Позвольте, тутъ я вижу нѣсколько словъ о Городулинѣ. „Городулинъ въ какомъ-то глупомъ спорѣ о рысистыхъ лошадяхъ однимъ господиномъ названъ либераломъ; онъ такъ этому названію обрадовался, что три дня по Москвѣ ѣздилъ и всѣмъ разсказывалъ, что онъ либералъ. Такъ теперь и числится". А, вѣдь, похоже?

Крутицкій.

Похоже! Вы про себя-то прочтите, похоже ли написано?

Городулинъ.

Вы находите, что похоже?

Мамаевъ.

Ахъ, Иванъ Иванычъ! Я васъ и не примѣтилъ. Посмотрите, какъ насъ тутъ расписали.

Городулинъ.

Кто же этотъ современный Ювеналъ?

Мамаевъ.

Мой племянникъ, Глумовъ.

Турусина.

Отдайте, Иванъ Иванычъ, эту рукопись автору и попросите его, чтобы онъ удалился незамѣтно. *(Входитъ Глумовъ; Городулинъ почтительно подаетъ ему дневникъ.)*

Глумовъ *(принимая дневникъ).*

Зачѣмъ же незамѣтно? Я ни объясняться, ни оправдываться не стану. Я только скажу вамъ, что вы сами скоро пожалѣете, что удалили меня изъ вашего общества.

Крутицкій.

Милостивый государь, наше общество состоитъ изъ честныхъ людей.

Всѣ.

Да, да, да!

Глумовъ *(Крутицкому).*

А вы сами, ваше превосходительство, догадались, что я нечестный человѣкъ? Можетъ быть, вы вашимъ проницательнымъ умомъ убѣдились въ моей нечестности тогда, какъ я взялся за отдѣлку вашего трактата? Потому что, какой же образованный человѣкъ возьмется за такую работу? Или вы увидали мою нечестность тогда, когда я въ кабинетѣ у васъ раболѣпно восторгался самыми дикими вашими фразами и холопски унижался передъ вами? Нѣтъ, вы тогда готовы были расцѣловать меня. И не попадись вамъ этотъ несчастный дневникъ, вы долго, долго, всегда считали бы меня честнымъ человѣкомъ.

Крутицкій.

Оно конечно, но...

Глумовъ *(Мамаеву).*

Вы, дядюшка, тоже догадались сами, а? Не тогда ли, какъ

вы меня учили льстить Крутицкому?... Не тогда ли, какъ вы учили ухаживать за вашей женой, чтобы отвлечь ее отъ другихъ поклонниковъ, а я жеманился да отнѣкивался, что не умѣю, что мнѣ совѣстно? Вы видѣли, что я притворяюсь, но вамъ было пріятно, потому что я давалъ вамъ просторъ учить меня уму-разуму. Я давно умнѣе васъ, и вы это знаете, а когда я прикинусь дурачкомъ и стану просить у васъ разныхъ совѣтовъ, вы рады-радехоньки и готовы клясться, что я честнѣйшій человѣкъ.

Мамаевъ.

Ну, что̀ намъ съ тобой считаться — мы свои люди.

Глумовъ.

Васъ, Софья Игнатьевна, я, точно, обманулъ, и передъ вами я виноватъ, то-есть, не передъ вами, а передъ Марьей Ивановной, а васъ обмануть не жаль. Вы берете съ улицы какую-то полуньяную крестьянку и по ея слову послушно выбираете мужа для своей племянницы. Кого знаетъ ваша Манеоа, кого она можетъ назвать? Разумѣется, того, кто ей больше денегъ дастъ. Хорошо, что еще попался я, Манеоа могла бы вамъ сосватать какого-нибудь бѣглаго, и вы бы отдали, что̀ и бывало.

Турусина.

Я знаю одно, что на землѣ правды нѣтъ, и съ каждымъ днемъ все больше въ этомъ убѣждаюсь.

Глумовъ.

Ну, а вы, Иванъ Ивановичъ?

Городулинъ.

Я ни слова. Вы прелестнѣйшій мужчина! Вотъ вамъ рука моя. И все, что̀ вы говорили про насъ, то-есть, про меня — про другихъ я не знаю — правда совершенная.

Глумовъ.

Я вамъ нуженъ, господа. Безъ такого человѣка, какъ я, вамъ нельзя жить. Не я, такъ другой будетъ. Будетъ и хуже меня, и вы будете говорить: эхъ, этотъ хуже Глумова, а все-таки, славный малый. *(Крутицкому.)* Вы, ваше превосходительство, въ обществѣ человѣкъ, что̀ называется, обходительный; но когда въ кабинетѣ съ глазу на глазъ съ вами молодой человѣкъ стоитъ на вытяжку и, униженно поддакивая,

послѣ каждаго слова говоритъ „ваше превосходительство", у васъ по всѣмъ членамъ разливается блаженство. Дѣйствительно честному человѣку вы откажете въ протекціи, а за того поскачете хлопотать сломя голову.

Крутицкій.

Вы слишкомъ злоупотребляете нашею снисходительностію.

Глумовъ.

Извините, ваше превосходительство! *(Мамаеву.)* Вамъ, дядюшка, я тоже нуженъ. Даже прислуга ни за какія деньги не соглашается слушать вашихъ наставленій, а я слушаю даромъ.

Мамаевъ.

Довольно! Если ты не понимаешь, мой милый, что тебѣ здѣсь оставаться долѣе неприлично, такъ я тебѣ растолкую...

Глумовъ.

Понимаю. И вамъ, Иванъ Иванычъ, я нуженъ.

Городулинъ.

Нуженъ, нуженъ.

Глумовъ.

И умныхъ фразъ позаимствоваться для спича...

Городулинъ.

И умныхъ фразъ для спича.

Глумовъ.

И критику вмѣстѣ написать.

Городулинъ.

И критику вмѣстѣ написать.

Глумовъ.

И вамъ, тетушка, нуженъ.

Мамаева.

Я и не спорю, я васъ и не виню ни въ чемъ.

Крутицкій *(Мамаеву).*

Я, знаете ли, въ немъ сразу замѣтилъ...

Мамаевъ *(Крутицкому).*

И я сразу. Въ глазахъ было что-то.

Глумовъ.

Ничего вы не замѣтили. Васъ возмутилъ мой дневникъ. Какъ онъ попалъ къ вамъ въ руки — я не знаю. На всякаго

мудреца довольно простоты. Но знайте, господа, что пока я былъ между вами, въ вашемъ обществѣ, я только тогда и былъ честенъ, когда писалъ этотъ дневникъ. И всякій честный человѣкъ иначе къ вамъ относиться не можетъ. Вы подняли во мнѣ всю желчь. Чѣмъ вы обидились въ моемъ дневникѣ? Что вы нашли въ немъ новаго для себя? Вы сами то же постоянно говорите другъ про друга, только не въ глаза. Если-бъ я самъ прочелъ вамъ, каждому отдѣльно, то, что про другихъ писано, вы бы мнѣ апплодировали. Если кто имѣетъ право обижаться, сердиться, выходить изъ себя, бѣситься, такъ это я. Не знаю кто, но кто-нибудь изъ васъ, честныхъ людей, укралъ мой дневникъ. Вы у меня разбили все: отняли деньги, отняли репутацію. Вы гоните меня и думаете, что это все, — тѣмъ дѣло и кончится. Вы думаете, что я вамъ прощу. Нѣтъ, господа, горько вамъ достанется. Прощайте! *(Уходитъ. Молчаніе.)*

Крутицкій.

А вѣдь, онъ, все-таки, господа, что ни говори, дѣловой человѣкъ. Наказать его надо; но, я полагаю, черезъ нѣсколько времени можно его опять приласкать.

Городулинъ.

Непремѣнно.

Мамаевъ.

Я согласенъ.

Мамаева.

Ужъ это я возьму на себя.

PG
3337
08
1896
v.5=6

Ostrovskiĭ, Aleksandr Nikolaevich
Sochineniiâ. Izd. 10.
v. 5=6

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY